

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN
AND AFRICAN STUDIES

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

Том 2
часть 1

XXXI конгресс по ИИСАА

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

*Санкт-Петербургский
государственный университет
23–25 июня 2021 г.*

Санкт-Петербург
2022

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA**

Vol. 2
part 1

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

*St Petersburg University
23–25 June, 2021*

St Petersburg
2022

ББК 63.3(5)+63.(6)
УДК 930 (5+6)
Р 93

Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток: к 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. Том 2 (часть 1). Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова, СПбГУ, 2022. — 400 с.

Proceedings of the XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. Vol. 2 (part 1) / Ed. by Nikolay N. Dyakov, Polina I.Rysakova. – St Petersburg: NP-Print Publishers, 2022. — 400 p.

ISBN 978-5-6048982-2-2
ISBN 978-5-6048982-3-9– (часть 1)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Африканистика

Herman Bell, University of Exeter, UK.

Желтов Александр Юрьевич, Восточный факультет СПбГУ.

Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия

Джандосова Заринэ Алиевна, Восточный факультет СПбГУ.

Дьяков Николай Николаевич, Восточный факультет СПбГУ.

Кныш Александр Дмитриевич, Отделение ближневосточных исследований, Мичиганский университет, Анн-Арбор, США; СПбГУ.

Матвеев Александр Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

Пелевин Михаил Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ.

Пиотровский Михаил Борисович, Восточный факультет СПбГУ; Государственный Эрмитаж.

Ястребова Ольга Михайловна, Восточный факультет СПбГУ; отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия

Гурьева Анастасия Александровна, Восточный факультет СПбГУ.

Колотов Владимир Николаевич, Восточный факультет СПбГУ.

Маяцкий Дмитрий Иванович, Восточный факультет СПбГУ.

Самойлов Николай Анатольевич, Восточный факультет СПбГУ.

Сторожук Александр Георгиевич, Восточный факультет СПбГУ.

EDITORIAL BOARD

African Studies

Herman Bell, University of Exeter, UK.

Alexander Yu. Zheltov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Middle East, Caucasus and Central Asia

Zarine A. Dzhandosova, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Nikolay N. Dyakov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander D. Knysh, Department of Middle East Studies, University of Michigan, Ann Arbor, USA; St Petersburg University, Russia.

Alexander S. Matveev, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail S. Pelevin, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Mikhail B. Piotrovsky, FAAS, St Petersburg University; The State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia.

Olga M. Yastrebova, FAAS, St Petersburg University; Manuscripts Department, National Library of Russia, St Petersburg, Russia.

Far East, South and South-East Asia

Anastasia A. Guryeva, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Vladimir N. Kolotov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Dmitrii I. Maiatskii, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Nikolay A. Samoylov, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Alexander G. Storozhuk, FAAS, St Petersburg University, Russia.

Оглавление

Предисловие к сборнику	9
СЕКЦИЯ 1. Источниковедение и историография стран Ближнего Востока	13
Крылов А.В. (МГИМО). Православный Палестинский сборник – бесценный источник по истории стран Восточного Средиземноморья и христианского мира.....	14
Люльчак А.С. (НИУ ВШЭ). Образ «врага» в кемалистской карикатуре (по материалам журналов «Смеющееся лицо» [Güleyüz] и «Черноглазый» [Karagöz]).....	25
Пумпян Г.З. (БАН РАН). Записки русских путешественников на восток в новое время и их библиографическое обеспечение	43
Рыженкова Т.А. (СПбГУ). Традиция отправки махмала из Египта в Мекку в XIII–XX вв.	63
Popov V.A. (SPbU). Kinship and genealogy in theory of social solidarity of Ibn Khaldun.....	81
СЕКЦИЯ 2. Источниковедение и историография Афганистана и Ирана.....	91
Гезалова Н. (Институт истории НАН Азербайджана). О символах власти государства Надир шаха Афшара	92
Джандосова З.А. (СПбГУ). Мемуары Шаха Шуджа Дуррани: предыстория печального финала	109
Дроздов В.А. (СПбГУ). Об авторстве коротких поэм, приписываемых персидскому поэту XII в. Санā'й.....	130
Павлова И.К. (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна). О начале морских пассажирских и коммерческих перевозок по Каспию.....	146
Штых Ю.Г. (СПбГУ). Философия антизападничества в путевых заметках Джалал Але Ахмада о Советской России	159
СЕКЦИЯ 3. Источниковедение и историография Центральной Азии	177
Аманжолова Д.А. (ИРИ РАН). Некоторые проблемы изучения советского национализма в Центральной Азии	178
Брежнева С.Н. (ЛГУ). Историко-археологические исследования Е.Ф. Каля в Туркестане (1887–1891).....	195

Гордеева П.В. (СПбГУ). Обзор основных источников о жизни и судьбе Арынгазы Абилгазы-улы 210

Юсупова С.А. (ГУАГН). Делопроизводственная документация органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX – начала XX в. 220

СЕКЦИЯ 4. Источниковедение и историография Индии и Юго-Восточной Азии.....233

Возчиков Д.В. (УрФУ). Гуджаратский султанат в отчете венецианского путешественника второй половины XVI в. 234

Колотов В.Н. (СПбГУ). История первой Индокитайской войны через призму судьбы Костаса Сарантидиса (Nguyễn Văn Lật)..... 251

Котин И.Ю. (МАЭ (Кунсткамера) РАН, СПбГУ), Лемешкина К.В. (МАЭ (Кунсткамера) РАН). Трансформация сикхской идентичности в свете труда Х.С. Обероя «The Construction of Religious Boundaries» 265

Москалев П.Э. (СПбГУ). Роль короля Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в. 280

СЕКЦИЯ 5. Источниковедение и историография Китая и Монголии.....291

Silvia Picchiarelli Everyday. (“Sapienza” University of Rome). Forms of Peasant Resistance” in Chinese Contemporary Historiography: A Critical Perspective 292

Zavidovskaya E.A. (Institute of China and Modern Asia RAS), Vinogradova T.I. (Russian Academy of Sciences Library). The Diversity of Popular Prints Produced in Late Qing Beijing..... 311

Донская А.Е. (СПбГУ). Национальный кризис и подъём китайской исторической географии 328

Иванова Е.В. (МАЭ (Кунсткамера) РАН). О собирателях скульптурных изображений буддийских божеств, хранящихся в Дальневосточном фонде МАЭ РАН 346

Москалева Н.Н. (СПбГУ). «Воображаемый» Тибет в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг. 366

Перминова В.А. (ИВ РАН). «Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае в 1980-е годы 382

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ

Готовясь вскоре отметить 300-летие своего основания (1724) в эпоху петровских преобразований, Санкт-Петербургский университет и сегодня остается одним из ведущих мировых центров академического востоковедения и африканистики.

Вот уже шесть последних десятилетий на Восточном факультете ЛГУ/СПбГУ проходят уникальные в своем роде научные форумы, посвященные проблемам источниковедения и историографии истории стран Азии и Африки (ИИИСАА). Первые такие встречи, прошедшие в начале 60-х годов прошлого века, были организованы по инициативе и при участии таких корифеев отечественной науки, как И. А. Орбели и Б. Б. Пиотровский, Н. В. Пигулевская и И. П. Петрушевский, А. Д. Новичев, Л. В. Строева, Г. В. Ефимов, Г. Я. Смолин, А. Д. Желтяков, и многих других замечательных представителей ленинградского / петербургского университетского востоковедения и африканистики.

Инициированные некогда как межвузовские научно-методические конференции, историографические встречи, проводимые на базе Восточного факультета СПбГУ, заслуженно приобрели сегодня статус крупнейших в нашей стране международных конгрессов востоковедов и африканистов, раз в два года, в режиме биеннале, объединяющих сотни (до 500–600) участников из университетов и академических институтов РФ и стран Европы, Азии и Африки.

Состоявшийся в июне 2021 г. в СПбГУ очередной, 31-й международный конгресс по источниковедению и историографии народов Азии и Африки, был посвящен 100-летию становления в новейшее время политических и культурных контактов нашей страны со странами зарубежной Азии. Как известно, этот вековой исторический этап был отмечен многими значимыми событиями и процессами в развитии отечественной науки. Состоявшиеся в рамках прошедшего форума дискуссии и выступления сотен участников, представлявших ведущие научные центры РФ из более чем двух десятков стран ближнего и дальнего зарубежья, подтвердили актуальность затронутых проблем ИИИСАА для всего комплекса современных гуманитарных и общественных наук.

Вслед за 2-томным изданием материалов этого конгресса, объединившего почти полтысячи участников, выступавших как в оффлайн, так и в онлайн режиме, оргкомитет форума подготовил к печати сборник отдельных докладов, представленных авторами в соответствии с действующими издательскими требованиями. Круг этих работ в целом отражает общую проблематику наших последних конференций по историографии Востока.

Предлагаемый читателю сборник объединил 57 работ по разным аспектам востоковедения и африканистики. Так, в разделах историографии и источниковедения стран Ближнего и Среднего Востока представлены 12 публикаций с материалами по арабским странам, Ирану и Афганистану, а также 4 статьи по историографии Центральной Азии (руководитель — к. и. н. З. А. Джандосова).

Второй по числу участников раздел объединил 8 публикаций ученых-африканистов, которые были подготовлены и представлены на ставшей уже традиционной секции «Чтения памяти Д.А. Ольдерогге» (руководитель — проф. А.Ю. Желтов).

Актуальные проблемы историографии стран Южной и Юго-Восточной Азии нашли отражение в соответствующем разделе, где, в частности, представлены публикации по Индокитаю, подготовленные В.Н. Колотовым и П.Э. Москалевым, а также по индийской тематике, подготовленные И.Ю. Котиным и Д.В. Возчиковым.

Историографии и источниковедению Китая посвящены статьи пяти активных участниц состоявшихся встреч, в том числе работы А.Е. Донской и А.М. Медведевой из СПбГУ, Е.А. Завидовской (БГУ), В.А. Перминовой (ИВ РАН), а также коллеги из Италии Сильвии Пиччиарелли.

Надеемся, немалый интерес читателя вызовет раздел сборника, посвященный историографии истории Древнего Востока, посвященный памяти академика В.В. Струве и объединивший работы исследователей из СПбГУ (А.Е. Демидчик, А.В. Немировская, М.Д. Лопатин), из Государственного Эрмитажа (М.В. Сологубова) и Казанского федерального университета (Э.В. Рунг).

Секция монголоведения, тибетологии и буддологии представлена публикациями Е.В. Ивановой (МАЭ им. Петра Великого — Кунсткамера, РАН) и Н.Н. Москалевой (СПбГУ).

В последние годы проходящий на Восточном факультете СПбГУ конгресс по источниковедению и историографии заметно расширил круг обсуждаемых проблем за счет открытия секций, посвященных языкам и литературам Востока. Традиции устного и письменного творчества народов столь обширного историко-культурного ареала содержат колоссальный по значимости материал, помогающий раскрыть многие аспекты их тысячелетней истории и культуры. Секция «Языки стран Азии и Африки» нашла отражение в серии публикаций ученых из СПбГУ, Дальневосточного федерального университета и НИУ ВШЭ (Е.Н. Емельченкова, Е.А. Костина, Е.П. Лекарева, А.Н. Сбоев и Н.Ф. Клобукова (Голубинская)).

Все больший интерес не только участников наших историографических форумов, но и в целом широкой аудитории вызывают заседания тематических «круглых столов», как правило, сопровождающиеся яркой дискуссией по актуальным вопросам современного востоковедения и африканистики.

В сборнике представлены материалы трех таких круглых столов. Это, в первую очередь, работы секции «Россия и Восток: современное состояние системы дуг нестабильности», в очередной раз проводившейся под руководством проф. В.Н. Колотова.

Не менее острую дискуссию вызвали материалы круглого стола, посвященного актуальной не только для востоковедов теме: «Политика и традиционализм в странах Азии и Африки» (руководитель — проф. В.В. Бочаров).

Новым для наших историографических встреч стал круглый стол на тему: «Курдский вопрос: история и современность», состоявшийся во многом благодаря усилиям к.и.н. А.О. Победоносцевой и включивший сообщения исследователей из Санкт-Петербурга и Стамбула.

К сожалению, по вполне понятным объективным причинам, прежде всего организационного характера, этот сборник не смог включить еще сотни докладов конгресса 2021 года, показавшего высокий уровень развития, разнообразие методов и концепций источниковедческого и историографического анализа в современном российском востоковедении и африканистике.

Историческое наследие народов Азии и Африки сегодня, как никогда, является важнейшей сферой гуманитарных и социальных исследований в университетах нашей страны, веками граничившей со странами Востока и по-прежнему открытой для широкого взаимодействия.

СЕКЦИЯ 1.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Православный Палестинский сборник – бесценный источник по истории стран Восточного Средиземноморья и христианского мира¹

Аннотация: Православный Палестинский Сборник был и остается до настоящего времени основным научным изданием Императорского Православного Палестинского Общества. Всего с 1881 г. по 1917 г. было издано 63 выпуска ППС. В 1954 г. издание было возобновлено Российским палестинским обществом под названием «Палестинский сборник», и только после распада СССР этот уникальный научный журнал вновь стал издаваться под своим первоначальным названием. Сразу после выхода в свет первого выпуска в 1881 г. сборник привлек к себе внимание наиболее авторитетных русских историков, славистов, востоковедов, географов, лингвистов, научные интересы, которых были связаны с изучением историко-культурного наследия христианского Востока и Православия. Основное предназначение этой статьи заключается в том, чтобы на основе анализа всех научных трудов и материалов, опубликованных в ППС, подчеркнуть широту научных задач и проблем, которые решались российскими учеными и просветителями на рубеже XIX–XX столетий. Основное место в публикациях журнала отводилось исследованиям в области библейской, христианской и церковно-православной истории, но наряду с этим в ППС было издано немало научных работ по палестиноведению, византиноведению, арабистике, исламоведению, семитологии, этнографии, географии, топографии, археологии и даже по медицине. До 1917 г. в научно-исследовательской деятельности Палестинского общества четко обозначились три основных направления: 1) проведение археологических раскопок в Палестине; 2) организация путешествий в страны Восточного Средиземноморья для сбора географических и этнографических данных, а также поисковых работ по выявлению древних рукописей; 3) систематизация, описание и научная обработка древнехристианских рукописей и других исторических памятников.

Ключевые слова: источниковедение, Императорское Православное Палестинское Общество, Православный палестинский сборник, византиноведение, палестиноведение, библеистика, история Православия, Святая земля

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и ИППО, проект № 21–014–41001 «Иерусалим и Святая Земля в ретроспективе российской внешней политики на Православном Востоке».

Alexander V. Krylov

MGIMO, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Orthodox Palestinian Anthology is an invaluable source for the history of the Eastern Mediterranean and the Christian world

Summary: The Orthodox Palestinian Anthology had been and continued to be the main academic edition of the Imperial Orthodox Palestine Society. In total, 63 volumes were published from 1881 to 1917. In 1954, the publication was resumed by the Russian Palestinian Society under the name “Palestinian Anthology”, and only after the disintegration of the Soviet Union this unique scientific journal was re-issued again under its original name. Immediately after the publication of the first volume in 1881, the Anthology attracted the attention of the most authoritative Russian historians, slavists, orientalists, geographers, linguists whose area of scientific research was associated with the study of the historical and cultural heritage of the Christian East and Orthodoxy. The main purpose of this article is basing on the analysis of all research works and materials published in the Anthology, to emphasize the scale of tasks and problems addressed by the Russian scientists and enlighteners at the turn of the XIX–XX centuries. The Journal’s publications placed a premium on the research in the field of Biblical, Christian and Orthodox Church history but along with this the Anthology published a lot of scientific works related to Palestinian studies, Byzantine studies, Arabic studies, Islamic studies, Semitology, ethnography, geography, topography, archeology and even — medicine. This article shows that in the publishing activity of the Orthodox Palestinian Anthology before 1917 three main directions were clearly identified: 1) conducting archaeological excavations in Palestine; 2) the organization of travel to the countries of the Eastern Mediterranean to collect geographic and ethnographic data as well as search work to identify ancient manuscripts; 3) the systematization, description and scientific processing of ancient Christian manuscripts and other historical monuments.

Keywords: Source criticism, the Imperial Orthodox Palestinian Society, the Orthodox Palestinian Anthology, Byzantine studies, Palestinian studies, Biblical studies, history of Orthodoxy, the Holy Land

Основатель и руководитель Императорского Православного Палестинского Общества Василий Николаевич Хитрово считал научную и издательскую работу основной деятельностью ИППО. Еще за год до учреждения Общества в 1881 г. на его личные средства был отпечатан первый выпуск Православного палестинского сборника (далее — ППС). В этом выпуске был опубликован развернутый отчет о состоянии Православной церкви, деятельности иных церквей и конфессий на Святой земле, а главное — в нем содержался призыв к созданию общества под покровительством царской семьи, перед которым ставились три основные задачи: поддержание Православия и православной общины на земле, где зародилось христианство, содействие и помощь православному паломническому движению, развитие научно-исследовательской и просветительской деятельности, связанной с изучением истории, этнографии, археологии, религии, языков и культуры Палестины и других стран Восточного Средиземноморья [Хитрово, 1881]. С содержанием первого номера сборника была ознакомлена царская семья, которая единодушно поддержала проект В.Н. Хитрово, а брат императора, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, был официально провозглашен первым председателем ИППО². После трагической кончины великого князя Сергея Романова его супруга великая княгиня Елизавета Федоровна, герцогиня Дармштадтская и внучка английской королевы Виктории, перешедшая после замужества и переезда в Россию из протестантизма в православие, унаследовала председательство в ИППО³.

Усиление российского влияния в Палестине и на Синае, ставшее следствием победы России в войне 1828–1829 гг. с Турцией, имело важное значение для ознакомления русских ученых со странами Ближнего Востока. В целях изучения истории, экономики, культуры, этнографических и географических особенностей Палестины и других стран Восточного Средиземноморья в разные годы отправлялись экспедиции А.Н. Муравьева (брат Александра Николаевича Муравьева, одного из основателей декабристского движения), А.С. Норова, Д.Д. Смышляева, А.В. Елисеева, К. Бронникова и др. Говоря о научных экспедициях, организованных ИППО, нельзя не упомянуть имени замечательного русского путешественника, врача Александра Васильевича Елисеева. За свою короткую жизнь (скончался в возрасте тридцати семи лет) он совершил пять путешествий на Ближний Восток и написал более ста научных работ. Во время своих многочисленных поездок на Восток А.В. Елисеев посетил Палестину, Сирию, Ливан, Тунис,

² Великий князь Сергей Александрович был убит на территории московского Кремля 4 февраля 1905 г. членом боевой организации эсеров И.П. Каляевым.

³ После гибели мужа великая княгиня Елизавета Федоровна приняла монашество и жила в Марфо-Мариинской женской обители. Она была арестована и приняла мученическую смерть вместе с другими членами Дома последнего российского императора Николая II. По распоряжению адмирала А.В. Колчака и стараниями внучки королевы Виктории, маркизы Милфорд-Хейвен, мощи великой княгини и ее постоянной спутницы и помощницы сестры Варвары были перевезены через Шанхай и Суэц в Палестину и захоронены под сводом столь любимой ею Гефсиманской церкви Св. Марии Магдалины в январе 1920 г.

Египет, Судан и Эфиопию. Он прошел через Ливийскую и Аравийскую пустыни, пересек по суше Малую Азию от побережья Средиземного моря до берегов Черного моря. Первое свое путешествие А.В. Елисеев совершил под влиянием идей В.Н. Хитрово, еще будучи студентом Российской военно-морской академии. Объехав многие города Египта, он отправился из Каира на Синайский полуостров, где от монастыря Св. Екатерины осуществил труднейший пеший переход в Палестину через каменистую Аравийскую пустыню. Материалы экспедиции с описанием особенностей Аравии, а также медицинскими наблюдениями пандемии холеры, вспыхнувшей в это время в Египте, были опубликованы во втором выпуске ППС [Елисеев, 1883].

Первостепенное внимание ИППО уделяло поиску, анализу, переводу и научному комментированию древних рукописей, найденных в монастырях Палестины и Синайском монастыре Св. Екатерины. Для поиска рукописей на Восток были командированы известные отечественные византилисты и библеисты А.А. Васильев, князь И.А. Джавахов, магистр всеобщей истории Санкт-Петербургского университета П.В. Безобразов, профессор этого же университета А.А. Цагарели, востоковед Н.Я. Марр (акад. АН СССР) и др.

Следует упомянуть что еще в 1845 г. рукописи Синайского монастыря стал изучать настоятель русской посольской церкви в Вене архимандрит, первый глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. Порфирий (в миру Успенский). «Он был хорошо высокообразованным священнослужителем, и его основная идея заключалась в том, что никакая церковная политика на Востоке невозможна без серьезного изучения истории и археологии Восточного христианства» [Gerd 2018: 93]. О. Порфирий собрал и привез в Россию ценную коллекцию древнехристианских рукописей и икон. К сожалению, часть этого собрания была утеряна в годы Гражданской войны, в том числе древнейшая икона Св. Пантелеймона (VI в.). Особенно печальна судьба обнаруженного им в библиотеке монастыря Синайского Кодекса — самого древнего из всех известных текстов Нового Завета. В отличие от Кодекса Ватикануса, датируемого V в., Синайский Кодекс, помимо евангельского текста, содержит две апокрифические книги: «Письма Варнавы» (70–135 гг.) и «Пастырь Герма (117–138 гг.)» [Aland 1995: 107]. История открытия Синайского Кодекса насыщена драматическими событиями. В 1844 г. немецкий ученый Константин фон Тишендорф обнаружил на горе Моисея первые 130 листов, из них 43 листа он увез с собой в Германию, и сейчас они хранятся в библиотеке Лейпцига. В 1859 г. царское правительство России финансировало вторую экспедицию Тишендорфа на Синай, во время которой ему удалось отыскать еще 346 страниц кодекса [Parker 2010: 141–142]. Немецкий ученый попытался сбежать из монастыря с бесценным манускриптом, но был пойман. В обмен на его освобождение царь Александр II дал под залог 27 тыс. золотых марок, и в 1865 г. Тишендорф привез Синайский Кодекс в Петербург. С тех пор он уже никогда не возвращался в монастырь. В 1937 г. рукопись была продана за 100 тыс. фунтов стерлингов Лондонскому музею, где находится поныне [Metzger, Ehrman 2005: 64].

Второй глава РДМ о. Антонин (в миру Капустин), известный как собиратель «русских мест на Святой земле», работая в 1870 г. в библиотеке Синайского монастыря, составил полный каталог греческих рукописей и обнаружил 38 славянских манускриптов X в. Часть славянских текстов была подарена Антонину и хранится в библиотеке Украинской академии наук в Киеве. Под попечительство ИППО о. Антонин отдал участок, выкупленный им в Старом Городе. Этот участок, более известный как Александровское подворье, знают все библеисты и специалисты по истории христианства. Перед закладкой на этом месте фундамента для постройки церкви Св. Александра Невского в 1883 г. были проведены археологические раскопки. Объектом научных изысканий стала территория, расположенная между Храмом Гроба Господня и иерусалимской базарной площадью. В результате раскопок были найдены остатки Константиновой базилики и второй иерусалимской стены, построенной во времена пророка Неемии в середине V в. до н. э., были также обнаружены древнеримская городская дорога и Порог судных врат, через который, согласно библейскому преданию, Иисус Христос шел на распятие к Голгофе [ППС 1884, вып. 7] Недавно из Иерусалима пришла радостная весть. Наконец-то, израильский суд признал правомерность иска России о возвращении Александровского подворья, и теперь этот участок снова стал российской собственностью.

Путешествовавший в 1855 г. по Синаю А.С. Норов обратил внимание на обилие в этом же монастыре рукописей на грузинском языке. Не имея возможности заняться изучением этих памятников, А.С. Норов обратился к архиепископу Синайскому Кириллу с просьбой сохранить рукописи, «могущие еще открыться будущим поколениям» [Норов, 1878: 171].

Во время поисковых работ в Синайском монастыре и Крестном монастыре в Иерусалиме экспедиция под руководством А.А. Цагарели обнаружила 71 рукопись на грузинском языке, из них 4 на папирусе считаются самыми древними памятниками грузинской письменности. Всего было найдено в греческих монастырях Синая и Палестины 138 рукописей, из которых 61 на пергаменте. А.А. Цагарели разыскал также неполный, но хорошо сохранившийся текст библии на грузинском языке, датированный концом XI — началом XII в. [Цагарели, 1888]. Русский византист, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Пападопуло-Керамевс описал 1900 греческих рукописей, хранящихся в библиотеке Патриархии Православной церкви в Иерусалиме.

В работу по реставрации переводу и публикации с научными комментариями древних рукописей включилась целая плеяда выдающихся русских ученых: академики Василий Григорьевич Васильевский, Василий Васильевич Латышев, упоминавшийся выше Н.Я. Марр, Леонид Николаевич Майков, Сергей Федорович Ольденбург, знаменитые историки и филологи Николай Платович Барсуков, Гавриил Спиридонович Дестунис, Хрисанф Мефодиевич Лопарев, Николай Александрович Медников, Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс, Аким Алексеевич Олесницкий, Михаил Алексеевич Веневитинов, Иван Васильевич Помяловский, Полихроний Агапиевич Сырку и др.

Значительная часть выпусков ППС — описания Палестины с ее Святыми местами и других районов Восточного Средиземноморья, составленные паломниками. К числу выдающихся произведений древнерусской литературы по праву относится труд «Житие и хождения игумена Даниила» (начало XII в.), изданный в восьмом и девятом выпусках ППС с блестящими по своему исполнению комментариями Г.С. Дестуниса и М.А. Веневитинова [ППС 1885, вып. 3 (9)].

В 1883 г. В.Г. Васильевский и проф. И.Е. Троицкий приступили к переводу и изданию рукописей византийского монаха Елифания, странствовавшего по маршрутам передвижения апостола Андрея Первозванного. Рукопись, снабженная научным комментарием, была опубликована в 1886 г. [ППС 1886, вып. 2 (11)]. Доктор богословия И.Е. Троицкий в это же время впервые перевел на русский язык записи греческого паломника Иоана Фоки, совершившего путешествие в Палестину в XII в. [1889, вып. 2 (23)]. Всего в ППС было опубликовано 12 рукописей, авторами которых являются богомольцы из Руси допетровского времени, а также 11 греческих и 4 латинских описания хождений паломников на Святую землю.

Помимо описания «хождений», которые составлялись паломниками на греческом, латинском, славянском, сербском и армянском языках, в ППС публиковались блестящие научные труды по истории, археологии, этнографии, церковным отношениям и даже медицине. Так, библейской археологии посвящены монографии А.А. Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» и «Мегалитические памятники Святой Земли» [Олесницкий, 1889, 1895]. В 1896 г. вышло в свет исследование епископа Феодосия (в миру П.Н. Олтаржевский) «Палестинское монашество с IV до VI века» [Олтаржевский, 1896]. В 1890 г. ИППО поручило русскому врачу Д.Ф. Решетилло изучить причины возникновения эпидемий малярии, которая была настоящим бичом для жителей Палестины на рубеже прошлого и начала нынешнего столетий. Результаты медицинских исследований Д.Ф. Решетилло были изданы в 25-м выпуске Православного палестинского сборника [Решетилло, 1891]. В 1889 г. в ППС был опубликован очерк русского посла в Сирии К.Д. Петковича, посвященный истории и религии сирийской эклектической секты Ансария [Петкович, 1889]. До сих пор для историков сохраняет актуальность изданная рукопись неизвестного пленного русского солдата с подробным описанием порядков и нравов, получивших распространение в Османской империи во второй четверти XVIII в. [ППС 1890, вып. 30]. Не утратил своего значения для современных историков труд выдающегося русского византиниста, члена-корреспондента Императорской академии наук Н.Ф. Каптерев⁴, посвященный церковно-дипломатическим отношениям Иерусалимского Патриархата и правительства Российской империи [Каптерев, 1895].

Жемчужиной среди всех публикаций ППС является уникальный и нетленный труд профессора Петербургского университета Н.А. Медникова «Палестина

⁴ Центр истории Византии и восточно-христианской культуры Института всеобщей истории Российской Академии наук с 2003 г. проводит ежегодные чтения, посвященные памяти Николая Федоровича Каптерева.

от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» [Медников, 1903]. Эта монография сразу после выхода в свет поручила международное признание и до сих пор остается непревзойденным фундаментальным трудом по истории арабского халифата в раннее средневековье. По поручению ИППО его действительный и пожизненный член Н. А. Медников в течение 15 лет собирал, изучал, переводил и комментировал средневековые арабские тексты Ибн-Исхака, Ибн-Хишама, Аль-Вакиди, Аль-Белазури, Аль-Якуби, Ат-Табари и других знаменитых арабских путешественников и географов VII–XI вв. Общеизвестный корифей мировой арабистики и исламоведения Лелоне Каэтани отмечал, что книга Н. А. Медникова «представляет эпоху в изучении арабо-мусульманской истории» [Caetani 1905: 563].

Подводя итоги деятельности ИППО за период с 1882 по 1917 г., можно сказать, что оно заложило богатейшие научные традиции, которые были сохранены и приумножены последующими поколениями отечественных востоковедов. Русские ученые, участвовавшие в работе ИППО, заметно пополнили мировую сокровищницу научных представлений о Востоке. В этой связи уместно привести обоснованное утверждение академика В. В. Бартольда о том, что «в XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе». И в этом, безусловно, немалая заслуга принадлежит ИППО и научным публикациям в Православном палестинском сборнике.

Список литературы

1. *Елисеев А. В.* Путь к Синаю в 1881 году // ППС. СПб.— Т. II.— Вып. 1, 1883.— 201 с.
2. Иоанн Фока. Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины, конца XII века / Изд., пер. и предисл. И. Е. Троицкого // ППС. СПб.— Т. VIII.— Вып. 2(23), 1889.— с 69.
3. Каптерев Н. Ф. Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. ППС. СПб.— Т. XV.— Вып. 43, 1895.— 508 с.
4. *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. ППС. СПб.— Т. XVII.— Вып. 50, 1903.— Часть I, 923 с., Часть II, 715 с., Часть III, 1034 с., Часть IV, 1812 с.
5. *Норов А. С.* Иерусалим и Синай. Спб.: изд. Н. П. Поливанов, А. А. Ильин и К°, 1878.— 171 с.
6. *Олесницкий А. А.* Ветхозаветный храм в Иерусалиме // ППС. СПб.— Т. V — Вып. 13, 1889–1047 с.

7. *Олесницкий А. А.* Мегалитические памятники Святой Земли // ППС. СПб.— Т. XIV.— Вып. 41, 1895.— 432 с.
8. *Олтаржковский П. Н.* Палестинское монашество с IV до VI века // ППС. СПб.— XV.— Вып. 44, 1896.— 371 с.
9. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок в XVII веке» — книга автора. Под ред. [и с вступ. статьей] П. А. Сырку // ППС. СПб.— Т. X.— Вып. 30, 1890.— 213 с.
10. *Петкович К. Д.* Ансарии (Нусейриэ) и их религиозные верования // ППС. СПб.— Т. VII.— Вып. 20, 1889.— 41 с.
11. Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем местах, первой половины IX века / Изд., пер., предисл. и коммент. В. Г. Васильевского // ППС. СПб.— Т. IV.— Вып. 2(11), 1886.— 363 с.
12. Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме в 1883 году, проведенные под руководством архимандрита Антонина // ППС. СПб.— Т. III.— Вып. 7, 1884.— 309 с.
13. Рассказ и путешествие по святым местам Даниила, митрополита Эфесского, между 1493 и 1499 гг. / Изд., пер., коммент. и предаст. Г. С. Дестуниса // ППС. СПб.— Т. III.— Вып. 2 (8), 1884.— 68 с.; Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена: 1106–1108 гг. [Ч. II]. Ред., коммент. М. А. Веневитинова // ППС. СПб.— Т. III.— Вып. 3 (9), 1885.— 297 с.
14. *Решетилло Д. Ф.* Болотные лихорадки в Палестине. Исследование причин и определение микроорганизмов болотных лихорадок. // ППС. СПб.— Т. IX.— Вып. 25, 1991.— 226 с.
15. *Хитрово В. Н.* Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник (ППС). СПб.— Т. I.— Вып. 1, 1881.— 132 с.
16. *Цагарели А. А.* Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае // ППС. СПб.— Т. VI.— Вып. 10, 1888.— 310 с.
17. *Aland K., Aland B.* The Text of the New Testament: An Introduction to the Critical Editions and to the Theory and Practice of Modern Textual Criticism. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1995.— 400 p.
18. *Caetani L.* Annali dell' Islam. II. Milano: U. Hoepli-Fondazione, 1905.— p. 563.
19. *Gerd L.* Russian Imperial Policy in the Orthodox East and its Relation to Byzantine Studies. In: Alshanskaya A., Andreas Gietzen A., Hadjiafxenti C. (eds). Imagining Byzantium Perceptions, Patterns, Problems. Mainz: Leibniz-Wissenschafts Campus, 201.— pp. 93–100.
20. *Metzger B. M., Ehrman, B. D.* The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration (4th ed.). New York — Oxford: Oxford University Press.— 366 p.

21. *Parker D. C. Codex Sinaiticus. The Story of the World's Oldest Bible.* London: Hendrickson Pub., 2010. — 208 p.

References

1. Aland K., Aland B. *The Text of the New Testament: An Introduction to the Critical Editions and to the Theory and Practice of Modern Textual Criticism.* Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1995. — 400 p.
2. Caetani L. *Annali dell'Islam.* II. Milano: U. Hoepli-Fondazione, 1905. — p. 563.
3. Description of the Turkish Empire, compiled by a Russian who was captured by the Turks in the 17th century — the author's book. Ed. [and with int. article] P.A. Cyrku. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Opisanie Tureckoj imperii, sostavlennoe russkim, byvshim v plenu u turok v XVII veke* — kniga avtora. Pod red. [i s vstup. stat'ej] P.A. Syrku. St. Petersburg. — Vol. X. — Issue 30, 1890. — 371 p. (In Russian).
4. Eliseev A.V. The Path to Sinai in 1881. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Put' k Sinaju v 1881 godu.* St. Petersburg. — Vol. II. — Issue. 1, 1883. — 201 p. (In Russian).
5. Epiphany's Tale of Jerusalem and the Places that Exist in it, the first half of the IX century / Ed., trans., preface. and comment. V.G. Vasilevsky. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Povest' Epifaniya o Ierusalime i sushchih v nem mestah, pervoj poloviny IX veka / Izd., per., predisl. i komment. V.G. Vasil'evskogo.* St. Petersburg. — Vol. IV. — Issue 2(11), 1886. — 363 p. (In Russian).
6. Excavations at the Russian Compound near the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem in 1883, conducted under the Leadership of Archimandrite Antonin. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Raskopki na Russkom meste bliz hrama Voskreseniya v Ierusalime v 1883 godu, provedennye pod rukovodstvom arhimandrita Antonina.* St. Petersburg. — Vol. III. — Issue 7, 1884. — 309 p. (In Russian).
7. Gerd L. Russian Imperial Policy in the Orthodox East and its Relation to Byzantine Studies. In: Alshanskaya A., Andreas Gietzen A., Hadjiafxenti C. (eds). *Imagining Byzantium Perceptions, Patterns, Problems.* Mainz: Leibniz-Wissenschafts Campus, 201. — pp. 93–100.
8. John Foka. Story in brief about Cities and Countries from Antioch to Jerusalem, also Syria, Phenicia and the Holy Places of Palestine, the end of the XII century / Ed., trans. and foreword. I.E. Troitsky. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Ioann Foka. Skazanie vkratce o gorodah i stranah ot Antiohii do Ierusalima, takzhe Sirii, Finikii i o svyatyh mestah Palestiny, konca XII veka.* St. Petersburg. — Vol. VIII. — Issue 2(23), 1889. — 69 p. (In Russian).

9. Kapterev N.F. Relations between the Patriarchs of Jerusalem and the Russian Government from the middle of the 16th to the end of the 18th century. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Snosheniya Ierusalimskih Patriarhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do konca XVIII stoletiya.* St. Petersburg.— Vol. XV.— Issue. 43, 1895.— 201 p. (In Russian).
10. Khitrovo V.N. Orthodoxy in the Holy Land. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Pravoslavie v Svyatoj Zemle.* St. Petersburg.— Vol. I.— Issue 1, 1881.—132 p. (In Russian).
11. Mednikov N.A. Palestine from its Conquest by the Arabs to the Crusades according to Arab Sources. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Palestina ot zavoevaniya ee arabami do krestovyh pohodov po arabskim istochnikam.* St. Petersburg.—Vol. XVII.— Issue. 50, 1903.— Part I, 923 p., Part II, 715 p., Part III, 1034 p., Part IV, 1812 p. (In Russian).
12. Metzger B. M., Ehrman, B.D. *The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration (4th ed.).* New York — Oxford: Oxford University Press.— 366 p.
13. Norov A.S. Jerusalem and Sinai. *Norov A.S. Ierusalim i Sinaj.* St. Petersburg: ed. N.P. Polivanov, A.A. Ilyin and Co., 1878.— 171 p. (In Russian).
14. Olesnitsky A.A. Megalithic monuments of the Holy Land. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Megaliticheskie pamyatniki Svyatoj Zemli.* St. Petersburg.— Vol. XIV.— Issue 41, 1895.— 432 p. (In Russian).
15. Olesnitsky A.A. Old Testament Temple in Jerusalem. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Vethozavetnyj hram v Ierusalime.* St. Petersburg.— Vol. V.— Issue 13, 1889.— 1047 p. (In Russian).
16. Oltarzhkivsky P.N. Palestinian Monasticism from the 4th to the 6th century. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Palestinskoe monashestvo s IV do VI veka.* St. Petersburg.— Vol. XV.— Issue. 44, 1896.— 371 p. (In Russian).
17. Parker D.C. *Codex Sinaiticus. The Story of the World's Oldest Bible.* London: Hendrickson Pub., 2010.— 208 p.
18. Petkovich K.D. Ansari (Nuseirie) and their religious beliefs. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Ansarii (Nusejrie) i ih religioznye verovaniya* St. Petersburg.— Vol. VII.— issue 20, 1889.— 41 p. (In Russian).
19. Reshetillo D.F. Swamp fever in Palestine. Investigation of the causes and determination of microorganisms of swamp fevers. *Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Bolotnye lihoradki v Palestine. Issledovanie prichin i opredelenie mikroorganizmov bolotnyh lihoradok.* St. Petersburg.— Vol. IX.— Issue 25, 1991.— 226 p. (In Russian).
20. *The Story and Pilgrimage to the Holy Places of Daniel, Metropolitan of Ephesus, between 1493 and 1499.* / Ed., trans., comment. G.S. Destunis. *Pravoslavnyj*

palestinskij sbornik.— Vol. III.— Issue. 2 (8), 1884.— 68 с.; The Life and the Pilgrimage of the abbot Daniel from the Russian Land: 1106–1108 [Part II]. Ed., comment. M. A. Venevitinov.— ZHit'e i hozhenie Daniila Rus'skyya zemli igumena: 1106–1108 gg. [Chast'. II]. Red., komment. M. A. Venevitinova. St. Petersburg.— Vol. III.— Issue. 3 (9), 1885.— 297 p. (In Russian).

21. Tsagareli A. A. Monuments of Georgian antiquity in the land and in the Sinai. Pravoslavnyj palestinskij sbornik. Pamyatniki gruzinskoj stariny v Svyatoj zemle i na Sinae. St. Petersburg.— VI.— Issue 10, 1888.— 310 p. (In Russian).

Информация об авторе

Александр Владимирович Крылов — доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения МГИМО МИД России; вед. научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО.

Email: a.krylov@inno.mgimo.ru

Author's information

Alexander V. Krylov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Leading Researcher, Center for Middle Eastern Studies, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations, MFA of the Russian Federation.

Email: a.krylov@inno.mgimo.ru

Образ врага в кемалистской карикатуре начала XX в. (по материалам журналов «Гюлер'юз» [Güleriüz] и «Карагёз» [Karagöz])¹

Аннотация: В статье представлены результаты исследования образа «врага» в кемалистской карикатуре периода Турецкой войны за независимость (1919–1922). Статья базируется на изучении карикатур при помощи инструментов имагологии, суть которых состоит в раскрытии объекта, предмета, механизмов и причин использования образов. Данный подход позволяет детальнее понять юмористические образы врага из кемалистских журналов. Центральная проблема статьи — вопрос о том, какие образы и символы использовались для отображения врага (в частности, греков) в карикатуре и почему данные образы были применены. Результаты проведенного исследования показывают парадигмы применения образа врага в карикатурах периода Турецкой войны за независимость. В частности, греческий король Константин I изображался в качестве умалишенного и психически неуравновешенного человека, неспособного к командованию, а также лентяя с нечеловеческой внешностью, который не только хронически недееспособен, но и своими приказами вводил командование в ступор. Особое внимание в статье уделено карикатурам из журналов «Гюлер'юз» (*Güleriüz*), «Айине» (*Áyine*) и «Карагёз» (*Karagöz*). Они позволяют понять, как трансформировался образ «чужого» в образ «врага» и какими механизмами обладали кемалистские карикатуристы для более гротескного изображения греков в период 1919–1922 гг., которые остаются пока еще мало изученными в западной и российской туркологии. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: политическая карикатура, имагология, кемалистская карикатура, Константин I, кемалисты, пропаганда

---

¹ Основные идеи данной статьи были апробированы и представлены на секции «Источниковедение и историография Османской империи и республиканской Турции» XXXI Международного научного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (23–25 июня 2021 г.). Автор выражает благодарность коллегам-участникам секции за комментарии и конструктивные замечания.

Alexander S. Lyulchak
National Research University "High School of Economics"

The image of enemy in the Kemalist caricature of the early 20th century in the publications of the "Gülyüz" and "Karagöz" magazines

Summary: The article presents the results of the study of the enemy image in the Kemalist caricature during the period of the Turkish Liberation War (1919–1922). The article is based on the study of cartoons using imagology tools, the essence of which is to reveal the object, subject, mechanisms, and reasons for the use of images. This approach allows us to understand in more detail the cartoon images of the enemy from Kemalist magazines. The central problem of the article is the question of what images and symbols were used to represent the enemy (in particular the Greeks) in the caricature and why exactly such images were used. The results of the study show the paradigms of using the enemy image in the cartoons. In particular, the Greek King Constantine I was portrayed as a deranged and mentally unstable person, incapable of command, as well as a lazy and ugly man who not only could not do anything, but his orders put the command in a stupor. The article pays special attention to cartoons from the magazines "Gülyüz", "Âyine" and "Karagöz". They allow us to understand how the image of the "other" was transformed into the image of the "enemy" and what mechanisms the Kemalist cartoonists possessed for a more graphic depiction of the Greeks in the period 1919–1922, which remain as yet little studied in Western and Russian Turkology. Refs. 28.

Keywords: political cartoon, imagology, Kemalist cartoon, Constantine I of Greece, Kemalists, propaganda

Введение

Образ «врага» и образ «чужого» являются одними из самых распространенных в сфере имагологии. Ответы на вопросы «Кто видит изображение?»; «Что изображено?»; «Как изображено?» и «Почему изображено именно таким образом?» позволяют понять, каким образом используются образы «врага» и «чужого» и почему именно этот (а не другой) образ применяется в определенном контексте. В период Турецкой войны за независимость (1919–1922) одним из самых распространенных образов, тиражировавшихся в турецкой юмористической прессе и позиционировавшихся одновременно как «враг» и «чужой», был образ грека и, в частности, греческого короля Константина I (годы правления 1913–1917, 1920–1922).

Основная цель данного исследования — определить, какие образы и символы использовались в кемалистской юмористической прессе времен Войны за независимость 1919–1922 гг. Наиболее частым и наиболее узнаваемым врагом, чей образ использовался в карикатурах, был образ грека или образ короля Греции. Именно бои с греческими войсками в сознании большинства представляли собой основной нерв войны. Король Константин — главный объект нападков со стороны кемалистских юмористических журналов.

Исследование строилось на изучении карикатур, опубликованных в юмористических журналах «Гюлер'юз» («Güteryüz»)², «Карагёз» («Karagöz»)³ и «Айине» («Aîne»)⁴. Журнал «Карагёз», издававшийся с 1908 г., стал рупором не только османской пропаганды в течение Балканской и Первой мировой войн, но и во время войны за независимость, когда в своих карикатурах поддержал кемалистов. Стоит выделить журнал «Гюлер'юз» («Güteryüz»). Он был основан год спустя

² Название журнала «Гюлер'юз» («Güteryüz») можно перевести как «Смеющееся лицо», так как слово «yüz» на русский переводится как «лицо». «Смеющееся лицо» в данном случае имеет двойственное значение — оно символизирует как юмористическую направленность журнала, так и логотип журнала, представляющий из себя ухмыляющееся лицо, чьи глаза, нос и рот составляют собой арабское написание слова «Güteryüz» («زويرلوك»). Также, Гюлер'юзом назывался персонаж, периодически появлявшийся на страницах журнала с ухмыляющимся лицом. Журнал был основан известным карикатуристом Седатом Симави в 1921 г. и просуществовал до 1923 г. В общей сложности вышло 105 выпусков [Değirmenciöglü 2015: 210].

³ Журнал назван по имени персонажа турецкого театра теней Карагёза (с тур. «Черноглазый»). Несмотря на свою простоту и веселость, Карагёз был острословом. Довольно часто за его шутками скрывались смелые суждения о политической ситуации в стране. На контрасте Карагёза выступал его приятель Хадживат. Если Карагёз был пройдохой, плутом, простачком и острословом, то Хадживат был грамотеем, неконфликтным, воспитанным. Хадживату характерно было смягчение конфликтных ситуаций [Оганова, 2006: 15]. Сам журнал «Карагёз» не только использовал образы героев народного театра в карикатурах, но и, подобно Карагёзу, высмеивали многие моменты внутренней и внешней политики как Османской империи, так и Турецкой Республики (учитывая большую продолжительность выпуска журнала — с 1908 по 1955 г.) [Akbaşa 2014: 736].

⁴ Название журнала переводится как «зеркало», что означает, прежде всего, идею отобразить общество того времени через карикатурное зеркало юмора и гротеска. Сам журнал выходил в печать с 1921 по 1923 г. Всего было выпущено 72 выпуска этого журнала [Erdoğan 2014: 171–172].

после учреждения ВНСТ, то есть в начале 1921 г., журналистом и художником-карикатуристом Седатом Симави (1896–1953) [Вöyüк 2019: 139]. Журнал издавался до 22 июня 1922 г. раз в неделю по четвергам, однако, затем сменил формат работы на публикацию два раза в неделю, что говорило о его возросшей популярности [Akbaba Birbudak 2009].

Методологической основой исследования выступила историческая имагология — подраздел имагологии, концентрирующийся, прежде всего, на изучении образа «чужого» как в литературе, так и в визуальной составляющей (открытки, плакаты, карикатуры, картины). Принято считать, что понятие «имагология» появилось еще в начале XX в. в труде американского писателя, журналиста Уолтера Липпмана «Общественное мнение» [Бойцов 2010: 5], однако данный факт является спорным. В книге Липпмана имеются главы, посвященные важности публичного имиджа и необходимости его правильной подачи [Lippmann 1991], однако слово «имагология», равно как и одноименная сфера исследований появились в начале XX в. в трудах французской школы сравнительно-исторического литературоведения (Поль ван Тигем, Фернан Бальденшпергер и Поль Азар) [Leerssen 1991: 126]. Тем не менее, наиболее полное распространение имагология, как наука и как понятие получает в работах нидерландского ученого Й. Леерссена [Leerssen 2007, Leerssen 2016] уже в конце XX — начале XXI в. Имагологическим исследованиям посвящен отдельный сайт, на котором представлен список всех работ, так или иначе опирающихся на имагологический анализ⁵.

Методологические рамки имагологии определены в работе английских исследовательниц Эмер О’Салливан и Андреа Иммель [O’ Sullivan and Immel 2017]. Авторы определяют имагологический анализ на основе четырех вопросов, которые, по мнению исследователей, должны определить объект, предмет, механизмы и причины использования того или иного образа: 1) «Кто видит это изображение?»; 2) «Что изображено?»; 3) «Как изображено?» и 4) «Почему изображено именно таким образом?» [O’ Sullivan and Immel 2017: 10].

Имагологические исследования проводятся также и в России. Проблема изучения литературных и визуальных образов стояла перед отечественными учеными еще в 1970-х гг., когда вышло несколько работ, посвященных изучению образов регионов в общественном сознании. В частности, стоит выделить работу известного советского востоковеда Б.М. Данцига (1896–1975), посвященную образу Ближнего Востока в дореволюционных русских научных центрах — Академии наук, университетах, Лазаревском институте, Географическом обществе [Данциг, 1973]. Многие работы отечественных исследователей на рубеже XX–XXI вв. являются исследованиями в рамках изучений образов стран в той или иной культурной парадигме. В частности, А.С. Медяков в своей докторской диссертации, посвященной проблеме образов, использовавшихся в немецкой открытке во время Первой мировой войны (1914–1918), отдельно выделяет историческую имагологию в качестве одной из методологических основ своей работы

⁵ Imagologica. URL: <https://imagologica.eu/> (Date of access: 12.10.2021).

[Медяков, 2020]. Также, стоит выделить коллективную монографию под редакцией историка-медиевиста М. А. Бойцова и специалиста в области скандинавской истории и литературы Ф.Б. Успенского, посвященную изучению образа власти с точки зрения потестарной имагологии, то есть с позиций «изучения образа власти» [Бойцов Успенский, 2010]. Существует, также, отдельный труд по имагологии за авторством О.Ю. Полякова и О.А. Поляковой [Поляков Полякова, 2013]. Отдельно стоит выделить труды, посвященные изучению образов Турции в России и России в Турции. В частности, довольно солидный пласт исследований в этой области составляют работы известного историка-османиста К. А. Жукова, посвященные образам Османской империи в России [Жуков, 2012, Жуков, 2013, Жуков, 2019.1], образам Турции в Советском Союзе [Жуков, 2018, Жуков, 2019.2]. Отдельного упоминания заслуживает работа Е.В. Бахревского и И.А. Свистуновой, посвященная истории эволюции образа России в Турции [Бахревский Свистунова 2019].

Нельзя не упомянуть некоторые имагологические работы турецких авторов. Интересны работа Мустафы Бёйюка, посвященная турецкой юмористической прессе времен Турецкой войны за независимость [Böyük 2019], статья Бюлента Акбаба и Тогая Бирбудака, которая концентрируется на изучении образа Кемаля Ататюрка в карикатурах 1919–1922 гг. [Akbaaba Birbudak 2009] и фундаментальная монография Исмаила Шена, посвященная образу М.К. Ататюрка в карикатурах периода 1919–1938 гг. [Şen 2010].

Тем самым, можно говорить о довольно широкой представленности имагологии как в мировой, так и в российской науках, однако стоит отметить довольно слабую репрезентативность имагологии в отечественных работах, посвященных изучению турецких карикатур. Имеются отдельные работы, посвященные образу Турции в российской карикатуре [Филиппова, 2016]. В работе Е.В. Бахревского и И.А. Свистуновой имеются некоторые сведения о том, что турецкие карикатуры времен холодной войны отображали Советский Союз в негативном аспекте [Бахревский Свистунова, 2019: 158,], а также о том, как изображались белые иммигранты на страницах турецкого журнала «Дикен» («Diken»). Тем не менее, работ, которые полноценно освещали бы турецкие карикатуры с позиций имагологии, нет. Данная статья призвана заполнить имеющуюся лакуну и рассмотреть сквозь призму исторической имагологии образ «врага» в кемалистской карикатуре времен Турецкой войны за независимость (1919–1922).

Демонизация греков в кемалистской карикатуре

Наиболее частым и наиболее популярным врагом, чей образ использовался в карикатурах, был образ грека или, чаще всего, как уже отмечалось выше, образ короля Греции. Данную динамику в большом использовании именно греков можно объяснить тем, что именно с греческими войсками вели боевые столкновения

кемалисты. Бесспорно, освещались в качестве врагов и страны Антанты, однако более рельефное освещение стран Антанты произойдет позднее, при заключении Лозаннского мирного договора.

Карикатуры на короля Константина являются яркой иллюстрацией того, как именно позиционировали кемалисты своих врагов. Король предстал в разных образах, но они всегда имели негативную окраску, так как необходимо было подчеркнуть, что именно против Греции и греческой «Великой идеи» воюют турки, за свободу от интервентов, в число которых в первую очередь относили греков. Тем не менее, карикатуры на короля Константина появляются в журналах «Гюлер'юз» и «Карагёз» не с самого начала войны. Если появление карикатуры в журнале «Гюлер'юз» можно объяснить поздним выходом журнала в печать (первый выпуск вышел 5 мая 1921 г.), то «Карагёз» начал использовать карикатурные образы греков и короля Константина в своей печати ввиду нахождения редакции в Стамбуле. Несмотря на поддержку, которую оказывали члены редколлегии «Карагёза» кемалистскому движению (что проявлялось лишь в отдельных карикатурах), до 1921 г. редакция вынуждена была печатать карикатуры, которые либо высмеивали внутренние порядки Османской империи (например, карикатуры на Дамада Ферид-пашу), либо на повседневную жизнь Стамбула того времени без четкого указания на оккупацию.

Первые карикатуры в журнале «Карагёз» на короля Константина появляются в начале 1921 г. и ему присущи человеческие черты, в отличие от последующих карикатур, на которых король Константин предстает перед читателем в виде человекоподобного существа с огромной головой и огромными ушами. Тем не менее, первые карикатуры на греческого короля изображают его как деспота, контролирующего и неумело управляющего своим государством, как, например, на карикатуре от 6 апреля 1921 г. [Karagöz 1921a: 1, рис. 1] Данное изображение имеет следующую имагологическую основу:

— его видит читающая публика, в том числе и безграмотная, так как карикатура была доступна как образованным, так и необразованным слоям;

— изображен греческий король Константин на троне, его несут четыре изможденных грека, еле держащих трон от усталости. Также изображены Хадживат и Карагёз, которые насмеваются над тяжелым положением греков;

— король Константин показан в качестве капризного и неумелого командующего, который своими неумелыми действиями истощает своих подданных, отчего и страдают греки, несущие трон короля Греции;

— изображение являет собой карикатурный образ неумелого греческого короля, неспособного к командованию и заставляющего греческий народ исполнять любые приказы. Изображение появилось уже после первой битвы при Инёню (январь 1921 г.), в ходе которой наступление греческих войск было остановлено, и появились определенные надежды на улучшение позиций кемалистов.

*Рис. 1. Карикатура из журнала «Карагёз».
[Karagöz, N: 1363, 6 Nisan 1337/1921, s. 1].*

Стоит отметить, что образ грека довольно часто изображался как некто страдающий и обезображенный ужасами войны. Изображались они не только вместе с турками в качестве пленных, но и вместе с королем Греции в качестве слуг безвольного и трусливого короля. На карикатуре из журнала «Айине» («*Âyine*»), опубликованной уже после битвы при Сакарье [*Âyine* 1921: 1, рис. 2], изображен солдат-грек, который остался, вместе с королем Греции, один на один с огромным числом турецких солдат, идущих на них. Король говорит солдату: «Не волнуйся, Йорго, я за твоей спиной!» Карикатура показывает, с одной стороны, низость и циничность со стороны короля, так как он прячется за спиной своего солдата, а, с другой стороны, показывает неотвратимость победы кемалистов над греками.

— مراق ائمه يورغو بن سلك آرقه كدهم .

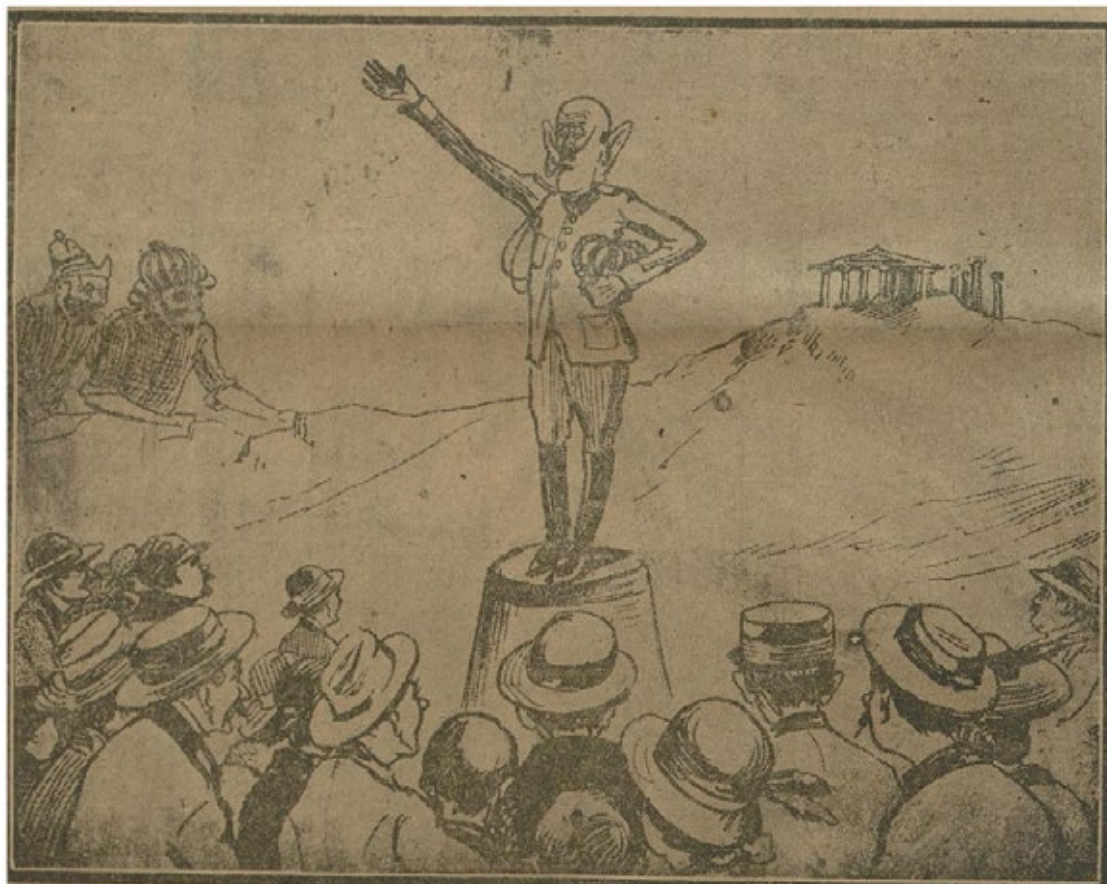
Рис. 2. Карикатура из журнала «Айине».
[*Âyine*, N: 7, 29 Eylül 1337/1921, s. 1].

Король Константин постепенно проходил трансформацию своего образа в журнале «Карагёз» от более-менее человекоподобного существа до абстрактного гуманоида с большими ушами. Так, на карикатуре от 1 октября 1921 г. [Karagöz, 1921b: 1, рис. 3] можно видеть следующие имагологические особенности:

- карикатура рассчитана как на читающую публику, так и на безграмотную;
- греческий король Константин показан декламирующим перед публикой свое намерение восстановить Византийскую империю: «Я пришел, я закончил [войну], я остался». Также изображены Хадживат и Карагёз, которые насмеваются над греческим королем, говоря ему о недолговечности пребывания Константина;
- король Константин показан в качестве демагога, активно обращающегося к своим согражданам. Здесь стоит увидеть начало трансформации образа короля в человекоподобное существо: непропорциональная голова, огромные уши. Тем не менее, королю все еще присущи человекоподобные характеристики. Более обезображивающие образы короля появятся с началом нового 1922 г.;

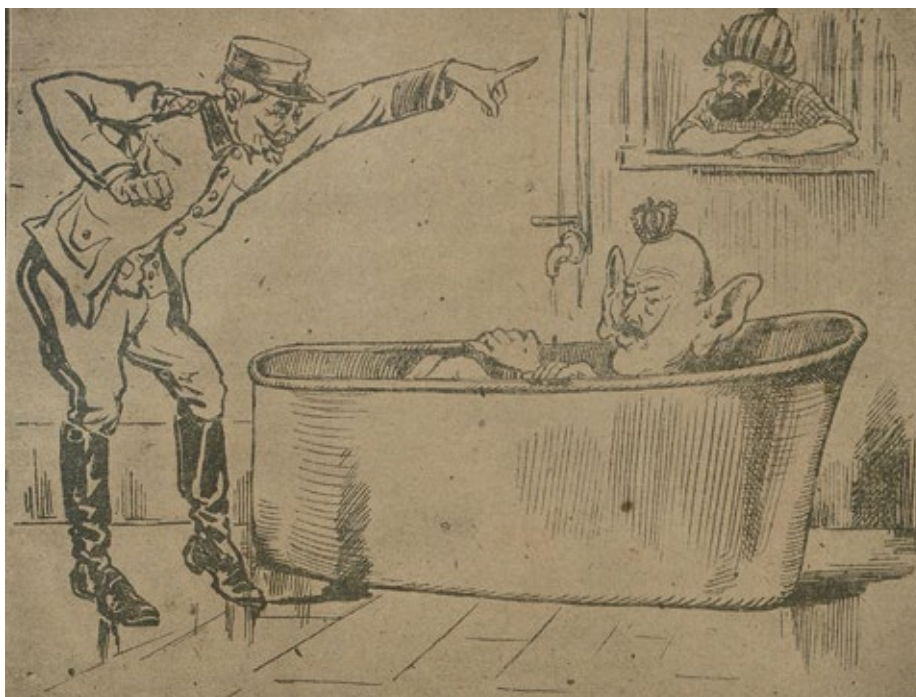
— изображение представляет собой карикатурный образ греческого короля-демагога, призывающего греческий народ следовать за ним в гущу очередной безумной авантюры. Тем не менее, исторический контекст данной карикатуры говорит о безумности данного решения. Битва при Сакарье (23 августа — 13 сентября 1921 г.) выиграна кемалистами, а королю стоило бы позаботиться о переброске раненых, на что намекают Хадживат и Карагёз, говоря о «медицинских кораблях».

*Рис. 3. Карикатура из журнала «Карагёз».
[Karagöz, N: 1413, 1 Teşrin-i Evvel 1337/1921, s. 1].*

Ярче всего «гуманоидность» короля Константина выразилась в 1921–22 гг., когда карикатуры на короля в журнале «Карагёз» достигли своего апогея. Так, например, карикатура от 14 сентября 1921 г., [Karagöz, 1921с: 4, рис. 4], рассчитанная на массовую публику, изображает греческого генерала Анастасиоса Папуласа (1859–1935), командовавшего греческими войсками короля Константина, принимающего ванну, и Карагёза, на все это дело смотрящего как бы сверху. Генерал требует от своего короля: «Боже, мой король, турки идут! Сейчас не время ванны принимать!» На что Константин лениво отвечает: «Эх, друг мой, ты уже принял ванну в Сакарье, оставь в покое. Не видишь, я плещусь тут». Карикатура показывает неспособность и лень короля Константина, который не только не способен грамотно командовать войсками, но и не обращает никакого внимания на призывы своего генерала Папуласа сделать хотя бы что-то для спасения ситуации на фронтах. В ответ он всего лишь

с иронией напоминает Папуласу о проигранной битве, и что он, в отличие от греков и самого Папуласа, ванную принял.

*Рис. 4. Карикатура из журнала «Карагёз».
[Karagöz, N: 1408, 14 Eylül 1337/1921, s. 4].*

Не отставали от «Карагёза» и их коллеги из «Гюлер'юза». Константина изображали в журнале как сумасшедшего старика, чья одержимость «Великой идеей» не знала границ, и он был готов на все, лишь бы исполнить ее, как, например, на карикатуре «Константин едет на фронт верхом на ослике» в «Гюлер'юзе» от 21 июля 1921 г. [Güleyüz 1921a: 4, рис. 5]. Данное изображение имеет следующую имагологическую основу:

— его видит читающая публика, в том числе и безграмотная, так как карикатура была доступна как образованным, так и необразованным слоям;

— изображен греческий король Константин с безумным видом и на осле. Король изображен в анфас;

— король Константин показан сумасшедшим человеком с безумными глазами и оскалом, в правой руке держит саблю. Всем своим видом, а также ввиду изображения своего на осле, король предстает перед читателем как неадекватный правитель, готовый на любую, даже самую безумную, авантюру;

— изображение являет собой карикатуру на греческого короля, показывающую якобы полную готовность Константина нанести «решающий удар» по кемалистам. Изображение появилось во второй половине июля 1921 г., то есть накануне битвы при Сакарье (август–сентябрь 1921 г.), которая закончилась поражением греческих войск.

Карикатурист, тем самым, показывает приготовления Константина к очередному наступлению на позиции кемалистов в Анатолии, которое обернется кровопролитной битвой при Сакарье. Такое изображение короля не могло не вызывать симпатий среди турецкой читающей публики, на что и был расчет со стороны карикатуристов.

Рис. 5. Карикатура из журнала «Гюлер'юз». [Güleyüz, N: 12, 21 Temmuz 1337/1921, s. 4].

Высмеивались также и командирские качества Константина, как, например, на карикатуре от 7 июля 1921 г., [Güleyüz 1921b: 1, рис. 6] также созданной накануне битвы при Сакарье. Карикатура может быть охарактеризована следующими признаками:

- его видит читающая публика, в том числе и безграмотная;
- изображен король Греции у руля корабля, идущего вперед, на фронт, в военном обмундировании;
- король обращается к команде: «Вы готовы идти в наступление вперед?», на что команда отвечает ему: «Готовы!» Далее следует приказ короля: «В таком случае полный назад!»;
- карикатурист вновь показывает сумасшедшие глаза короля Константина и высмеивает бойцовские качества короля, который отдает приказ: «В таком случае полный назад!»;

— намеренно принижая боевые качества Константина, карикатурист как бы вселяет надежду в читателя, показывает полную недееспособность короля в качестве командующего, и что король не сам возглавляет операцию, хоть и выехал на фронт, но предоставляет свободу действий своим генералам. В результате карикатуристы как бы показывают контраст между греческим королем, который не владеет никакими приемами тактики, и Кемаль-пашой, который был человеком военным и владел информацией о ситуации на полях сражений.

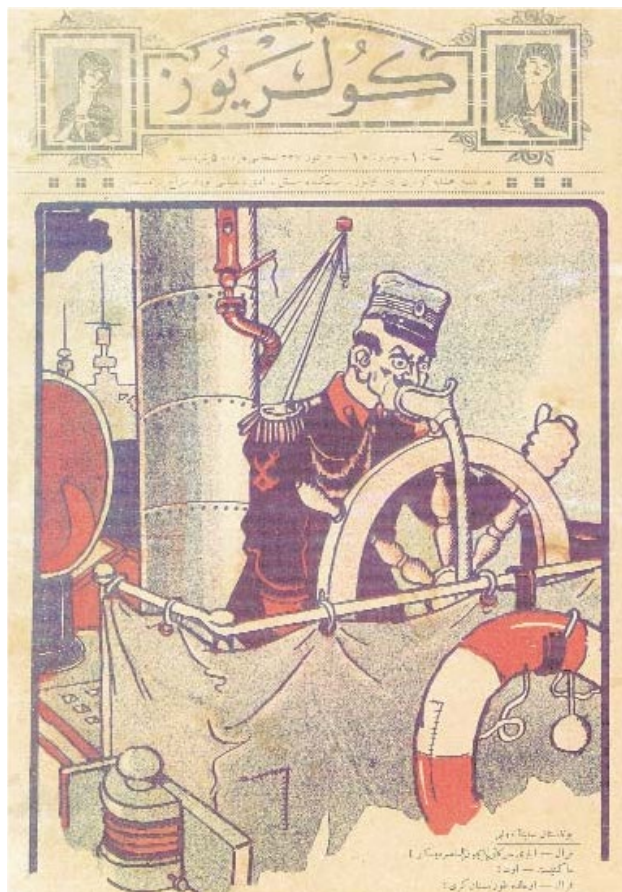

Рис. 6. Карикатура из журнала «Гюлер'юз».
[*Güleyüz*, N: 10, 7 Temmuz 1337/1921, s. 1].

Заключение

Анализ карикатур с использованием методов имагологии позволил выявить несколько тенденций, базирующихся на идеологических аспектах кемалистской пропаганды времен Турецкой войны за независимость 1919–1922 гг. Использование образа грека имело несколько специфических черт. Во-первых, грек-простолудин (чаще всего именовался «Йорго») изображался не только в качестве захватчика, но и в качестве «щита» для своего короля Константина. Во-вторых, сам король предстал на страницах юмористических журналов в качестве умалишенного маньяка, мечущегося от одной авантюры к другой. Карикатуристы

показали греческого короля в образе безумного и психически неуравновешенного человека, неспособного к командованию, лентяя с нечеловеческим обликом, который не только не мог ничего сделать, но своими приказами вводил командование в ступор. Имелись и некоторые различия в изображении короля Константина. Так, если «Гюлер'юз» почти неизменно рисовал короля сумасшедшим, то в журнале «Карагёз» греческий правитель претерпел некоторые изменения в образе, с каждой новой карикатурой получая все более нечеловеческие черты.

Через призму карикатуры король Константин представал публике в исключительно негативном ключе для очернения образа короля, а также для еще большего сплочения турецкого народа в борьбе против иностранного агрессора. Показывая неспособность Константина и греков воевать, турецкие карикатуристы в качестве противопоставления отображали турецких командиров, в частности Кемаль-пашу и Иismet-пашу, в качестве храбрых командиров, умеющих воевать, и за которыми стоит весь турецкий народ.

Список литературы

1. Бахревский Е.В., Свистунова И. А. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние. — М.: Институт наследия, 2019.
2. Бойцов М. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. — СПб.: Алетейя, 2010.
3. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. — СПб.: Алетейя, 2010.
4. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973.
5. Жуков К.А. «Ориентализм по-советски»: образ «Новой Турции» в литературном творчестве П.А. Павленко // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930), 19–21 июня 2019 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2019. Т. 1, с. 160–161.
6. Жуков К.А. Политическая и интеллектуальная атмосфера Стамбула в 1911–1912 гг. По журналистским материалам А.В. Тырковой-Вильямс // Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание: Памяти Альбины Хакимовны Гирфановой (1957–2018) / Н.Л. Сухачев (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2019, с. 459–507.
7. Жуков К.А. Пометки А.Н. Кононова на полях брошюры И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // Актуальные вопросы тюркологических исследований:

- Международная научная конференция «XXXII Кононовские чтения» (СПбГУ, 27–28 октября 2017 г.). Материалы конференции. СПб., 2018, с. 48–74.
8. Жуков К. А. Русские, турки и греки в 1834 году (по материалам путевого дневника М. П. Вронченко «Записки русского путешественника в Малой Азии») // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2013, с. 200–214 (в соавторстве с О. Л. Фетисенко).
  9. Жуков К. А. Формирование представлений об Османской империи в России в XVIII — начале XX в. / Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 1, с. 37–51.
  10. Медяков А. С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.09. — М., 2020.
  11. Оганова Е. А. Традиции народной драмы в современной турецкой драматургии. — М.: ИСАА МГУ. 2006.
  12. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.
  13. Филиппова Т. А. «Больной человек» в эпоху войн и революций: образ Турции в русской журнальной сатире, 1908–1918. М. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016.
  14. Akbaba, B. (2016). İnkılap Tarihi Öğretimi için Bir Kaynak: Karagöz Dergisi. Kastamonu Eğitim Dergisi, 22 (2), 731–742.
  15. Akbaba, B. Birbudak, T. S. (2009). “Millî Mücadele ve Cumhuriyet Dönemi Mizah Basınında Mustafa Kemal Atatürk İmajı”. Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi, 1250–1274.
  16. Âyine, N: 7, 29 Eylül 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/7979030> (дата обращения: 20.11.2021).
  17. Böyük, M. (2019). “Milli Mücadele Dönemi Mizah Basını: Güleryüz Dergisi Ve Sedat Simavi Karikatürleri”. Simetrik İletişim Araştırmaları Dergisi. 1 (2): 136–147.
  18. Değirmencioğlu G., Milli Mücadele Dönemi’nde Mizah Basını: “Güleryüz”ç Mizah Gazetsinde Yayımlanan Karikatürlerin İçerikleri Üzerine Bir İnceleme, Global Media Journal TR Edition 6 (11), Güz 2015.
  19. Erdoğan M., Milli Mücadele döneminde bir Mizah Dergisi: Âyine. Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 9/12 Fall 2014, p. 169–177.
  20. Güleryüz, N: 12, 21 Temmuz 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6474940> (дата обращения: 20.11.2021).

21. Güteryüz, N: 10, 7 Temmuz 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6474924> (дата обращения: 20.11.2021).
22. Karagöz, N: 1363, 6 Nisan 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6574675> (дата обращения: 20.11.2021).
23. Karagöz, N: 1413, 1 Teşrin-i Evvel 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6574875> (дата обращения: 20.11.2021).
24. Karagöz, N: 1408, 14 Eylül 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6574855> (дата обращения: 20.11.2021).
25. Leerssen, J. (2007). “Imagology: History and method”. In *Imagology*. Leiden, The Netherlands: Brill.
26. Leerssen, Joep (1991). *Echoes and Images: Reflections upon Foreign Space. // Alterity, identity, image: Selves and others in society and scholarship*. Amsterdam: Amsterdam: Rodopi.
27. Leerssen, Joep. “Imagology: On Using Ethnicity of Make Sense of the World.” *Iberic@1, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*, no.10, 2016, pp. 13–31.
28. Lippmann W. *Public Opinion*. With a New Introduction by Michael Curtis. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey. 1991.
29. O’ Sullivan, Emer and Andrea Immel. “Sameness and Difference in Children’s Books: An Introduction.” *Imagining Sameness and Difference in Children’s Literature: From Enlightenment to the Present Day*, edited by Emer O’ Sullivan and Andrea Immel. Palgrave MacMillan, 2017, pp. 1–28.
30. Şen, İsmail. *Asi’den Gazi’ye karikatürlerde Atatürk, 1919–1938*. İstanbul, 2010. 2 baskı.

References

1. Bakhrevsky E.V., Svistunova I. A. *The image of Russia in Turkey. Historical development and current state*.— Moscow: Institute of Heritage, 2019. (In Russian).
2. Boytsov M. *What is potestary imagology? // Power and image: essays on potestary imagology / ed. M. A. Boytsov F. B. Uspenskiy*.— St. Petersburg: Alteya, 2010. (In Russian).
3. *Power and image: essays on potestary imagology / ed. M. A. Boytsov F. B. Uspenskiy*.— St. Petersburg: Alteya, 2010 (In Russian).

4. Dantsig B.M. *Middle East in Russian science and literature (period before October Revolution)*. Moscow, 1973 (In Russian).
5. Zhukov K. A. “Orientalism in the Soviet way”: the image of the “New Turkey” in the literary work of P.A. Pavlenko // *XXX International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries: To the 150th anniversary of Academician V.V. Bartold (1869–1930), June 19–21, 2019: Materials of the Congress* / Ed.: N.N. Dyakov, A. S. Matveev.— St. Petersburg: Publishing House Studio “NP-Print”, 2019. Vol. 1. pp. 160–161. (In Russian).
6. Zhukov K. A. The political and intellectual atmosphere of Istanbul in 1911–1912 based on journalistic materials by A. V. Tyrkova-Williams // *Balkanistics. Altaic studies. General Linguistics: In Memory of Albina Khakimovna Girfanova (1957–2018)* / N.L. Sukhachev (ed.). St. Petersburg: Nestor-History, 2019. pp. 459–507. (In Russian).
7. Zhukov K. A. Notes by A.N. Kononov on the margins of I. V. Stalin’s brochure “Marxism and questions of linguistics” // *Topical issues of Turkological research: International Scientific Conference “XXXII Kononov Readings” (St. Petersburg State University, October 27–28, 2017). Materials of the conference*. St. Petersburg, 2018. pp. 48–74. (In Russian).
8. Zhukov K. A. Russians, Turks and Greeks in 1834 (based on the materials of the travel diary of M.P. Vronchenko “Notes of a Russian traveler in Asia Minor”) // *Interethnic and interfaith relations in Russian literature and folklore* / Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS. SPb., 2013. pp. 200–214 (co-authored with O.L. Fetisenko). (In Russian).
9. Zhukov K. A. Formation of ideas about the Ottoman Empire in Russia in the XVIII — early XX century / *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedeniye*. 2012. No. 1. pp.37–51. (In Russian).
10. Medyakov A.S. *German postcard of the First World War as a historical source*. [Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences] — Moscow, 2020 (In Russian).
11. Oganova E.A. *Traditions of folk drama in modern Turkish dramatic Art* — Moscow: ISAA MGU. 2006. (In Russian).
12. Polyakov O. Yu., Polyakova O.A. *Imagology: theoretical and methodological foundations*. Kirov: ООО «Raduga-PRESS», 2013. (In Russian).
13. Filippova T.A. “Sick man” during wars and revolutions: Image of Turkey in Russian humor press, 1908–1918. Moscow-Saint Petersburg: Centre of humanitarian initiatives. 2016 (In Russian).
14. Akbaba, B. (2014). Karagoz Magazine as a Source of Revolutionary History Teaching. *Kastamonu Eğitim Dergisi*, 22 (2), 731–742. (In Turkish).

15. Akbaba, B. Birbudak, T. S. (2009). The Image of Mustafa Kemal Atatürk in humor press during the National Struggle and the period of Republic. *Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi*, 1250–1274. (In Turkish).
16. Âyine, N: 7, 29 Eylül 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/7979030> (date of access: 20.11.2021). (In Turkish).
17. Böyük, M. (2019). Humor press in the National Struggle Period: Güteryüz Magazine and cartoons by Sedat Simavi. *Simetrik İletişim Araştırmaları Dergisi*. Vol.1 (Issue 2): 136–147. (In Turkish).
18. Değirmencioğlu G., The Humor Press During the War of Independence: A Study on the Contents of Cartoons Published in the Humor Newspaper “Güteryüz”, *Global Media Journal TR Edition* 6 (11), Güz 2015. (In Turkish).
19. Erdoğan M., A Humor Magazine During the War of Independence: Âyine. *Turkish Studies — International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic* Volume 9/12 Fall 2014, p. 169–177. (In Turkish).
20. Güteryüz, N: 12, 21 Temmuz 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6474940> (date of access: 20.11.2021). (In Turkish).
21. Güteryüz, N: 10, 7 Temmuz 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6474924> (date of access: 20.11.2021). (In Turkish).
22. Karagöz, N: 1363, 6 Nisan 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6574675> (date of access: 20.11.2021). (In Turkish).
23. Karagöz, N: 1413, 1 Teşrin-i Evvel 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6574875> (date of access: 20.11.2021). (In Turkish).
24. Karagöz, N: 1408, 14 Eylül 1337/1921. Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/6574855> (date of access: 20.11.2021). (In Turkish).
25. Leerssen, J. (2007). “Imagology: History and method”. In *Imagology*. Leiden, The Netherlands: Brill.
26. Leerssen, Joep (1991). *Echoes and Images: Reflections upon Foreign Space. // Alterity, identity, image: Selves and others in society and scholarship*. Amsterdam: Amsterdam: Rodopi. p. 128.
27. Leerssen, Joep. “Imagology: On Using Ethnicity of Make Sense of the World.” *Iberic@1, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*, no.10, 2016, pp. 13–31.

28. *Lippmann W.* Public Opinion. With a New Introduction by Michael Curtis. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey. 1991
29. *O’ Sullivan, Emer and Andrea Immel.* “Sameness and Difference in Children’s Books: An Introduction.” *Imagining Sameness and Difference in Children’s Literature: From Enlightenment to the Present Day*, edited by Emer O’ Sullivan and Andrea Immel. Palgrave MacMillan, 2017, pp. 1–28.
30. *Şen, İsmail.* Ataturk in cartoons from Asi to Gazi, 1919–1938. İstanbul, 2010. 2nd edition (In Turkish).

Информация об авторе

Александр Сергеевич Люльчак — магистрант Факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Email: aslyulchak@edu.hse.ru

Author’s information

Alexander S. Lyulchak — student of MA program, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University “High School of Economics”, Moscow.

Email: aslyulchak@edu.hse.ru

УДК: 910.4

Г.З. Пумпян

Библиотека Российской академии наук

Записки русских путешественников на Восток в новое время и их библиографическое обеспечение

Аннотация: в статье кратко характеризуются основные направления и типология русских путешествий по зарубежному Востоку и состав путешественников в конце XVII–начале XX в. с учетом геополитического и культурно-исторического контекста, их роль в изучении восточных стран и развитии с ними культурных и политических отношений, отражение в публикациях и их библиографирование. Обобщены материалы о путешествиях по разным направлениям, основной упор делается на путешествия на Ближний Восток — прежде всего в Османскую империю (включая входившие в нее арабские страны) и на Дальний Восток — прежде всего в Китай, как наиболее широко представленные в публикациях и архивных материалах. Указаны их типологические разновидности и характер публикаций (дипломатические — от первых донесений в форме статейных списков и сказок до отчетов, дневников и обзоров), мемуары и тревелогии (записки паломников, купцов, пленных, деятелей литературы, искусства, науки, политики, туристов), научные отчеты и описания экспедиций, журналистские корреспонденции, визуальные источники (графика, живописные полотна и издания иллюстративного материала художников-путешественников, фотографов). Отмечены первые отечественные издания трудов русских путешественников в XVIII в., их широкая публикация в русской периодике второй половины XIX–начале XX в., появление особых научно-популярных серий о путешествиях в советский и постсоветский периоды. Обращается особое внимание на вопросы библиографирования описаний путешествий и экспедиций, начиная с отражения их в первых каталогах академической библиотеки XVIII в. и до специализированных тематических библиографий новейшего времени (приводятся сведения об основных из них). Страноведческая, культурная, политическая и просветительская ценность информации о русских путешествиях на Восток дает основание говорить о целесообразности подготовки сводной библиографии публикаций по этой теме. (Библиогр. назв. 40 и 12 справ. и библиогр.)

Ключевые слова: путешествия, экспедиции, Восток, Генштаб, научные общества, практическое востоковедение, библиография

Galina Z. Pumpian
Russian Academy of Sciences Library

Papers of Russian travelers to the East in modern times and their bibliographic support

Summary: The article briefly describes Russian travels to the foreign East in the late XVII–early XX century, taking into account geopolitical and cultural-historical tasks, their role in the study of the East and the development of cultural and political relations with Eastern countries, their publication and reflection in bibliography. The materials on travels in different directions are summarized, but the main emphasis is on travels to the Middle East (first of all, to the Ottoman Empire, including the Arab countries that were part of it at that time) and to the Far East (first of all, to China) as the most widely presented in publications and archival materials. Their typological varieties and the nature of publications are considered — diplomatic (from the early ones in the form of stateinye spiski (compiled according the questionnaire by topic) and skazki (tales) to reports), scientific reports of expeditions, journalistic papers, diaries, memoirs and travelogues of pilgrims, merchants, prisoners, tourists, figures in literature, art, science, politics, visual sources by artists, photographers. Special attention is paid to the issues of bibliography of travel and expedition descriptions, starting with their reflection in the first catalogues of the academic library of the XVIII century and up to specialized thematic bibliographies. The country-specific, cultural, political and educational value of information about Russian travels to the East gives reason to speak about the expediency of preparing a consolidated bibliography of publications on this topic. (Refs. 40 +12)

Keywords: travels, expeditions, East, General Staff, scientific societies, practical Oriental studies, bibliography

Публикации по истории русских путешествий и экспедиций на Восток заслуживают особого внимания при изучении отношений России со странами Востока. Именно путешествия дали первые представления в России о странах Востока и во многом способствовали накоплению знаний, необходимых для формирования многосторонних отношений с ними. Характеризуя путешествия, целесообразно затронуть историко-культурные и политические предпосылки путешествий, состав путешественников, их роль в изучении восточных стран и развитии с ними контактов, их публикации и библиографирование.

Первые русские путешествия на Восток относятся к допетровской эпохе. Это в основном паломнические и торговые поездки на Ближний Восток (первым из зафиксированных было путешествие в Святую Землю в 60-х гг. XI в. Варлаама (до 1035-до 1067/74), главы Киево-Печерской иноческой общины и впоследствии настоятеля монастыря св. Димитрия, однако каких-либо описаний путешествия Варлаама не выявлено [Жиленко, 2003]. Были поездки в Индию [Малиновский, 1837]. На Дальний Восток русские путешествия начинаются в начале и особенно активно с середины XVII в. в связи с попытками найти сухопутный путь в Китай и установить с ним торговые и дипломатические отношения. В допетровскую эпоху впечатления от поездок на Ближний Восток, Индию фиксировались в виде всевозможных хождений (хождений). Первым известным документом о путешествии на Ближний Восток было «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» (1106–1108), ценный источник по истории и археологии Иерусалима и Палестины в целом [ППС, 1885 Т. 3 вып.3: 97–297].

Начиная с XVIII в. основными направлениями восточных русских путешествий, давших больше всего письменных свидетельств, были Османская империя на юге (прежде всего Библейский регион и непосредственно территория современной Турции) и Китай на Дальнем Востоке. Помимо этого, совершались путешествия в Иран и Афганистан и на Дальнем Востоке — в Японию, Корею, проявлялся интерес к Индии как к возможному торговому партнеру, также совершались путешествия на присоединенные в XIX в. к Российской империи территории — Кавказ и Среднюю Азию.

Напомним коротко о политическом и культурно-историческом контексте этих поездок. Восточный вектор занимал важное место во внешней политике Российской империи в петровскую эпоху, не ослабевал он и в дальнейшем. В течение XVIII столетия велись продолжительные русско-турецкие войны за выход к Черному морю. В то же время происходило выстраивание дипломатических и торговых отношений с Османской империей. В течение XIX в. на южном направлении в центре внимания российской внешней политики была борьба за укрепление своих позиций в Закавказье, на Черном море и на Балканах и более широко — участие в решении так называемого *восточного вопроса*. Продолжались и давние традиционные духовные связи России с христианско-арабским Востоком, Святой Землей, которую посещали русские паломники. Во второй половине XIX в. усилился политический интерес России к странам Персидского залива, были открыты консульства

в Джидде и прилегающих районах, открывались русские медицинские, исследовательские и технические миссии, несколько русских кораблей посетили порты Персидского залива [Бондаревский, 1968]. Важным было и дальневосточное направление во внешней политике Петра, стремившегося к установлению и развитию дипломатических и торговых отношений с Цинской империей. Активно продолжались контакты на этом направлении и при его преемниках. Для России в XVIII и большей частью в XIX вв. главным во взаимоотношениях с Китаем были экономические и торговые отношения, на что обращали внимание китаеведы [Хохлов, 1993]. Многообразные функции выполняла Российская духовная миссия в Пекине (РДМ). Во второй половине XIX в. в результате переговорных процессов в состав России были включены территории Внешней Маньчжурии — Приамурье и Приморье, что дало импульс к исследованиям сопредельных территорий. Делались попытки установления контактов с Японией, приведшие к установлению дипломатических и торговых отношений вследствие миссии Е. В. Путятин (1852–1855) [ИР-ЯО, 2015]. На рубеже XIX–XX вв., вскоре после Японо-китайской войны, серьезно повлиявшей на геополитическую ситуацию, в России усилился и интерес к Маньчжурии. Также были активны исследования в Центральной Азии [Андреев, 2012], что тесно переплеталось с политическим вопросом англо-русского соперничества в этом регионе («Большая игра»), стали налаживаться контакты с Юго-Восточной Азией (см. очерк А. И. Пылевой: [РиК, 2012]).

Активная восточная политика способствовала развитию научного и практического востоковедения. Уже в XVIII в. были осуществлены первые шаги в этой области. В XIX в. происходило становление научного востоковедения, что в свою очередь создавало солидную базу для организации экспедиций на Восток. Особенно важным в экспедиционной деятельности было основание научных обществ¹, а также открытие научных институтов и духовных миссий на Востоке².

Имеется чрезвычайно широкий спектр материалов путешественников — дипломатические отчеты, рекогносцировочные и военно-статистические отчеты военных, научные описания экспедиций и исследователей, а также разнообразная мемуарная литература, в том числе, торговые и паломнические записки, свидетельства участников разных событий и частных лиц, журналистские и писательские публикации, визуальные источники — фоторепортаж, изобразительные материалы, записки художников. Как особый литературный жанр получил развитие и травелог.

¹ Велика была роль в организации экспедиций Императорского русского географического общества (1845; с 1847 — ИРГО) и Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношениях (1903–1917).

² Российские духовные миссии — в Пекине (1715–1954); в Иерусалиме (1847–1918, с 1918 г. по настоящее время РПЦЗ и с 1948 г. — РПЦ МП; в Урмии (Иран; 1898–1918); Императорское Православное Палестинское общество (ИППО; осн. в 1882 г.), Русский археологический институт в Константинополе (РАИК; 1895–1920); русские общества в Китае — О-во изучения Маньчжурского края (ОИМК; 1922–1928) и О-во русских ориенталистов (ОРО; 1908, с 1911 г. — Отд-ние Петерб. о-ва русских ориенталистов).

Уже на рубеже XVII–XVIII вв. участники дипломатических и торговых поездок на Восток оставляли в Посольском Приказе документы — «отписки» воевод, расспросные речи и расспросные листы, сказки и статейные списки³. Со временем появляются отчеты нового вида — реляции, записки, путевой журнал. Направлявшимся в какую-либо восточную страну членам дипломатических миссий давалась возможность ознакомиться с записями участников предыдущих посольств в эту страну⁴.

В русских исследованиях Востока большая роль принадлежала военным (офицерам Генштаба, топографам, геодезистам и географам). Они выполняли прежде всего рекогносцировочные и военно-статистические обследования разных регионов, однако в дальнейшем их деятельность стала более многообразной [Басханов, 2005]. В 1834–1835 гг. в Азиатскую Турцию и Сирию совершали поездки офицеры М. П. Вронченко, П. П. Львов и И. Ф. Дайнези⁵. Продолжались они и позже: в 1849–1852 гг. состоялась поездка полковника (позже генерала) Е. И. Чирикова для участия в российско-британской комиссии по турецко-персидскому разграничению, в ходе которой он посетил разные области Ирака и составил путевой журнал и материалы о работе Комиссии. Чириков оставил и довольно живые детали в описаниях Ирака⁶. Деятельность военных специалистов по изучению Востока особенно усилилась в период либерально-буржуазных реформ в России во второй половине XIX в., когда изменился взгляд на роль науки в военном деле во многом благодаря военному министру Д. А. Милютину. Его реформа в 1860–1870 гг. придала важный импульс осуществлению исследований Востока военными [ИОВ-21997]. В начале XX в. был опубликован труд Б. Шелковникова (1903) по результатам поездки в Месопотамию⁷. Информативностью и содержательностью отличаются записки об Аравии офицеров А. Г. Давлетшина, Е. Нольде. Ситуацию в заливе затрагивали и упоминавшиеся Е. И. Чириков и Б. Шелковников [Пумпян, 2000]. Ряд военных экспедиций был организован совместно с Императорским Русским географическим обществом (ИРГО). Под его эгидой были осуществлены географические и рекогносцировочные экспедиции Генштаба в Восточный Туркестан, а также Внутреннюю Монголию, Тибет и даже Внутренний Китай. Помимо задач военной географии, ими

³ Они так назывались потому, что глава миссии получал заранее подготовленный вопросник (наказы, расспросные листы), а по возвращении проводились подробные опросы.

⁴ Так, первый постоянный дипломатический агент в Константинополе И. И. Неплюев до отъезда на Восток изучил имеющиеся статейные списки и переписку с Посольским приказом и Коллегией иностранных дел [Климанов, 1979].

⁵ О первой русской рекогносцировке в Азиатской Турции, Сирии и Палестине Генерального штаба подполковником П. П. Львовым рассказывается на основе архивных документов в статье М. К. Басханова [РиП, 2018].

⁶ Характеризуя особенности климата, он приводит народное выражение «финиковый жар», т. е. самое жаркое время в году, когда созревают финики. И в связи с невыносимой жарой цитирует народную поговорку — жара полезна, а холод грызет затылок [Пумпян, 2000].

⁷ Тогда — Багдадский, Мосульский и Боссорский вилайеты, входившие в VI Турецкий корпусный округ.

были составлены описания геологического, ботанического, зоологического, этнографического планов, собраны различные коллекции и сделаны открытия мирового уровня [Андреев, 2012; РЭЦА, 2008]. Первые экспедиции осуществлялись под руководством величайшего исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского (1839–1888). Состоялись экспедиции в Средней Азии [Яковлева, 2013].

В описание и изучение Востока большой вклад внесли и военные моряки. Еще в XVIII в. описание Алжира и Туниса составил участник Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. М. Г. Коковцов [Коковцов, 1787]⁸. В 1803–1806 гг. состоялась первая русская кругосветная экспедиция на парусниках (шлюпах) «Надежда» и «Нева» под командованием капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна (1770–1845) с помощником капитан-лейтенантом Ю. Ф. Лисянским (1773–1837), в ходе которой моряки обследовали острова Тихого океана, западные берега Японии, посетили Китай⁹. Начиная с середины XIX в. стали частыми дальние плавания русских военных кораблей, главным образом в Средиземном море и в Тихом океане. Записки военных моряков в виде таких документов, как рапорты, официальная переписка и личные дневники, откладывались в Военно-морском архиве. Они представляют немалый интерес для исследования военно-политической ситуации, этнографических особенностей этого региона и проанализированы в работах М. Е. Малевинской [РиК 2012; РиП 2018].

Осуществлялись сугубо научные экспедиции. Так, еще в 1858–1859 гг. была успешно осуществлена крупная комплексная Хорасанская экспедиция под руководством Н. В. Ханькова [Яковлева, 2013]. Российский комитет для исследований Средней и Восточной Азии (РКИСВА) принимал участие в организации в начале XX в. (1909–1910 и 1914–1915 гг.) Первой и Второй Русско-Туркестанских экспедиций С. Ф. Ольденбурга (1863–1934) [РЭвЦА].

ИППО и духовная миссия в Иерусалиме, а позже и РАИК организовывали научные экспедиции и поездки на Ближний Восток с целью описания рукописей в монастырских хранилищах и проведения археологических работ. Так, в 1902 г. в монастыре св. Екатерины на Синае работали арабист и византист А. А. Васильев, кавказоведы кн. Н. А. Джавахов и Н. Я. Марр. Заметки о путешествии на Синай и учебных занятиях в монастыре Святой Екатерины оставил А. А. Васильев [СИППО, 1904 (1905), Т. 15, вып. 3: 173–252]. Также ИППО и духовная миссия в 1891–1892 гг. организовали в Палестине «археологические путешествия» Н. П. Кондакова по исследованию раннехристианских древностей¹⁰. Ряд работ о Библейском регионе оставили члены ИППО (об инспекционных поездках в школы и подворья, жизни учеников

⁸ М. Г. Коковцов (1745–1793) — военный моряк, разведчик, исследователь (прапрадед семитолога П. К. Коковцова).

⁹ В 1805 г. оба шлюпа были в порту Макао на юге Китая.

¹⁰ Их целью были не полевые исследования, но осмотр памятников, фотофиксация, зарисовки, сбор музейных экспонатов и издание по их результатам печатных трудов (см. ст. Л. А. Беляева: [ППС.2007. Вып. 105: 49–50]).

и учителей школ общества)¹¹. Мемуары о жизни на Святой Земле и путешествиях по Библейскому региону написали главы Российской духовной миссии в Иерусалиме Порфирий (Успенский) [Порфирий (Успенский), 1856] и Антонин (Капустин) [Антонин (Капустин), 2010].

Воспоминания или письма о Востоке оставляли и стажеры — студенты и выпускники факультета восточных языков С.-Петербургского императорского университета и Лазаревского института в Москве¹², естествоиспытатели, врачи (А.В. Елисеев и А.А. Рафалович на Ближнем Востоке) [Пумпян Г.З., 2011; СЛП, 1991], путешественники-любители¹³, писатели¹⁴. Имеются записки и письма членов и учеников РДМ в Пекине¹⁵.

Важное место среди работ путешественников занимают изобразительные материалы художников и их записки, а позже — и фотография. С конца XVIII в. до 1840-х гг. каждую дипломатическую миссию и экспедицию из России сопровождали художники, занимавшиеся «снятием видов» [Крылова, 2010] (например, А.Е. Мартынов — сопровождавший посольство Ю.А. Головкина в Китай [Мартынов, 1819]). Некоторые из них совершали творческие поездки на Восток (например, братья Г.Г. и Н.Г. Чернецовы, В.Д. Поленов и И.Е. Репин ездили в Палестину, В.Е. Маковский — в Египет), служили при РДМ в Пекине. Во многих странах Востока побывал В.В. Верещагин. Впечатления о Востоке нашли отражение в их художественном творчестве и записках (см. например, статью А.Н. Хохлова [РиП, 2018]).

История русских путешествий на Восток в целом хорошо известна и широко освещается в научной, популярной и справочно-информационной литературе. Материалы русских дипломатических миссий впервые в России вышли в свет в середине XVIII в. Это первое в России издание акад. (Ф.И. (Г.Ф.) Миллером в 1755 г. документных свидетельств о ранних поездках русских в Китай в академическом журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»

¹¹ Например, материалы об инспекционной поездке секретаря общества А.А. Дмитриевского в Египет, Палестину и Сирию с описанием подворья Синайского монастыря и условий, в которых жили российские паломники (подгот. к изд. А.Г. Грушевым) [РиП, 2018].

¹² В. Диттель, В.Ф. Гиргас, И.Н. Берёзин о пребывании в Ираке [Пумпян, 2000], И.Ю. Крачковский — о Сирии, Ливане, Палестине и Египте [Крачковский, 1948], А.Е. Крымский — о Ливане [Крымский, 1975].

¹³ Например, кн. О.А. Щербатова, совершившая с родственниками путешествие по арабскому Востоку с целью приобретения арабских скакунов, проехавшая на лошадях по Сирийской пустыни [Щербатова, 1903].

¹⁴ И.А. Гончаров, автор «Фрегата Паллада», в котором имеются описания Сингапура и Шанхая; писатель, журналист и переводчик А.М. Федоров (1868–1949), путешествовавший по Ближнему и Дальнему Востоку; Гарин-Михайловский, участвовавший в экспедиции в Корею; журналисты К. Скальковский — в Египте, Аравии и Индии [Пумпян, 2011], Д.Г. Янчевецкий — в Китае и др.

¹⁵ Среди авторов: архимандрит Аввакум (Честной), иеромонах Авраамий (Часовников), художник Л.С. Игорев, врачи П.Е. Кирилов, А.А. Корнеевский, акад. В.П. Васильев.

[Миллер, 1755]¹⁶. В конце XVIII в. Н.Н. Бантыш-Каменский впервые в России подготовил сборник документов по русско-китайским отношениям XVII–XVIII в., включающий свидетельства путешественников (был издан в конце XIX в. в Казани) [Бантыш-Каменский, 1882]. Описание Османской империи на основе собственных наблюдений в 1703 г. были сделаны государственным деятелем и дипломатом П.А. Толстым (1645–1729), хотя и были изданы гораздо позже [Толстой, 1913]. С середины XIX в. в России бурно развивается издательская и журналистская деятельность. Материалы о путешествиях публиковались в периодических изданиях — как общественно-художественных и популярных, так и в специальных (научных и ведомственных), например, в сборниках консульских донесений, а также в виде отдельных изданий, например, труды руководителей российских экспедиций в Центральную Азию¹⁷, публикации путешественников и дипломатов в Аравии и странах залива во второй половине XIX в.¹⁸. Палестинское общество планировало осуществить полное научное издание записок русских паломников в Святую Землю, начиная с Крещения Руси и до XVIII в., опубликовано сорок два памятника [Ук. Тр. ППО].

Имеются также современные публикации о русских путешествиях на Восток [Кириллина, 2010; Гончаренко, 1993; Хисамутдинов, 1889]. Вышли в свет издания о русских путешествиях обобщающего характера за крупный период времени — по Индии в XIX в. — начало XX вв. [РПИ, 1990], по Ближнему Востоку Б.М. Данцига [Данциг, 1965]¹⁹. Путешествия в Китай получили широкое отражение в библиографиях и изданиях архивных документов [Скачков; Карская; Р-К Отн. XVII, XVIII, XIX].

Популяризация российских достижений в этой области и просветительские цели признавались задачами государственной важности. Описания путешествий Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, П.К. Козлова, В.А. Обручева издавались неоднократно даже в очень нелегкое для страны время — и вскоре после революции и Гражданской войны, и в трудные послевоенные годы. Появлялись и художественные произведения, в основу которых были положены путешествия по Востоку, например, приключенческая повесть В.А. Обручева «В джунглях Центральной Азии: записки кладоискателя» для среднего и старшего школьного возраста, вымышленные герои которой, торговцы, проходят по следам известных путешественников

¹⁶ До этого некоторые документы впервые были опубликованы на Западе, куда попадали разными путями.

¹⁷ Среди авторов — Б.Л. Громбчевский (1855–1926), П.К. Козлов (1863–1935), М.Б. Певцов (1843–1902), Н.М. Пржевальский, П.Я. Пясецкий (1843–1919), В.И. Роборовский (1856–1910), Ю.А. Сосновский (1842–1897) и многие другие [Скачков, 1960; Карская, 2000].

¹⁸ Так, в конце XIX (1896) описание путешествия на Ближний Восток (паломничество в Мекку) оставил русский консул в Джидде уроженец Туркестана Ш. Ишаев. Анализ торговли в Хиджазе содержится в очень информативном обзоре управляющего консульством в Джидде Никольского (1906), составленном на основе личных расспросов мелких торговцев, приказчиков фирм и служащих таможи в Джидде, так как официальной статистики не было [Пумпян, 2011].

¹⁹ Издана монография и о русских путешественниках в Индию в XIX в. [РПИ, 1990].

и видят, например, развалины мертвого города Харо-Хото. В настоящее время описания путешествий также издаются (в т.ч. в сериях: «Библиотека путешествий», «Научное наследие», «Азия и Африка в источниках и материалах», в 1960-е-1980-е — в серии «Русские путешественники и востоковеды» изд-ва «Наука»). Выходят в свет монографические издания и сборники, содержащие новые архивные материалы и подводящие итоги исследованиям. Так, к 190-летию ИВР РАН вышел в свет иллюстрированный сборник альбомного типа «Русские экспедиции в Центральной Азии [РЭВЦА, 2008]. Интерес к трудам русских путешественников прошлого заметен и за рубежом. Не так давно были переизданы в Англии (1973) и во Франции (1993) переводы дневников пристава Российской духовной миссии в Пекине Е.Ф. Тимковского о поездке в Китай [Васильев, 2010]. В настоящее время осуществляется большой проект Института географии РАН «Атлас и глобус русских географических исследований и открытия Земли: в 3 т.», в котором представлены и русские экспедиции на Восток (URL: rgo.ru...grant/atlas-i-globus...geograficheskikh...zemli) (дата обращения: 23.03.2021).

Сочинения о путешествиях отражены в разных библиографических изданиях — от первых печатных каталогов Библиотеки Академии наук в XVIII в. до специальных библиографических пособий второй половины XIX–рубежа XX–XXI вв. Публикации о путешествиях отмечены в первом печатном каталоге академической библиотеки — Камерном [ВР, 1742]²⁰, Указателе по русской периодике А.Н. Неустроева (1898) [Неустроев, 1898]²¹.

На рубеже XIX–XX вв. вышли в свет 4 выпуска «Указателя к изданиям Императорского географического общества и его отделов за пятьдесят лет существования с 1846 по 1905 год» [УКИИГ, 1886–1910]. В конце XIX в. была издана первая в России библиография по Азии в 2-х тт. В.И. Межова [Межов, 1891–1894]. В советский и в постсоветский периоды библиографическую работу востоковедного плана можно охарактеризовать как весьма продуктивную. Были изданы библиографии, в которых присутствует тема путешествий, в том числе: 1. Разделы в «Библиографии Китая» П.Е. Скачкова (Общая география; Естественно-географическая среда; Население; Царская Россия и Китай; Советский Союз и Китай), включающие отчеты экспедиций, записки и наблюдения путешественников и мемуары [Скачков, 1960]; 2. «Путешествие в Святую землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв.» [1995]; 3. Раздел «Восточный Туркестан» в «Аннотированной библиографии отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии

²⁰ В частности, описание дипломатической поездки Идеса Избранта по поручению русского правительства в Китай на голландском и немецком языках.

²¹ Например, отмечены «Путешествие Ф. Байкова в Китай» в 1654 г. и «Путешествие и журнал русского посланника в Китай господина Избрандеса в 1692 г.» в журнале «Древняя Российская Вивлиофика», издание Миллера «Первые русские путешествия и посольства в Китай (1755), дневниковые записки караванного пути через Наунскую дорогу от Цурухайта до Пекина» в «Академических известиях» в 1736 г., статья «Поверка Вольтеровых примечаний о Китае, собранных Братищевым в бытность его в Пекине», а также описания Китая из переводных сочинений европейских путешественников.

1818–1917 гг.» Л.Н. Карской, содержащий все путешествия в Центральную Азию [Карская, 2000]; 4. Сведения о путешествиях в Библейский регион вошли в Указатель трудов ИППО [Ук. Тр. ИППО, 2009]; 5. Биобиблиографический словарь военных востоковедов М.К. Басханова [Басханов, 2005], включающий около 400 словарных статей о русских офицерах, занимавшихся изучением стран зарубежного Востока и сопредельных с ними территорий Российской империи²²; 6. Библиографии Т.Н. Лебединской об изобразительных материалах в журнале «Всемирная иллюстрация» по Восточному Средиземноморью и Китаю [РиП, 2018; ИИР-КС, 2019].

Страноведческая, культурная, политическая и просветительская ценность информации о русских путешествиях на Восток позволяет говорить о целесообразности подготовки сводной библиографии публикаций по этой теме.

Список литературы

1. *Андреев А.И.* Российские экспедиции в Центральной Азии (1870–1920-е гг.): научные и военно-политические аспекты // Научн.-тех. ведомости СПбГПУ. Гуманитар. и обществ. науки. 2012. № 4. С. 103–109.
2. *Архимандрит Антонин (Капустин).* Из Иерусалима: статьи, очерки, корреспонденции, 1866–1891 / изд. подгот. Р.Б. Бутова. М., 2010. 512 с.
3. [Бантыш-Каменский Н.Н.] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским / изд. в память истекшего 300-летия Сибири В.Ф. Флоринским, с приб. издателя., Казань, 1882. XII, 565 с.; 25.— Библиогр. в примеч.
4. *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец 19-начало 20 в.). Москва: Наука, 1968. 542 с.
5. *Васильев Д.Д.* Биографические сведения об авторе «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковском и его братьях // Вост. арх.— 2010.— № 1 (21). С. 34–42.
6. *Гончаренко С.Н.* Из истории русско-китайских отношений: русские путешественники в Китае во второй половине XIX в. // И не распалась связь времён...: к 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. ст. Москва, 1993. С. 230–245.

²² М.К. Басхановым перечислены практически все изданные описания поездок и путешествий военных и описания, сохранившиеся в архивах, а также публикации о персоналиях. О них говорится и в монографии С.Г. Кляшторного, А.А. Колесникова и М.К. Басханова [Кляшторный С.Г. и др., 1991].

7. *Данциг Б. М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. Москва: Мысль, 1965. 272 с.: карт.
8. ИР-ЯО — История российско-японских отношений XVIII–начало XXI века: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международ. отношения» и «Зарубежное регионоведение» / под ред. С. В. Гришачева. Москва: Аспект пресс, 2015. 332, [2] с.
9. *Кириллина С. А.* Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. Москва: Ключ-С, 2010. 564 с.
10. Климанов Л. Г. Первый русский резидент в Константинополе // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 176–180.
11. *Кляшторный С. Г.* Восточный Туркестан глазами европейских путешественников / С. Г. Кляшторный, А. А. Колесников, М. К. Басханов. Алма-Ата: Гылым, 1991. 182 с., 8 л. ил.
12. *Коковцов П. К.* Достоверные известия о Алжире, о нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом: Сочинение российского офицера, все то на месте обзревшаго. Санкт-Петербург: Издано под смотрением и на иждивении Феодора Туманского. Печ. у Шнора, 1787. [16], 144 с., 1 л. карт; 8°. Помещенное в кн. письмо авт. к изд. Ф. О. Туманскому подписано: Матвей Коковцов. Карта «Чертеж Алжирского залива» сост. М. Г. Коковцовым и грав. на средства Ф. О. Туманского. [Перечень изд. Ф. О. Туманского, продающихся в тип. Шнора] (С. 144).
13. *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями: листки воспоминаний о книгах и людях. 3-е изд., испр. и доп. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 202 с. (Научно-популярная серия. Мемуары / АН СССР). — Впервые изд. в 1945 г. (119 с.).
14. *Крылова Маргарита.* Русские художники-путешественники // Третьяковская галерея. 2010. № 2 (27). С. 4–17.
15. *Крымский А. Е.* Письма из Ливана. (1896–1898) / Предисл. И. М. Смилянкой. Москва: Наука, 1975. 342 с., 1 л.
16. *Леонтьев К. Н.* Из жизни христиан в Турции: повести и рассказы К. Н. Леонтьева: в 3-х т. Москва: Унив. тип. (Катков), 1876.
17. *Малиновский А.* Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев с 1469 по 1751 г. // Тр. и летописи О-ва истории и древностей российских. 1837. Т. 7. Ч. 3.
18. [Мартынов А. Е.]. Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы Андрея Мартынова, Советника Академии Художеств. Санкт-Петербург: Тип. Александра Плюшара, 1819. [6], 7–67 с.; 22 л. ил. — Тексты художника (в т. ч., «Кяхта», «Маймачен» (Май-Май-Ченн): с. 53–64.

19. *Мясников В. С.* Пекинские письма доктора Кирилова // Пробл. Дальнего Востока. 1988. № 3. С. 115–126. № 4. С. 146–155.
20. *Порфирий (Успенский К. А.)*. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского, в 1850 году. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1856. [8], 294 с.
21. ППС — Православный палестинский сборник / ИППО. 1981–2020. Вып. 1–118.
22. *Пумпян Г. З.* Аравия в периодических изданиях и записках путешественников XVIII–начала XX в. в России (по фондам БАН) // Россия и арабский мир: научные и культурные связи. Вып. 11. СПб, 2011. С. 18–24. — Библиогр. в примеч²³.
23. *Пумпян Г. З.* Ирак в русской периодической печати и записках путешественников XIX–XX веков // Россия и араб. Мир. Вып. 6. СПб, 2000. С. 58–66. — Сп. лит.: с. 65–66²⁴.
24. РиК 2013 — Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. — Москва: «Весь Мир», 2013. 704 с. С. 89.
25. РиК, 2012 — Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов) / Библиотека РАН; отв. ред. Н. В. Колпакова; отв. сост. Г. З. Пумпян. Санкт-Петербург, 2012. 308 с.: ил. — (Raga Orientalia)²⁵.
26. РиП — Россия и Палестина: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов) / Библиотека РАН;

²³ Включ. библиогр. данные о публикациях, посвященных путешествиям в Аравию и страны Персидского залива (*Давлетшин А. Г.* Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз (1899), с. 21; *Елисеев А. В.* По белу свету: очерки и картины из путешествия по трем частям Старого Света: в 4 т. (1893–1896), с. 20; *Ишаев Ш.* Мекка, священный город мусульман: рассказ паломника (1896), с. 22; *Никольский М.* Торговля Геджаза (донесение управляющего консульства в Джидде М. Никольского) (1906), с. 23; *Скальковский К.* Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии, Индии (1873), с. 19; *Nolde E.* Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien von baron Nolde (1892, 1895), с. 22 и др.)

²⁴ Включ. библиогр. данные о публикациях, посвященных путешествиям в Ирак (*Чириков Е. Н.* — 2 соч., *Шелковников Б.*, *Березин И. Н.* — 9 ст., *Диттель В. Ф.* — 5 ст. и др.).

²⁵ Включает статьи о путешествиях: *Андреев А. И.* Русские экспедиции в Центральную Азию: организация и снаряжение (1870–1920-е гг.), с. 19–35; *Андреев А. И.* Зоологические коллекции Н. М. Пржевальского в фондах Зоологического музея РАН, с. 36–58; *Малевинская М. Е.* Китай второй половины XIX–начала XX в. глазами русских моряков (по материалам РГАВМФ), с. 59–35; *Филиппова Т. Ф.* Георг Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л. В. Измайлова, с. 12–18, *Пылева А. И.* Россия и Королевство Сиам (Таиланд) в XIX–начале XX в.: очерк истории двусторонних отношений, с. 253–371).

- отв. ред. Н. В. Колпакова; отв. сост. Г. З. Пумпян. Санкт-Петербург, 2018. 412 с.: ил. — (Raga Orientalia)²⁶.
27. РПИ — Русские путешественники в Индии XIX–начало XX вв.: Документы и материалы / Отв. ред. и авт. предисл. П. М. Шаститко. Москва: Наука, 1990. 303, [1] с.; 22 см. (Азия и Африка в источниках и материалах).
  28. РЭЦА — Русские экспедиции в Центральной Азии в конце XIX–нач. XX века / под ред. И. Ф. Поповой. Санкт-Петербург: Славия, 2008. 244 с.: ил.
  29. Р-КО XVII — Русско-китайские отношения в XVII веке: документы и материалы / сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова; коммент. и ист. введ. В. С. Мясникова; археогр. введ. Н. Ф. Демидовой; ред. академ. В. С. Мясников: в 2 т. Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969–1972.
  30. Р-КО XVIII — Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы: в 6 т. / сост. В. С. Мясников, А. И. Тарасова; отв. ред. академ. С. Л. Тихвинский; ред. академ. В. С. Мясников. Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1995. Т. 1. 1022 с.
  31. Р-КО XIX — Русско-китайские отношения в XIX веке: документы и материалы / сост. В. С. Мясников, отв. ред. академ. С. Л. Тихвинский; ред. академ. В. С. Мясников. Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1995. Т. 1. 1022 с.
  32. СИППО — Сообщения Православного Палестинского о-ва / ИППО. 1886–1926.
  33. СЛиП — Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века / сост. М. Р. Рыженков, И. М. Смилянская. Москва: Наука, 1991. 367, [1] с., [4] л. ил.
  34. *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах: в 3 ч. Санкт-Петербург: Тип. Мед. Департамента М-ва внутр. дел, 1824. Ч. I-3.
  35. *Толстой П. А.* Состояние народа турецкого в 1703/ предисл. А. Сергеева. Симферополь, 1913.
  36. *Хисамутдинов А. А.* Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1989. 352 с.

²⁶ Включ. статьи о путешествиях: *Басханов М. К.* На картах Генерального штаба — Левант: история первой русской разведывательной миссии в Азиатскую Турцию и Сирию (по материалам Российского государственного военно-исторического архива), с. 148–170; *Гердт Л. А.* Путешествие архимандрита Антонина (Капустина) в Египет в 1857 г., с. 135–147; *Грушевой А. Г.* Египет в 1910 году глазами Дмитриевского (по фондам петербургских архивов), с. 203–235; *Малевицкая М. Е.* Средиземноморские плавания российских военных кораблей во второй половине XIX–начале XX веков (по фондам РГАВМФ), с. 171–183; *Хохлов А. Н.* Палестина 80-х гг. XIX–начала XX вв. глазами русских художников В. В. Верещагина и И. Е. Репина (по архивным и опубликованным материалам рубежа XIX–XX вв.), с. 343–350.

37. *Хохлов А. Н.* Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // *И не распалась связь времен...: к столетию со дня рождения и П.Е. Скачкова.* Москва, 1993. С. 203–204.
38. *Щербатова О. А.* Верхом на родине бедуинов, в поисках за кровными арабскими лошадьми: (2600 верст по арав. пустыням в 1888 и 1900 гг.) / [Соч.] Кн. О.А. Щербатовой <...>. Санкт-Петербург: тип. А. Бенке, 1903. [4], 224 с.: ил.
39. *Яковлева М. Ю.* Азиатские экспедиции Императорского русского географического общества в годы правления Александра II // *Теория и практика обществ. развития.* 2013. № 12. С. 15–22.
40. *Ysbrands (Ides).* Driejarige Reise nach China. 4t. Amsterdam, 1704; *Ysbrands (Ides).* Dreyjahrige Reise nach China. Frankfurt, 1707).

Справочники и библиографии

1. *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. Москва: Вост. лит., 2005. 296 с.
2. *Жиленко И. В.* Варлаам / И. В. Жиленко, Е. В. Лопухина, А. В. Назаренко // *Правосл. энцикл.* В 35 т. Т. 6 / ред. Алексей II, Патриарх (А. М. Ридигер). М., 2003. С. 576–578.
3. *Карская Л. Н.* Восточный Туркестан // *Карская Л. Н.* Аннотированная библиография отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии, 1818–1917: (науч. периодика) / отв. ред. Ю. Е. Борщевский, С. Г. Кляшторный, С. М. Прозоров; библиогр. ред. Д. Е. Бертельс; ред. изд-ва И. Д. Егорова; Рос. акад. наук, С.-Петерб. филиал ин-та востоковедения. Москва: Вост. лит., 2000. С. 796–817.
4. *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.—1917 г.). Санкт-Петербург: Центр «Петерб. востоковедение», 1993 (1994). 448 с.
5. *Лебединская Т. Н.* Китай в журнале «Всемирная иллюстрация» (1869–1898): библиографический список // *Из истории русско-китайских связей: библиографические материалы, статьи, иллюстрации.* Санкт-Петербург, 2019. — С. 33–48; ил. 2–13. (Библиография Востока; вып. 7 (14)).
6. *Лебединская Т. Н.* Восточное Средиземноморье и Святые места в журнале «Всемирная иллюстрация»: сведения о журнале и библиографический список (1869–1898) // *Россия и Палестина: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов).* Санкт-Петербург, 2018. С. 357–365.

7. Межов В.И. Библиография Азии: указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам: в 2 т. Санкт-Петербург, 1891–1894.
8. Неустроев А.Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к историческому розысканию о них. Санкт-Петербург: Паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1898. XVI, 807 с., 1 л. фронт. (портр.).
9. Путешествие в Святую землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. / сост., предисл., справки об авт. и примеч. Б. Романова. Москва: Журн. «Лепта», 1995. 255, [1] с.: ил.
10. Скачков П.Е. Библиография Китая: Систематический указатель. Москва: Вост. лит., 1960. 690 с. (1-е изд. 1932 г.).
11. Ук. к изд. ИГО — Указатель к изданиям Императорского географического общества и его отделов за пятьдесят лет существования с 1846 по 1905 год: в 4 вып. Санкт-Петербург, 1886–1910. Вып.1–4.
12. Ук. Тр. ППО — Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007) / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.Н. Лисовой; сост.: Г.З. Пумпян (отв. сост.), О.В. Левина, В.В. Донских. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: БАН, 2009. 444 с.; 45 ил. (Библиография Востока; 1 (10)).

References

1. Andreev A.I. Russian expeditions in Central Asia (1870s-1920s): scientific and military-political aspects // *Nauchno-technicheskie vedomosti SPb GPU. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 2012, no. 4, pp. 103–109.
2. Archimandrite Antonin (Kapustin). *From Jerusalem: articles, essays, correspondence, 1866–1891* / Ed. by R.V. Butova. Moscow, 2010. 512 p.
3. [Bantysh-Kamensky N.N.]. *Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792, compiled according to documents stored in the Moscow Archive of the State Board of Foreign Affairs, in 1792–1803 by Nikolai Bantysh-Kamensky* / Ed. in memory of the expired 300th anniversary of Siberia by V.F. Florinsky, with approx. publisher. Kazan, 1882. XII, 565 p.; 25.
4. Bondarevsky G.L. *English politics and international relations in the Persian Gulf basin (late XIXth-early XXth century)*. Moscow: Nauka Publ., 1968. 542 p.
5. Vasiliev D.D. Biographical information about the author of «Travels to China through Mongolia in 1820 and 1821» E.F. Timkovsky and his brothers // *Istoricheskii arkhiv*. 2010, no (21), pp. 34–42.
6. Goncharenko S.N. Russian-Chinese relations: Russian travelers in China in the second half of the XIX century // *Ine raspalas' sviaz' vremen...: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia P.E. Skachkova: collection of articles*. Moscow, 1993, pp. 230–245.

7. Danzig B.M. *Russian travelers in the Middle East*. Moscow: Mysl, 1965. 272 p.: maps.
  8. Hisamutdinov A.A. *Terra incognita or chronicle of Russian travels in Primorye and the Far East*. Vladivostok: Far East. Univ. Publ., 1989. 352 p.
  9. *The History of Russian-Japanese relations of the XVIII–the beginning of the XXI century: a study guide for university students specializing in the areas of «International Relations» and «Foreign regional studies»* / Ed. by S.V. Grishachev. Moscow: Aspect Press, 2015. 332, [2] p.
  10. Khokhlov A.N. Trade is a priority direction of Russia's policy towards Qing China // *I ne raspalas' sviaz' vremen...: k stoletiiu so dnia rozhdeniia P.E. Skachkova*. Moscow, 1993. pp. 203–204.
  11. Kirillina S.A. *Enchanted wanderers. The Arab-Ottoman world through the eyes of Russian pilgrims of the XVI–XVIII centuries*. Moscow: Klyuch-S, 2010. 564 p.
  12. Klimanov L.G. The first Russian resident in Constantinople // *Voprosy istorii*. 1979, no. 12, pp. 176–180.
  13. Klyashtorny S.G. *East Turkestan through the eyes of European travelers* / S.G. Klyashtorny, A.A. Kolesnikov, M.K. Baskhanov. Alma-Ata, 1991. 182 p.
  14. Kokovtsov P.K. *Reliable news about Algiers, about the customs and customs of the local people; about the state of the government and regional revenues; about the situation of the Barbarian shores; about the plants and other things; with the correct drawing: Sochinenie rossiiskago ofitsera, vse to na meste obozrevshago*. St. Petersburg / Published under the supervision and dependence of Theodore Tumansky. Printed at Schnor's, 1787. [16], 144 p., 1 l. maps; 8°.
- The letter of the author to the publisher F.O. Tumansky, placed in the book, is signed: Matvey Kokovtsov. Map "Drawing of the Algerian Gulf" by M.G. Kokovtsov and an engraving at the expense of F. O.
15. Krachkovskii I. Iu. *Over Arabic manuscripts: sheets of memoirs about books and people*. 3rd edition, revised and expanded. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 202 p. (Popular Science series. Memoirs / USSR Academy of Sciences).
  16. Krylova Margarita. Russian artists-travelers // *Tret'iakovskaia galereia*. 2010, no. 2 (27), pp. 4–17.
  17. Krymsky A.E. *Letters from Lebanon (1896–1898)* / Preface by I.M. Smilyanskaya. Moscow: Nauka Publ., 1975. 342 p., 1 l.
  18. Leontiev K.N. *From the Life of Christians in Turkey: Novels and short stories by K.N. Leontiev*: in 3 vols. Moscow: University Printing house (Katkov), 1876. Vol.1–3.

19. Malinovsky A. News about the departure of Russian envoys, messengers and merchants with goods to India and about the arrival of Indians to Russia from 1469 to 1751 // *Trudy i letopisi Obshchesva istorii i drevnostei rossiiskikh*. 1837. Vol. 7. Part 3.
20. [Martynov A. E.]. *A picturesque journey from Moscow to the Chinese border by Andrey Martynov, Adviser to the Academy of Arts*. St. Petersburg: Alexandr Plyushar Printing House, 1819. [6], 7–67 p.; 22 l. ill. — Texts of the artist (including, “Kyakhtha”, “Maymachen” (May-May-Chenn): pp. 53–64.
21. Myasnikov V.S. Peking letters of Dr. Kirilov // *Problemy Dalnego Vostoka*. 1988, no. 3, pp. 115–126; no. 4, pp. 146–155.
22. *Orthodox Palestinian Society Collection of papers* / IPPO. 1981–2020. Issue 1–118.
23. Porfiry (Uspensky K. A.). *The Travels through Egypt and to the monasteries of St. Anthony the Great and St. Paul of Thebes, in 1850*. St. Petersburg: Academy of Sciences Printing House, 1856. [8], 294 p.
24. Pumpian G.Z. Arabia in periodicals and papers of travelers of the XVIII–early XX century in Russia (according to the funds of the Russian Academy of Sciences Library) // *Rossiiia i Arabskii mir: nauchnye i kul'turnye sviazi*. Issue 11. St. Petersburg, 2011. pp.18–24.
25. Pumpian G.Z. Iraq in the Russian periodical press and papers of travelers of the XIX–XX centuries // *Rossiiia i Arabskii mir: nauchnye i kul'turnye sviazi*. Vol. 6. St. Petersburg, 2000, pp. 58–66.
26. *Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations* / Ed. by A.V. Lukin. Moscow: Ves' mir Publ., 2013. 704 p. 89.
27. *Russia and China: Scientific and Cultural relations (based on materials from archival, manuscript, book and museum collections): [collection of articles]* / Ed. by N. V. Kolpakova; comp. by G.Z. Pumpian. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Library Publ., 2012. 308 p.: ill. — (Rara Orientalia).
28. *Russia and Palestine: scientific and cultural relations (based on materials from archival, manuscript, book and museum collections) [collection of articles]* / Ed. by N. V. Kolpakova; comp. by G.Z. Pumpian. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Library Publ., 2018. 412 p.: ill — (Rara Orientalia).
29. *Russian travellers in India XIX–early XX centuries: the Documents and materials* / Ed. and the author's preface by P.M. Shastitko. M.: Nauka Publ., 1990. 303,[1] p.; 22 cm. (Asia and Africa in sources and materials).
30. *Russian expeditions in Central Asia at the end of the XIX–beginning. XX century* / Ed by I.F. Popova. St. Petersburg: Slavia Publ., 2008. 244 p.: ill.
31. *Russian-Chinese relations in the XVII century: documents and materials* / compilation and processing of the text by N.F. Demidova and V.S. Myasnikov;

- comments and historical preface by V.S. Myasnikov; archeographic preface by N.F. Demidova; ed. by Academician V.S. Myasnikov: in 2 vols. Moscow: Nauka Publ., 1969–1972.
32. *Russian–Chinese relations in the XVIII century: documents and materials: in 6 volumes: v 6 t.*] / comp. V.S. Myasnikov, A.I. Tarasova; ed. akad. S.L. Tikhvinsky; ed. Academician V.S. Myasnikov. Moscow: Nauka Publ., 1995. Vol. 1. 1022 p.
  33. *Russian-Chinese relations in the XIX century: documents and materials* / comp. V.S. Myasnikov, ed. akad. S.L. Tikhvinsky; ed. Academician V.S. Myasnikov. Moscow: Nauka Publ., 1995. Vol.1. 1022 p.
  34. *Orthodox Palestinian Society Bulletin* / IPPO. 1886–1926.
  35. Shcherbatova O.A. *Riding in the homeland of the Bedouins, in search of purebred Arabian horses: (2600 miles across the Arabian deserts in 1888 and 1900)* / Book by O.A. Shcherbatova <...>. St. Petersburg: A. Benke Printing House, 1903. [4], 224 p.: ill.
  36. *Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, consular and military reviews of the first half of the XIX century* / Comp. M.R. Ryzhenkov, I.M. Smilyanskaya. Moscow: Nauka Publ., 1991. 367, [1] p., [4] L. il.
  37. Timkovsky E.F. *The Travels to China through Mongolia in 1820 and 1821: in 3 pt.*. St. Petersburg: Med. Department of Internal Affairs Printing House, 1824. Part I-3.
  38. Tolstoy P.A. *The state of the Turkish people in 1703* / Preface by A. Sergeev. Simferopol, 1913.
  39. Yakovleva M.Y. Asian expeditions of the Imperial Russian Geographical Society during the reign of Alexander II // *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*. 2013. No. 12. pp. 15–22.
  40. *Ysbrands (Ides). Driejaarige Reise nach China*. 4t. Amsterdam, 1704; *Ysbrands (Ides). Dreyjahrige Reise nach China*. Frankfurt, 1707).

Reference books and bibliographies

1. Baskhanov M.K. *Russian military Orientalists before 1917: A Biobibliographical dictionary*. Moscow: East. lit., 2005. 296 p.
2. Zhilenko I. V. Varlaam / I. V. Zhilenko, E. V. Lopukhina, A. V. Nazarenko // *Pravoslavnaia entsiklopediia*In: 35 vol. t. 6 / Ed. Alexy II, Patriarch (A.M. Ridiger). M., 2003. pp. 576–578.
3. Karskaya L.N. East Turkestan // Karskaya L.N. *Annotirovannaia bibliografiia otechestvennykh rabot po arabistike, iranistike i tiurkologii, 1818–1917: (nauch. periodika)* / Ed. Yu.E. Borshchevsky, S.G. Klyashtorny, S.M. Prozorov; bibliogr. ed. D.E. Bertels; ed. I.D. Egorov; Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

- Branch of the Institute of Oriental Studies. Moscow: Oriental Literature, 2000. Pp. 796–817.
4. Kulikova A.M. *Oriental studies in Russian legislative acts (the end of the XVII century-1917)*. St. Petersburg, 1993 (1994). 448 p.
  5. Lebedinskaya T.N. China in the journal “World Illustration” (1869–1898): bibliographic list // *Iz istorii russko-kitaiskikh svyazi: bibliograficheskie materialy, stat’i, illiustratsii*. St. Petersburg, 2019.— pp. 33–48; ill. 2–13. (Bibliography of the East; issue 7 (14)).
  6. Lebedinskaya T.N. Eastern Mediterranean and Holy Places in the journal “World Illustration”: information about the journal and bibliographic list (1869–1898) // *Rossii i Palestina: nauchnye i kul’turnye svyazi (po materialam arkhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzeinykh fondov)*. St. Petersburg, 2018. pp. 357–365.
  7. Mezhov V.I. *Bibliography of Asia: bibliography of books and articles about Asia in Russian and only books in foreign languages related to Russia’s relations with Asian states*: in 2 vols. St. Petersburg, 1891–1894.
  8. Neustroev A.N. *Bibliographic index to Russian time-based publications and collections for 1703–1802 and to the historical search for them*. St. Petersburg, 1898. XVI, 807 p., 1 l. front. (portr.).
  9. *Travels to the Holy Land: Notes of Russian pilgrims and travelers of the XII–XX centuries* / comp., preface, information about the author and note by B. Romanov. Moscow: Journal. “Mite”, 1995. 255, [1] p.: ill.
  10. Skachkov P.E. *Bibliography of China: A systematic index*. Moscow: East Lit., 1960. 690 p. (1st ed. 1932).
  11. *Bibliography of publications of the Imperial Geographical Society and its departments for fifty years of existence from 1846 to 1905*: in 4 vols. St. Petersburg, 1886–1910. Issue 1–4.
  12. *Bibliography of publications of the Imperial Orthodox Palestine Society (1881–2007)* / sc. hand. V.P. Leonov; ed. by N.N. Lisovoi; compilers: G.Z. Pumpian (responsible compiler), O.V. Levina, V.V. Donskikh. 2nd ed. St. Petersburg: Rus. Academy of Sc. Library Publ., 2009. 444 p.; 45 ill. (Bibliography of the East; 1 (10)).

Информация об авторе

Галина Захаровна Пумпян — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Библиотека Российской академии наук.

Email: birsim@yandex.ru

Author's information

Galina Z. Pumpian — PhD in Philology, Senior researcher, Russian Academy of Sciences Library.

Email: birsim@yandex.ru

УДК: 94

Т. А. Рыженкова

Санкт-Петербургский государственный университет

Традиция отправки махмаля из Египта в Мекку в XIII–XX вв.

Аннотация: Статья посвящена одной из самых ярких традиций религиозной жизни Египта — отправке махмаля (ритуального паланкина) в составе каравана паломников в сезон хаджа. Обычай существовал на протяжении нескольких столетий — с XIII по XX вв. Особое внимание уделяется политической роли махмаля как символа законной власти и суверенитета над священными городами Мекка и Медина. Его отправка считалась привилегией сменявших друг друга мусульманских династий, которым в тот или иной период истории удавалось установить контроль над священными городами Хиджаза. Махмаль представлял собой деревянный покрытый шелковой накидкой паланкин пирамидальной формы. Конструкция водружалась на спину самого сильного верблюда, выращенного специально для этой цели. Пышная процессия с махмалем в течение трех дней перемещалась по улицам Каира, прежде чем присоединиться к каравану. В народе полагали, что внутри находится покрывало для Каабы (кисва) — один из даров для мекканской святыни, перевозимых с караваном паломников, однако данное обстоятельство не находит отражения в источниках. Истории традиции покрытия Каабы тканью и изготовления кисвы посвящена отдельная глава настоящей статьи, так как данная традиция неразрывно связана с египетским махмалем. Исследование охватывает широкий временной диапазон, включающий эпохи древней, средневековой и новой истории арабо-мусульманского общества. В статье использована обширная литература. Большую ее часть представляют относящиеся к различным периодам источники, в том числе специально посвященные истории Мекки и хаджа, такие как «Хроники города Мекки» Абу аль-Валида аль-Азраки (IX век), «Собрание редких жемчужин о событиях великого хаджа» ‘Абд аль-Кадира аль-Джазири (XVI век) и «Зеркало двух святынь» Ибрахима Раф‘ат-паши (начало XX века). (Библиогр. 15 назв.)

Ключевые слова: хадж, ислам, история ислама, Египет, Мамлюкский султанат, Османская империя

Tamara A. Ryzhenkova
Saint-Petersburg State University

The Tradition of Sending the Mahmal from Egypt to Mecca in the XIII–XX centuries

Summary: The article is devoted to one of the brightest traditions of the Egyptian religious life — the sending of a Mahmal (ritual palanquin) as part of the pilgrim caravan during the hajj season. This custom existed from the 13th to the 20th centuries. Particular attention is paid to the political role of the Mahmal as a symbol of legitimate power and sovereignty over the sacred cities of Mecca and Medina. Its sending was considered the privilege of Muslim dynasties, which managed to establish control over the holy cities of the Hejaz. The Mahmal was a pyramid-shaped wooden litter covered with silk cloth that was carried on the strongest camel prepared specifically for this purpose. A magnificent procession with the Mahmal made its way through the streets of Cairo for three days before joining the caravan. It is believed that there was a veil for the Kaaba (Kiswah) inside the palanquin as a part of the gifts for Mecca, but this circumstance is not enough reflected in the sources. A separate chapter of this article is devoted to the history of the tradition of covering the Kaaba with cloth, since this tradition is inextricably linked with the Egyptian Mahmal. An extensive literature is used in the article. Most of it is represented by sources related to different periods, including those specially devoted to the history of Mecca and the Hajj. (Refs 15.)

Keywords: hajj, Islam, history of Islam, Egypt, Mamluk Sultanate, Ottoman Empire

Введение

На протяжении веков из года в год в преддверии сезона хаджа грандиозная процессия паломников направлялась из Каира в священные города Хиджаза. Перед тем, как покинуть страну, она совершала обход по районам и улицам египетской столицы. Ее отправка проходила в праздничной атмосфере и сопровождалась трехдневными торжествами, для которых дороги, дома и торговые лавки города украшались гирляндами и огнями. Люди выходили на улицы, чтобы отпраздновать вместе начало сезона паломничества и поучаствовать в массовом шествии. Поднятые вверх знамена, песнопения, зрелищные представления, игра на барабанах и дудках придавали процессии еще больше торжественности, однако главное внимание было приковано к возглавлявшему парад огромному богато украшенному паланкину, в котором, согласно всеобщему убеждению, находился главный дар Египта для Мекки — покрытие священного храма Каабы (*кисва*). Паланкин (*хаудаг*) водружался на спину крупного верблюда и носил название «махмаль».

Ежегодное снаряжение махмалья являлось одним из центральных событий в религиозной жизни египтян на протяжении нескольких веков. Задачей настоящей статьи является проследить, какую роль играла его организация в истории Египта и политике сменявших друг друга мусульманских династий, которым в тот или иной период истории удавалось установить контроль над священными городами Хиджаза. Исследование охватывает обширный временной диапазон, включающий различные эпохи древней и средневековой истории арабо-мусульманского общества, а также захватывает события Нового и Новейшего времени, благодаря чему материалом для статьи послужили преимущественно мусульманские источники разных периодов. В работе использованы сочинения таких арабоязычных авторов, как Абу аль-Валид аль-Азраки (IX в.), Таки ад-Дин аль-Макризи (XIV–XV вв.), Джалал ад-Дин ас-Суйути (X–XVI вв.), ‘Абд аль-Кадир аль-Джазири (XVI в.), ‘Абд ар-Рахман аль-Джабарти (XIX в.) и других.

Слово «махмаль» (тж. «махмиль») происходит от арабского корня *h-m-l*, который в форме глагола I породы значит «нести», «переносить». Этим термином называют роскошный богато украшенный паланкин, укрепленный на верблюде и служивший в прошлом для перевозки в Мекку людей, особенно женщин знатного происхождения [Jomier, 1991]. Французский исламовед М. Годфруа-Демонбин (1862–1957) утверждал, что это древнее слово, которое обозначало две ленты, удерживающие на верблюде уложенные противовесом мешки. Впоследствии, по мнению ученого, его применяли по отношению к носилкам и паланкинам и даже к самому верблюду, их переносившему [Gaufroy-Demombynes, 1923: 158]. В дальнейшем этим словом именовались и сами караваны, увенчанные таким паланкином. Об использовании махмалья для отправки знатных лиц в Мекку практически не упоминается в источниках классического аббасидского периода. Исламский богослов мамлюкской эпохи Джалал ад-Дин ас-Суйути (1445–1505) сообщает, что первым, кто стал

использовать махмаль во время хаджа, был омейядский наместник Хиджаза Аль-Хадждадж ибн Юсуф ас-Сакафи (66–714) [Al-Suyuti, 1876: 71].

Впоследствии сложилась традиция отправлять во главе каравана паломников роскошный паланкин. В народе считалось, что внутри него находились различные дары для храма Каабы — священные реликвии, ткани, драгоценности, однако он, как правило, был пустым и олицетворял собой символ власти того, кто снаряжал караван в дорогу. Широко распространенное мнение о том, что в паланкине находились внутри подвешенных сундучков *мусхафы* — списки Корана — также не имеет достаточного подтверждения в источниках [Куделин, 2017: 137]. Наряду с махмалем процессия доставляла в Мекку так называемую *сурру* (ар. — «кошелек», «мешочек с деньгами») — ежегодные денежные ассигнования, передаваемые султанами и властителями провинций на содержание мусульманских святынь. Автор труда по истории хаджа «Дурар аль-фара'ид аль-муназзама фи ахбар ал-хаджж аль-му'аззама» (*Собрание редких жемчужин о событиях великого хаджа*) 'Абд аль-Кадир аль-Джазири (1475–ок.1570) сообщает о том, что его современникам известны четыре каравана с махмалем. Они из года в год снаряжались, собирали паломников и организованно отправлялись в Мекку из Египта, Сирии, Ирака и Йемена. Вместе с тем, губернаторы и правители отдельных провинций могли самостоятельно устраивать подобные процессии в сезон паломничества, однако это происходило не часто и не носило регулярного характера. В качестве примера Аль-Джазири приводит наместника Халеба (Алеппо) в Сирии [Al-Jaziri, 2002: 52–53]. Посетивший Египет в начале XIX века британский автор Саймон Г. Лидер (1865–1930) сообщал, что ежегодно махмаль отправляли султаны Дарфура. Караван обычно проезжал через Египет, везя с собой страусиные перья, гуммиарабик и другие ценные товары из Судана. Там на местных рынках их продавали, а вырученные средства клали в кошелек-сурру и доставляли в Мекку. В Египте дарфурский караван присоединялся к местной процессии следующих в святую землю паломников [Leeder, 1913: 208–209].

Особую роль в истории паломничества играл египетский махмаль, начало которому было положено мамлюками. Его первая организованная властями отправка относится к эпохе правления султана Бейбарса I (1260–1277). С тех пор это событие проводилось ежегодно. Махмаль являлся масштабным мероприятием, требующим долгой подготовки и колоссальных денежных средств. Для египетских правителей он прежде всего стал еще одним символом законной власти, демонстрирующим миру роль мамлюков как покровителей священных городов Хиджаза и всех мусульманских паломников. Еще большее политическое значение египетскому махмалу придавало отправляемое вместе с ним покрывало для Каабы, называемое кисвой. Такая почетная задача, как изготовление и отправка кисвы, с первых лет была прерогативой государств, которые в тот или иной период устанавливали политический контроль над Меккой и Мединой. Предводитель египетского каравана (*амир аль-хаджж*) передавал эмиру Мекки кисву вместе с дарами официальных лиц и паломников. После окончания церемоний хаджа процессия возвращалась в Египет,

привозя с собой старое прошлогоднее покрывало, которое по прибытии разрезали на части и раздавали знатым и высокопоставленным лицам.

История кисвы

Средневековые источники расходятся во мнении, кто первым покрыл храм Каабы тканью. Полулегендарные сведения приписывают эту заслугу либо пророку Исмаилу, либо прапрадедам пророка Мухаммада, например, 'Аднану — родоначальнику всех северных арабов. Большинство же средневековых авторов указывают на химьяритского царя Абу Кариба Ас'ада, в источниках чаще называемого Тубба', который жил на рубеже IV и V вв. Арабский историк IX века Мухаммад ибн 'Абдаллах аль-Азраки сообщает, что Тубба' покрыл Каабу так называемым *васаилем* — популярной среди йеменцев красной полосатой тканью. Он также установил дверь в Каабе, которую можно было запереть на замок [Al-'Azraqi, 2003: 351–352]. Покидая Мекку, Тубба' якобы завещал представителям ее знати и впредь накрывать тканью этот храм [Ibn Kathir, 1976: 21].

Некоторые люди независимо от своего происхождения стали приносить различные покрывала для Каабы, пользуясь примером и советом Туббы'. Образовалось целое хранилище таких покрывал, и когда старая ткань изнашивалась, ее не снимали, а поверх нее клали новую. В результате на стенах здания накапливались многие слои ткани [Al-Qalqashandi, 1914: 277]. Так продолжалось до тех пор, пока правителем Мекки не стал Кусай ибн Килаб (ум. ок. 480 г.), который обязал всех курайшитов от каждого рода по мере его благосостояния сдавать деньги на изготовление покрывала для Каабы. Кисву стали менять каждый год. Данные меры соблюдались в рамках почетного права *рифада*, состоявшего в материальной помощи прибывавшим в Мекку паломникам [Al-'Azraqi, 2003: 354]. Курайшиты после смерти Кусая продолжали соблюдать эту традицию, считая ее своей благородной обязанностью, которая к тому же подчеркивала красоту и величие Каабы и, таким образом, повышала статус и авторитет самих курайшитов среди других племен.

Поначалу строгих требований к изготовлению кисвы не существовало — ее материал и цвет могли меняться. Честь же одеть Каабу в шелка и парчу ранние источники приписывают разным деятелям, жившим как в эпоху джахилии, так и после распространения ислама. Среди них Нутайла бинт Джанаб, мать дяди пророка Мухаммада Аббаса, омейяды Муавия и его сын Йазид, сподвижник пророка 'Абдаллах ибн аз-Зубайр и омейядский наместник Ирака и Хиджаза аль-Хаджжадж. Хадисовед X в. Абу аль-Хасан ад-Даракутни передает, например, историю о том, что когда однажды малолетний дядя пророка Аббас потерялся, его мать Нутайла пообещала, что если найдет его, то покроет Каабу белой парчовой тканью, что впоследствии и произошло [Al-Daraqutni, 1986: 466].

После завоевания Мекки первые мусульмане не торопились менять кисву. Однако по указанию пророка Мухаммада Кааба все же была покрыта новой йеменской

тканью. Средневековые авторы сообщают, что поводом к этому послужил пожар. Согласно источникам, в год завоевания одна из женщин Мекки в результате неосторожного обращения с курильницей случайно подожгла материал, и изготовленная еще язычниками кисва полностью сгорела. Тогда пророк велел сделать новое покрывало и накрыть им мекканский храм [Al-Fakihī, 1994: 231]. После его смерти в 632 году то же сделал первый праведный халиф Абу Бакр (632–634). Однако в эпоху правления Омара ибн аль-Хаттаба (634–644) впервые для этой цели использовалась египетская тонкая белая декоративная ткань, изготовленная с применением техники *каббати*. Ее производством славился в то время город Эль-Файюм. Халиф направил своему наместнику в Египте письмо, в котором велел выделить средства на изготовление ткани и покрытие ею Каабы из казны финансового ведомства *бейт аль-маль* [Al-'Azraqī, 2003: 357], в котором хранились общественные средства в виде поступлений от налогов и дани.

Таким образом, происхождение традиции изготовления кисвы в Египте относится к эпохе правления праведных халифов. Египетский текстиль славился своим качеством задолго до завоевания страны мусульманами. В источниках упоминается, что среди даров, которые египетский правитель *мукаукис* отправил пророку Мухаммаду [Al-Bayhaqī, 1988: 396; Al-Diyar Bakri, 1883–1884: 41–42], были ткани местного производства. Возможно, тогда они и приобрели популярность в Аравии. Коптское ткачество использовалось в исламскую эпоху на протяжении четырех веков (с VII по X столетия). Позже производством ткани стали заниматься мусульмане, но они сохранили технику и традиции ее изготовления, а также название — *каббати*, которое указывает на ее христианские истоки. Производством *каббати* славилась такие египетские города, как Тиннис, Александрия, Думьят, эль-Фарама (Пелузий), Ахмим, эль-Файюм. Тканым материалом для изготовления *каббати* служили только лен и шерсть, ткани из чистого шелка стали производиться в Египте не раньше, чем в эпоху мамлюков [Zaki, 2020: 72–74]. Египетского чиновника, ответственного за производство покрывала для Каабы, называли *назир аль-кисва*.

Омар ибн аль-Хаттаб велел каждый год снимать старую кисву и заменять ее новой. Его примеру последовал третий праведный халиф Осман ибн Аффан (644–656), а затем омейядские правители. В эпоху же правления 'Али ибн Абу Талиба (656–661) кисву не заменяли по причине внутренних конфликтов в халифате. В омейядский период Каабу стали покрывать дважды в год — первый раз парчой в день 'Ашура (10-е мухаррама) и второй раз — египетской тканью *каббати* в последний день месяца рамадан [Al-'Azraqī, 2003: 357]. Аббасидские халифы (750–1258) продолжали традицию покрывать Каабу дважды в год, проявляя к ней еще больший интерес, чем предшественники. В эпоху их правления совершенствовались искусства прядения и ткачества, крашения текстиля, вышивки и росписи золотом и серебром. Так, халиф Аль-Махди (775–785) велел покрыть Каабу полотном *каббати*. Вышитая на кисве надпись гласила, что покрывало изготовлено в 159 / 775–776 году мастерами из египетского города Тинниса [Ahmad, 1937: 237], ткани из которого особенно ценились в то время. В качестве цвета для кисвы багдадские

халифы выбирали, как правило, либо белый, либо красный, в более поздний период — черный — официальный цвет династии Аббасидов. В эпоху ослабления власти халифов зачастую покрывало не менялось в положенный срок. Иногда кисва доставлялась в качестве дара Мекке благодаря отдельным инициативам знатных вельмож или зажиточных мусульман. Когда же под натиском монгольского нашествия Багдадский халифат окончательно пал, миссию по изготовлению и отправке кисвы взял на себя правитель йеменского государства Расулидов Аль-Малик аль-Музаффар (1250–1295) [Al-Jaziri, 2002: 220].

История египетского махмала

Египтяне снаряжали махмаль ежегодно на регулярной основе, и так продолжалось на протяжении столетий — с первых десятилетий существования мамлюкского султаната до правления короля Фуада в 1920-х годах. Последняя процессия с махмалем появилась на улицах Каира в 1952 году, благодаря чему сохранились многочисленные фотографии и видеозаписи, демонстрирующие пышность и грандиозность этого старинного обычая. Некоторые представители старшего поколения египтян еще могут с гордостью поделиться воспоминаниями о тех знаменательных днях, оставаясь последними немногими свидетелями красочного события.

Истоки же традиции официальной отправки египетского махмала популярная легенда относит к концу правления династии Айюбидов (1171–1250) и связывает с именем жены султана Ас-Салиха (1240–1249) Шаджар ад-Дурр (ум. в 1257). Согласно легенде, готовясь совершить хадж, женщина велела подготовить самого сильного и крепкого верблюда и водрузить на него специально изготовленный паланкин с высоким позолоченным куполом. Сама Шаджар ад-Дурр сидела внутри этого паланкина, где также находился сундук с новой кисвой для Каабы. Достоверность данного предания является весьма спорной, так как в средневековых источниках нет информации о том, что Шаджар ад-Дурр когда-либо посещала Мекку [Jomier, 1991]. Сама легенда относится скорее к области фольклора и сложилась окончательно уже в османский период, то есть после 1517 года. В частности, она содержится в известной средневековой эпической поэме «Ас-Сира аз-Захириййа», повествующей о жизни и героических подвигах мамлюкского султана Бейбарса аль-Бундукдари (1260–1277) [Behrens-Abouseif, 1997]. О заслуге Шаджар ад-Дурр в организации египетского махмала сообщали также османский историк XVII века Эвлия Челеби [Челеби, 2010: 140] и британский путешественник XIX века Эдвард Лэйн [Lane, 1908: 444–445].

То, что полюбившаяся египтянам история связывает возникновение традиции махмала с именем Шаджар ад-Дурр, не вызывает удивления, учитывая, какую политическую роль сыграла эта женщина в истории Египта. С ее беспрецедентного, хоть и недолгого правления началась эпоха Мамлюкского султаната. Рабыня по происхождению, в условиях острого политического кризиса она смогла отразить

седьмой крестовый поход, организованный в 1248 году против Египта королем Франции Людовиком IX. После смерти мужа в отсутствие достойных наследников-аийюбидов она приняла титул султана. Ее имя произносилось в пятничных молитвах и чеканилось на монетах. Хотя ее официальное правление длилось всего восемьдесят дней, участие Шаджарат ад-Дурр в политике охватывало гораздо более длительный период. Она также активно занималась благотворительной деятельностью и вакуфными делами. Согласно сведениям историка Таки ад-Дина аль-Макризи (136–1442), по инициативе Шаджар ад-Дурр были построены гробница ее мужа, сад, банный комплекс и дворец рядом с мавзолеем Сейиды Нафисы на территории кладбища Аль-Карафа в Каире, где она также основала медресе и свой собственный мавзолей [Al-Maqrizi, 1853–1854: 20].

Ассоциации отправки махмалей с монаршими особами женского пола также легко объяснимы с учетом старой традиции использования паланкинов во время хаджа для перевозки женщин знатного происхождения. Шаджар ад-Дурр была далеко не первой женщиной, с которой связывают махмаль. Такая практика была распространена и в аббасидский, и в мамлюкский периоды. Так, средневековые источники дают множество ярких рассказов об участии жены халифа Харуна ар-Рашида (786–809) Зубейды бинт Джа'фар (ум. в 831 г.) в делах паломничества. Имея бесчисленные богатства, эта женщина славилась щедростью в вопросах благотворительности. По ее инициативе караванные маршруты паломников снабжались водой, для чего рылись новые каналы и колодцы. Вдоль дорог строились гостевые дома. Согласно источникам, она первой использовала паланкин из серебра, черного и сандалового дерева, украшенный пряжками из золота и серебра и задрапированный соболями и шелком синего, зеленого, желтого и красного цвета [Behrens-Abouseif, 1997]. Вполне вероятно, что с ее именем связано происхождение следующего из Багдада махмалей.

Официально же начало традиции отправки египетского махмалей с кисвой положил в 1266 году мамлюкский султан Бейбарс [Al-Maqrizi, 1936: 544]. Это было в первую очередь политическое решение, принятое султаном в условиях переноса резиденции аббасидского халифа в Каир. Некоторое время Египет соперничал с Йеменом за привилегию отправки кисвы, пока шериф Мекки не пообещал мамлюкскому султану Калауну (1279–1290) принимать только привезенные из Египта покрывала для Каабы. Отправка махмалей совпала с повторным открытием паломнического маршрута через Суэц, Акабу и восточное побережье Красного моря, закрытого со времен крестовых походов [Jomier, 1991]. Таким образом, махмаль стал одним из символов могущества мамлюков, а Бейбарс продемонстрировал всему мусульманскому миру, что он являлся защитником халифа, некоторые из почетных привилегий которого он взял на себя.

Египетский ученый Аль-Калкашанди (1355–1418) описывает махмаль как шатер из расшитого желтого шелка, увенчанный сферическим навершием из позолоченного серебра. Шествие с махмалем дважды в год украшало улицы Каира. Использование желтого — официального цвета мамлюков также указывает на символический

и политический характер махмаля. Что касается кисвы, то в мамлюкскую эпоху она, как и прежде, производилась в Египте. Для ее изготовления использовался черный шелк, на котором белым цветом вышивался коранический стих «Воистину, первым домом, который воздвигнут для людей, является тот, что находится в Бекке (Мекке)» (Сура «Семейство Имрана», 96 аят). Со времен султана Баркука (1382–1389) надпись выполнялась золотыми нитями [Al-Qalqashandi, 1914: 57–58].

Мамлюкские султаны придавали большое значение отправке махмаля в Мекку, видя в нем символ царского величия и достоинства, и ревностно оберегали эту традицию. Так, когда в 1350 году другой йеменский султан Аль-Малик аль-Муджахид ‘Али (1321–1363) из династии Расулидов вознамерился оспорить у мамлюков привилегию изготовления кисвы для Каабы, шериф Мекки сообщил об этом египетским властям. В результате Аль-Муджахид был схвачен в плен и доставлен в Каир [Раф‘ат-паша, 1925: 283].

Ежегодное паломничество в Мекку было центральным событием в религиозной жизни египтян, а церемониал махмаля отражал их любовь к праздникам и массовым гуляниям. В эпоху мамлюков, к тому же, особенную популярность приобрел народный суфизм, и такие события, как празднование мавлидов и других знаменательных дат, посещения гробниц святых стали очень распространенным явлением, которое не менее ярко наблюдалось и в османский период. Так, турецкий историк и чиновник Мустафа Али-эфенди (1541–1600), находясь в Каире в самом конце XVI века, не мог скрыть удивления от количества праздников в Египте по сравнению с другими мусульманскими странами. «Жители [Каира] ежегодно с большим ликованием отмечают не только два религиозных праздника. На следующий день после каждого торжества у них новый праздник... Особенно они любят время отправления каравана с паломниками, а потом, спустя некоторое время, встречают его по возвращении», — писал Мустафа Али в своем «Описании Каира». Среди прочих массовых собраний он отмечал недельное празднование подъема уровня воды в Ниле, торжественный выезд губернатора для прогулки верхом, совершаемый им каждый вторник, и некоторые другие традиции [Tietze, 1975: 36]. «В Египте не проходит и месяца без праздников. Люди стекаются к месту собрания и говорят, что сегодня, мол, проходит массовое шествие к такому-то месту, или что сегодня такой-то парад проходит по улицам города», — отмечал Мустафа Али. По его словам, египтяне слишком любили веселые и разгульные мероприятия и большую часть времени проводили в праздности, используя любой повод, чтобы не работать или не оставаться дома [Tietze, 1975: 49].

Шествие махмаля по улицам Каира (*давара́н аль-махмаль*) было при этом самым торжественным событием. Источники мамлюкского периода дают очень живые и красочные описания этого мероприятия. Во время его проведения султан обычно наблюдал за процессией из окон Цитадели. Египетский историк Ибн Тагриберди (1411–1470) сообщает, что в 1419 году махмаль пронесли даже через окраинный район Булак, чтобы его жители могли сидеть дома и смотреть на шествие и реку одновременно [Schimmel, 1965]. Прежде, чем выступить в составе каравана

паломников в Мекку, пышная процессия с махмалем в течение трех дней перемещалась по улицам Каира. Вслед за паланкином шел караван верблюдов, возящих вещи паломников. За ними следовала охрана, сопровождавшая караван на всем пути до Хиджаза, за ней — члены суфийских тарикатов, которые били в барабаны и поднимали знамена. Во время церемоний совершались выстрелы из пушек, а жители пели хором песни, посвященные паломничеству. В обходе улиц Каира принимали участие видные чиновники, улемы и племенные шейхи. Пышные церемонии махмалю воодушевляли горожан и побуждали их к совершению хаджа [’Amin, 2013: 341].

Особую часть процессии составляли так называемые «демоны махмалю» (*‘афарит аль-махмаль*), роли которых исполняли молодые мамлюки (*джульбан*). Веселя народ своими шутовскими представлениями, они вместе с тем доставляли много хлопот. Безрассудно пользуясь всеобщим ажиотажем и праздничной атмосферой, они врываются в торговые лавки и рыночные павильоны, громили и грабили их. Историк вздыхает с облегчением, когда в 1440 году в дни махмалю не произошло ничего отвратительного, «как это было раньше при участии шутов». Другой особенностью давран аль-махмаль были зрелищные представления копейщиков (*рам-маха*). Группа из сорока молодых воинов под предводительством четырех командиров и одного инструктора, все одетые в красное, исполняли множество странных трюков и акробатических приемов, стоя на спинах лошадей и жонглируя своими копьями. В 1445 году султан Джакмак (1438–1453) запретил их участие в церемониале махмалю [Schimmel, 1965], однако в 1503 году другой мамлюкский правитель Кансух аль-Гури (1501–1516) снова разрешил копейщикам устраивать свои представления [Ibn ’Iyas, 1984a: 59].

Отправка махмалю была дорогостоящим предприятием и с каждым годом требовала все больше затрат. Только чтобы сохранить честь Египта ткать и отправлять покрывало для Каабы, мамлюкский султан Калаун (1279–1290) основал для ее изготовления специальный фонд, выделив в качестве вакфов две деревни в провинции Кальюбия, которые он выкупил у финансового ведомства бейт аль-маль. Данные средства шли, в первую очередь, на производство кисвы и других даров для мусульманских святынь. Позднее, османский султан Сулейман I Кануни (1520–1566) включил в данный фонд еще семь египетских деревень. Так продолжалось до прихода к власти в Египте Мухаммада ‘Али-паши (1805–1848), который упразднил данный вакф. После этого правительство обязалось выделять средства на изготовление кисвы из государственной казны [Раф‘ат-паша, 1925: 284].

Примечательно, что после падения мамлюкского султаната в результате османского завоевания в 1517 году Египет не лишился привилегии изготовления кисвы и отправки махмалю в Мекку. Войдя в Каир и казнив последнего мамлюкского правителя Туманбея (1516–1517), османский султан Селим I Явуз (Грозный) (1512–1520) в статусе нового хранителя двух священных мечетей не пожелал отменять старые укоренившиеся традиции и велел изготовить кисву и организовать пышную церемонию отправки махмалю из Египта [Ibn ’Iyas, 1984b: 205]. Османские султаны

после 1517 году ввели также традицию устраивать ежегодный махмаль с щедрыми дарами для святынь Хиджаза, которые включали в себя внутреннюю подкладку для Каабы, однако ткань для нее по-прежнему производилась в Египте.

Махмаль и кисву продолжали направлять в Хиджаз ежегодно на протяжении веков. Однако существуют сведения о редких разовых отменах данной традиции по политическим причинам. Так, например, произошло в последний год до османского завоевания Египта, когда последние мамлюкские султаны были заняты войной с Селимом Явюзом. Сезон хаджа приходился на январь 1517 года, и в тот период караван с паломниками в Мекку не направлялся [Ibn Zunbul, 1998: 123].

В османскую эпоху вплоть до начала XIX века отправка махмалей действовала относительно бесперебойно, однако известны случаи, когда в пути караван подвергался разграблению бедуинов. Такой инцидент, в частности, произошел в 1786 году. Между предводителем каравана (амиром аль-хаджем) и племенными вождями вспыхнул конфликт из-за платы за переход, который перерос в ожесточенное сражение. В результате бедуины разграбили караван, женщин увели в плен, а махмаль захватили в качестве добычи. Сам амир аль-хадж позорно бежал с поля боя, оставив людей на произвол судьбы. Вернувшись в Каир, предводитель каравана ввез подложный (прошлогодний) махмаль. Египетский летописец и современник событий 'Абд ар-Рахман аль-Джабарти (1753–1822) сообщает, что его возвращение, таким образом, ознаменовалось ложью [Al-Jabarti, 2013a: 159]. Инцидент удалось урегулировать благодаря усилиям шерифа Мекки Сурура (1773–1786), который организовал жестокую расправу над бедуинами и смог вернуть украденный ими махмаль и смягчить волнение пораженных событием египтян [Al-Jabarti, 2013a: 167]. Подобные случаи, в первую очередь, подрывали репутацию официальных властей и вызывали смятение и панику среди простых жителей [Кириллина, 2000: 169]. Похожий инцидент произошел несколькими годами позднее, летом 1793 года. Бедуины напали на караван паломников, разграбили багаж, угнали животных, многих паломников убили или увели в плен. Махмаль сожгли, а эмира аль-хаджа тяжело ранили [Al-Jabarti, 2013a: 298].

В период экспедиции в Египет Наполеона Бонапарта (1798–1801) французы с самого начала объявили себя покровителями мусульман и всеми способами старались расположить к себе местных жителей. Наполеон вел активную переписку с шерифом Мекки, касавшуюся торгового обмена и отправки кораблей из Джидды в Суэц. Он обещал также снарядить традиционный караван паломников, отправить его в Хиджаз вместе с кисвой и ежегодно выделяемыми субсидиями и обеспечить необходимую безопасность в пути ['Abd al-Mu'ti, 2020]. В сентябре 1798 года Бонапарт начал организацию хаджа, велел приготовить новый махмаль и назначил амиром аль-хаджа видного чиновника Мустафу-бея [Al-Jabarti, 2013b: 17]. Однако отправка махмалей из Египта так и не состоялась, так как через полгода после своего назначения Мустафа-бей перешел в оппозицию французам и примкнул к действовавшим в Дельте мятежникам [Прусская, 2019]. В итоге впервые за несколько веков организованный караван так и не был отправлен. «Этого не случилось на протяжении

многих веков, даже в период господства турок-османов», — писал с горечью летописец Аль-Джабарти [Al-Jabarti, 2013b: 68]. Не состоялся хадж и в последующие два года французской оккупации.

Однако и после ухода французов организация традиционного махмаля продолжалась недолго — до 1806 года, когда эмир Саудовского государства Сауд ибн ‘Абд аль-‘Азиз (1803–1814) повторно завоевали и разграбили Мекку и подчинили себе Хиджаз. Принявшие ваххабитское учение, призывавшее к возвращению к мусульманским истокам, саудиты крайне негативно относились ко всякого рода «новшествам» (*бид‘а*). Таковым они посчитали и вековой обычай отправки махмаля со всей его атрибутикой, в первую очередь, — барабанами и игрой на музыкальных инструментах. Аль-Джабарти сообщает, что когда египетский караван прибыл в Мекку в 1806 году, ваххабиты не позволили ему войти в город. Когда эмир Сауд узнал у сопровождавшего караван чиновника о том, что это за странное сооружение на верблюде, которое возвеличивают паломники, он приказал больше никогда не отправлять махмаль в Мекку под угрозой, что в противном случае он его разрушит [Al-Jabarti, 2013c: 17–18].

После падения Саудовского государства под натиском армии Мухаммада ‘Али-паши и возвращения османско-египетского контроля над Хиджазом в 1818 году Каир возобновил отправку махмаля. В период правления Мухаммада ‘Али в каирском районе Аль-Хурунфиш был построен «Дом кисвы», куда переместилось производство покрывала для Каабы [Hilmi, 1991: 80]. Это здание до сих пор стоит в полузаброшенном состоянии в старинном районе Каира, в нем до недавнего времени хранилась последняя изготовленная в 1961 году кисва, которая так и не была отправлена в Мекку. Вышитая на ней надпись гласит, что она произведена в Объединенной арабской республике под руководством президента Гамалея Абд ан-Насера (1956–1958) [Hilmi, 1991: 11].

Традиционная отправка кисвы из Египта продолжалась еще более ста лет. Первая мировая война положила конец сирийскому махмалу, организация же египетского сохранялась в традиционном виде до 1926 года, когда ожесточенные столкновения между сопровождавшими его солдатами и силами бедуинов-ихванов окончательно заблокировало его отправку [Jomier, 1991]. Снова, как и в первом столкновении с саудитами в 1806 году, поводом для конфликта послужило музыкальное сопровождение египетского каравана. В те времена воинственные силы ихванов отвечали за безопасность караванных путей в пустыне [Куделин; Фролов, 2021]. При приближении махмаля к Мекке ихваны, одетые в платье паломника (ихрам) и тем самым безоружные, услышали звуки оркестра и сочли музыку надругательством над своими принципами. Они попытались остановить махмаль, однако командующий египетской охраны отдал приказ открыть огонь, в результате чего погибли 25 человек [Васильев, 1999: 306–307]. Инцидент произошел в самый разгар церемоний хаджа в долине Мина 9 числа месяца зу-ль-хиджа. Однако король Неджда и Хиджаза ‘Абд аль-‘Азиз Аль Са‘уд не стал развивать конфликт, ограничившись требованием не отправлять больше подобную процессию в священные города

[Basalama, 1999: 345]. В следующем году, когда египетское правительство вместе с махмалем не отправило ни кисву, ни другую традиционную атрибутику хаджа, 'Абд аль-'Азизу пришлось в срочном порядке организовать пошив новой кисвы, которая была изготовлена всего за несколько дней [Basalama, 1999: 346].

Попытка отправки нового махмала в его традиционном виде была предпринята в 1937 году. Власти Саудовской Аравии приняли изготовленную в Египте кисву, но отказали в проходе самого паланкина. Вплоть до революции 1952 года и провозглашения республики махмаль, однако, дважды в год — во время отправки и возвращения паломников — символически совершал обход по улицам Каира, сохраняя привычную и любимую египтянами традицию, но за пределы города он не выходил [Jomier, 1991]. Производимое же в районе Аль-Хурунфиш покрывало продолжало украшать Каабу еще несколько лет. В 1962 году на фоне международной политической обстановки на Ближнем Востоке и обострения отношений между Египтом и Саудовской Аравией отправка кисвы из Каира была прекращена [Fathi; 'Ahmad, 2009]. Эр-Рияд снова в срочном порядке стал искать способы изготовить кисву в краткие сроки за счет своих внутренних ресурсов, что в конечном итоге привело к созданию в Мекке национальной фабрики по производству покрывала для Каабы.

Заключение

Ежегодный обычай отправки махмала на протяжении веков являлся одним из ярких символов религиозной жизни египтян. Для привыкших к шумным церемониям и торжественным процессиям жителей Каира его организация была предметом гордости и излюбленным традиционным событием, к которому город тщательно готовился.

Для представителей же правящей верхушки махмаль имел гораздо большее значение, чем специальный ритуальный атрибут, который использовался в церемониале паломничества. Акт посылки паланкина с дарами, главным из которых являлось покрывало на Каабу, являлся дополнительным символом их суверенитета над священными городами Хиджаза. Забота о сохранности и внешнем величии мекканского храма волновала арабских племенных вождей еще в доисламскую эпоху и представляла для них вопрос престижа и чести. В мусульманский период стремление владеть привилегией отправки кисвы порой выливалось в открытые конфликты. Ярким примером служат споры между мамлюкскими султанами и правителями Йемена за почетную обязанность отправки махмала и изготовления кисвы из производимого в их странах материала. Утрата же махмала, например, в результате разграбления бедуинами в пути, считалась позором и тяжелым пятном ложилась на репутацию властей.

Несмотря на давнюю историю и укоренившуюся практику отправки махмала, в первой половине XX века эта традиция постепенно была египтянами утрачена на фоне судьбоносных событий и масштабных геополитических изменений

на карте Ближнего Востока, оставшись лишь ярким воспоминанием и предметом вдохновения для тех, кто интересуется мусульманскими обычаями и ритуалами.

Источники

1. *Раф'ат-наша, Ибрахим*. Мир'ат аль-харамайн ав ар-рихла аль-хиджазийя ва-ль-хаджж ва-маша'ируху ад-динийя. Т. 1. — Каир: Дар аль-кутуб адь-мисрийя, 1925. — 515 с.
2. *Челеби, Эвлия*. Ар-Рихла ила Миср ва-с-Судан ва билад аль-Хабаш (1672–1680). Т. 3. — Каир: Аль-Хайату-ль-'амма ли-дари-ль-кутуб ва-ль-васаик аль-каумийя, 2010. — 348 с.
3. *Al-'Azraqi, Abu Al-Walid*. 'Akhbar Makka. — Мекка: Maktabat al-'asadi, 2003. — 1195 p.
4. *Al-Bayhaqi, Abu Bakr 'Ahmad*. Dala'il al-Nubuwwa wa-Ma'rifat 'Ahwal Sahib al-Shari'a. J.4. — Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, 1988. — 416 p.
5. *Al-Daraqutni, Abu al-Hasan 'Ali Ibn 'Umar*. Al-Mu'talif wa-l-Mukhtalif. J.1. — Beirut: Dar al-Gharb al-Islami, 1986. — 542 p.
6. *Al-Diyar Bakri, Hussain ibn Muhammad ibn al-Hasan*. Tariq al-Khamis fi 'Ahwal 'Anfas al-Nafis. J.1. — Cairo: Matba'at al-Faqir 'Uthman 'Abd al-Raziq, 1883–1884. — 437 p.
7. *Al-Fakihi, Muhammad ibn 'Ishaq*. 'Akhbar Makka fi Qadim al-Dahr wa-l-Hadithihi. J.5. — Beirut: Dar Khidr li-l-Tiba'a wa-l-Nashr, 1994. — 305 p.
8. *Al-Jabarti, 'Abd al-Rahman ibn Hasan*. 'Aja'ib al-'Athar fi al-Tarajim wa-l-'Akhbar. J.2. — Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem (Institute of Asian and African Studies), 2013. — 336 p.
9. *Al-Jabarti, 'Abd al-Rahman ibn Hasan*. 'Aja'ib al-'Athar fi al-Tarajim wa-l-'Akhbar. J.3. — Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem (Institute of Asian and African Studies), 2013. — 442 p.
10. *Al-Jabarti, 'Abd al-Rahman ibn Hasan*. 'Aja'ib al-'Athar fi al-Tarajim wa-l-'Akhbar. J.4. — Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem (Institute of Asian and African Studies), 2013. — 382 p.
11. *Al-Jaziri, 'Abd al-Qadir*. Durar al-Fara'id al-Munazzama fi 'Akhbar al-Hajj wa Tariq Makka al-Mu'azzama. J.2. — Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, 2002. — 502 p.
12. *Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Ahmad ibn 'Ali*. Kitab al-Suluk fi Ma'rifat Duwal al-Muluk. J.1/2. — Cairo: Matba'at Dar al-Kutub al-Misriyya, 1936. — 659 p.
13. *Al-Maqrizi, Taqi al-Din 'Ahmad ibn 'Ali*. Al-Mawa'iz wa-l-'I'tibar bi-Dhikr al-Khitat wa-l-'Athar. J.2. — Cairo: Dar al-Tiba'a al-Misriyya, 1853–1854. — 521 p.

14. *Al-Qalqashandi, Abu al-'Abbas 'Ahmad*. Subh al-'A'sha fi Kitabat al-'Insha'. J.4.— Cairo: Al-Matba'a al-'Amiriyya, 1914. 507 p.
15. *Al-Suyuti, Jalal Ad-Din*. Al-Kanz al-Madfun wa-l-Fulk al-Mashhun.— Cairo: Al-Tab'a al-Kastiliyya, 1876.— 277 p.
16. *Ibn 'Iyas, Muhammad ibn 'Ahmad al-Hanafī*. Bada'i' al-Zuhur fi Waqa'i' al-Duhur. J.4.— Cairo: Al-Hay'a al-Misriyya al-'Amma li-l-Kitab, 1984.— 491 pp.
17. *Ibn 'Iyas, Muhammad ibn 'Ahmad al-Hanafī*. Bada'i' al-Zuhur fi Waqa'i' al-Duhur. J.5.— Cairo: Al-Hay'a al-Misriyya al-'Amma li-l-Kitab, 1984.— 496 pp.
18. *Ibn Kathir, Abu Al-Fida' Isma'il*. Al-Sira al-Nabawiyya. J.1.— Beirut: Dar al-Ma'rifa li-l-Tiba'a wa-l-Nashr, 1976.— 536 p.
19. *Ibn Zunbul, al-Sheykh 'Ahmad al-Rammal*. 'Akhīrat al-Mamalīk wa-Waqi'at al-Sultan Salīm al-'Uthmani ma'a Qansuh al-Ghuri.— Cairo: Al-Hay'a al-Misriyya al-'Amma li-l-Kitab, 1998.— 326 p.
20. *Lane, E. W.* The Manners and Customs of the Modern Egyptians.— London: J.M. Dent & Co.; New York: E.P. Dutton & Co., 1908.— 630 p.
21. *Leeder S. H.* Veiled Mysteries of Egypt and the Religion of Islam.— New York: Charles Scribner's Sons, 1913.— 415 p.
22. *Tietze, A.* Mustafa Ali's Description of Cairo of 1599: text, transliteration, translation, notes.— Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975.— 170 p.

Список литературы

1. *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1745 г.— конец XX в.).— М.: «Классика плюс», Книжный дом газеты Труд, 1999.— 672 с.
2. *Кириллина С. А.* Исламские институты османского Египта в XVIII–первой трети XIX века.— Lewiston — Queenston — Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.— 467 с.
3. *Куделин А. А.* Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.).— М.: РУДН, 2017.— 180 с.
4. *Куделин А. А.; Фролов К. Д.* Трансформация идеологии движения ихванов в 1914–1930 гг.: развитие и упадок // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. Выпуск 1 (99) — 2021.— [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840013830-2-1/> (дата обращения: 23.12.2021). DOI: 10.18254/S207987840013830-2
5. *Прусская Е. А.* Хадж в североафриканских колониальных владениях Франции конца XVIII–первой половины XIX вв. // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней.— М.: 2019.— Сс. 172–188.

6. *'Abd al-Muti, Husam*. Mawqif Sharif Makka tujah al-Faransiyyin fi Misr 1798–1801 // *Misr al-Haditha*. J. 19. № 19.— Cairo: Dar al-Kutub wa-l-Watha'iq al-Qawmiyya. 2020.— Pp. 45–78.
7. *'Ahmad, Yusuf*. Al-Mahmal wa-l-Hajj.— Cairo: Matba'at Hijazi, 1937.— 289 p.
8. *'Amin, 'Ahmad*. Qamus al-'Adat wa-l-Taqalid wa-l-Ta'abir al-Misriyya.— Cairo: Mu'assasat al-Hindawi, 2013.— 400 p.
9. *Basalama, Hussain ibn 'Abdallah*. Tarikh al-Ka'ba al-Mu'azzama. 'Imaratuha wa-kiswatuha wa-sidanatuha.— Riyadh: Al-'Amana al-'Ammah li-l-'Ihtifal bi-Murur Mi'at 'Am 'ala Ta'sis al-Mamlaka al-'Arabiyya al-Sa'udiyya, 1999.— 508 p.
10. *Fathi, Hibatullah Muhammad; 'Ahmad, Husni Hammad*. Al-Mahmal al-Misri: Dirasa Tarikhiyya // *Majallat 'Ittihad al-Jami'at al-'Arabiyya li-l-Siyaha wa-l-Fanadiq*. J. 6, № 2.— Ismailia: Suez Canal University, Faculty of Tourism and Hotels. 2009.— Pp. 25–50.
11. *Hilmi, 'Ibrahim*. Kiswat al-Ka'ba al-Musharrafa wa-funun al-Hujjaj.— Cairo: Mu'assasat 'Akhbar al-Yawm, 1991.— 207 p.
12. *Zaki, Muhammad Hasan*. Al-Fann al-'Islami fi Misr min al-Fath al-'Arabi 'ila Nihayat al-'Asr al-Tuluni.— Cairo: Mu'assat al-Hindawi, 2020.— 147 p.
13. *Behrens-Abouseif, D*. The Mahmal Legend and the Pilgrimage of Ladies of the Mamluk Court // *Mamluk Studies Review*, 1.— Chicago: Middle East Documentation Center, 1997.— Pp. 87–96. URL: <https://knowledge.uchicago.edu/record/741> (дата обращения: 11.12.2021).
14. *Gaudefroy-Demombynes M*. Le pèlerinage à la Mekke: étude d'histoire religieuse.— P.: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1923.— 332 p.
15. *Schimmel, A*. Some Glimpses of the Religious Life in Egypt during the Later Mamlūk Period // *Islamic Studies*, vol. 4, no. 4.— Islamabad: Islamic Research Institute, International Islamic University, 1965,— Pp. 353–92. URL: <http://www.jstor.org/stable/20832816> (дата обращения: 15.12.2021).

Справочные материалы

1. *Jomier Fr.B*. Mahmal // *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. VI. MAHK — MID.— Leiden: E.J. Brill, 1991.— P. 44b — 46a.

References

1. 'Abd al-Muti, Husam. The position of the Sharif of Mecca towards the French in Egypt (1798–1801). *Misr al-Haditha*, vol. 19, no. 19. Cairo, Dar al-kutub wa-l-watha'iq al-qawmiyya. 2020, pp. 45–78. (In Arabic)

2. 'Ahmad, Yusuf. *The Mahmal and the Hajj*. Cairo, Matba'at Hijazi, 1937, 289 p. (In Arabic)
3. 'Amin, 'Ahmad. *Dictionary of Egyptian customs and traditions*. Cairo, Mu'assasat al-Hindawi, 2013. 400 p. (In Arabic)
4. Basalama, Hussain ibn 'Abdallah. *The history of the glorified Kaaba, its architecture, kiswa and sidana*. Riyadh, Al-'Amana al-'amma li-l-'ihtifal bi-murur mi'at 'am 'ala ta'sis al-Mamlaka al-'Arabiyya al-Sa'udiyya, 1999, 508 p. (In Arabic)
5. Behrens-Abouseif, D. The Mahmal Legend and the Pilgrimage of Ladies of the Mamluk Court. *Mamluk Studies Review*, 1. Chicago, Middle East Documentation Center, 1997, pp. 87–96. URL: <https://knowledge.uchicago.edu/record/741> (date of access: 11.12.2021)
6. Fathi, Hibatullah Muhammad; 'Ahmad, Husni Hammada. The Egyptian Mahmal: A Historical Study. *Majallat 'ittihad al-jami'at al-'arabiyya li-l-siyaha wa-l-fanadiq*, vol. 6, no. 2. Ismailia, Suez Canal University, Faculty of Tourism and Hotels, 2009, pp. 25–50. (In Arabic)
7. Gaudefroy-Demombynes M. *The pilgrimage to Mecca: study of religious history*. Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1923, 332 p.
8. Hilmi, 'Ibrahim. *The covering of the Kaaba and the arts of pilgrims*. Cairo, Mu'assasat 'akhbar al-yawm, 1991, 207 p. (In Arabic)
9. Kirillina S.A. *Islamic institutions of Ottoman Egypt in the 18th — first third of the 19th century*. Lewiston — Queenston — Lampeter, The Edwin Mellen Press, 2000. 467 p. (In Russian)
10. Kudelin A. A. *The evolution of the socio-political institutions of Ottoman Egypt (17th-18th centuries)*. Moscow, RUDN University, 2017. 180 p. (In Russian)
11. Kudelin A. A.; Frolov K. D. Куделин А. А.; Фролов К. Д. Transformation of the ideology of the Ikhwan movement in 1914–1930: development and decline. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, vol. 12, issue 1 (99), 2021 (electronic resource). URL: <https://history.jes.su/s207987840013830-2-1/> (date of access: 23.12.2021) DOI: 10.18254/S207987840013830-2. (In Russian)
12. Prusskaya E.A. The Hajj in the North African colonial possessions of France at the end of the 18th — first half of the 19th centuries. *Frantsuzskii ezhegodnik 2019: Epokha Napoleona i pamiat' o nei*. Moscow, 2019, pp. 172–188. DOI: 10.32608/0235-4349-2019-1-52-172-188 (In Russian)
13. Schimmel, A. Some Glimpses of the Religious Life in Egypt during the Later Mamlūk Period. *Islamic Studies*, vol. 4, no. 4. Islamabad, Islamic Research Institute, International Islamic University, 1965, pp. 353–92. URL: <http://www.jstor.org/stable/20832816> (date of access: 15.12.2021).
14. Vasilyev A.M. *History of Saudi Arabia (174-end of the 20th century)*. Moscow, Klassika plus, 1999. 672 p. (In Russian)

15. Zaki, Muhammad Hasan. *Islamic Art in Egypt from the Arab conquest till the end of the Tulunid era*. Cairo, Mu'assat al-Hindawi, 2020, 147 p. (In Arabic)

Сведения об авторе

Тамара Алексеевна Рыженкова — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: t.ryzhenkova@spbu.ru

Author's Information

Tamara A. Ryzhenkova — Senior Lecturer, Department of History of the Middle East, St. Petersburg State University.

Email: t.ryzhenkova@spbu.ru

Vladimir A. Popov
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg Scientific Centre of the RAS
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

Kinship and genealogy in theory of social solidarity of Ibn Khaldun

Summary: The solidarity theory of society by Ibn Khaldun (1332–406) based on the notion of *‘asabiyya*. By means of concept of *asabiyya*, he explains the mechanism of the loss of power of the ruling dynasties during three — four generations in the polities founded by nomads. The interpretation of the term *asabiyya* is variable. In the translations of Ibn Khaldun’s treatise *al-Muqaddimah* “*asabiyya*” was understood as “con-sanguineous spirit”, “tribal spirit”, “group feeling”, “collective solidarity”. The literal translation from the Arabic of this definition is “cohesiveness”, and in its original, pre-Islamic meaning, “the spirit of tribal unity”. Thus, based on the meaning of the term, the main attention was paid precisely to the cohesion (solidarity, weld / weldingness) of the elite. Ibn Khaldun emphasizes that the *asabiyya* embraces relatives only, and exclusively men, members of patrilineal clans, and the ruler must have the greatest *asabiyya* both in his own clan, and among other clans and tribes. Only in the case when the *asabiyya* of the ruler is higher than an *asabiyya* of other clans, he can unite the people. The loss of *asabiyya* leads to the degradation of the ruling dynasty (the so-called Ibn Khaldun’s law). Ibn Khaldun was far ahead of the sociological, historical, and political science theories of power of the 19th-20th centuries. The actual theories of elites come from the same ideas about degeneration of traditional “closed” elites through three generations. Ibn Khaldun’s *al-Muqaddimah* actually laid the foundations for the anthropology of kinship, because kinship and genealogical ties, being the basis of *asabiyya*, were the essence of his theory of social solidarity. (Refs. 24.).

Keywords: kinship, genealogy, Ibn Khaldun, clan and tribal society, power, *asabiyya*, solidarity, cohesion, nomads

В. А. Попов
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургский научный центр РАН
Институт восточных рукописей РАН

Родство и генеалогия в теории социальной солидарности Ибн Халдуна

Аннотация: Теория солидарности общества Ибн Халдуна (1332–1406) основана на понятии «асабийя», с помощью которого объясняется механизм потери власти правящими династиями в течение трех — четырех поколений в государствах, основанных кочевниками. Трактовка термина «асабийя» не однозначна. В переводах трактата Ибн Халдуна «ал-Мукаддима» асабийя определяется как «родственный дух», «групповое чувство», «коллективная солидарность». Дословный перевод с арабского: «спаянность», а в его первоначальном доисламском значении — «дух кланового / племенного единства». Таким образом, исходя из смысла термина, главное внимание уделялось именно спаянности (сплоченности, солидарности) элиты. Ибн Халдун подчеркивал, что асабийя охватывает только родственников, причем исключительно мужчин, членов патрилинейных родов, и правитель должен иметь наибольшую асабийю как в своем собственном клане, так и среди других кланов и племен. Только в том случае, когда асабийя правителя выше, чем асабийя лидеров других кланов, он может объединять людей. Потеря асабийи ведет к деградации правящей династии (так называемый закон Ибн Халдуна). Закон Ибн Халдуна значительно опередил социологические и политологические теории власти XIX–XX веков. Современные теории элит исходят из тех же представлений о вырождении традиционных «закрытых» элит через три поколения. В трактате Ибн Халдуна «ал-Мукаддима» фактически были заложены основы и антропологии родства, поскольку именно родство и генеалогические связи являлись сутью теории социальной солидарности Ибн Халдуна. (Библиогр. 24 назв.).

Ключевые слова: родство, генеалогия, Ибн Халдун, родоплеменное общество, власть, асабийя, солидарность, сплоченность, кочевники

Arab Muslim historian and philosopher Ibn Haldun (Arab. *خلدون ابن*), or Abu Zeyd Wali ad-din Abdurrahman ibn Mahomed ibn Mahomed ibn al-Hassan ibn Jabeer ibn Mahomed ibn Ibrahim ibn Abdurrahman Ibn Khalid (Haldun) al-Hadrami al-Ashbili was born in 1332 (1 Ramadan 732 y.h.) in Tunisia in the aristocratic family of Bani Khaldun, who had lived in Andalusia for several generations and was one of the three most powerful families of Muslim Seville.

Bani Khaldun's ancestors — Bedouins from Hadramaut — settled in Spain in the 8th century. During the Reconquista in the early 13th century, the Bani Khaldun family relocated to northern Morocco and then to Tunisia (in 1228). In 1349–1375 Ibn Haldun held various posts (from secretary to vizier) at the courts of the rulers of Tunisia, Fez and Granada, and carried out their diplomatic assignments in Christian and Muslim Spain and North Africa. From 1382 he taught at Cairo University al-Azhar, serving as kadi among the Malikites (hence comes one of his nicknames — lakab — al-Maliki). In 1400 he participated in the negotiations of the Egyptian sultan Farage with Tamerlane, who had invaded Syria, to whom he laid out his theory of tribal solidarity. He died in 1406 (28 Ramadan 808 y.h.) in Cairo (for more details, see: [Fischel, 1967; Ignatenko, 1980; Fromherz, 2010]).

In his main theoretical work, the treatise “*al-Muqaddimah (Prolegomena)*”, Ibn Khaldun “moved from «the history of the prophets and kings» < ... > to the history of human communities, trying to identify some patterns of development of these communities and explain them by objective reasons hidden in nature people” [Alekseev, Syreyshchikova, 2008, p. 196]. In other words, for the first time in the Arab-Muslim world, Ibn Khaldun justified the need for independent science about society (*ilm al-umran*), developed the methodology and general principles of historical researches (for more details, see: [Mahdi, 1971]), and tried to determine the reasons of the rise and decline of countries and peoples and, as it turns out, discovered the most fundamental concepts of the economy. Even before Adam Smith he had discovered the value and need for division of labor. Early than David Ricardo, he had developed labor theory of value, and before John Keynes, he proved the decisive role of the state in stabilizing the economy, and etc. (for more details, see: [Smirnov, 2008, p. 161]).

The treatise *al-Muqaddimah* is also one of the earliest examples of a comprehensive (or complex) analysis of the transformation of power institutions in various polities (chiefdoms, early states and their analogues) of the Maghreb, which arose in resulting from the capture of settled societies by the nomads and the establishment of the rule of nomadic dynasties. In fact, Ibn Khaldun created the theory of social solidarity, the key concept of which was “asabiyya” (Arab. *عصية*). By means of concept of *asabiyya*, he explains the mechanism of a cyclical loss of power by ruling dynasties for three-four (maximum — five) generations in the polities founded by nomads. For him, this is the main driving force of the historical process.

The interpretation of the term *asabiyya* is variable. In the old translations of Ibn Khaldun's treatise *al-Muqaddimah* into European languages, *asabiyya* was understood as “consanguineous spirit”, “tribal spirit”, “group feeling”, “social solidarity” with an

emphasis on tribalism and clan unity [Ibn Khaldun, 1958; Batsieva, 1965; Ignatenko, 1980, pp. 36–37]. In recent translations, *asabiyya* is defined as “collective solidarity” [Korotaev, 2006, p. 67; Turchin, 2003], or “tribal solidarity” and even “passionarity” [Alekseev, Syreyschikova, 2008, p. 217, note 25].

The literal translation from the Arabic of this definition is “cohesiveness”, and in its original, pre-Islamic meaning, “the spirit of clan and tribal unity” [Smirnov, 2008, pp. 167–169; Ibn Khaldun, 2008, pp. 202–204]. Thus, based on the meaning of the term, the main attention was paid precisely to the cohesion (solidarity, weld/weldingness) as the main principle of organization of elites. The natural basis of cohesion (or solidarity) is kinship, and as the kinship affinity decreases, *asabiyya* also weakens [Smirnov, 2008, pp. 169; Ibn Khaldun, 2008, pp. 203–204].

At the same time, Ibn Khaldun emphasizes that *asabiyya* embraces relatives only, and exclusively men, members of patrilineal clans¹ (“it is impossible to gain primacy among the carriers of cohesion without belonging to their ancestral line”) [Ibn Khaldun, 2008, pp. 199–200], and a ruler must have the greatest *asabiyya* both in his own clan (*ashir*, or *batn*), and among other clans and tribes (*hayi* and *kabila*)². Only in the case when the *asabiyya* of the ruler is higher than an *asabiyya* of other clans, he can unite the people. By submitting and uniting the *asabiyyas* of other clans, the ruler strengthens his own³.

The loss of *asabiyya* leads to the degradation of the ruling dynasty (the so-called Ibn Khaldun’s law). As a rule, already in the second generation there was a strong competition between representatives of the elite, and more than three or four generations nomadic empires did not experience. A civil war began, which ended with the complete collapse of statehood, and a new dynasty with a higher level of *asabiyya* came to power [Turchin, 2003; Korotaev, 2006, p. 68; Mirawdeli, 2015; Vasyutin, 2016, pp. 153, 159] (cf.: [Popov, 2015a]).

Meanwhile, as S.A. Vasyutin emphasizes, “the transformation of elites in itself is a multidirectional process and cannot be an exclusive factor in the crisis of nomadic empires. The growth and overproduction of elite strata creates socio-political tension in the imperial polities of nomads, but does not necessarily lead to large-scale internal strife capable of destroying an over-tribal (imperial) structures” [Vasyutin, 2016, p. 179]. In

¹ *Asaba* are ‘male paternal relatives (male relatives on the paternal side)’.

² *Hayi*, *batn*, and also *ashir* are units of the clan organization (for more details, see: [Popov, 2015b, pp. 15–19; Popov, 2020, pp. 232–234]).

³ “It is impossible to gain primacy among the carriers of cohesion; they do not belong to their ancestral line. Indeed, there is no primacy without predominance, and predominance, as we said, is achieved through cohesion. Therefore, it is possible to dominate the people only by having a cohesion that prevails over their cohesion — over each one individually. After all, when any of such bonds feels the predominance of the cohesion of their head (*ra’is*), she will decide to obey and follow [him]. Whoever falls out of their ancestral line at all will not find cohesion among them. Such a person is on the side of the heat (*mulsak lazik*). For him, the ultimate cohesiveness (*ta’assub*) is achieved through patronage (*vala’*) and alliance (*hilf*), and this does not give him dominance over them at all...” [Ibn Khaldun, 2008, ch. II, section 12].

other words, this model “works” only partially, since other factors that Ibn Khaldun did not identify were also important⁴.

Nevertheless, it should be noted that Ibn Khaldun was far ahead of the sociological, historical, and political science theories of power of the 19th — 20th centuries from the point of view of the conceptual validity of the conclusions, identification of factors and reasons for the evolution of elites towards their disintegration, and fixing terms of the decline of the dynasty (life of three to four generations). The actual theories of elites (created, for example, by Vilfredo Pareto, Gaetano Mosca, Pitirim Sorokin and Robert Michels) come from the same ideas about degeneration of traditional “closed” elites through three generations (for more details, see: [Dhaouadi, 1990; Alekseev., Khalturina, 2004; Vasyutin, 2016, p. 152]).

Ibn Khaldun’s *asabiyya* is quite comparable to such concepts of classical and modern sociology as Emil Durkheim’s “moral power”, Max Weber’s “charisma”, Leo Gumilev’s “passionarity”, and Randall Collins’s “high emotional energy”, although it may not fully coincide with them.

Ibn Khaldun’s *al-Muqaddimah* actually laid the foundations for the anthropology of kinship (“kinship studies” in the English-speaking tradition), because kinship and genealogical ties (*nasab*), being the basis of *asabiyya*, were the essence of his theory of social solidarity. As Ibn Khaldun stressed, “people are characteristic of a kinship feeling by nature”, and “kinship relations occupy a central place in a person’s social life <...> the benefit of kinship is that it provides an association that makes the connection between relatives obligatory, so that mutual assistance and affection arises between them” (quoted from: [Alekseev, Syreishchikova, 2008, p. 210–211]; cf.: [Ignatenko, 1980, p. 48; Popov, 2014]).

In addition, Ibn Khaldun introduced scientific concepts such as “generation” and “extended-family community”, which he called “home or household” (*bait*). He distinguished between direct (genealogical) and lateral kinship, both on the father’s side and on the mother’s side (i. e., “patrilaterality” and “matrilaterality” in modern terms).

He also proposed to distinguish between native and distant brothers (male siblings and cousins), whom he essentially subdivided into cross-cousins and ortho-cousins. For the first time, he also described the customary aspects of the differentiation of siblings into half-siblings with the same father (consanguine half-siblings) and half-siblings with

⁴ S. A. Vasyutin studied the possibility of applying the “law of Ibn Khaldun” to the political history of the nomadic empires of Central Asia in the 6th–11th centuries and came to the conclusion that the complex theory of Ibn Khaldun can be applied only to a limited extent, since it focuses only on the processes taking place in the ruling dynasty and its immediate environment. With less doubt it can be applied to conquering (nomadic-sedentary) empires. So, in the Khitan empire of Liao, despite periodic conflicts in the elite environment and the rejection by a number of emperors of the nomadic lifestyle and patterns of behavior of nomadic rulers, the number of generations who that ruled the dual Khitan empire far exceeded the Ibn Khaldun chronological threshold of three to four generations [Vasyutin, 2016, pp. 178–179]; (see also: [Vasyutin, 2020]).

the same mother (uterine half-siblings) in Muslim Arab society⁵. But, most importantly, he considered kinship as one of the basic principles of the organization of the Arab traditional society, typical one of the early feudal society of the East.

In other words, Ibn Khaldun foreshadowed many observations by L. H. Morgan and N. A. Lavrovsky, who are considered the founders of socio-anthropological and linguistic directions in the anthropology of kinship (for more details, see: [Burykin, Popov, 2020; Popov, 2011; Popov, 2014; Popov, 2018]). Thus, the roots of kinship studies, like many other current sciences, also go back to the medieval Arab-Muslim tradition [Myand, Popov, 2019].

References

Sources

1. Ibn Khaldun, 1958 — Ibn Khaldun. *The Muqaddimah: An Introduction to History* / Transl. from the Arabic by Franz Rosenthal. N.Y.: Pantheon Books, 1958.
2. Ibn Khaldun, 2008 — Ibn Khaldun. Introduction (al-Muqaddima) / Compiled, translated from Arabic and note by A. V. Smirnov // *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*, 2007. M., 2008, pp. 187–217. (In Russian).

Literature

1. Alekseev, Khalturina, 2004 — Alekseev I. L., Khalturina D. A. Ibn Khaldun's theory of political cycles and nonlinear dynamic models in modern social sciences // *XXXVII International Congress of Orientalists*. M., 2004. Vol. 3, pp. 934–935. (In Russian).
2. Alekseev, Syreishchikova, 2008 — Alekseev I. L., Syreishchikova A. A. Some trends in the study of Ibn Khaldun's legacy in modern historiography // *Pax Islamica*. 2008. No. 1 (1), pp. 195–218. (In Russian).

⁵ “The primacy (*ri'asa*) always belongs to a certain circle of carriers of cohesion. Know that, although any *hayi* and *batn* among the tribes is a single group (*'isaba*) due to a common line of kinship, there are other bonds among them that arise due to special lines of kinship with a fusion stronger than their common line of kinship. Such, for example, are one clan (*'ashir*), or representatives of one house (*bait*), or brothers [among] the sons of one father—but not cousins on the father's side, near or far. In their separate line of kinship, they are rooted deeper, and at the same time have a common line of kinship with other groups (*'asa'ib*). They worry (*nu'ra*) for relatives both in their separate line and in a common line, but in their separate line of kinship their experiences are stronger due to closer fusion.

The primacy belongs to them not to everyone, but to a certain circle. And since the primacy is due to the predominance (*galb*), it necessarily follows that the cohesion of this circle is stronger than other groups: thanks to this, it gets predominance and exercises primacy... the primacy among them always belongs to this particular circle of carriers of predominance, because if it went beyond this circle and passed to other groups inferior to this group in predominance, then this primacy would not be realized there. That's why it stays within this circle, moving from one branch to another. It passes exclusively to the strongest branch among them... This is the answer to the fact that there is predominance in cohesion” [Ibn Khaldun, 2008, ch. II, section 11].

3. Batsieva, 1965 — Batsieva S. M. *Historical and sociological treatise of Ibn Khaldun “Muqaddima”*. M.: Nauka, 1965. (In Russian).
4. Burykin, Popov, 2020 — Burykin A. A., Popov V. A. *Russian terminology of kinship and affinity: historical dynamics, axiological fields, communicative discourse*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2020. (In Russian). DOI 10.25882/sfy9-xb39
5. Dhaouadi, 1990 — Dhaouadi M. Ibn Khaldun: the founding father of eastern sociology // *International Sociology*. 1990, No 5, pp. 319–335.
6. Fischel, 1967 — Fischel W. *Ibn Khaldun in Egypt: his public functions and his historical research, 1382–1406; a study in Islamic historiography*. Berkeley: University of California Press, 1967.
7. Fromherz, 2010 — Fromherz A. *Ibn Khaldun: life and times*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
8. Ignatenko, 1980 — Ignatenko A. A. *Ibn Khaldun*. M.: Mysl', 1980. (In Russian).
9. Korotaev, 2006 — Korotaev A. V. The theory of political-demographic political and demographic cycles of Abd ar-Rahman Ibn Khaldun in his own presentation [Translation of sections of the sociological treatise of al-Mukaddim] / Transl. from the Arabic by A. V. Korotaev // Korotaev A. V. *Long-term political and demographic dynamics of Egypt: cycles and trends*. M.: Oriental Literature, 2006, pp. 67–78. (In Russian).
10. Mahdi, 1971 — Mahdi M. *Ibn Khaldun's philosophy of history*. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
11. Mirawdeli, 2015 — Mirawdeli K. *Asabiyya and state: a reconstruction of Ibn Khaldun's philosophy of history*. Bloomington, IN: AuthorHouse, 2015.
12. Myand, Popov, 2019 — Myand T. G., Popov V. A. On the question of the origins of the anthropology of kinship: the concept of “asabiyya” and the law of Ibn Khaldun // *XIII Kongress antropologov i etnografov Rossii*. M., 2019, p. 8. (In Russian).
13. Popov, 2011 — Popov V. A. Kinship studies, or the anthropology of kinship: objects, subjects and methods of study // *Antropologicheskii forum*. 2011. No. 15, pp. 56–75. (In Russian).
14. Popov, 2014 — Popov V. A. *The algebra of kinship and power. Studies on the anthropology of kinship and political anthropology*. Moscow; St. Petersburg: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; ANO “Center for Informatization of Education “KIO”, 2014. (In Russian).
15. Popov, 2015a — Popov V. A. Military-commercial parapolis as a variant of the formation of secondary statehood in pre-colonial West Africa // *Torgovlya v ethnoculturnom izmerenii*. St. Petersburg: Russian Ethnographic Museum, 2015. (In Russian).

16. Popov, 2015b — Popov V.A. The concept of “tribe”, or ethnicity and potestarity all rolled into one // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015, No. 2, pp. 14–25. (In Russian).
17. Popov, 2018 — Popov V.A. Have ethnographers stopped studying kinship? // *Algebra rodstva*. Issue 16. St. Petersburg, 2018, pp. 64–69. (In Russian).
18. Popov, 2020 — Popov V.A. The concepts of “clan” and “clan organization”: rethinking definitions // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2020, No. 3, pp. 230–242. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/29/14
19. Smirnov, 2008 — Smirnov A. V. Ibn Khaldun and his New Science // *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik, 2007*. M., 2008, pp. 159–186. (In Russian).
20. Turchin, 2003 — Turchin P. *Historical dynamics: why states rise and fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
21. Vasyutin, 2016 — Vasyutin S. A. The sociology of Ibn Khaldun’s power and the interpretation of political processes in the nomadic empires of Central Asia (on the example of the Early Middle Ages) // *Rannie formy potestarnoy organizatsii*. St. Petersburg: ANO «Center for Informatization of Education “KIO”», 2016, pp. 152–183. (In Russian).
22. Vasyutin, 2020 — Vasyutin S. A. *Nomads of Inner Asia of the 6th — early 12th centuries in global history*. Irkutsk: “Ottisk”, 2020. (In Russian).

Author’s information

Vladimir A. Popov – Dr. Sci. (Dr. Habil.) in History, Professor, Department of African studies, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University.

Email: v.a.popov@spbu.ru

Chief scientific secretary, Saint Petersburg Scientific Centre of the RAS.

Email: popov@spbrc.nw.ru

Chief researcher, Department of Near Eastern and Middle Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS.

Email: popoffvladimir@gmail.com

Информация об авторе

Владимир Александрович Попов – доктор исторических наук, проф., профессор кафедры африканистики, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: v.a.popov@spbu.ru

Главный ученый секретарь, Санкт-Петербургский научный центр РАН.

E-mail: popov@spbrc.nw.ru

Главный научный сотрудник, Отдел Ближнего и Среднего Востока, Институт восточных рукописей РАН.

E-mail: popoffvladimir@gmail.com

СЕКЦИЯ 2.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ АФГАНИСТАНА И ИРАНА

УДК: 9.94

Н. Гезалова

Институт истории НАН Азербайджана

О символах власти государства Надир шаха Афшара

Аннотация: Исследования символов власти государства Надир шаха Афшара в отличие от эпохи Сефевидов и Каджаров довольно скудные. До настоящего времени всестороннего изучения государственной символики и атрибутов государства Надир шаха Афшара (пр.1736–1747) нет. Анализу возникновения и генезиса символов власти и государственной атрибутики должно предшествовать максимально возможное выявление материала изучаемого периода и его классификация. В хранилищах различных стран хранится огромное количество письменных и материальных памятников эпохи Надир шаха, которые дают основательные и точные сведения о внутренней и внешней политике великого завоевателя. В данной статье впервые на основе первоисточников рассматриваются печати, флаги и монеты великого полководца Надир шаха Афшара.

Началом модернизации символов власти надо считать отстранение в 1736 г. Сефевидской династии и установление у власти новой Афшарской династии. Автор стремится проанализировать атрибуты власти новой династии и определить, в какой степени символы власти государства Надир шаха были под влиянием предыдущей кызылбашской династии Сефевидов. Кроме того, мы постарались проследить изменения вводных формул на символах власти до и после вступления на престол Надир шаха. Надир шах создавая свою империю, если в основном полностью повторял Сефевидов в традициях управления, однако в своей государственной символике старался больше использовать тюркские элементы. Использование тюркских элементов на государственной символике рассматриваются в контексте его попыток легитимизации собственной власти.

(Библиогр. 34 назв.)

Ключевые слова: Надир шах, Афшары, символы власти, фирманы, печать, монеты, флаг

Nigar Gozalova

Institute of History National Academy of Sciences of Azerbaijan

Nadir shah Afshar's symbols of power

Summary: Studies of the symbols of the power of the state of Nadir Shah Afshar, in contrast to the Safavid and Qajar era, are rather scarce. There is no comprehensive study on the issue of state symbols and attributes of the state of Nadir Shah Afshar. The analysis of the origin and genesis of symbols of power and State attributes should proceed as far as possible the identification of the material of the period studied and its classification. In the archives of various countries there is a huge quantity of written and material monuments of the Nader Shah era, which provide solid and precise information about the internal and foreign policies of the great conqueror. In this article considered for the first time on the basis of primary sources seals, flags and coins of the great Turkic commander Nadir Shah Afshar.

The author seeks to analyze these attributes of power and determine to what extent the symbols of power of the state of Nadir Shah were influenced by the previous Safavid system of power. In addition, we tried to trace the changes in the inscription on the symbols of power before and after the accession to the throne of Nadir Shah. Nadir shah, creating his empire, if mostly completely replicated the Safavids in the traditions of governance, he tried to use more Turkic elements in his state symbolism. The use of Turkic elements on state symbols is considered in the context of his attempts to legitimize his own power. (Refs 34.)

Keywords: Nadir Shah, Afshars, symbols of power, firmans, seal, coins, flag

Вступление

На протяжении всей истории, начиная с древнейших времен, государства отождествляли свою власть с определенными символами. Во всех государствах верховная власть имеет особую культурно-историческую своеобразность, выражающуюся в государственной символике. Каждая новая правящая династия на Востоке имела собственную символику, не являющуюся в этом отношении исключением и кызылбашское¹ государство Надир шаха Афшара. Атрибутами и символами государств XVIII в. можно считать трон, корону, скипетр, печать и фирман, оружие (сабля, кинжал), монеты, флаг и штандарт, и т.д. [Гезалов, с.38] Все эти атрибуты власти символизировали законность властвующей особы или династии в стране. Изучение политической истории государства Афшаров невозможно без рассмотрения ее государственных символов. В тоже время удивительно, что специальные исследования, посвященные символам власти и государственной атрибутике государства Афшаров практически отсутствуют.

Как известно, кризис Сефевидского государства в первой половине XVIII в. привел к полному упадку династии и возвышению новой кызылбашской династии — Афшаров. В таких тяжелейших для Сефевидского государства условиях, афганское восстание, российское и турецкая экспансия, кызылбашская военная элита сумела породить гения: сына обычного пастуха из племени Афшаров², который сумел к 1736 г. полностью восстановить границы Сефевидского государства. Укрепив свою власть и влияние в стране, Надир решает, низложив Сефевидскую династию, провозгласить себя официальным правителем страны.

В январе 1736 г. в Муганской степи было решено создать легитимный законный орган — *курултай* (съезд, собрание знати), которому предстояло избрать нового шаха, при этом притязания Надира опирались на тюркскую традицию собраний, которые имели право передать власть новому более достойному предводителю. Исход выборов был предрешен, и после процедуры ритуального упрощивания Надир согласился принять на себя бремя власти. Есть сведения, что на *курултае* Надир отказался от шахского титула, предпочтя ему иное величание — *Вали-Неймат*³ (благодетель, покровитель)⁴. Возможно, подобный шаг Надира имел целью показать, что статус

¹ Кызылбашами (*азерб.яз. Qizilbaş*) называли представителей семи тюркских племен (устаджлу, шамлу, текели, бахарлу, зулькадар, каджар, афшар). Под Кызылбашскими следует понимать династические государства Сефевидов, Афшаров, Каджаров. Кызылбаши, будучи «людьми меча», являлись военной аристократией государства.

² «Афшары — это одна из ветвей Тюркских Огузов. Огузы — это Тюркоманы, состоящие из 22 ветвей», афшары в этой цепи упоминаются шестью. [Kashgarli, V.I, p.55–56]. По сведениям Али Акбар Дехода «Афшары — это одна из знатных тюркских племен» [Dehoda, p.3112].

³ Отстранив от власти малолетнего шаха Аббаса III, который был убит позднее сыном Надира шаха [Lockhart, p.104].

⁴ «И ходит молва, что он не желает, чтобы его называли шахом, а звание шаха вовсе отменил, и никто не может упомянуть [звание шаха] или называть шахом ни его, ни прежнего. Но повелел [он], чтобы его называли Валинематом» [Кретацци, с.284].

нового правителя выше прежнего, что превращало представителей прежней правящей династии Сефевидов в подданных могущественного благодетеля.

Фирманы и печати

Одними из важнейших атрибутов государства являются официальные фирманы и печати правителей. Фирманом считается шахский указ непременно с шахской печатью. Необходимым первым этапом научного использования, публикации, историко-культурного, текстологического и филологического изучения фирмана является его описание, анализ и интерпретация.

Фирманы исследуемого периода в основном состоят из трех частей, написанных на одном большом листе: 1) прошения на имя шаха, 2) донесения специальных чиновников — *мирвеизов или забитов*, содержащие заключения об описи государственных налогов, и 3) собственно фирман шаха, заключающее в себе резолюцию на прошение. Эта форма изложения указов, за малым исключением, господствовала вплоть до XIX века. Но, иногда, при повторном утверждении старых указов и, особенно при даровании прерогатив и *муафства*⁵ или других привилегий, сохранялась и старая форма. Внутри страны адресатами указов Надир шаха могли быть, например, представители правящей элиты или религиозные деятели, за пределами Афшарского государства — правители и главы местных администраций. Прощения, фетвы и шахские фирманы писались по определенному образцу. Любое прошение на имя шаха писалось от имени «ничтожнейшего из рабов», просящего о пожаловании «справедливого указа в виде милостыни благословенной, благороднейшей, священнейшей, возвышеннейшей высочайшей главы», и завершалось заверением в том, что «это деяние (т. е. «милость» правителя) перед Аллахом не будет напрасным». Все фирманы Надир шаха начинаются словами «Августейший указ был дан следующего содержания». Также следует отметить выражения «Принимаемая прибежище у Всевышнего», а также «Во имя Аллаха, лучшее из имен», «Вся власть принадлежит Аллаху», «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного», «Он [Аллах]», «Во имя Аллаха», с которыми начинаются фирманы.

В то же время невозможно недооценить применение методов сфрагистики⁶ при изучении фирманов. Печати следует рассматривать с позиций не только источниковедческой критики документа, но и самостоятельного исторического источника. Для современной историографии характерно комплексное, трехстороннее рассмотрение государственных печатей: как правового памятника, как части акта (документа), как произведения художественного творчества эпохи. Печать является средством, подтверждающим законность документа и правомочность деяния. В период XII–XV веков печати обозначались тюркским термином «дамга», однако

⁵ Муафство — налоговый иммунитет, освобождение от государственных налогов.

⁶ Сфрагистика или сигиллография — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати.

в исследуемое нами время для обозначения государственных печатей используется уже термин «мохур», в то время как «дамга» обозначает уже клеймо. Шахские печати, оттиски которых имеются в рукописях, дают ценный материал для изучения текстовых источников на восточных языках. Несомненно, что факты сфрагистики должны быть поставлены в тесную зависимость от фактов политических. В мусульманских печатях надпись занимает центральное место, в отличие от европейских печатей, которые в основном характеризуются наличием изображений. Если в более ранних мусульманских печатях, как правило, нет даты, то примерно с XVI века мусульманские печати были датированы по летоисчислению хиджры. Для оттиска в средневековом документе обычно использовали черные чернила или китайскую тушь [Курбанов, с. 85].

Мы попытаемся рассмотреть и классифицировать все известные официальные печати Надир шаха Афшара (1736–1747). Для написания статьи были обработаны печати и их оттиски, которые имеются на фирманах и указах, хранящихся в архивах и различных сборниках, опубликованных в Турции, Иране, Грузии и Армении. Мы рассмотрим печати в хронологическом порядке, отмечая при этом преемственность, влияния и взаимодействия исторических событий.

Местоположения печатей вначале фирмана документа, привилегия правителей, остальные должностные лица ставили печать в конце указа (фирмана, хокма). Со времени шаха Тахмаспа I (пр. 1524–1576) замечается некоторое изменение и в общей форме фирманов. Если в указах государств Гара-гоюнлу (1410–1468), Аг-Гоюнлу (1467–1501), равно как основателя Сефевидского государства шаха Исмаила (пр. 1501–1524), печать правителя часто ставилась в конце указа, в дальнейшем печать ставится уже в начале. В тексте указов (фирманов)⁷ Надира, изданных до марта 1736 г., печать ставилась внизу основного текста. После официальной коронации Надира (март, 1736) печати были отпечатаны в верхних частях документов. Каждый фирман имел легенду (текст печати) на арабском и персидском языках. На фирманах до 1736 г. Надир в основном упоминается как *навваб* (букв. представитель, наместник), то есть тот, кто временно представляет власть шаха Тахмаспа II (пр. 1723–1732).

Анализ многочисленных фирманов позволяет нам утверждать, что в 1734–1736 гг. [Persian documents of the Matenadaran, p. 130–134; Тбилисская коллекция персидских фирманов, с. 48–49] то есть до официального *курултая* и проведения коронации, Надир пользовался печатью со следующей легендой на персидском языке: «Нет другого героя, кроме Али, нет меча, кроме Зульфикара⁸. По воле Бога я презренный Надир слуга четырех и восьми⁹»¹⁰.

⁷ На копиях указов место шахской печати отмечено словами «место благословенной печати его священнейшего величества государя».

⁸ Зульфикар (араб.) † — название меча пророка Мухаммеда, который после смерти Мухаммеда перешёл к праведному халифу Али ибн Абу Талибу.

⁹ «Четырех и восьми» — двенадцать, т. е. двенадцать почитаемых шиитских имамов.

¹⁰ *Lafata illa Ali, la sayfa illa Zual-Faqar, Nadir-i asram zi lutf-i Haqq ghulam-i hasht ū char.*

После коронации на протяжении 1736–1747 гг. легенды печатей шахских фирманов несколько раз меняются. Сразу после коронации Надир шаха в фирманах за 1736 г. [Persian documents of the Matenadaran, p.144–145]¹¹ используется новая квадратная печать с короной и с легендой на персидском: «*Надир — проявление божественной милости*». Это же легенда используется на печатях в указах за 1738 г. [Persian documents of the Matenadaran, p.146–147], и за 1741 г. [Persian documents of the Matenadaran, p.154–159]. Хотя, очевидно, что наряду с этой печатью в фирманах Надир шаха использовалась и новая печать с легендой на персидском языке: «*Во имя Аллаха! Когда драгоценный камень державы и веры пошатнулся, Надир был поставлен Аллахом над Ираном*»¹². Это же печать встречается на фирманах вплоть до 1745 г. включительно [Persian documents of the Matenadaran, p.160]¹³.

Еще одна печать Надир шаха известна нам из турецких архивов с легендой на персидском языке: «*Выбор Всемогущего (Аллаха) Надир*», который используется одновременно с другими в письмах и фирманах за 1738–1745 годы [Asnad ve Mokatebate-tarixiye-İran (celde-avvel). Doureye-Afshariyye, с. 81–84, 91–93, 107–111].

Несомненный интерес представляет также печать Надир шаха используемая на фирманах за 1746 г. где впервые на государственной печати, скрепляющий шахский акт, встречаются изображения «льва и солнца» (*шир* и *хуршид*). На этой печати на солнце вписано выражение на арабском *Меликуллах Аллах* (араб.: Власть принадлежит богу) [Тбилисская коллекция персидских фирманов, с.70]. Эта печать впервые была обнаружена и опубликована в грузинском сборнике персидских фирманов [Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии, с.119].

Таким образом, содержания легенд на официальных печатях Надир шаха должны были быть направлены на обеспечение стабильности в стране. Причем в отличие от сефевидских правителей, ни в одной легенде печатей Надир не указывает на свой шахский титул[Floor, p.53].

¹¹ В то же время, очевидно, что печати Надир использовались не одна сменяя другую, а по-видимому, одновременно, если на фирманах из коллекции Матенадарана печати Надир шаха представлены в строго хронологическом порядке, то в указах из грузинских архивов эту печать можно встретить на одном фирмане за 1742 г. [Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. 2, с.54–55].

¹² *Nigin-i dawlat ū din rafta būd chūn az ja/bi-nam-i Nadir Iran qarar dad Khuda*
Besmellah — nagin-e dawlat-e din rafta bud čun az ja / be-nam-e Nader Iran qarar dad ,oda

¹³ В сборнике грузинской коллекции персидских фирманов есть фирманы Надир шаха с этой печатью уже начиная с 1738/9 г. [Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. 2, с.50–51, 52, 53–54, 56–58, 59–60, 62–63, 64, 65–66, с. 66, 71–72, 72–73], в то время как в Матенадаранской коллекции — это печать есть только на фирманах, изданных с 1741 г. [Persian documents of the Matenadaran, p.163–165].

Монеты

Нумизматическая символика чрезвычайно разнообразна. Каждая страна и эпоха обладала собственным набором символов, эмблем, аллегорий и персонификаций, запечатленных на монетах. На монетах, отчеканенных от имени великого полководца и правителя, Надир был еще более консервативен в своих притязаниях на легитимность. Первые монеты, отчеканенные от имени Надира в 1148/1736 г. сразу после его коронации, носят явно выраженный констатационно-тенденциозный характер [Раджабли, 115]. Для этих монет, которые вначале чеканились (1736) в Мешхеде, затем в других городах, была подобрана хронограмма *джулуса*¹⁴ Надира: «*Благо в том, что свершилось*»¹⁵. Впоследствии на монетах типа аббаси¹⁶, отчеканенных от его имени, было нанесено «*ас-Солтан Надир*» [Poole, p.lxx]¹⁷.

Символика монет не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Совершенно очевидно, что на монетах, отчеканенных от имени Надира, он именуется себя титулом Султан (титул, используемый в тюркских государствах), а не Шах, свойственным правителям из Сефевидской династии.

Государственный флаг

Не менее важным символом политической власти является флаг или *байрак*, который в основном в исследуемый период являлись одним из эффективных средств управления войсками во время военных походов и в ходе военных действий. По мнению Шахбази, флаг Надира представляет собой большое желтое полотнище с ярко-красной каймой по краям, на котором изображены мотив Льва-Солнца в качестве основной эмблемы флага [Shahbazi]. Это подтверждает и слова его официального историографа «*государь-мирозавоеватель сел на коня с золотой уздечкой, приказал двинуть счастливые знамена и золотое Надирово знамя и поднял величие и славу до небесной высоты*» [Мухаммед Казим, с. 126]. Известно также что, в государстве Надира было два имперских штандарта:

«Один из них был в полосах красного, синего и белого цветов, а другой — в красных, синих, белых и желтых без каких-либо орнаментов на них ... чтобы двигать штандарты требовалось двое людей ... они

¹⁴ Чеканки монет от имени нового правителя по обычаю предшествовала торжественная церемония «джулуса» (восшествия на престол).

¹⁵ Это хронограмма: сумма числовых значений всех букв равна 1148, т.е. указывает на дату воцарения Надира [Пахомов, с. 231].

¹⁶ Подробнее о денежной реформе Надира смотри: Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. Баку: 1997, с. 115–118.

¹⁷ В ободке серебряных монет Надира отчеканено: «*ас-султан Надир*». В точечном ободке: «*Да сделает Аллах его правление вечным*» и «*Да продлит господь его царствование*» город и год чеканки [Paghava I., S. Turkia, G. Janjgava, p. 13–15; Johnston, Vol. 12, p.88].

были сделаны такого огромного размера, чтобы не допустить того, чтобы во время сражений их смог унести противник, за исключением полного поражения» [Hanway, p.248–249].

В российских архивах можно найти подробные описания Каспийского флота Надир шаха, и соответственно также его военно-морского флага:

«Марта 8 числа прибыло к Зинзилямъ одно персидское судно под флагом гюйсом и вымпелом, а вымпел отъ штока синий с желтым съ угла в уголь; хвосты, один синий, другой желтый, длиною оное судно по килю 30 фунт.... А по справке которую над портомъ съ прежде присланными прошлого 1747 от него Рагозео из Дербента рапортом, показаны флаг синий, въ середине желтый лев и над ним солнечные лучи желтые же, гюйсь синий съ желтым полосатый съ угла на угол, чего ради во известие адмиралтейской коллегии и доноситься» [РГАВМФ, с.1; Гёзалова, с.310].

Таким образом, желтый (золотой), синий и красный были превалирующими цветами в афшарских штандартах (у Сефевидов превалировал зеленый цвет) [Shahbazi]. Кроме того, согласно музейным каталогам, на флаге времени Надир шаха также, как и на монетах, его упоминают как султан и хаган¹⁸.

Тюрбан (Тахмази)

Надир шах Афшар ввел новый шахский головной убор *Тахмази*, тюрбан новой формы, верх шапки с четырьмя углами. Описание головного убора Надир шаха мы можем составить на основе портретов Надир шаха. Так, головной убор был в высоту 25–30 сантиметров, перевязанный шелковым шарфом красного цвета и украшенный драгоценными камнями и брошью. Наверху головного убора собирался зигзагообразно в четыре «треугольные» части, вокруг (нижней части) широкого конца короны был золотой ободок, украшенный различными драгоценностями, пускавший от себя наискось перо из золота, увенчанного драгоценными камнями, чуть выше, как раз посреди *Тахмази*, расположено было еще одно перо, вставленное вертикально. По мнению Е. Такера, этим новым четырехконечным головным убором он противопоставлял себя Сефевидам, которые носили кызылбашский *тач*

¹⁸ Так, на одном из флагов времен Надир шаха Афшара, хранящемся в Национальном музее истории Азербайджана, согласно данным каталогов существовала надпись: «*Великий султан, самый великий хаган, повелитель людей Надир шах (?), да сделает Аллах его правление вечным. 1155*». Судя по дате, надпись была сделана в 1742–1743 годах [Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии, с.22–23]. К сожалению, в настоящее время эту надпись невозможно прочесть. Поэтому вызывает сомнение упоминание титула Шах наряду с титулами Султан и Хаган, по-видимому, при прочтении титул Шах был добавлен, для идентификации принадлежности флага.

(*taj*) — красный головной убор из 12 полос [Tucker, p.76, 85] (символизировавший двенадцать имамов).

Вот как описывает церемонию коронации один из участников курултая армянский священник А. Кретагии:

«Когда наступил день джудуса, который состоялся в четверг 26 февраля, на 25-й день Луны, оставшиеся там ханы собрались в пятом часу дня во дворец Валинемата и возложили на его голову похожую на шлем корону, сделанную из золота. [В корону] были вставлены редкие камни и драгоценные жемчужины. [Корона] восхитила видевших [ее], и Мирза-Заки взял ее в руки и возложил на голову Валинемата. А затем, встав на колени, стали молиться; лишь один мукри¹⁹, который был молла-баши, по имени Мирза-Аскер из Казвина, стоял на ногах и читал молитву. А собравшиеся [там] ханы стояли на коленях с поднятыми вверх руками пока не окончилась «дуа», т. е. молитва, которую читал тот мукри, стоя на ногах, и которая была по длительности похожа на нашу «Господи, помилуй». Затем, произнесши фатэ, пали ниц. А потом встали и сели по порядку на свои места, в соответствии с рангом и достоинством....

И через два часа [Валинемат] снял с головы золотую корону и надел на голову прежнюю четырехугольную крестообразную шапку тахмази, обернутую очень белой тонкой шалью, с двух краев которой вышит красивый узор и два конца которой длиной в 4 пальца [каждый] свешиваются на уши; [он] всегда носит ее на голове» [Кретагии, с. 256–257; 258].

Этот головной убор использовалась на специальных церемониях и явно отличался от предыдущих. Изменение головного убора было признаком изменения целой эпохи. Описания изображения головного убора правителя мы постарались восстановить, основываясь на известных портретах Надир шаха.

Легитимность власти

Начиная рассматривать официальную символику государства Афшаров, мы не можем не коснуться вопроса о стремлении Надир шаха на протяжении всего своего правления легитимизировать собственную власть, в том числе и с помощью государственной атрибутики. Именно этот вопрос оказал решающее влияние на формирование государственной символики государства Афшаров.

Вопрос о правлении Надир шаха Афшара связан с общей проблематикой истории создания и развития средневековых империй, имеющей как общетеоретическое, так и конкретно-историческое значение. Вопрос о правлении Надир шаха

¹⁹ Возможно, имеется в виду *мулла*.

Афшара остается дискуссионным в исторической науке. Нет единства во мнениях, касающихся не только частных аспектов проблемы, подходов к ее рассмотрению, но и относительно создания империи, то есть того, с какого момента политику Надир шаха Афшара можно считать направленной на создание собственной империи, в том числе и династии.

Следует отметить, что в первую очередь всю деятельность Надира следует разделить на два основных этапа до 1736 г. и с 1736 по 1747 гг. Такое разделение необходимо для верной оценки всей эпохи Надир Шаха Афшара. Как известно, до 1736 г. Надир прикрывался законностью своих действий под лозунгом восстановления законной власти Сефевидской династии. Оценивая деятельность Надира до 1736 г., в первую очередь следует указать на освободительную миссию великого завоевателя. Он освободил страну от афганской оккупации, изгнал Османские войска, также вынудив покинуть все захваченные земли Российской империю (по договорам 1732 г. и 1735 г.). Как замечает М. Аксуорси «без Надира Иран ждала судьба Польши (которая была разделена в XVIII в.) — частичное или полное разделение между ее соседями, афганцами, русскими и Османскими турками» [Axworthy, p.XV].

Однако, уже начиная с 1736 г., а вернее с 1732 г. (фактического отстранения Тахмасиба от власти) действия Надира открыто были направлены на укрепление собственной власти и создание новой Афшарской династии. Наиболее значительным событием при правлении Надир шаха стали значительные усилия в деле проведения религиозной реформы. Если при Сефевидях государственной религией страны, центральной составляющей их идентичности и идеологии, был провозглашен имамитский шиизм (*исна 'ашари*), то придя к власти в 1736 г., Надир шах сделал попытку пересмотреть и изменить структуру фундамента государства и общества с целью изменения преобладающего шиитского характера государства и его институтов [Algar, p.706–707]. Стремление к ограничению влияния шиитского духовенства отнюдь не означало отказа Надир шаха от использования религии и духовенства в своих целях, он лишь хотел превратить духовенство в свое послушное орудие. Если сефевидские шахи нуждались в поддержке духовенства, всячески покровительствовали росту политического и экономического их влияния, то Надир шах прибегал к методам ограничения их власти и влияния [Арунова, Ашрафян, с. 121]. Поэтому религиозная реформа была направлена не только на укрепление собственной власти, но также и на ослабление влияния высшего шиитского духовенства.

Надир предложил новый *мазхаб* Ислама, который должен был стать общим с суннитами в Османской империи²⁰. Надеюсь добиться восстановления дружественных отношений с суннитской Османской империей, Надир стремился

²⁰ Подробнее о коронации Надир шаха и условиях его восхождения на трон смотри Кретацци Абраам. Повествование. Пер. на рус. яз. предисл. и коммент. Н.К. Корганяна. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973.

объединить шиизм и суннизм и добивался признания турками *мазхаб-и Джафари*²¹ в качестве пятой школы Ислама [Мамедова, с. 155]. Несомненно, что проведение Надир шахом религиозной реформы должно было содействовать его завоевательной внешней политике²².

По мнению Такера, если представители Сефевидской династии обосновывали легитимность своей власти тем, что они являются потомками седьмого Имама, то Надир шах стремился создать новое основание для законности своей власти, пересматривая религиозное (он добивался признания Османским халифом джафаризма пятым толком или *мазхабом*) и этническое (открыто заявлял об общих тюркских корнях с Османским и Могольским государством [TS, E 3299, E 6630; Kosa Rag; p Paşa Mehmet, p.25; Uzunçarşılı, p.186]) наследие Сефевидского государства. Именно «этническая» политика Надир шаха была совершенно новой в отношениях с Османским, и даже с Могольским государствами, никогда еще Сефевидские правители так открыто не указывали в своих обращениях к Османскому султану об общих тюркских корнях. Именно на это впервые делает упор Надир шах. Такая стратегия, направленная на сближение этих государств, основываясь на их этнической близости и общности, была совершенно новым явлением на всем Ближнем Востоке. Эти шаги, без сомнения, были предприняты им для установления мирных отношений с суннитской Османской империей и подготовки почвы, чтобы стать во главе объединенного мусульманского мира [Lockhart, p.279].

Заключение

Успехи во внешней политике и восстановление целостности страны характеризуют Надир Шаха как выдающегося государственного деятеля и военачальника. Одним из важных достижений в правлении Надир шаха Афшара наряду с его обширными завоеваниями были его попытки проведения масштабных реформ как в военно-государственной так и религиозной сферах. Все это не могло не отразиться на государственной символике государства Афшаров.

На основе обработанного материала можно с уверенностью сказать, что на всех известных нам официальных атрибутах и символах государственной власти Надир

²¹ Шестой имам (умер в 765/766 г. хиджры), создатель особого шиитского толка (*мазхаба*). В течение многих веков сунниты признавали только четыре *мазхаба*: *ханефитский*, *шафиитский*, *малекиитский* и *ханбалитский*, различающиеся порядком применения каждого из четырех источников мусульманского права. Джафар Садык был создателем нового шиитского богословско-законоведческого *мазхаба*, значительно отличавшегося от упомянутых четырех и потому не признаваемого суннитами. Подробнее смотри Ernest Tucker Nadir Shah and the Ja 'fari Madhhab Reconsidered. *Iranian Studies*, Vol. 27, No. 1/4, 1994, pp. 163–179.

²² В то же время следует отметить, что Надир шах в ходе каждого своего Багдадского похода (1733–1734; 1743–1744) демонстративно подчеркивал свою приверженность шиитским традициям, посещая святыни в Казимайне, Наджафе и Кербале и одаривая храмы ценными дарами (подробнее смотри Гёзалова Н.Р., Багиров А.Д. Багдадские походы Надир шаха Афшара в 30–40-е годы XVIII века. Баку, 2018).

употреблял титулы султан, хаган²³. В то же время есть свидетельства источников, что Надир запрещал называть себя шахом официально. Известно, что древнетюркский титул султан наиболее часто использовали Османские правители, подчеркивая этим свое благородное тюркское происхождение. Надир шах создавая свою империю, если в основном полностью повторял Сефевидов в традициях управления, однако в выборе своего титула исходил в основном из тюркского элемента, что отразилось и на государственной символике, что было связано, на наш взгляд, с его попытками легитимизации собственной власти. Использование тюркских элементов на государственной символике демонстрировала приверженность Надир шаха Афшара тюркским корням и традициям.

Практически многие элементы государственной власти Сефевидского периода пережили саму династию и нашли свое применение в государствах Надир Шаха в Каджарский период истории страны. В заключение отметим, что приведенный материал, на наш взгляд, подтверждает положение о том, что государство Афшаров, возрождая кызылбашскую государственность, исходило в своей практической деятельности по созданию государственного и административного аппарата управления из традиций более ранней династии Сефевидов, но придавая рассмотренным выше атрибутам власти новое содержание.

Источники

1. Государственное казенное учреждение Астраханской области «Государственный архив Астраханской области». Фонд № Ф-394. Оп. 1 доп. Д. 13. Л.46, 47–49 об.
2. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота [РГАВМФ]. Материалы для Истории русского Флота, часть X. — СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1883. — 758 с.
3. Başbakanlık Osmanlı Arşivi [BOA], Hatt-i Hümayiun [НАТ.] 7/220.
4. Topkapı Sarayı Arşivi [TS]. E 3299; TS 6630.

Список литературы

1. Azərbaycanca dövlətçilik və onun rəmzləri. /Tərtib edəni və mətnin müəllifi Nailə Vəlixanlı. -Bakı: Elm, 2000.— 96 s.

²³ Например, послы Надир шаха Афшара на аудиенции у российской императрицы Анны Иоанновны 3 (14) декабря 1739 года называли своего государя великим хаганом. «С того времени, как мы, обоих Государств рабы, с дружескою грамотою Его Величества Великого Государя и Велико-го Кагана и победоносца сени божия Государя Иранского, в свете славнейшего Надир Шаха...» [Государственный архив Астраханской области, л. 46, 47–49 об].

2. Azərbaycan bayraqları. Kataloq. /*Mətnin müəllifləri: N. Vəlixanlı, Z. Dulayeva, S. Əhmədov, R. Səfərova.*—Bakı: Elm, 2005.— 85 s.
  3. Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with the author's journal of Travels from England through Russia into Persia and back through Russia, Germany and Holland. Vol. I. London, 1753.— 460 p.
  4. Floor W. The rise and fall of Nader Shah, Dutch east India company reports, 1730–1747. -Washington: Mage Publishers, 2009.— 292 p.
  5. Johnston J. M. C. Coin of Nadir Shah, Struck at Bokhara. //The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society, Third Series, Vol. 12 (1892), p. 88.
  6. Nadir Şah Əfşarın məktublaşması. Nəşrə hazırlayan, ön sözün və şərhlərin müəllifi: Rauf Şeyxzamanlı. Elmi redaktor: R. Mehdiyev. -Bakı: Nurlan, 2015.— 221 s.
  7. Kashgarli Mahmud. Divanu Luğat-it-Turk, translated by Besim Altay, c. I.—Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1939.— 530 s.
  8. Koca Ragıp Mehmed Paşa. Tahkik ve Tefvik (Osmanlı — İran Diplomatik Münasebetlerinde Mezhep Tartışmaları).— Istanbul: Kitabevi, 2010.— 282 s.
  9. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. -London: Luzac & Co, 1938.— 344 p.
  10. Paghava I., S. Turkia, G. Janjgava. Some New Denomination Coins of Nadir Shah Minted in Georgia. // Journal of Oriental Numismatic Society, 202, 2010.— pp. 13–15.
  11. Persian documents of the Matenadaran: decrees. Volume IV: 1734–1797 by K. P. Kostikyan,—Yerevan: “Nairi”, 2008.— 387 p.
  12. Poole R. S. Catalogue of coins of the Shahs of Persia in the British Museum.—London: Longmans & Co. 1887.— 336 p.
- Shahbazi, Sh. A. (2009). Flags of Persia. Encyclopedia Iranica. <http://www.iranicaonline.org/articles/flags-i> (дата обращения: 19.09.2021).
13. Tucker E. S. Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran. Florida: University Press of Florida, 2006.— 151 p.
  14. Tucker E. S. Nadir Shah and the Ja 'fari Madhhab Reconsidered. *Iranian Studies*, Vol. 27, No. 1/4, 1994,— pp. 163–179.
  15. Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Tarihi, IV cilt, I bölüm. İstanbul: Türk Tarih Kurumu, 1982.— 687 s.
  16. Гезалов П. Ф. Знамена азербайджанских ханств как источник в изучении истории государственности.— Баку: Национальный музей истории Азербайджана, 2010,— 208 с.

17. Гёзалова Н.Р. Англо-Российское противостояние и планы Надир Шаха Афшара по созданию военно-морского флота на Каспийском море. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сборник научных трудов международного семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / науч. ред. Д.В. Васильев. — Москва: ОнтоПринт, 2019. — с. 300–314.
18. Гёзалова Н.Р., Багиров А.Д. Багдадские походы Надир шаха Афшара в 30–40-е годы XVIII века. — Баку: “Elm və Təhsil”, 2018. — 152 с.
19. Кретацци Абраам. Повествование. Пер. на рус. яз. предисл. с. 5–24 и коммент. Н.К. Корганяна. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. — 189 с.
20. Курбанов Г.Н. Печати Бухарского ханства XIX — начала XX вв.: (Источниковедческое исследование), in History and Culture of Central Asya. Ed.by Babadjanov and Kawahara Yuyoi. — Tokyo: The University of Tokyo, 2012, — p.85–116.
21. Мухаммед Казим. Поход Надир-шаха в Индию. (Извлечение из Та’рїх-и ‘ālamāra-йи нāдирї) / Перевод, предисловие и примечания П.И. Петрова. — Москва: Наука, 1961. — 206 с.
22. Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. кн. I, вып. 4./ текст подготовил к изданию Путуридзе В. С. — Тбилиси: Мецниереба, 1961. — 879 с.
23. Пахомов Е.А. Монеты Грузии. — Тбилиси: Мицниереба, 1970. — 378 с.
24. Путуридзе В.П. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Т. 1. — Кутаиси: Центр. гос. ист. архив Грузии. — 1955. — 1127 с.
25. Путуридзе В.С. Грузино-персидские исторические документы. — Тбилиси, 1982. — 1176 с.
26. Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. — Баку: Элм ве Хаят, 1997. — 232с.
27. Тбилисская коллекция персидских фирманов. Том 2. / Составители: М.А. Тодуа, И.К. Шамс. — Тбилиси: [Б.и.], 1989. — 1176 с.
۲۸. اسناد و مکاتبات تاریخی ایران (جلد اول) «دوره افشاریه» به کوشش: محمد رضا نصیری. — جهاد دانشگاهی دانشگاه گیلان ۱۳۶۱ [Asnad ve Mokatebate-tarixiye-İran (celde-avvel). Doureye-Afshariyye. Be kusheshe Mahammad Reza Nesiri. — Cehade-Daneshqahiye-Daneshqahe-Gilan-1364. — 280 p.]

Sources

1. State treasury institution of the Astrakhan region “State Archive of the Astrakhan Region”. Fund number F-394. Op. 1 add. Folder 13. p. 46, 47–49 ob.

2. Russian State Archive of the Navy [RGAVMF]. Materials for the History of the Russian Navy, part X, St. Petersburg: Printing house of the Ministry of the Sea at the Main Admiralty, 1883. 758 p.
3. Prime Ministry Ottoman Archive [BOA], Hatt-i Hümayun [HAT.] 7/220.
4. Topkapı Palace Archive [TS]. E 3299; TS 6630.

References

1. Statehood in Azerbaijan and its symbols. The compiler and the author of the text Naila Valikhanli.— Baku: Elm, 2000. 96 p.
2. Flags of Azerbaijan. Catalog. Authors of the text: N. Valihanli, Z. Dulayeva, S. Ahmadov, R. Safarov.— Baku: Elm, 2005. 85 p.
3. Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with the author's journal of Travels from England through Russia into Persia and back through Russia, Germany and Holland. Vol. I.— London, 1753. 460 p.
4. Floor W. The rise and fall of Nader Shah, Dutch east India company reports, 1730–1747. Washington: Mage Publishers, 2009. 292 p.
5. Johnston J. M. C. Coin of Nadir Shah, Struck at Bokhara. //The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society, Third Series, Vol. 12 (1892), p. 88.
6. Correspondence of Nadir Shah Afshar. The author of preface and comments: Rauf Sheikhzamanli. Scientific editor by R. Mehdiyev. Baku: Nurlan, 2015. 221 s.
7. Kashgarli Mahmud. Divanu Luğat-it-Turk, translated by Besim Altay, c. I. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1939. 530 s.
8. Koca Ragıp Mehmed Pasha. Tahkik and Tevfik (Sectarian Debates in Ottoman — Iran Diplomatic Relations). Istanbul: Kitabevi, 2010. 28 p.
9. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzac & Co, 1938. 344 p.
10. Paghava I., S. Turkia, G. Janjgava, Some New Denomination Coins of Nadir Shah Minted in Georgia, Journal of Oriental Numismatic Society, 202, Winter 2010. p. 13–15.
11. Persian documents of the Matenadaran: decrees, volume IV: 1734–1797 by K.P. Kostikyan, Yerevan: “Nairi”, 2008. 387 p.
12. Poole R.S. Catalogue of coins of the Shahs of Persia in the British Museum. London: Longmans & Co. 1887. 336 p.
13. Shahbazi, Sh. A. (2009). Flags of Persia. Encyclopedia Iranica. <http://www.iranicaonline.org/articles/flags-i>

14. Tucker E. S. *Nadir Shah's Quest for Legitimacy in Post-Safavid Iran*. -Florida Florida: University Press of *Florida*, 2006.— 151 p.
15. Uzunçarşılı İ. H. *Ottoman History*, IV volume, I section, 3 editions. Istanbul, 1982. 687p.
16. Gezalov P. F. *Banners of Azerbaijani khanates as a source in the study of the history of statehood*. Baku, 2010, 208 p. ill.
17. Gozalova N. R. *Anglo-Russian confrontation and Nadir Shah Afshar's plans to create a navy on the Caspian Sea. // Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests: XVIII–XIX centuries. Collection of scientific papers of the international seminar. Alma-Ata, August 19–23, 2019 / scientific. ed. D. V. Vasiliev.— M.: OntoPrint, 2019. p. 300–314.*
18. Gozalova N. R., Bagirov A. D. *Bagdadskie pokhody Nadir shakha Afshara v 30–40-e gody XVIII veka.—Baku: “Elm və Təhsil”, 2018. 152c.*
19. Kretatsi Abraham. *Storytelling. Translated in Russian language and commentary. N. K. Korganyan. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the ArmSSR, 1973. 189 p.*
20. Kurbanov G. N. *Seals of the Bukhara Khanate of the 19th and early 20th centuries: (Source study), in History and Culture of Central Ася. Ed. by Babadjanov and Kawahara Yayoi. Tokyo: The University of Tokyo, 2012, p. 85–116.*
21. Mukhammed Kazim. *Pokhod Nadir-shakha v Indiiu. (Iz vlechenie iz Ta'rākh-i 'ālamāra-ii nādirī) / Perevod, predislovie i primechaniia P. I. Petrova. Moskva: Nauka, 1961. 206 s.*
22. *Persian historical documents in Georgian bookstores. Volume I, no. 4, the text was prepared for publication by V. Puturidze Tbilisi: Metzniereba, 1961. 879 p.*
23. Pakhomov E. A. *Coins of Georgia. Tbilisi: Mitsniereba, 1970. 378 p.*
24. Puturidze V. P. *Tbilisi collection of Persian firans. Vol. 1. Kutaisi, 1955. 1127 p.*
25. Puturidze V. S. *Georgian-Persian historical documents. Tbilisi, 1982. 1176 p.*
26. Rajabli Ali. *Numismatics of Azerbaijan Baku: Elm ve Hayat, 1997. 232 p.*
27. *Tbilisi collection of Persian firans. Volume 2 / Compiled by M. A. Todua, I. K. Shams; Tbilisi: [B.I.], 1989. 1176 p.*
28. *Iranian Historical Documents and Correspondence (Volume I) “Afshariyeh Period” by Mohammad Reza Nasiri. University Jihad University of Guilan 1985. 280 p.*
۲۸. — اسناد و مکاتبات تاریخی ایران (جلد اول) «دوره افشاریه» به کوشش: محمد رضا نصیری. — ۴۶۳۱ جہاد دانشگاهی دانشگاه گیلان [Asnad ve Mokatebate-tarixiye-İran (celde-avvel). Doureye-Afshariyye. Be kusheshe Mahammad Reza Nesiri.— Cehade-Daneshqahiye-Daneshqahe-Gilan-1364.—280 p.]

Информация об авторе

Нигяр Гезалова — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Азербайджана.

Email: nigar22@gmail.com

Author's Information

Nigar Gozalova — PhD in History, Associate Professor, Leading research fellow, Institute of History, Azerbaijan National Academy of Sciences.

Email: nigar22@gmail.com

З.А. Джандосова

Санкт-Петербургский государственный университет

Мемуары Шаха Шуджа Дуррани: предыстория печального финала

Аннотация: В статье рассматриваются особая роль шаха Шуджа ул-Мулка в истории Афганистана и ранний период его политической активности. Шах правил в период упадка Садозайской монархии и стремился сохранить империю в ее границах, однако действовал в контексте вмешательства великих держав и династийных и племенных распрей, которые привели и к его личному поражению, и к распаду государства. В конце своего первого правления (1803–1809) Шах Шуджа подписал с Англией дружественный договор, носивший антифранцузскую направленность. Амбициозный шах многократно пытался восстановить свое правление, однако в итоге оказался монархом в изгнании, живущим на британскую пенсию в Индии. Переход под британское покровительство определил посмертное место шаха в афганской истории. В 1839 году он вернулся в Кабул в сопровождении английской армии; это стало причиной убийства шаха в 1842 году и сделало его антигероем истории Афганистана. Будучи одним из основных акторов той эпохи, Шах Шуджа вызывает интерес как длительностью своего пребывания на исторической сцене, так и неоднозначностью политической фигуры. Рассмотрение фигуры Шаха Шуджа возможно как в контексте дискуссии о колониализме, так и в контексте параллелей с современностью, связанных с государственным строительством в Афганистане под внешним контролем. Работа основана на оригинальных мемуарах шаха на персидском языке и сопутствующих нарративных источниках, в основном на персидском и английском языках.

Ключевые слова: Афганистан, империя Дуррани, монархия, династия, Шах Шуджа, борьба за власть, паштуны, «Большая игра», Британия, сикхи

Zarine A. Dzhandosova
Saint-Petersburg State University

The Memoirs of Shah Shuja Durrani: The Prehistory of a Sad End

Summary: The article examines the special role of Shah Shuja ul-Mulk in the history of Afghanistan and the early period of his political activity. The Shah ruled during the decline of the Sadozai monarchy and sought to keep the empire within its borders, however, he acted in the context of the intervention of the great powers and dynastic and tribal strife, which led to both his personal defeat and the collapse of the state. At the end of his first reign (1803–1809), Shah Shuja signed a friendly treaty with England that was anti-French. The ambitious Shah tried to re-establish his rule but ended up becoming a monarch-in-exile living on a British pension in India. The transition to British patronage determined the posthumous place of the Shah in Afghan history. In 1839 he returned to Kabul accompanied by the English army; this was the reason for the assassination of the Shah in 1842 and made him the anti-hero of the history of Afghanistan. As one of the main actors of that era, Shah Shuja is of interest both for the length of his stay on the historical stage and for the ambiguity of his political figure. Consideration of the figure of Shah Shuja is possible both in the context of a discussion about the colonialism, and in the context of parallels with modernity. The work is based on the original memoirs of Shah Shuja (in Persian) and accompanying narrative sources, mainly in Persian and English.

Keywords: Afghanistan, Durrani Empire, monarchy, dynasty, Shah Shuja, power struggle, Pashtuns, Great Game, Britain, Sikhs

В статье пойдет речь о раннем периоде политической деятельности шаха Шуджа, афганского правителя, представителя династии Дуррани, основанной Ахмад-шахом Садозаем (1747–1773). Шах Шуджа правил Афганистаном в период упадка Садозайской монархии и распада государства. Первое его правление охватывает короткий период в начале XIX века. Свергнутый в 1809 году, он какое-то время продолжал бороться за власть, однако затем оказался в эмиграции в Индии.

Переход под британское покровительство определил не только дальнейшую судьбу Шаха Шуджа, но и его посмертное место в афганской истории. После нескольких безуспешных попыток вернуть власть, используя недовольство ханов отдельных племен правлением рода Баракзаев, в 1839 году шах все-таки вернулся в Кабул, однако в сопровождении англо-индийской армии и, по сути, в качестве британской марионетки. И хотя на первых порах его претензии на престол рассматривались как законные, а сам он старался дистанцироваться от англичан, о чем пишет Дж. Харлан¹, в военном и финансовом планах второе правление шаха безусловно опиралось на присутствие в Афганистане иностранных войск. Союз шаха с иноземцами стал основной причиной его убийства в 1842 году и сделал его, можно сказать, антигероем истории Афганистана². Будучи одним из основных действующих лиц той эпохи, Шах Шуджа вызывает интерес как длительностью своего пребывания на исторической сцене, так и неоднозначностью политической фигуры.

Сознательный коллаборационизм шаха был связан не только с его политическими амбициями и личной выгодой (престижным для него возвращением «наследственного владения», материальными дивидендами), но и с тем, что Шах Шуджа, вероятно, полагал, что британский протекторат послужит прогрессу его нации. В колониальную эпоху такого рода идеи/заблуждения были свойственны многим восточным правителям, на которых производил сильное впечатление военно-технический прогресс Запада. В то же время анализ мемуаров Шаха Шуджа показывает, что ментально он оставался традиционным афганцем и глубоко верующим мусульманином, и контакт с западным миром не оказал на него такого воздействия, как на восточных лидеров следующих поколений. Свидетельства западных современников (М. Эльфинстон, У. Фрейзер, Дж. Харлан) о личности Шуджа и производимом им впечатлении сильно разнятся, возможно поскольку относятся к разным периодам. М. Эльфинстон и У. Фрейзер наблюдали шаха в 1809 году в Пешаваре,

¹ “The king never desired any greater favour of the English than a loan of money, with which he could ascend the throne. He is now upon the throne surrounded by a strong party, and his first wish is to rid himself of English tutelage. He will probably consummate his purpose. And the English, when they trust to Shuja, repose upon a broken reed, which will transpierce the hand of confiding faith”. [Harlan, 1842, 22].

² Негативное отношение к Шаху Шуджа, которое мы наблюдаем у афганских историков (М.Г. Губар, А.А. Кухзад, С.К. Риштия), сохраняется поныне. Например, посвященное Шаху Шуджа видео на Youtube-канале Aghaniṣṭān Press озаглавлено «ناتسناغفا خيرات ماشداپ نير تروفنم ى نارڈ عاچش ماشه»: «Шах Шуджа Дуррани — самый ненавистный падишах в истории Афганистана». <https://www.youtube.com/watch?v=AQWUxFyGXMс> Видео опубликовано 27.04.2020, дата обращения 20.11.2021. Комментарии к видео также подтверждают это отношение.

в самом конце его первого правления, и он показался им вполне благородной, «царственной» фигурой³, тогда как Дж. Харлан общался с шахом в период его изгнания, и данная им характеристика нелицеприятна для Шаха Шуджа⁴; равным образом негативно характеризует Дж. Харлан шаха и в период его второго правления [*Harlan*, 5].

Рассмотрение фигуры Шаха Шуджа возможно как в контексте дискуссий о колониализме, так и в контексте очевидных параллелей с современностью (например, «правлением» Хамида Карзая и Ашрафа Гани в период присутствия войск НАТО в Афганистане в 2002–2021 годах⁵). И, как нам представляется, его фигура имеет значение при анализе причин конечного установления полуколониального английского господства над Афганистаном несмотря на героизм афганцев и их неприятие иностранного присутствия, проявившиеся в ходе двух первых англо-афганских войн. То упорство, с которым шах продолжал биться за «наследственное владение», делало бесконечной междинастийную и внутринастийную борьбу за власть, а паштунские племена и возглавлявшие их ханы легко меняли сторону и враждовали между собой в то время, когда от них требовалось единение (что говорит о донациональном характере паштунского этноса того времени); успех всеобщего восстания 1841 года своей исключительностью скорее подтверждает этот вывод.

Работа основана на оригинальных мемуарах Шаха Шуджа (на персидском языке) и сопутствующих нарративных источниках, в основном на персидском и английском языках. Поскольку в основе лежит текст самого «антигероя», то своей задачей мы видим прояснение логики действий исторического персонажа в контексте эпохи, с одной стороны, и его персональной биографии, с другой, а также выявление того, может ли казус Шаха Шуджа считаться типичным для ситуаций глобальных «больших игр». Мы будем обращать внимание на действия шаха как исторического актора в его локальной ситуации, где индивидуальный выбор происходит в контексте определенной социальной структуры афганского социума и одновременно в контексте колониального захвата и плотного соприкосновения восточного и западного миров.

Учитывая значительную роль, которую этот шах играл в истории афганского государства в первой половине XIX века, его так или иначе упоминали все писавшие об этом периоде, начиная с названных выше М. Эльфинстона и Дж. Харлана, мемуаристов Первой англо-афганской войны, английских историков англо-афганских

³ “The King of Caubul was a handsome man, about thirty years of age, of an olive complexion, with a thick black beard. The expression of his countenance was dignified and pleasing, his voice clear, and his address princely” [*Elphinstone*, I, 67].

⁴ Речь идет, прежде всего, о параноидальной подозрительности и садистских наклонностях шаха, в результате чего его придворные и слуги лишались какой-либо части тела по малейшему подозрению в измене, о чем стало известно по сообщению американца Дж. Харлана, находившегося на службе у шаха в Лудхиане в начале 1830-х гг. [см. *Macintyre*, 29]

⁵ См. например, один из комментариев под вышеназванным видео: “*What’s difference between Shah Shuja Karzai and Ashraf ghani, Even Shah shuja was better than Karzai and Ghani*”.

войн. Так, Джон Уильям Кэй в первом томе своей трехтомной «Истории войны в Афганистане» не только многократно упоминает Шаха Шуджа, но и цитирует его мемуары [Kaye, I, 90–91; 97–100]. Перси Сайкс, автор двухтомной, но динамичной истории Афганистана при описании «падения» (downfall) Садозайской монархии замедляет повествование на рассказе о злключениях шаха и утверждает, что паштунские сардары (Sirdari) отвернулись от него по той причине, что он был «надменным и отстраненным самодержцем» [Sykes, I, 389]. Афганские историки также не могли обойти Шаха Шуджа стороной. О том, что Файз-Мухаммад Катиб писал первый том *Сирādж ат-таварīх*, во многом опираясь на мемуары шаха, пойдет речь ниже. Файз-Мухаммад писал о шахе в беспристрастном тоне, однако полностью привел подписанный шахом документ, в котором тот не только подтверждал положения трехстороннего договора 1838 года, ставшего обоснованием отсечения от Афганистана его восточных территорий [см. Джандосова, 1995], но и соглашался на «вечное пребывание» английских войск на территории Афганистана [СТ, 143]. Гулам-Мухаммад Губар не только порицает шаха за то, что тот попал в ловушку «дружбы» с англичанами, по их наущению подписал трехсторонний договор и выступил в качестве прикрытия вторжения англичан в Афганистан [Губар, 400–401; 448–449], но и в более ранний период своей деятельности из-за непомерных амбиций был одним из главных участников «феодалных войн, охвативших всю страну», которые привели к ослаблению государства и переходу власти в руки «маликов племен», которые не думали о родине, нации и государстве, а только о личной власти и захвате земли» [Губар, 395–396]. Сайид Касим Риштиа в своей работе «Афганистан в девятнадцатом веке» называет Шуджа «жалким» (*badbaxt*) и пишет, что когда шах был убит, и его тело в тот же день было захоронено рядом с усыпальницей его отца Тимур-шаха в кабульском парке Чар-Баг, «народ (*millat*) вместо траурного плача и слез кричал: «Большой лорд отправился вслед за маленьким!»» [Риштиа, 155]. Ахмад Али Кухзад писал: «Каждому было ясно, что страной правит наиболее ненавистный король при помощи иностранных войск, а народ полон страстного желания дать выход своему возмущению...» [Kohzad, 1957]. Отечественные историки, изучавшие историю Афганистана XIX века, также характеризуют шаха негативно [Халфин; Ромодин 1965, 190–192; 195–196]. В начале XXI в. возросший интерес к фигуре Шаха Шуджа был инспирирован монографией Уильяма Дэлримпла о Первой англо-афганской войне [Dalrymple] и очевидными параллелями с современной ситуацией в Афганистане.

Шах Шуджа ул-Мулк, седьмой сын Тимур-шаха Дуррани (1773–1793), единоутробный брат Заман-шаха, целью правления которого (1793–1801) было восстановление страной статуса региональной державы [см. Джандосова, 1999а], утраченного к концу правления Тимур-шаха, Шуджа (первое правление 1803–1809) унаследовал от брата стремление сохранить империю в ее обширных границах, созданных их дедом Ахмад-шахом Дуррани (1747–1773). Однако действовал он в других

⁶ Под «маленьким лордом» имеется в виду убитый ранее Уильям Макнотен, секретарь по иностранным делам при генерал-губернаторе Индии, главный советник Шаха Шуджа со стороны англичан в период английской оккупации страны.

исторических обстоятельствах, отмеченных началом соперничества великих держав за влияние на мусульманском Востоке, а также непрерывными распрями внутри династии и децентрализацией власти, которые привели и к его личному поражению, и к распаду государства.

Значительную часть информации о ранних годах деятельности шаха, его первом правлении и годах вынужденного пребывания в Индии, в течение которых он предпринимал попытки восстановить свое положение и вернуть афганский трон, мы узнаем из мемуаров шаха, рукопись которых (или, скорее, их литографское издание) широко использовалась Файз-Мухаммадом Катибом при написании первого тома *Сирādж ат-тавārīх*, классического произведения афганской национальной историографии. Строго говоря, лишь первые два *дафтара* этого персоязычного сочинения, называемого *Вāки ‘āt-и шāх Шуджā’* («События /жизни/ шаха Шуджа») [*Стори — Брегель*, 2, 1226], являются мемуарами шаха; третий дафтар, посвященный первой англо-афганской войне, написан уже после смерти шаха и ухода англичан из Афганистана, в Шикарпуре или Лудхиане, гератским купцом Мухаммад-Хусайном, причем, по предположению А. А. Кухзада, с ведома англичан или по их прямому указанию [*ВШШ*, 2]. Это вполне возможно, так как во всех трех дафтарх прослеживается симпатия к англичанам, а в третьем дафтаре, рассказывающем о событиях, в ходе которых шах скомпрометировал себя в глазах афганцев, его взгляды и поведение всецело одобряются. Литографское издание *Вāки ‘āt-и шāх Шуджā’* было осуществлено в 1218 (1861/1862) г. в Лудхиане Саййидом Асгаром в типографии «Матба‘а-йи муджамма‘ ал-бахрайн» [*ВШШ*, Предисловие, 4]. Сочинение выделяется объемом разнообразной бытовой информации и помогает лучше понять психологию афганской правящей элиты того времени. Первый дафтар *Вāки ‘āt-и шāх Шуджā’* охватывает эпизоды (*вāки ‘а*) 1–32, т. е. события с 1216 (1801) по 1236 (1820/1821) год, и заканчивается английской оккупацией Синда и попытками шаха Шуджа противостоять Мухаммад-Азим-хану Баракзаю в Синде. Второй дафтар (эпизоды 33 и 34) начинается сразу с 1241 (1825/1826) г., подробно описывает кандагарские походы шаха 1831 и 1834 годов и заканчивается возвращением шаха в Индию после поражения в кампании 1834 года.

Учитывая, что шах имел хорошее образование, был начитан в богословских текстах и писал стихи (сохранился его диван), велика вероятность того, что мемуары были написаны им собственноручно. При написании *Сирādж ат-тавārīх* Файз-Мухаммад использовал *Вāки ‘āt-и шāх Шуджā’* не только в тех особо отмеченных местах своего текста, где он вводит перефразированные цитаты словами «как сам он пишет в своем дневнике (*рузнама*)» или просто «как сам он пишет», но и во многих других местах, где подобные указания отсутствуют. Сопоставление текстов *Вāки ‘āt-и шāх Шуджā’* и *Сирādж ат-тавārīх* показало, что практически все основные эпизоды первоисточника были использованы Файз-Мухаммадом с большой степенью полноты. Многие события политической истории первой трети XIX века освещены исключительно на основе мемуаров шаха: борьба Шуджа ул-Мулка за власть, его первое воцарение, войны с политическими соперниками,

переговоры и заключение договоров с иностранцами, скитания по афганским горам и Индостану, попытки собрать армию и заручиться поддержкой афганских ханов, индийских правителей, сикхов или миров Синда, финансовые невзгоды, кандагарские походы и печальное возвращение в Индию — шаг за шагом вся политическая биография шаха Шуджа, в той последовательности, в какой она прослежена в мемуарах шаха, воспроизведена в *Сирāдж ат-таварīх* [Джандосова, 1991]. Правда, с пропуском излишних подробностей, интимных или эмоциональных моментов, моральных оценок и т. п.

Точный год рождения Шаха Шуджа неизвестен. Л. Адабек указывает 1792 год [Adamec, 236], однако это вряд ли возможно, так как после Шуджа ал-Мулка у Тимуршаха, скончавшегося в 1793 году, были и другие сыновья, список которых приводит Файз-Мухаммад в *Сирāдж ат-таварīх* [СТ, 1, 44], а до него автор *Тарīх-и Султāнī* [ТС, 161] (в наиболее полном списке названы имена 34 сыновей [Фуфулзāйи, 34]). Кроме того, из текста мемуаров самого шаха следует, что в 1801 году ему было семнадцать лет [VIII, 3]; в таком случае, он родился примерно в 1784 году. По мнению М. Эльфинстона, Шуджа был еще старше, и в 1809 году ему было около тридцати [Elphinstone, I, 67].

После воцарения Заман-шаха Шуджа был единственным сыном Тимуршаха, не помещенным под стражу, а, напротив, сопровождавшим брата в походах до тех пор, пока не получил должность наместника Пешавара. Он находился в Пешаваре, когда начались активные действия принца Махмуда против Заман-шаха, и последний отступил из Кабула в Джелалабад, чтобы воспользоваться помощью Шуджа и привлечь местные племена момандов и хугиани [ТС, 179]. Однако лидеры этих племен не поддержали Заман-шаха, которому после поражения от Фатх-хана Баракзая остались верны лишь пятнадцать солдат гуламской гвардии, и перешли на сторону Махмуда [Там же]. Мог ли Шах Шуджа со своим небольшим гарнизоном спасти Замана в этой ситуации? Очевидно, нет. Подробности ареста Заман-шаха в крепости «одного шинвария» хорошо известны как раз по мемуарам шаха [VIII, 2–3], который начинает свои воспоминания с этого эпизода не только потому, что им было маркировано его собственное появление на афганской исторической сцене, но и в силу чувства вины за то, что не смог оказать помощь царственному брату. В мемуарах шаха имеются отсутствующие в других источниках подробности о том, как хозяин прислуживал шаху до самой ночи, а затем, когда шах спокойно заснул, вызвал двести соплеменников, запер ворота крепости и, окружив ее вооруженными людьми, послал своего сына к Махмуду (уже коронованному в Кабуле). О себе же Шуджа сообщает, что, узнав о трагическом положении брата, он послал на помощь Абд ул-Карим-хана Исхакзая с сотней всадников, который прибыл слишком поздно. В рассказе Шуджа отсутствует сообщение о том, что перед арестом Заман-шах успел спрятать алмаз Кух-и Нур в стене дома, в котором он заночевал перед арестом (что любопытно, потому что впоследствии именно Шуджа завладел и Кух-и Нуром, и другими сокровищами Заман-шаха). Свергнутый Заман-шах был ослеплен раскаленным железом и препровожден в кабульскую крепость Бала-Хисар. Как известно, Махмуд сделал

ставку на ханов из влиятельного дурранийского рода баракзай, а глава клана Фатх-хан Баракзай стал при его дворе «сардаром сардаров» и правой рукой государя. Однако Шер-Мухаммад-хан Бамизай, претендовавший на пост вазира, эту должность не получил; именно это заставило его поддержать Шуджа в 1803 году.

Борьба Шуджа за трон описана в эпизодах 1–6 его мемуаров. Это битва в долине Ашпан, «почти» выигранная Шуджа, у которого было не менее десяти тысяч человек, но в основном пехотинцев, происходивших из племен хаттак и халил, и ударившихся в панику во время атаки конницы Фатх-хана [ВШШ, 5]. Как пишет Эльфинстон, это были “Berdooraunees, and though accustomed to the battles of their clans, they were strangers to discipline and to regular war”, поэтому они покинули позиции и занялись разграблением сокровищницы, опрометчиво взятой на поле боя их главнокомандующим» [Elphinstone, II, 328]. Этому противоречит свидетельство самого Шуджа, утверждающего, что грабить его драгоценности и казну стали воины шаха Махмуда, причем, к счастью для Шуджа, сумевшего в суматохе бежать [ВШШ, 5]. Так или иначе, уже в этом эпизоде мы видим типичный бой того времени, в котором никто не сражался за принцип, а грабеж и мародерство были обычным делом.

Потерпев поражение в долине Ашпан, принц Шуджа ул-Мулк обрел пристанище среди населения Хайбара, «чьи вожди участвовали в Ашпанской битве на стороне шахзада (принца) и потому не могли рассчитывать на милость со стороны Его Величества Шаха Махмуда» [СТ, 64]. Осенью 1801 года Шуджа предпринял попытку вернуть Пешавар и опять потерпел поражение по причине того, что на его стороне были только пешие хайбарцы, а у противника была конница, тяжелая артиллерия и замбуреки⁷ [ВШШ, 6]. Любопытно, что хайбарцы проявляли большую преданность нашему герою: на обратном пути от жажды и ран погибло много отступавших, «но, — пишет Шах Шуджа, — мы сто раз повторим слова благодарности и прославления преданности жителей Хайбара, за что, что они не обращали внимание на павших и не скорбели о них, а лишь осведомлялись, целы ли, невредимы ли мы» [Там же]. (Таким образом, «надменный и отстраненный» автократ все-таки был способен на чувство благодарности своим сторонникам).

Прожив около года в хайбарском селении Чура и не имея средств к существованию, мятежный шахзада, тем не менее, получал послания от своих тайных сторонников из Кабула, «обещавших помощь и поддержку в случае нашего возвращения в столицу» [Там же]. Здесь и далее Шах Шуджа обосновывает свои притязания на трон призывами «тайных сторонников», а не личными амбициями. Когда осенью 1802 года армия Фатх-хана пришла в Пешавар, дальнейшее пребывание в Чура стало для Шуджа небезопасным [Elphinstone, II, 333], и он через Вазиристан, «страну какаров» и «земли гильзаев»⁸ направился в сторону Кандагара,

⁷ Легкие пушки, перевозившиеся на верблюдах.

⁸ При этом он отмечает, что вазир «между собой постоянно враждуют и каждого считают своим врагом», а какаров характеризует как племя «простодушное и наивное»: по словам Шаха Шуджа, оставшись без наличного серебра, он пытался купить у них еду, платя жемчужину ценой сто рупий за миску муки, а они отказывались брать жемчуг, требуя заплатить им одну рупию [ВШШ, 8].

чтобы там набрать армию для захвата Кабула. С этой целью он одолжил крупную сумму у купцов, направлявшихся из Шикарпура в Кандагар, «а обретя в конце концов могущество и власть, вернул им долг с большими процентами» [ВШШ, 7–8]. Достоверность истории подтверждается Эльфинстоном, по данным которого речь шла о трехстах тысячах рупий, которые купцы были вынуждены отдать после того, как все ходы и выходы из города были перекрыты людьми Шуджа [Elphinstone, II, 333–334]. Обращаем внимание на комментарий шаха о том, что он вернул деньги с процентами (даже если отняты они были силой).

С небольшим войском шахзада выдвинулся в Кужак, где одержал победу над конным войском, располагавшим замбуреками, затем пришел в Аргастан, населенный попользями, откуда намеревался идти в Кандагар против Камрана, сына Махмуд-шаха, однако армия последнего в десять раз превосходила его войско «яростью и числом», и он отступил в «страну гильзаев» [ВШШ, 9]. К нему присоединились в это время изгнанный из Герата принц Кайсар⁹ [ТС, 181] и могущественный Мадад-хана Исхакзай¹⁰, что значительно усилило его позиции и позволило выступить против Махмуда сразу двумя армиями. Подготовка Шуджа к решающему походу на Кабул совпала по времени с восстанием гильзаев против дурранийского господства, вынудившим Махмуд-шаха направить против мятежников, имевших к весне 1802 года сто пятьдесят тысяч бойцов, объединенных в три «дивизии» [Elphinstone, II, 329], двухсоттысячную армию во главе с Фатх-ханом Баракзаем и Ахмад-ханом Нурзаем, которая подавила восстание. Другим крупным «возмущением» этого времени, имевшим печальные последствия для Махмуд-шаха, но способствовавшим приходу к власти Шуджа ул-Мулка, было антишиитское восстание июня 1803 года в Кабуле [см. Джандосова, 2018]. Восставшее суннитское население Кабула во главе с проповедником Мир-Ваизом, было возмущено покровительством, оказанным Махмуд-шахом кабульским шиитам («кызылбашам»), и это убедило дурранийскую знать встать на сторону Шуджа. Последний описывает в мемуарах свое вступление в Кабул и воцарение [ВШШ, 10–11]. Шуджа собирался сначала ослепить Махмуда (в знак возмездия за глаза Заман-шаха), однако отказался от этого намерения благодаря заступничеству Шер-Мухаммад-хана Бамизая, ранее договорившегося с Мир-Ваизом, что тот поднимет население Кабула против шаха Махмуда [СТ, 67]. Любопытно, что хотя сам шах ретроспективно утверждает, что под его знамена в Логаре собралось «полтора лакха [150 тыс.] всадников и пехотинцев», эта цифра вызывает у историков сомнение и желание зачеркнуть один ноль. Так, например, С.К. Риштиа пишет о встрече, «которую оказали Шудже 15 тысяч населения столицы и ее окрестностей, собравшиеся в саду Бабур-шаха в день его приезда в Кабул» [Риштиа, 16], основываясь на пассаже: «Шахзада вошел в Лахугард и провел там ночь, а на рассвете тронулся в путь и остановился

⁹ Сын Заман-шаха.

¹⁰ “Muddud khaun himself was possessed of great wealth and was extremely respected... He was said to be a man of talents and of good education... he was very popular and had a great reputation for his knowledge of the art of commanding, for his skill and courage in war, and for everything but liberality...” [Elphinstone, I, 367].

у мазара Его Величества Бабур-шаха. Там он собрал под свои штандарты 150 тысяч пеших и конных воинов» [СТ, 67]. Разногласия с цифрами типичны для источников того времени, что порой затрудняет возможность воссоздания реальной картины событий.

Правление Шаха Шуджа в 1803–1809 гг. описано в эпизодах 9–18 мемуаров шаха (страницы 11–31 издания Кухзада). В традиционном перечне назначений после восшествия на престол он упоминает о том, что принц Хайдар (племянник шаха) был назначен наместником в Кандагар (где находился Камран-мирза) и отправился туда в сопровождении шести тысяч всадников гулямской гвардии и таких ханов, как Ахмад-хан Нурзай, его племянник Мир-Алам-хан, Ата-Мухаммад-хан (сын Шер-Мухаммад-хана Бамизая) и Сайдал-хан, ставших опорой нового государя [VIII, 11; ТС, 184] (делаем вывод о большом числе сторонников Шуджа в этот период). Источники не едины в сообщениях о том, дали ли Камран и Фатх-хан бой этому войску или сразу оставили Кандагар, однако в одном из них упоминается, что это Мир-Алам-хан Нурзай уговорил шаха «помиловать Камран-мирзу» и отвез его к Хаджжи Фирузу (единоутробному брату Махмуда) в Герат, а тот, по совету матери, отдал Камрану Фарах и Сабзар [ТВСА, 83].

Таким образом, начало правления Шуджа вспоминалось им самим как длительный процесс привлечения на свою сторону как дурранийских ханов — основу афганской монархии, — так и отдельных политических соперников. Здесь его ждали как неудачи (отказ Камрана подчиниться, бегство, после краткого сотрудничества, Фатх-хана Баракзая), так и некоторые успехи, например, переход на его сторону Файзаллах-хана Попользая и других дурранийских ханов [VIII, 13], признание его государем наместниками восточных провинций Дурранийской державы — Кашмира и Дераджата, нейтрализация с помощью Заман-шаха и Шер-Мухаммад-хана принца Кайсара, чьи честолюбивые мечты подогревались Фатх-ханом [СТ, 68–69]¹¹. Среди дипломатических успехов афганского правителя можно отметить прибытие с богатыми подарками, подробно перечисляемыми в мемуарах, посла от бухарского эмира Хайдара (1800–1826) с предложением о заключении междинастийного брака Шуджа с сестрой эмира (традиционный способ подтверждения союзнических отношений) [VIII, 14]. Двенадцатый эпизод мемуаров рассказывает о походе Шаха Шуджа в индийские провинции Синд и Дераджат. Здесь шаг за шагом описываются перемещения шаха по землям потенциальных вассалов, его переговоры с ними относительно налоговых/даннических сумм, а также предлагаемые ими подарки [VIII, 15–19].

¹¹ Кайсар вернулся из эмиграции (из Ирана), когда Шуджа находился в стране гильзаев и собирался идти на Кабул. Шуджа приказал ему взять Кандагар, но Кайсару это не удалось. Когда город заняла армия во главе с братом Кайсара Хайдаром, ханы именно Хайдара утвердили «на троне правления» Кандагаром [ТС, 184]. Кайсар апеллировал к шаху, и Шуджа отозвал Хайдара и отдал Кандагар Кайсару [СТ, 68; VIII, 12]. Затем, по наущению Фатх-хана, Кайсар поднял мятеж и сразился с шахом, но из-за измены ханов потерпел поражение. Лишь заступничество Заман-шаха спасло его от гнева Шуджа, и он был возвращен в Кандагар наместником, правда, под присмотром отца [VIII, 15].

Как это часто случалось в истории, вассалы и наместники не всегда изъявляли полную покорность своему государю. Так, кашмирский наместник Абдаллах-хан Алкозай весной 1807 года прямо отказался доставить в казну налоги с Кашмира (составлявшие значительную долю доходов дурранийского государства), что вызвало необходимость направить туда целую армию, включая пешаварские племенные ополчения [ВШШШ, 18]. Во главе этой армии находился Шер-Мухаммад-хан Бамизай, которому удалось вернуть Кашмир дурранийской короне [ВШШШ, 20–21]. Но эта победа чуть было не поставила шаха на грань катастрофы, так как хотя Шер-Мухаммад-хан, завоевав Кашмир, предполагал, что будет оставлен в этой богатой провинции наместником, Шах Шуджа, не желая терять мудрого советника и опытного военачальника, отказал ему в этом и потребовал вернуться ко двору, желая назначить наместником Кашмира сына Шер Мухаммад-хана — Ата-Мухаммад-хана. К сепаратизму наместников и изменам ханов добавилось оживление партии Махмуд-шаха и Фатх-хана: Камран, атаковав со стороны Фараха, захватил Кандагар. При известии об этом Шах Шуджа несколько раз отправлял Шер-Мухаммад-хану приказ о возвращении, но тот демонстративно отказывался, а затем, возможно, недовольный возвышением к тому моменту своего политического соперника Мухаммад-Акрам-хана Попользая, перешел к конфронтации, склонив к очередному мятежу Кайсара [ВШШШ, 20–26; СТ, 71–74]. Таким образом, влиятельные и честолюбивые политики — сначала Фатх-хан Баракзай, а затем Шер-Мухаммад-хан Бамизай — то и дело склоняли племянника к выступлению против дядюшки, внушая ему, что по законам престолонаследия именно он как старший сын Заман-шаха, а не Шуджа ул-Мулк как младший брат, должен был унаследовать престол. В результате Кайсар то сам поднимал оружие против шаха, то бежал с поля боя, сдав вверенный ему город противнику, и всегда Шах Шуджа просал его, прислушиваясь к заступничеству матери и брата. Единственное, что предпринимал шах, так это постепенное сужение круга свободы, даваемой Кайсару [СТ, 68; 69; 73; 74].

Также очень важны были для Шаха Шуджа взаимоотношения с Фатх-ханом, главой баракзайского клана [Риштийа, 17–21]. Стараясь не отталкивать от себя баракзаев, Шуджа, опять-таки благодаря заступничеству влиятельного Мухаммад-Акрам-хана Попользая, «простил» Фатх-хана после бегства Камрана из Кандагара. И хотя Фатх-хан совсем скоро сам бежал из Кабула со своими приближенными, шах «не дал ненависти поселиться в своем сердце» [СТ, 73]. Судя по всему, Шах Шуджа несколько раз пытался добиться реальной поддержки Фатх-хана, которому, в свою очередь, словно было все равно, на кого из соперников Шаха Шуджа следует делать ставку: при том, что бывший шах Махмуд до своего побега из Бала-Хисара в 1808 году не мог реально претендовать на престол, Фатх-хан обращался то к его сыну Камрану (дважды), то к уже упоминавшемуся Кайсару, то к брату Махмуда Хаджжи Фирузу, сидевшему в Герате. Попытки молодых претендентов на престол всякий раз оказывались неудачей, а Хаджжи Фируз, «человек от природы скромный и нетребовательный как суфий, охладел ко всем этим честолюбивым замыслам и раздорам... и заявил Фатх-хану: «Я доволен судьбой и не желаю быть шахом»» [Риштийа, 20]. Шах Шуджа, однако, избегал окончательного шага

и полного разрыва отношений с баракзайским ханом, так как пытался обеспечить себе поддержку именно дурранийских племен. Реально, однако, он пользовался поддержкой племен Пешаварской области и Хайбара (халили, моманды и др.), а также лояльностью вазиров и гильзаев; помощь в «выбивании» налогов с миров Синда и хакимов Дераджата ему оказывал белуджский военный контингент числом 12 тысяч всадников. Если в случае с Кайсаром бесконечное «всепрощенье» Шуджа связано с авторитетом Заман-шаха, то в случае Фатх-хана налицо политические мотивы. Положение Шаха Шуджа на троне было весьма непрочным, и он нуждался в признании и поддержке людей, безоговорочно преданных Фатх-хану.

Важно также, что все персоны, подбираемые баракзайским вождем для государственного переворота, принадлежали к Садозайскому клану и были потомками Ахмад-шаха Дуррани. Это свидетельствует о том, что кризисная ситуация, выразившаяся в небесспорном характере власти очередного слабого и непопулярного монарха, потере Герата, сужении внешнеполитического влияния, сепаратизме наместников и сокращении налоговых поступлений, предательстве министров, непостоянстве политических пристрастий, своеволии и корыстолюбии лидеров племен, в 1805–1808 гг. еще не означала окончательного краха державы и династии.

В 1808 году бывшему шаху Махмуду удалось бежать из крепости Бала-Хисар. Один год он провел в Фарахе, предоставленном ему Хаджжи Фирузом [ТС, 189], откуда его и призвал к очередному мятежу Фатх-хан Баракзай, находившийся в это время в Кандагаре, которым правил Мир-Алам-хан Нурзай, опекун малолетнего наместника, сына Заман-шаха. Когда армия Махмуда подошла к городу, Фатх-хан подкупил Мир-Алам-хана, и тот, сдав город без боя, ушел со своим войском в Кабул [Там же]. Еще один типичный для того времени случай: политическое действие определяется элементарным подкупом. В период Первой англо-афганской войны Шах Шуджа будет покупать лояльность афганских ханов и населения Кабула английскими деньгами.

Первая попытка Фатх-хана и Махмуда захватить Кабул оказалась неудачной благодаря переходу на сторону шаха бадузайского ополчения во главе с Нур-Мухаммад-ханом; шаху удалось вернуть Кандагар и лишь раболепное послание Хаджжи Фируза заставило его отказаться от похода на Герат (что интересно в связи со скорым разгромом иранцами гератского войска под Шакибаном и признанием сюзеренитета Каджаров со стороны Хаджжи Фируза) [ТВСА, 84; ТС, 184–185].

Из Кандагара Шах Шуджа ушел в Кабул, а оттуда в Пешавар с намерением идти в Кашмир. Фатх-хан и Махмуд без особых усилий заняли Кандагар, а затем и Кабул, во многом благодаря тому, что Мир-Алам-хан Нурзай изменил Шаху Шуджа и перешел на их сторону [СТ, 78]. Несмотря на это, Мир-Алам-хан, рассчитывавший в благодарность за свою услугу на пост первого министра (вазира), по наущению Фатх-хана был казнен Махмуд-шахом. Это была ошибка Фатх-хана, которая привела к затяжной кровной мести между нурзаями и баракзаями [Риштийа, 24].

Незадолго до своего свержения Фатх-ханом и Махмудом Шах Шуджа встретился в Пешаваре с британским посланником М. Эльфинстоном и подписал с ним дружественный договор, носивший антифранцузскую направленность. В предисловии к своему труду М. Эльфинстон подробно рассказал о ходе миссии, встрече и переговорах с афганским государем, оказавшим английской миссии полное расположение и гостеприимство. Это была первая, но не последняя встреча Шаха Шуджа с западным миром.

В 19 эпизоде своих мемуаров Шуджа описывает историческое сражение у Нимлы, в результате которого он лишился трона; упоминает об измене Мадад-хана Исхакзая, который вступил в переписку с Фатх-ханом и коварно пытался обмануть шаха сообщением о якобы имевшем место бое авангардов, в котором он, Мадад-хан, якобы потерпел поражение, тогда как на деле был разыгран спектакль с выстрелами в воздух. Шуджа немедленно направил в Нимлу Мухаммад-Акрам-хана с пятью сотнями всадников, однако последний погиб в этом бою¹². Видя, что дело проиграно, Шуджа ушел в Кандагар, рассчитывая на дурранийских ханов, недовольных Фатх-ханом и Махмудом [VIII, 33–34]. Ему удалось захватить Кандагар, нанеся поражение ставленникам Махмуда принцу Айубу и его советнику Асад-хану Баракзаю, который ранее ослепил Заман-шаха. С психологической точки зрения интересно, что третьим командиром в стане противников шаха был принц Мухаммад-Йунус, сын Заман-шаха, казалось бы, обязанный ненавидеть Асад-хана лютой ненавистью. Мухаммад-Йунус и решил исход сражения, перейдя со своим войском на сторону Шуджа, и то же самое сделали предводители исхакзаев и ачакзаев [VIII, 35]. Это позволило Шаху Шуджа занять Кандагар и заняться собиранием новой армии. Однако в сражении с Махмуд-шахом под Джаканом все повторилось с точностью до наоборот: Шуджа уже чувствовал победу в своих руках, когда Салу-хан Исхакзай вдруг перешел на сторону Махмуда [Там же; СТ, 81].

С этого момента начался временный уход Шаха Шуджа с политической сцены Афганистана, внешне выразившийся в его стремительном отступлении через Вазирстан и Дераджат в Лийах, хаким которого Мухаммад-хан Садозай все же «оказал ему подобающий прием». Он предложил шаху отвоевать для него Дерагазихан и переправить туда из Равалпинди гарем шаха, в свое время вывезенный из Пешавара верными людьми шаха (впоследствии перешедшими с частью унесенных им сокровищ Шуджа на службу к сикхскому правителю Ранджиту Сингху), мотивируя тем, что пребывание гарема у сикхов является «крайней степенью позора и несчастья». Шах Шуджа, однако, «отложил дело до лучших времен» [СТ, 81] и сам поехал в Равалпинди. Там состоялась его первая встреча с Ранджитом Сингхом. Тот оказал Шаху Шуджа «подобающие почести» и поселил его в Равалпинди. Тем не менее, беспокойная натура Шуджа и его авторитет Садозая в глазах всех

¹² Рассказывая об этом, Шах Шуджа [VIII, 33] употребляет характерный для паштунского мировоззрения термин *гайрат* («Мухаммад-Акрам-ханом овладел гайрат»), считающийся одним из основных понятий паштунского кодекса чести и означающий чувство собственного достоинства, гордость, рвение, доблесть.

недовольных политикой Фатх-хана способствовали тому, что изгнание оказалось недолгим: то один, то другой хан, как утверждает мемуарист, прибывал к нему в Равалпинди со своей тысячей всадников и призывал вновь включиться в борьбу за престол. Среди этих ханов были ачакзаи, бамизаи, исхакзаи [ВШШ, 36–37].

Смена садозайского правления баракзайским внешне выразилась в том, что баракзайские братья заняли все ключевые точки в стране. Садозайский правитель Махмуд-шах оказался марионеткой в руках могущественного лидера клана Баракзаев — Фатх-хана. Одним из баракзайских братьев был Мухаммад-Азим-хан, старший из всех после Фатх-хана. Он оказался хакимом горячей точки — Пешавара, к которому всем сердцем стремился свергнутый Шуджа, и который находился ближе других паштунских центров к набирающей силу державе Ранджита Сингха. Благодаря этому Мухаммад-Азим-хан несколько раз попал в анналы истории. Первый раз он потерпел поражение от Шаха Шуджа под Пешаваром, когда почти вся его армия в решающий момент сражения перебежала на сторону шаха «в надежде на кусок хлеба», и последний на четыре месяца вернул себе восточную столицу Афганистана. В последовавшей битве-реванше уже войско Мухаммад-Азим-хана одержало победу над силами Шаха Шуджа (исход битвы предопределила гибель Бахадур-хана Хаштнагари, возглавлявшего пешие ополчения халилей и момандов, тут же разбежавшиеся) [ВШШ, 38–39]. За этим сражением последовало еще одно, инициированное шахом Шуджа, к которому «обратились арбабы и гуламхана (гвардейцы-гулямы — З. Дж.), ... малики момандов и других племен, пострадавших от притеснений со стороны братьев вазира Фатх-хана» [СТ, 83] и присоединились некоторые из бамизайских, алкозайских и попользайских ханов с небольшими ополчениями; в этом сражении победу одержал Шуджа, который, однако, почему-то не стал развивать успех и ушел через Атток в Равалпинди. Эти сражения за Пешавар происходили в 1810–1811 гг. В Равалпинди шах прожил около года, после чего в 1813 году с двумя с половиной тысячами бойцов еще раз отнял Пешавар у Мухаммад-Азим-хана, однако отбить Дерагазихан ему не удалось. При этом свергнутого шаха неотвязно преследовала мысль о походе на Кабул [СТ, 84; ВШШ, 39–40].

Мемуары шаха Шуджа избирательны и построены по принципу воспоминаний о каких-то значимых событиях, иногда связанных между собой хронологически или тематически; в пределах одной главы может быть не указан даже год, пропущено несколько «ничего не значащих» месяцев между отдельными эпизодами. В то же время, если происшествие имело важное значение в жизни шаха, то оно описывалось подробно, буквально по часам, а неприятные воспоминания, например, пребывание под арестом в Аттоке, оказывались опущенными. Важным событием в жизни шаха Шуджа была утрата им алмаза Кух-и Нур, о которой идет речь в 26 эпизоде мемуаров. После поражения правителя Кашмира Ата-Мухаммад-хана Бамизая от Фатх-хана (выступавшего в союзе с Ранджитом Сингхом, согласившимся «помочь» в обмен на треть доходов с Кашмира (обещание не было выполнено), Шах Шуджа, находившийся в то время под арестом в Кашмире, был препровожден

в Лахор, где уже находилась его семья. Таким образом, бывший шах оказался «в гостях» у правителя сикхов, который, однако, держал его под домашним арестом и принудил отдать Кух-и Нур. Отдав в конце концов Ранджиту Сингху уникальный алмаз, Шах Шуджа, вероятно, надеялся на союз с Ранджитом, но в результате попал в еще более стесненное положение [СТ, 86; Джандосова, 1999б].

Шаху Шуджа, вынужденно находившемуся в стане панджабского правителя, пришлось стать свидетелем войны между сикхами и афганцами, однако ни в одном из сражений 1814–1817 годов он, кажется, не участвовал, все время находясь в Равалпинди, а затем в Лахоре. В мемуарах подробно описываются его злоключения, включая покушение на его жизнь, конфискацию личного имущества и проч. [VIII, 48]. Однако в конце концов с помощью слуг шаху с семьей удалось бежать в Лудхиану [VIII, 51–52, СТ, 93–95].

Борьба афганцев с сикхами за Кашмир, Аток, Пешавар, происходившая в эти годы, была важна в связи с реальной угрозой отторжения всех индийских провинций от афганского государства, бывшего некогда Дурранийской империей. Кабул и Кандагар проживали внешне тихое, незаметное десятилетие (которое, однако, выражаясь словами Губара, было десятилетием кровопролитных «феодалных войн»), а Шах Шуджа, скитавшийся по восточным провинциям распадающегося государства, оказался участником или свидетелем важных исторических событий, например, начала возвышения будущего эмира Дост-Мухаммад-хана Баракзая (1834–1839; 1842–1863). Последний в 1818 году захватил Пешавар и, посадив там садозайского принца Айуба, отправился на завоевание Кабула. Этим воспользовался Шуджа, стремительно подойдя к Пешавару со стороны Панджаба. Следом, однако, пришел из Кашмира Мухаммад-Азим-хан и одолел Шаха Шуджа, который бежал в Шикарпур [VIII, 64–67; СТ, 98–99]. Фатх-хан был ослеплен, а затем казнен Камраном, Махмуд и Камран бежали в Герат, а весь Афганистан, за исключением Гератской провинции, оказался во власти баракзайских братьев. Кашмир, Пешавар и другие восточные территории бывшей Дурранийской империи были захвачены сикхами.

В течение следующих двух десятилетий, проживая в панджабской Лудхиане (Лодиане), Шах Шуджа продолжал лелеять мечту о возвращении своего «наследственного владения» и, как показывают его мемуары, весьма переживал по поводу того, что в изгнании ему крайне редко оказывались знаки, подобающие его сану. Представители Ост-Индской Компании, оказывая ему постоянную материальную помощь и поддерживая его морально (т.е. признавая его сан и законные права на афганский престол и заверяя в своей дружбе), рассчитывали в дальнейшем на использование шаха в качестве марионеточного правителя. На службе у шаха некоторое время находился американец Дж. Харлан, с которым шах делился своими планами на возвращение в Кабул. Таким образом, Шуджа стал монархом в изгнании, не только сочиняющим стихи и мемуары и лелеющим мечты о возвращении престола, но и годами живущим на британскую «пенсию» и регулярно беседующим на разные темы с «английскими господами».

Проанализировав ранний период деятельности Шаха Шуджа, мы видим, что в это время его действия еще не выходили за рамки традиционного и типичного поведения афганского монарха (или хана, «феодала», в терминологии Губара), недостаточно сильного, чтобы удержать трон, но достаточно честолюбивого и властолюбивого, чтобы постоянно за него бороться; в афганском социальном контексте, где отсутствовали «родина, нация и государство», верховная власть базировалась на лояльности и балансе влияния ханов разных паштунских племен, шах должен был лавировать между ханами, искать сторонников, покупать их лояльность финансами или посулами, раз за разом «прощать» измены, уважать обычаи заступничества, любыми способами находить средства для найма армии, а, потеряв власть, искать, помимо перечисленного, сильных покровителей (первым из которых был, вероятно, Ранджит Сингх). Отметим достаточно раннее вовлечение афганского правителя в контекст «Большой игры» (1809 год) и связанное с этим знакомство шаха и его окружения с представителями западного мира (учитывая многочисленность посольства и эскорта, а также богатые подарки, привезенные миссией М. Эльфинстона). Если на первых порах логика поступков шаха диктовалась сугубо афганскими политическими реалиями, то в период изгнания она неминуемо попала «в ловушку» более глобальной политики. В этот ранний период шах еще не предстает тем своенравным и мстительным тираном, каким его рисуют поздние источники; тем более не выглядит он так в своих мемуарах, на страницах которых он порой испытывает и чувство благодарности и чувство милосердия.

Идея реставрации шаха англичанами прорабатывалась с начала 1830-х гг. 12 марта 1833 года они подписали с Ранджитом Сингхом договор, согласно которому сикхский правитель обязывался содействовать возвращению Шуджа ул-Мулка на трон Кабула, а шах выражал отказ в пользу сикхов от Кашмира, Пешавара и других бывших афганских владений в Индии. Кандагарский поход армий Шаха Шуджа и Ранджита Сингха на Кандагар оказался неудачным. 26 июля 1838 года был подписан договор, ставший юридическим обоснованием «Афганского похода» англичан. Третьим, помимо шаха Шуджа и Ост-Индской Компании, участником этого договора был махараджа Ранджит Сингх. Англичане привлекли его в надежде на использование военного и экономического потенциала сикхов в ходе боевой кампании. Ранджит Сингх, ревностно оберегая независимость своего государства, не был заинтересован в восстановлении монархии Шаха Шуджа, поскольку такая делала бы Афганистан проанглийской территорией и вероятным плацдармом экспансии англичан против сикхов. Тем не менее, ценой некоторых уступок (прежде всего обещанием Шаха Шуджа «навечно» отказаться от индийских провинций Дурранийской державы — Пешавара, Мултана и Кашмира — в пользу сикхов), представитель генерал-губернатора Индии У. Макнотен склонил Ранджита Сингха к подписанию трехстороннего договора.

Подписание этих документов Шахом Шуджа, возможно, в большей степени содействовало закреплению его негативного образа в исторической памяти

афганцев, чем даже само его повторное воцарение на фоне вторжения англо-индийской армии в Афганистан (в конце концов, и Дост-Мухаммад-хан, и Абд ур-Рахман-хан, и другие афганские эмиры так или иначе были вынуждены корректировать свою политику с английскими интересами). Шах Шуджа, по сути, признал Пешавар и лежащие к югу и востоку от него провинции в бассейне Инда (во всяком случае, территории на правом берегу Инда) частью Индии, тогда как афганская историческая традиция считала их восточной частью Афганистана (следы этого мы видим, например, в географических разделах первого тома «Сирадж ат-таварих», написанного в начале XX века).

Подробный анализ деятельности Шаха Шуджа в поздний период (1830–1842 гг.) выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

1. ВШШ — [Шуджā' ул-Мулк; Мухаммад Хусайн]. *Вāки 'āt-и Шāх Шуджā*. Кабул, 1954/1955. (Под ред. А. А. Кухзада, в серии изданий «Исторического общества Афганистана»). (на яз. фарси)
2. Губар — Губār, Гулām Мухаммад. *Афгāнистāн дар масир-и та'рих* («Афганистан на пути истории»). Кабул, 1346 (1968). (на яз. дари)
3. Риштийа — Риштийā, Саййид Кāсим. *Афгāнистāн дар карн-и нуздах* («Афганистан в девятнадцатом веке»). 4 издание. Пешавар, 1377 (1999). (на яз. дари)
4. СТ — Файз-Мухаммад Кāтиб. *Сирāдж ат-таварих*. Т. 1–2. Кабул, 1912/1913. (на яз. фарси)
5. ТС–Султāн-Мухаммад-хāн ибн Мўсā-хāн Баракзāйй. *Та'рих-и Султāни* («Султанова история»). Бомбей: 1881. (на яз. фарси)
6. Фуфулзайи — Фуфулзāйй 'Джандосова, 1991 — Джандосова З. А. О мемуарах шаха Шуджа как об одном из источников “Сирадж ат-таварих” // ППиПИКНВ. XXIV год. науч. Сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1989. Ч. I, М.: Наука, 1991. — С. 6–15.
7. Джандосова, 1995 — Джандосова З. А. Фрагмент “Сирадж ат-таварих” о трехстороннем договоре 1838 года (перевод с коммент.) // Вестник Восточного института. № 1 (3) т. 2. 1995. — С. 107–125.
8. Джандосова, 1999а — Джандосова З. А. Шах Заман — последний император Афганистана // Страны и народы Востока. Вып. XXX. Центральная Азия. Гиндукуш. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. — с. 263–279.
9. Джандосова, 1999б — Афганские страницы истории великого алмаза // Вестник Санкт-Петербургского университета: научно-теоретический журнал. Серия 2, История. Языкознание. Литературоведение. № 1, 1999. — с. 106–110.

10. Джандосова, 2018 — Джандосова З. А. «Не видя иного выхода»: об антишиитском возмущении в Кабуле в 1803 г. // *Asiatica: труды по истории и культурам Востока*, 2018, 12 (2), с. 86–97.
11. Риштия, 1958 — Риштия С. К. Афганистан в XIX веке. (Пер. с персидского Л. Н. Дорофеевой и др. Редакция и предисловие Ю. В. Ганковского). М.: Изд. Иностранной литературы, 1958. — 487 с.
12. Ромодин, 1965 — Ромодин В. А. Афганистан в новое время // Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана (в двух томах). — М.: Наука, 1964–1965. Т. II. — 551 с.
13. Стори-Брегель, 1972 — Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор, ч. I–III. (Перевел с англ., переработал и дополнил Ю. Э. Брегель). М.: 1972.
14. Халфин, 1959 — Халфин Н. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — нач. XX в.). М.: Изд. Соц-эк. литературы, 1959. — 210 с.
17. Dalrymple, 2012 — Dalrymple, William. *Return of a King: The Battle for Afghanistan, a history of the First Afghan War 1839–42*. Bloomsbury, 2012.
18. Harlan, 1842 — Harlan, Josiah. *A Memoir of India and Avghanistaun*. Philadelphia, J. Dobson, 1842.
19. Elphinstone, 1972 — *An Account of the Kingdom of Caubul, by The Honourable Mountstuart Elphinstone, with a new introduction by Sir Olaf Caroe*. — In two volumes. — Oxford in Asia. Historical Reprints. — Oxford University Press, Karachi, London, New York: 1972. — v. I, 422 pp.; v. II, 465 pp.
20. Kaye, 1874 — Kaye, John William. *History of the War in Afghanistan, Vol. I*. London, 1874.
21. Kohzad 1957 — Kohzad, A. A. In the High Light of Modern Afghanistan, “Afghanistan” № 4, 1957, p. 46.
21. Kohzad 1967 — Kohzad, A. A. *Men and Events. Through 18th and 19th century. Afghanistan*. [Historical Society of Afghanistan, Kabul, 1967] — 179 pp.
22. Sykes, 1940 — Sykes, P. *A History of Afghanistan*. London: 1940. V. I, 411 pp.; V. II, 414 pp.

References

1. VSHSH — [Shuja ul-Mulk, Muhammad Husain]. *Vakiat-i Shah Shuja*. (Pod red. A. ‘A. Kohzāda, v serii izdaniy «Istoricheskogo obshchestva Afganistana»). [*Vaqe ‘at-e Shah Shuja* / ed. and prefaced by A. A. Kohzad]. Kabul, 1333 (1954/1955)]. (In Farsi).

2. Gubar — Gubar, Gulam Muhammad. *Afganistan dar masir-i tarih* («Afganistan na puti istorii»). [Ghubar, Afghanistan on the Path of History]. Kabul, 1346 (1968). (In Dari)
3. Rishtija — Rishtija, Sajjid Kasim. *Afganistan dar karn-i nuzdah* («Afganistan v devyatnadcatom veke»). [Rishtiya, Afghanistan in the 19th century] 4 izdanie [4th ed.]. Peshawar, 1377 (1999). (In Dari)
4. ST — Fajz-Muhammad Kātib. *Sirādzh at-tavārīh*. [Faiz Muhammad, *Siraj at-tawarikh*] Tt. [Vv]. I–II, Kabul, 1331 (1912/1913). (In Farsi)
5. TS — Sultan-Muhammad-xan ibn Musa-han Barakzay. *Tarih-i Sultani* («Sultanova istoriya»). [Sultan Muhammad Khan, *Tarikh-i Sultani*]. Bombej [Bombay], 1881. (In Farsi)
6. Fufulzaji — Fufulzājī ‘Azāz ad-Dīn Vakīlī. *Tīmūr-shāh Durrānī*. V dvuh tomah. 2-e izdanie. [Fufulzayī, Timur Shah Durrani, in 2 vols., 2nd ed.] Kabul, 1346 (1968). (In Dari)
7. Dalrymple, 2012 — Dalrymple, William. *Return of a King: The Battle for Afghanistan, a history of the First Afghan War 1839–42*. Bloomsbury, 2012.
8. Dzhandosova, 1991 — Dzhandosova Z. A. O memuarah shaha Shudzha kak ob odnom iz istochnikov “*Siradzh at-tavarih*” [About the memoirs of Shah Shuja as one of the sources of *Siraj at-tawarikh*]. In: PPIPIKNV. XXIV god. nauch. Sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya), 1989. Ch. I. M.: Nauka, 1991, s.6–15.
9. Dzhandosova, 1995 — Dzhandosova Z. A. Fragment “*Siradzh at-tavarih*” o trekhstoronnem dogovore 1838 goda (perevod s komment.). [Fragment of *Siraj at-tawarikh* on the Trilateral Treaty of 1838 (translation, commentary)]. In: Vestnik Vostochnogo instituta. № 1 (3) t.2. 1995, s.107–125.
10. Dzhandosova, 1999a — Dzhandosova Z. A. Shah Zaman — poslednij imperator Afganistana [Shah Zaman, the last emperor of Afghanistan]. In: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXX. Central’naya Aziya. Gindukush. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998, s. 263–279.
11. Dzhandosova, 1999b — Afganskije stranicy istorii velikogo almaza [Afghan pages of the great diamond’s history]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta: nauchno-teoreticheskij zhurnal. Seriya 2, Istoriya. Yazykoznanie. Literaturovedenie. № 1, 1999, s.106–110.
12. Dzhandosova, 2018 — Dzhandosova Z. A. «Ne vidya inogo vyhoda»: ob antishiitskom vozmushchenii v Kabule v 1803 g. [“Seeing no other way out”: about the anti-Shiite outrage in Kabul in 1803]. In: Asiatica: trudy po istorii i kul’turam Vostoka, 2018, 12 (2), s. 86–97.
13. Harlan, 1842 — Harlan, Josiah. *A Memoir of India and Avghanistaun*. Philadelphia, J. Dobson, 1842.

14. Elphinstone, 1972 — An Account of the Kingdom of Caubul, by The Honourable Mountstuart Elphinstone, with a new introduction by Sir Olaf Caroe. In two volumes. (Oxford in Asia. Historical Reprints). Oxford University Press, Karachi, London, New York: 1972. V. I, 422 pp.; V. II, 465 pp.
15. Kaye, 1874 — Kaye, John William. History of the War in Afghanistan, Vol. I. London, 1874.
16. Khalfin, 1959 — Khalfin N. Proval britanskoj agressii v Afganistane (XIX v. — nach. XX v.). [The failure of the British aggression in Afghanistan (XIX century — early XX century)]. M., 1959.
17. Kohzad 1957 — Kohzad, A. A. In the High Light of Modern Afghanistan, "Afghanistan" № 4, 1957, p. 46.
18. Kohzad 1967 — Kohzad, A. A. Men and Events. Through 18th and 19th century. Afghanistan. (Historical Society of Afghanistan [Kabul, 1967]). 179 pp.
19. Rishtiya — Rishtiya S. K. Afganistan v XIX veke. (Per. s persidskogo L. N. Dorofeevoj i dr. Redakciya i predislovie Yu. V. Gankovskogo). [Afghanistan in the 19th century. Transl. by L. N. Dorofeeva and others, prefaced by Yu. V. Gankovskyi)]. M.: Izd. Inostrannoj literatury, 1958. 487 ss.
20. Romodin, 1965 — Romodin V. A. Afganistan v novoe vremya [Afghanistan in modern times]. In: Masson V. M., Romodin V. A. Istoriya Afganistana (v dvuh tomah) [History of Afghanistan in 2 vols.]. M.: Nauka, 1964–1965. T. II. [V. II] 551 ss.
21. Stori-Bregel', 1972 — Stori Ch. A. Persidskaya literatura. Biobibliograficheskij obzor, ch. I–III. Perevel s angl., pererabotal i dopolnil Yu. E. Bregel'. [Persian literature. Biobibliographic review, parts I–III. Transl. and revised by Yu. E. Bregel]. M.: 1972.
22. Sykes, 1940 — Sykes, P. A History of Afghanistan. London: 1940. V. I, 411 pp.; V. II, 414 pp.

Информация об авторе

Заринэ Алиевна Джандосова — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: zarinejandosova@rambler.ru

Author's Information

Zarine A. Dzhandosova - PhD in History, Associate Professor and Chair of Central Asia and Caucasus Department, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University. (емейл с новой строки)

Email: zarinejandosova@rambler.ru

УДК: 82–141 (821.222.1)

В. А. Дроздов

Санкт-Петербургский государственный университет

Об авторстве коротких поэм, приписываемых персидскому поэту XII в. Санā'й¹

Аннотация: Один из величайших персидских суфийских поэтов XII в. Санā'й (ум. 535/1140 или 545/1150) является основоположником суфийской дидактической поэмы в Иране. Однако авторство Санā'й в отношении коротких поэм в течение длительного времени вызывает сомнение среди исследователей персидской литературы. В статье рассматривается история изучения коротких поэм, приписываемых Санā'й, особое внимание уделяется поэме «‘Ишқ-нāме» («Книга любви») и сравнению изложения темы любви в поэме «‘Ишқ-нāме» и в прозаическом персидском сочинении «Миcбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа» («Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]»), написанном суфийским шейхом и автором ‘Иzz ад-Дйном Махмūdом Кāшāнй (ум. 735/1334–35), который, весьма вероятно, является также автором «Книги любви» (Библиогр.18).

Ключевые слова: мистическая любовь, иранский суфизм, суфийская литература, подлинность

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20–012–00187 «Атрибуция памятников персидской и афганской средневековой поэзии методами цифровой стилеметрии»).

Vladimir A. Drozdov
Saint-Petersburg State University

On the authorship of the short Mathnavī poems ascribed to the Persian poet of the XIIth century Sanā'ī²

Summary: One of the greatest Persian Sufi poets of the 12 th century Sanā'ī (d.535/1140 or 545/1150) is the founder of the Sufi didactical mathnavī poem in Iran. However Sanā'ī's authorship of short poems over a long period of time is doubted by some prominent specialists in the field of the Persian literature. The paper covers the history of studying of the short mathnavī poems ascribed to Sanā'ī, paying special attention to mathnavī poem «Ishq-nāme» («The Book of Love»). The article proposes the comparison of the account of the subject of Love in poem «Ishq-nāme» and in prosaic Persian writing « Mithbāh al-hidāya wa miftāh al-kifāya» («The lantern directing to the right way and the key to the sufficiency [of the mystical knowledge]») composed by the Sufi sheikh and author 'Izz ad-Dīn Maḥmūd Kāshānī (d.735/1334–35) who is most probably the author of the «Book of Love». (Refs.18)

Keywords: Mystical love, Iranian Sufism, Sufi literature, the authenticity, Sanā'ī

---

² The work was supported by RFBR grant 20–012–00187 “Attribution of the Medieval Persian and Afghan Poetry Texts via the Methods of Digital Stylometry”.

Короткие поэмы знаменитого персидского суфийского поэта, родоначальника суфийской дидактической поэмы в персидской литературе, Хакима Абу-л-Маджда Мадждуда ибн Адама Санā'й-йи Газнавī (ум. 535/1140 или 545/1150) в течение почти целого столетия привлекают внимание специалистов в области персидской литературы, что во многом обусловлено сомнениями в принадлежности ему некоторых поэтических произведений. Самой известной поэмой Санā'й является «Хадйкат ал-хақйқа ва шарй'ат ат-тарйқа» («Сад истины и религиозный закон на пути [к Богу]») объемом около десяти тысяч бейтов. К подлинным поэмам Санā'й все исследователи относят «Хадйкат ал-хақйқа», «Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād» («Путешествие рабов божьих в потусторонний мир» (букв. 'к месту возврата' — араб. *ма'ād*)) о путешествии поэта с помощью проводника, представляющего собой разумную душу, через многочисленные препятствия к пророку Мухаммаду, «Кār-нāме-йи Балх» («Книга подвигов Балха») — единственное немистическое месневи Санā'й, содержащее восхваление правителей и знатных людей Балха и сатиру на некоторых балхских чиновников, а также месневи «Тахрймат ал-қалам» («Запрещенное тростниковым пером»), в котором Санā'й восхваляет тростниковое перо — всеобщий разум, получая от него за эти восторги объяснение суфийских истин, наставления и предостережения. Авторство Санā'й в отношении остальных поэм различные исследователи всегда подвергали сомнению.

По мнению английского востоковеда Э. Брауна, Санā'й, кроме «Хадйкат ал-хақйқа», является автором шести поэм, а именно «Тарйқ ат-тахқйқ» («Путь установления истины»), «Гарйб-нāме» («Книга чужестранца»), «Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād», «Кār-нāме-йи Балх», «'Ишқ-нāме» («Книга любви») и «'Ақл-нāме» («Книга разума») [Brown, 1928: 318]. Иранский ученый Р.-З. Шафақ среди поэм поэта называет «Хадйкат ал-хақйқа», «Тарйқ ат-тахқйқ», «Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād» (или второе ее заглавие «Кунуз ар-румӯз» («Сокровища символов»)), «Кār-нāме-йи Балх», «'Ишқ-нāме», «'Ақл-нāме» и «Гарйб-нāме» (или второе ее заглавие «'Афв-нāме» («Книга прощения»)) [Шафақ, 1934: 64]. Другой иранский ученый З. Сафā указывает на приоритет Санā'й в создании больших мистических поэм и называет прежде всего два его знаменитых сочинения о мистицизме: «Хадйкат ал-хақйқа» и «Тарйқ ат-тахқйқ», а также поэму «Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād», сообщая при этом о наличии у поэта других поэм, но не приводя их названий [Сафā, 1954: 31, 38]. Е.Э. Бертельс считал Санā'й автором, кроме «Хадйкат ал-хақйқа», поэм «Кār-нāме-йи Балх», «Тарйқ ат-тахқйқ», «'Ишқ-нāме», «'Ақл-нāме», «Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād» [Бертельс, 1960: 409].

Немецкий исламовед Х. Риттер перечисляет сочинения Санā'й, содержащиеся в старейших турецких рукописях. Это рукописи, включающие «Куллийāt» («Полное собрание сочинений») поэта и рукописи с отдельными его произведениями. В этих рукописях помимо «Дивāна» Санā'й содержатся поэмы «Фахрй-нāме» = «Хадйкат ал-хақйқа», «Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād», «Кār-нāме-йи Балх», «'Ақл-нāме», «Тахрймат ал-қалам», «Тарйқ ат-тахқйқ» [Ritter, 1934: 102–105].

Английский востоковед А. Арберри подчеркивает, что поэма «‘Ишқ-нāме», приписываемая Санā’й, не включена Риттером в его список сочинений Санā’й, и что существуют лишь две рукописи поэмы, ни одна из которых не древнее XI в.х./XVII в.н.э. [Irāqī, 1939: 10 (Preface)].

Значительным вкладом в иранскую филологию стало открытие иранского ученого Мударриса Радавй, который, ознакомившись с опубликованным иранским филологом Гулчйном Ма‘āни поэтическим комментарием на трактат «ас-Савāниҳ фй-л-‘ишқ» («Откровения о любви») персидского мистического философа Аҳмада Ғазālй (ум. 520/1126) под названием «Кунӯз ал-асрār ва румӯз ал-аҳрār» («Сокровища тайн и символы праведных») [Кунӯз, 1967], увидел, что текст этого поэтического комментария, если исключить предисловие, совпадает с текстом поэмы «‘Ишқ-нāме», и, таким образом, Мударрис Радавй пришел к выводу, что Санā’й не является автором поэмы «‘Ишқ-нāме» [Маснавйхā, 1969: 4–6 (Предисловие)]. А это значит, что лишь Мударрису Радавй удалось обнаружить, что поэма «‘Ишқ-нāме» — незначительно сокращенная версия поэмы «Кунӯз ал-асрār ва румӯз ал-аҳрār», двумя годами ранее опубликованная Гулчйном Ма‘āни в журнале филологического факультета Тегеранского университета [Кунӯз, 1967]. В издании Г. Ма‘āни поэма «Кунӯз ал-асрār» состоит из 664 бейтов, и если не считать введения к поэме объемом 83 бейта, то ее текст совпадает с текстом поэмы «‘Ишқ-нāме».

По мнению шведского ученого Б. Утаса, высказанному в его книге, посвященной поэме «Тарйқ ат-таҳқйқ», приписываемой Санā’й, поэт является автором трех поэм: «Ҳадйқат ал-ҳақйқа», «Кār-нāме-йи Балх» и «Сайр ал-‘ибād илā-л-ма‘ād» [Utas, 1973: 75, 87], но в другом месте своей книги он допускает, что поэма «‘Ақл-нāме», может быть, даже подлинный труд Санā’й, хотя она была, пожалуй, составлена его современником или почти его современником [Utas, 1973: 131]. Однако еще в одном месте своей книги Б. Утас утверждает, что Санā’й, вероятно, является автором только четырех поэм, а именно «Ҳадйқат ал-ҳақйқа», «Кār-нāме-йи Балх», «Сайр ал-‘ибād илā-л-ма‘ād» и «Таҳрймат ал-қалам» [Utas, 1973: 132]. Б. Утас отмечает, что поэма «‘Ишқ-нāме» является незначительно сокращенным вариантом поэмы «Кунӯз ал-асрār ва румӯз ал-аҳрār», составленной, по всей видимости, известным мистиком ‘Изз ад-Дйном Маҳмӯдом Кāшāни (ум. 735/1334–35), которая представляет собой поэтический парафраз трактата «ас-Савāниҳ фй-л-‘ишқ» («Откровения о любви») Абӯ-л-Футӯҳа Аҳмада ибн Муҳаммада Ғазālй (ум. 520/1126). Имя шейха Маҳмӯда Кāшāни является единственным упоминанием об авторе «Кунӯз ал-асрār» и встречается в рукописи Стамбульского университета. Поэма «Кунӯз ал-асрār» представляет интерес, ибо ее сокращенная версия под названием «‘Ишқ-нāме» позднее была приписана Санā’й [Utas 1973: 17–18, 53–54, 101, 131–132]. Б. Утас подчеркивает, что с XI в.х./XVII в. в рукописях наблюдается приписывание этой поэмы Санā’й, причем сама поэма «‘Ишқ-нāме» признавалась одной из подлинных поэм Санā’й [Utas, 1973: 78]. Шведский ученый указывает, что в оставшейся неизвестной Гулчйну Ма‘āни рукописи поэмы «Кунӯз ал-асрār» встречается имя Маҳмӯд Кāшāни, который может быть идентифицирован с ‘Изз

ад-Дйном Махмудом ибн 'Али Кашанй-йи Наганзй (ум. 735/1334–35), автором «Мисбах ал-хидайа ва мифтах ал-кифайа» («Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]») — самого известного персидского перевода арабского трактата по суфизму «'Авариф ал-ма'ариф» («Дары познаний») знаменитого теоретика суфизма Шихаб ад-Дйна Абу Хафса 'Умара Сухравардй (ум. 632/1234) [Utas, 1973: 54]. Таким образом, Б. Утас предположил, что автором «Кунуз ал-асрар» был 'Изз ад-Дйн Махмуд ибн 'Али Кашанй-йи Наганзй [Utas, 1973: 79]. Причина избавления от вводной части поэмы могла быть связана с тем, что вторая глава введения «Кунуз ал-асрар» содержит восхваление правоверных халифов, хотя они и не названы по имени, и поэтому, как считает Б. Утас, шиитская традиция отбросила введение и приписала поэму Санай [Utas, 1973: 80]. А произойти такое приписывание могло в X-м веке хиджры / XVI веке [Utas, 1973: 80].

Голландский иранист де Брейн подлинными поэмами Санай считает «Карнаме-йи Балх», «Сайр ал-'ибад ила-л-ма'ад» и «Хадикат ал-хақйқа» [de Bruijn, 1997: 88–97]. По его мнению, начиная с XVI в. рукописи сочинений Санай содержат и другие поэмы, которые написаны разными авторами, но тем же размером, что и подлинные поэмы поэта, — т. е. хафйф'ом. Авторство самой большой из таких поэм — «Тарйк ат-тахқйк» («Путь установления истины») голландский ученый вслед за Б. Утасом относит к суфию XIV в. н.э по имени Ахмад ан-Нахчаванй. Де Брейн утверждает, что поэма «Ишк-наме» («Книга любви») является поэтическим комментарием на прозаическое произведение «Саванйх» («Откровения») персидского мистика Ахмада Газали (ум. 520/1126) и была написана не Санай, а суфийским автором 'Изз ад-Дйном Махмудом Кашанй (ум. 735/1334–35) [de Bruijn, 1997: 96].

Поэма «'Ишк-наме», приписываемая Санай, занимает в издании М. Радавй объем 579 бейтов и в ней, как сказано выше, отсутствует введение длиной 83 бейта в восхваление Аллаха, пророка и правоверных халифов, а также главка об обстоятельствах составления этого поэтического комментария на «Саванйх». Эта вводная часть никакого отношения к тексту «Саванйх» не имеет, а за ней следует основная часть «Кунуз ал-асрар ва румуз ал-ахрар», полностью совпадающая с текстом поэмы «'Ишк-наме» и представляющая собой, по замыслу автора поэмы, комментарий на «Саванйх» А. Газали. Поэма «'Ишк-наме» рассматривает истинную любовь и ее этапы, атрибуты влюбленных, старую и новую любовь, в текст введены рассказы для подтверждения различных положений мистической любви и для иллюстрации темы. Эта поэма считалась одним из главных трудов, составленных на тему любви и мистического знания. Она имеет свой стиль и художественную манеру, показывает незаурядный талант и эрудицию автора. Поэма начинается с описания любви и заканчивается им.

Для решения вопроса об авторстве поэмы «'Ишк-наме», приписываемой Санай, было бы весьма желательно сопоставить ее стиль со стилем подлинных поэм великого поэта, в чем нам могут помочь новейшие компьютерные

технологии и, в частности, сравнительно недавно появившаяся научная дисциплина — цифровая стилеметрия (*digital stylometry*). Стилеметрия пытается определить различие в стиле количественным образом, понимая стиль как набор измеряемых признаков, демонстрирующих уникальное поведение в различных текстах. Представляется, что цифровая стилеметрия будет очень полезна для сравнения языка образов, художественных приемов, а также стилистических особенностей средневековых персидских поэм, в том числе и с целью определения авторства ряда сомнительных персидских средневековых поэтических сочинений. Именно поэтому с начала 2020 года группой сотрудников восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета в рамках проекта РФФИ «Атрибуция памятников персидской и афганской средневековой поэзии методами цифровой стилеметрии» проводятся исследования с целью определения авторства ряда спорных средневековых поэм. В 2020 году нами уже был проведен стилеметрический эксперимент по определению принадлежности персидскому суфийскому поэту Фахр ад-Дйну 'Ирақй (610–688/1213–1289) поэмы «'Ушшāқ-нāме» («Книга влюбленных») [Дроздов, 2020а; Дроздов, 2020б]. И хотя первые исследования не привели к убедительным результатам, у цифровой стилеметрии, как нам кажется, имеются огромные перспективы для разрешения ряда извечных проблем мировой иранистики, в частности атрибуции авторства средневековых персидских литературных памятников, причем не только поэтических, но и прозаических.

Для определения авторства поэмы «'Ишқ-нāме» попробуем сопоставить теории любви, изложенные в «Книге любви», приписываемой Санā'й, с теми теориями, которые выдвигает вероятный автор этой поэмы суфийский шейх 'Изз ад-Дйн Махмūd Кāшāнй (ум. 735/1334–35) в своем прозаическом персидском сочинении «Мисбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа» («Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]»). Описанию любви в сочинении «Мисбāх ал-хидāйа» посвящен первый раздел — «О любви» (*фасл-и аввал: дар махаббат*) 10-й главы, названной «Объяснение мистических состояний» (*бāб-и дахум: дар байāн-и ахвāl*).

Если сравнивать описание любви в поэме «'Ишқ-нāме», приписываемой Санā'й, и прозаическим сочинением «Мисбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа» 'Изз ад-Дйна Махмūда Кāшāнй, то мы увидим очень мало общего. Ибо в поэме «'Ишқ-нāме» самым важным является психология отношений между любовью, влюбленным и возлюбленным, глубинные, сокрытые, подразумеваемые состояния, тогда как в «Мисбāх ал-хидāйа» тема любви излагается на основе хорошо известных и широко распространенных в суфийской среде справочников по суфизму. Приведем отрывки из поэмы «'Ишқ-нāме», в которых объясняется различие между древней любовью — т.е. любовью божественной, истинной и новой любовью — т.е. любовью сотворенной, человеческой, земной.

О древности любви и о ее новизне

Какую картину вынет из-за завесы обманчивое и изменчивое время? Какая *қибла*³ у любви, какое лекарство найти от боли? Царство любви относится к сфере Вечного [Бога], ее лицо направлено к единому [Богу]. Источником любви стала сущность (*з̄āt*) Преславного [Бога], поэтому любовь — чистая и вечная. Разве недостаточно доказательства «Он любит их»⁴, ведь все остальное — лишь вожделение (*хавас*). Исчезнувшую любовь считай древней, но не новой, а из-за того, что она (т.е. новая любовь. — В.Д.) только что появилась (*хидс̄ān*), ее знак — новый⁵.

А у [этой] новой любви будет сила зайти во дворец (*сар̄адақ̄āt*) древней вечности (= древней любви). Любовь подобна чистому зданию: она далека от порока и отделена от превратностей судьбы. Новая любовь — отблеск сияния [древней любви], а прохлада (*нам̄ī*) [новой любви] происходит от избытка потока (*тар̄āбиш*) [древней любви]. Хотя эта [новая] любовь взирает на след (*ас̄ар*) [древней любви], но этот взгляд — отблеск того взгляда. Однако, знай, что, если ты наблюдаешь [за новой любовью], это равнозначно тому, что ты проходишь по следу [древней любви]. Если стремянный (*рик̄āб̄ī*) приведет скаковую лошадь (*маркаб*), имеющую клеймо (*д̄āз̄*) шаха, касаясь ее бедра (*р̄ān*), то ты увидишь, что шах сядет на нее верхом и никакого промаха (*нақс*) стремянного в этом не будет⁶. Хотя шах любви поселился [в день первоначального договора Бога с человеком] в сердце, уделом духа является клеймо (*д̄āз̄*). До тех пор, пока [дух] является избранной лошадью падишаха, он скрыт от несчастий,

³ *қибла* (араб.) — направление к Мекке, сторона, к которой обращаются лицом мусульмане во время молитвы; объект поклонения, сторона, в которую мистик обращает взор для созерцания Бога. Для любви объект любви не важен, ибо ее сущность возвышается над направлениями и ей не нужно поворачиваться в каком-то определенном направлении. Куда ведет ее время, неизвестно, ибо цель для нее несущественна.

⁴ Коран, сура 5, аят 59 (54): «Он (Бог) любит их, и они любят Его». Мысль, что любовь вообще исходит от возлюбленного развивается здесь в связи с данным кораническим стихом только в отношении божественной любви. Любовь Бога к нам — почва для нашего бытия: так как Он любит, Он нас создал. В переносном смысле: когда любовь поразила нас, мы выехали верхом из небытия в бытие. Наше бытие поддерживается любовью. Если любовь оставит нас, мы вновь войдем в небытие.

⁵ Древняя любовь — это истинная божественная любовь, существовавшая до появления человека в этом мире и являющаяся его сущностью. Приходя в этот мир, человек теряет божественную любовь и приобретает новую, являющуюся уже не его сущностью, а лишь атрибутом его сущности; в то же время новая любовь, будучи отражением древней, связана с ней. После уничтожения Богом человеческого бытия, вместо него появляется некое бытие, покоящееся на древней, истинной любви.

⁶ Стремянный никогда не может скаковую лошадь — любовь назвать своей собственной. Любовь принадлежит Богу — властелину. Но это не означает, что держащий стремя несет потери или совершает проступок: ведь иногда любовь является седлом верхового животного — духа. Бог решает так, что лошадь, предназначенную для шаха, сперва велят объезжать наезднику. Так и земная любовь является мостом к небесной.

стоек в движении, [хотя] в самом начале [дух — лошадь] может быть пленником другого [иного, чем любовь] искусного наездника. Но как отделить след (*асар*), принадлежащий другому, когда само обязательство (*шарт*) [объездить лошадь — дух] является началом [любви] [Газнавӣ, 1969: 20–21].

О различии между древней любовью и новой⁷

Любовь избрала душу (*джан*) своим дворцом, наша душа стала ее хранилищем (*аман*). Любовь с клеймом первоначального договора Бога с человеком (*руз-и аласт*)⁸ поселилась в душе. Если оно⁹ найдет теперь завесы прозрачными, то ее (любви. — *В.Д.*) свет будет сиять изнутри наружу. «Ты — повелитель, — говорю я тебе: как прекрасен Бог, который делает разницу между любовью к людям (*ишк-и халк*) и любовью к Богу (*ишк-и хаққ*)». Любовь к Богу¹⁰ выходит изнутри наружу, а любовь

⁷ Французский исламовед Л. Массиньон указывал, что неортодоксальный теолог и проповедник Джахм ибн Сафвāн (убит в 128/745–46) был первым, полагавшим Бога абсолютно отдельно от всех вещей, не как трансцендентное бытие, но просто как понятие: идея, Творец, универсальная деятельность, общая причина изменений, непосредственный создатель случайностей (акциденций), который по своей воле манипулирует субстанциями, не позволяя понять никому, что есть Абсолют, ал-қадīm в противоположность случайному, ҳадас — букв. «случай», «то, что происходит» [Massignon 1922: 549–550].

Т.е. древняя любовь, обозначаемая словами *қадīm* (Абсолют, Бог) или *қидам* (древняя вечность) представляет собой божественную любовь, любовь Бога к человеку, любовь, которая существовала еще до появления человека в этом мире, в то время как новая любовь — случайная, преходящая, ненастоящая связана с появлением человека в материальном мире, ср. слова *ҳадас* (араб.) — новое событие, происшествие, преходящее, *худӯс* (араб.) — новость, происшествие.

⁸ *Руз-и аласт* (перс.) = *йавм а ласту* (араб.) = *йавм ал-мисāқ* (араб.) — первоначальный договор между Богом и человеком, связанный с Кораном, сура 7, аят 171 (172): «И когда Господь твой извлек из сынов Адама, из спин их, их потомство и заставил их засвидетельствовать о самих себе: «Разве не Господь ваш Я?», они сказали: «Да, мы свидетельствуем...». По мнению Л. Массиньона, в Коране нет более впечатляющего отрывка для характеристики силы мусульманской веры, чем аят 171 (172) суры 7, где Бог извлекает из поясов сынов Адама их будущее потомство, еще не рожденное, чтобы оно ответило «да» на Его вопрос: «Не Я ли ваш господь?», чтобы это потомство вспомнило об этом, когда в Судный день справедливый Судья спросит их о службе, для которой они были предназначены [Massignon, 1962: 86]. Это соглашение призвано предвосхитить последний Судный день всех тварей, позволить признать человека привилегированным. В традиционном мышлении мусульманских масс день соглашения является прежде всего свидетельством — *шахāда*; в соответствии с аятом 171 (172) 7-й суры Корана *мисāқ* — договор. Соглашение определяется как *шахāдат ағ-ғ арр* — свидетельство, данное единому Богу потомством Адама [Massignon, 1962: 90]. По мнению некоторых комментаторов, души (*нуфӯс*) — это духи (*арвāх*), представляющие собой первое творение (*халк аввал*); созданные длительностью, эти духи являются на земле изгнанниками и в своих телах пленниками [Massignon, 1962: 86].

⁹ Оно — т.е. клеймо божественных слов «Разве не Господь ваш Я?» (*А ласту би-раббикум*). Из внутренности сердца вместе со светом любви светит также божественное великолепие.

¹⁰ Древняя или изначальная любовь, предшествующая каждой встрече с людьми и погруженная Богом в предвечность.

к людям идет снаружи вовнутрь. Цель последней ясна, ибо ее пределом является завеса сердца [миновать которую она не может]. Когда с помощью глаза она достигнет завесы, привратник не пустит ее [дальше] с помощью завесы. Сердце — место нахождения [древней] любви, оно постоянно пребывает в любовном волнении (*тазалзул*). Ее (любви. — В.Д.) местом стали сердце, душа и дух, с одной стороны от нее — пути [тела] (*банд*), а с другой — божественное благоволение (*футӯх*)¹¹. Любовь находится между двух сторон (т. е. между телесным и духовным. — В.Д.), а местом любви является расстояние «между двумя пальцами» (*байна иҗба ‘айн*)¹². Вождедеющая душа (*нафс*)¹³, ставшая пленницей страсти, [также] имеется в завесе сердца в большом количестве. Если однажды все завесы поднимутся, то и вождедеющая душа войдет в игру (букв. ‘великолепие любви введет [ее] в игру’). После этого она повернется к любви, полностью оставив все желания. Однако потребуется целая жизнь, пока вождедеющая душа оставит все желания [и обратится к любви]¹⁴ [Газнави, 1969: 21–22].

Для сравнения приведем перевод части раздела о любви (*дар маҳабба*) из 10-й главы сочинения «Миҗбаҳ ал-хидāйа ва мифтаҳ ал-кифāйа» ‘Изз ад-Дйна Маҳмӯда Кāшāнӣ:

Знай, что основа всех возвышенных мистических состояний зиждется на любви, точно так же, как и основа всех высоких суфийских

¹¹ *Футӯх* (араб.) — божественное благоволение, божественная благосклонность и все, что дается суфию как средства к существованию — особенно пища, в ответ на полную покорность суфия и полное предание им себя божьей воле.

¹² *Байна иҗба ‘айн* — между двумя пальцами — один из пророческих хадисов, является достоверным, встречается в сборнике преданий Абӯ-л-Хусайна Муслима ибн ал-Хаджджādжа ибн Муслима ал-Ҷушайрӣ ан-Нисāбурӣ (ум. 261/874) в следующей форме: *инна қулӯба банӣ Āдама қуллахā байна иҗба ‘айни мин аҗāби ‘и-р-Раҳмāни ка-қалбин вāҳидин йусаррифуху ҳайсу йашиā’у* — воистину все сердца людей — между двумя пальцами из пальцев Милостивого как одно сердце, которое Он вращает, когда пожелает [Муслим, 1915, 8: 51] (*Китāб ал-қадар* — книга предопределения, *бāб таҗриф Аллāх та ‘āлā ал-қулӯба кайфа шā’а* — глава о том, что всевышний Аллах вращает сердца так, как Он пожелает).

¹³ Сила в людях, ведущая к наслаждению.

¹⁴ Сфера нашего мира, похоти, желаний находится в наружных сферах сердца. В редких случаях вождедеющая душа достигает сердца, но вовнутрь она никогда не входит. Если после устранения завесы свет любви может беспрепятственно проникнуть наружу до внешних сфер внутреннего мира человека — до места вождедеющей души, где поселяется наш мир и похоть, то вождедеющая душа охватывается любовью. Но едва ли возможно, чтобы вождедеющая душа попала внутрь сердца.

стоянок — на покаянии (*тауба*)¹⁵. Из-за того, что чистая любовь — это [божественный] дар, все [мистические] состояния, на ней основанные, называют дарами (*мавāхиб*). А любовь — это скрытое стремление к миру красоты, и она бывает двух видов: обычная любовь означает стремление сердца к рассматриванию красоты атрибутов, а особенная любовь означает стремление духа к созерцанию красоты сущности. Обычная любовь — это луна, которая обнаруживается в местах восхода атрибутов красоты, а особенная любовь — это солнце, которое восходит из-за горизонта сущности. Обычная любовь — это свет, украшающий бытие, а особенная любовь — это огонь, очищающий бытие. Об обычной любви [говорят]: «Возьми то, что является чистым, и оставь то, что бывает мутным», а об особенной любви [говорят словами Корана]: «не оставляет [она] и не покидает» (*лā тубкī ва лā тазару*)¹⁶. Обычная любовь — это запечатанное разбавленное вино (*рахйқ-и махтӯм-и мамзӯдж*)¹⁷, а особенная любовь — это чистейший неиспорченный райский источник (*таснйм-и сирф-и хāлис*)¹⁸.

¹⁵ *Тауба* (араб. букв. 'покаяние, раскаяние') — суфийская стоянка (*мақām*), означающая раскаяние в том, что пришлось жить в этом мире и совершать грехи. Стоянка предполагает оставление грехов, не противодействие божественному приказу, а подчинение ему, переход от целомудренности к повиновению Богу. Мистику следует понять, что такое грех, чтобы затем от него отвернуться. Выделяются три вида покаяния: 1) обычное покаяние простых верующих; 2) особое покаяние целомудренных людей; 3) самое ценное покаяние — покаяние мистиков. Освободиться и очиститься от грехов можно лишь с помощью покаяния, ибо оно является основой всех суфийских стоянок и этапов. Основ (*аркāн*) у «покаяния» пять: 1) соблюдение обязательных предписаний религии, т.е. обрядов и ритуалов; 2) исполнение предписанного религиозным законом взамен того, что в свое время было пропущено; 3) стремление только к дозволенному религиозным законом; 4) отказ от дел, причиняющих зло; 5) борьба с чувственной душой (*нафс*).

Также выделяют 5 степеней (*дараджāt*) покаяния: 1) раскаяние в своих поступках, что означает отказ от порочных дел и переход к благочестивым; 2) раскаяние отречшихся от нашего мира (*зуххāд*) подразумевает отказ от скрытого в душе интереса к нашему миру и замену его полным безразличием к нему; 3) покаяние стремящихся к божественному присутствию (*хурӯр*), к близости с Богом, подразумевает отказ от беспечности (*зафлат*) ради близости с Ним; 4) покаяние людей, способных изменить свой характер (*мутахаллиқāн*) означает отказ от порочных черт характера в пользу одобряемых; 5) покаяние мистиков — это отказ мистика от рассматривания своих благодеяний ради видения исключительно Бога. Мистики, совершая добрые дела, должны раскаиваться в том, что обращают на них свое внимание, им следует вместо своих добрых дел видеть лишь деяния Бога [Саджджāдй, 1995: 264–266].

¹⁶ Коран, сура 74, аят 28 (28).

¹⁷ Аллюзия на Коран, сура 83, аят 25 (25): *йусқауна мин рахйқин махтӯмин* — поят их вином запечатанным.

¹⁸ Аллюзия на Коран, сура 83, аят 27 (27) — 28 (28): *ва мизāджуху мин таснймин* 27 (27) 'айнан *йашрабу бихā ал-муқаррабӯна* 28 (28) — Смесь его (т.е. этого вина. — В.Д.) из таснйма 27 (27) — источника, из которого пьют приближенные 28 (28).

Если вино не будет чистым, то его питье,
на мой взгляд, является запретным, даже если оно будет [сверкать],
как огонь (*лахаб*).

А если любовь не будет искренней, то ее обладатель
с изумленным сердцем будет находиться между правдой и ложью.

Обычная любовь по причине смешения с корыстным желанием является напитком, несущим в себе чистоту и мутность, разбавленность и густоту, легкость и тяжесть. А особенная любовь в связи с удалением от смешения с истощением, вызванным болезнями (= пороками) (*а'лāl*), представляет собой полную чистоту и полное отсутствие густоты, и полную легкость.

Клянусь чашей, которую мы выпили по милости [Господа].
Представляется, что напиток, который в ней, — это воздух.
Мы взвесили чашу пустой и полной,
и вес этих двух чаш был одинаков.

Более того, разбавленность (*латāфат*) и легкость (*хиффат*) этого напитка влияют на утончение (*талтйф*) и облегчение (*тахфйф*) чаши, и ее плотность (*касāфат*) превращается в мягкость (*латāфат*), а тяжесть (*сиқл*) — в легкость, как и в случае с духом, который одаривает тело мягкостью (*латāфат*) и легкостью (*хиффат*).

Стеклянные бокалы, которые мы опорожнили, были тяжелыми до того времени, когда они наполнились чистейшим вином. Они стали легкими и едва не разлетелись из-за своего содержимого. Воистину тела являются легкими благодаря духам (*арвāх*).

Влюбленные в сущность пьют этот напиток в чашах духов (*арвāх*), а остаток его и излишек проливают на сердца и души: [ведь] и для земли из чаши благородных есть доля. Духам [напиток] подарит легкость волнения, сердцам — легкость томления (*шаук*), душам — легкость послушания. А удовольствие (*лаззат*) от этого напитка будет влиять на все части тела: духу [напиток] даст удовольствие созерцать, сердцу — удовольствие хранить в памяти, а душе — удовольствие богослужения

обычных мусульман (*му‘амалат*)¹⁹ до тех пор, пока удовольствие послушания в душе не одолеет все телесные удовольствия, — и на это духовное состояние указывает призыв пророка — да благословит его Аллах и да приветствует: «О Боже! Сделай [мою] любовь к Тебе милее для меня, чем моя душа и мой слух, и мое зрение, и моя семья, и мое имущество, и холодная вода». А сущность чаши из-за чрезмерной чистоты и [исключительного] утончения так стирается в цвете этого напитка, что не остается различия [между чашей и напитком], и возникает картина (*сӯрат*) единства (*ваҳдат*).

Стал тонким стеклянный бокал и стало разбавленным вино,
после чего они походили друг на друга, так что [наше] положение
стало затруднительным:

ведь как будто есть вино, но нет чаши,
и в то же время вроде бы есть чаша, но нет вина [Кāшāнӣ 2015: 404–405].

Изложение темы любви в поэме «‘Ишқ-нāме», приписываемой Санā’й, и прозаическом сочинении ‘Изз ад-Дйна Маҳмӯда Кāшāнӣ «Миҥбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа» значительно отличается и фактически имеет мало общего: может даже показаться, что оба эти сочинения не могут быть написаны одним и тем же автором. Однако причина различия заключается в том, что поэма «‘Ишқ-нāме», или — с другим названием — «Кунӯз ал-асрāр ва румӯз ал-аҳрāр» является поэтическим комментарием на первое сочинение о психологии мистической любви в персидской литературе — трактат «ас-Савāних фй-л-‘ишқ» («Откровения о любви») Аҳмада ал-Ғазāли (ум. 520/1126), в то время как «Миҥбāх ал-хидāйа» является персидским переводом с некоторыми изменениями одного из главных арабских справочников по суфизму — трактата «‘Авāриф ал-ма‘āриф» («Дары познаний») суфийского шейха, теолога шафиитской школы и основателя суфийского ордена сухравардийа Шихāб ад-Дйна Абӯ Ҳафса ‘Умара ибн Муҳаммада ас-Сухравардӣ (539 — 622/1145 — 1234).

Несмотря на явные несовпадения в изложении темы любви в поэме «‘Ишқ-нāме» и в прозаическом трактате «Миҥбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа», основываясь на данных рукописных источников и истории изучения текстов коротких поэм, приписываемых Санā’й, в том числе и поэмы «‘Ишқ-нāме», следует признать маловероятным авторство Санā’й в отношении поэмы «‘Ишқ-нāме», в то время как авторство суфийского шейха XIV в. ‘Изз ад-Дйна Маҳмӯда Кāшāнӣ представляется более убедительным. Очевидно, что для определения авторства коротких

¹⁹ *Му‘амала* (араб.) — иметь дело с кем-то, вести торговлю. У мистиков термин означает обычное богослужение, богослужение рядовых мусульман, исполнение всех религиозных предписаний, когда поклоняющиеся Богу надеются на вознаграждение в будущей жизни и на компенсацию (*‘авад*) за свое послушание, забывая о достоинстве и мудрости. Поэтому божьи люди, или мистики, считают обычных мусульман торговцами, которые поклоняются Богу для того, чтобы попасть в рай и избежать ада [Саджджāдӣ 1995: 728].

поэм, приписываемых Санā'й, еще потребуются многолетние усилия специалистов, причем можно с большой степенью вероятия утверждать, что наряду с традиционными академическими методами исследования, опирающимися на глубокое изучение и сопоставление текстов, анализ литературного стиля и религиозных взглядов великого поэта, будут востребованы и новые компьютерные технологии, в том числе цифровая стилеметрия.

Список литературы

1. *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М.: изд-во восточной литературы, 1960.— 555 с.
2. *Дроздов В. А.* Об авторстве поэмы «'Ушшак-наме» с точки зрения академического востоковедения и новейших компьютерных технологий // *Ориенталистика*. 2020. Т. 3. № 5. М., 2020. С. 1360–1378.
3. *Дроздов В. А.* Поэма Фахр ад-Дина 'Ираки «'Ушшак-наме»: история изучения // *Клио*. Ежемесячный журнал для ученых. № 9 (165). Сентябрь 2020. СПб., 2020. С. 43–48.
4. *Кāshānī, 'Изз ад-Дйн Махмūd ибн 'Алī.* Мисбāх ал-хидāйа ва мифтāх ал-кифāйа (Светильник, указывающий истинный путь, и ключ к достаточному количеству [мистического знания]) / Предисловие, редакция, объяснение, издание текста Джалāl ад-Дйн'а Хумāйй. 12-е изд. Тегеран: интишārāt-и Суҳан, 1394/2015.— 120 с. + 448 с.
5. *Кунūз ал-асрār ва румūз ал-ахрār* (Сокровища тайн и символы праведных) / Издал Гулчйн Ма'āнй // *Маджалле-йи дāнишкаде-йи адабийāt ва 'улūм-и инсāнй-йи дāнишгāх-и Тихрāн* (Журнал факультета филологии и гуманитарных наук Тегеранского университета). Т. 14, № 3. Тегеран, 1345/1967. С. 328 — 351; Т. 14, № . 4. Тегеран, 1346/1967. С. 494 — 522.
6. *Маснавйхā-йи Ҳакīm Санā'й ба индимām-и шарҳ-и Сайр ал-'ибād илā-л-ма'ād* (Поэмы Ҳакīма Санā'й с приложением комментария на поэму «Путешествие рабов божьих в потусторонний мир») / Издание и предисловие Муҳаммада Тақй Мударриса Радавй. Тегеран: интишārāt-и дāнишгāх-и Тихрāн, 1348/1969.— 63 с.+357 с.
7. *Муслим ибн ал-Ҳаджджādждж ибн Муслим ал-Қушайри ан-Нйсāбūrй Абū-л-Ҳусайн.* Ал-Джāми' ас-саҳйх (Сборник достоверных хадисов). В 8 т. Каир: Ал-матба'ат ал-'āмира фй дār ал-хилāфат ал-'алййа, 1330–1333/1912–1915. Т. 8. Каир, 1333/1915.— 246 с. + 8 с.
8. *Саджджādй, Саййид Джа'фар.* Фарханг-и лугāt-и истилāхāt ва та'бйрāt-и 'ирфāнй (Словарь мистических терминов и выражений). 2-е изд. Тегеран: Тахūrй, 1373/1995.— 814 с.

9. *Санā'ī-йи Ғазнавӣ*. 'Ишқ-нāме (Книга любви) // Маснавӣхā-йи Ҳакīm Санā'ī (Поэмы Ҳакīm'а Санā'ī) / Редакция и предисловие Муҳаммада Тақӣ Мударриса Радавӣ. Тегеран: интишārāt-и дāнишгāх-и Тихрāн, 1348/1969. С. 19 — 47.
10. *Сафā, Забӣхуллāх*. Муҳтасар-й дар тārīх-и таҳаввул-и назм у наср-и пāрсӣ (Кратко об истории развития персидской поэзии и прозы). Тегеран: дāнишгāх-и Тихрāн, 1333/1954. — 95 с.
11. *Шафāқ, Ридā-зāде*. Тārīх-и адабӣйāt-и Йрāн (История литературы Ирана). Тегеран: визārат-и джалӣле-йи ма'āриф, 1313/1934. — 238 с.
12. *Browne E.G.* A Literary History of Persia. In 4 vol. Vol. II: From Firdawsī to Sa'dī. Cambridge: Cambridge University Press, 1928. — XIV p.+568 p.
13. *de Bruijn J.T.P.* Persian Sufi Poetry. An Introduction to the Mystical Use of Classical Persian Poems. Surrey: Curzon Press, 1997. — 142 p.
14. *Irāqī Fakhr ad-Dīn*. The Song of Lovers ('Ushshāq-nāma) / Edited and translated by A.J. Arberry (Islamic Research Association. No 8). London: Oxford University Press, 1939. — xxii p.+84 p.+100 p
15. *Massignon L.* «Le Jour du Covenant» (Yawm al-Mīthāq) // Oriens. Vol. 15. Leiden: E.J. Brill, 1962. P. 86–92.
16. *Massignon L.* La passion d'al-Hosayn-ibn-Mansour al-Hallaj martyr mystique de l'Islam exécuté à Bagdad le 26 mars 1922. Étude d'histoire religieuse. T. I–II. Paris: Librairie Geuthner, 1922. — XXXII p., 460 p., 19 p. + XI p., p. 461–942, 105 p., 9 p.
17. *Ritter H.* Philologika VIII. Anšārī Herewī. — Senā'ī Ğaznewī // Der Islam. Bd.22. Heft 2. Berlin; Leipzig, 1934. S.89–105.
18. *Utas Bo.* Tārīq ut-tahqīq. A Sufi Mathnavi ascribed to Ḥakīm Sanā'ī of Ghazna and probably composed by Aḥmad b. al-Ḥasan b. Muḥammad an-Naxčavānī. A critical edition, with a history of the text and a commentary. Lund: Studentlitteratur, 1973. — 245 p. + 53 p. (Scandinavian Institute of Asian Studies monograph series. No 13).

References

1. Bertel's E. Je. *Izbrannye trudy. Istorija persidsko-tadzhikskoj literatury [Selected Works. History of Persian-Tajik literature]*. Moskva: izdatelstvo vostochnoj literatury [Moscow: Eastern Literature Publishing House], 1960. — 555 p. (In Russian).
2. Browne E.G. *A Literary History of Persia*. In 4 vol. Vol. II: From Firdawsī to Sa'dī. Cambridge: Cambridge University Press, 1928. — XIV p.+568 p.
3. de Bruijn J.T.P. *Persian Sufi Poetry. An Introduction to the Mystical Use of Classical Persian Poems*. Surrey: Curzon Press, 1997. — 142 p.
4. Drozdov V.A. Ob avtorstve pojemy «'Ushshak-name» s tochki zrenija akademicheskogo vostokovedenija i novejsih komp'juternyh tehnologij [About

- the authorship of the poem “Ushshaq-name” from the point of view of academic oriental studies and the latest computer technologies]// *Orientalistika*. V.3. № 5. Moscow, 2020. P. 1360–1378. (In Russian).
5. Drozdov V.A. Poema Fakhr ad-Dina ‘Iraki “‘Ushshak-name’: istoriia izucheniia [“‘Ushshak-name’ Fakhr ad-Din ‘Iraki’s poem: the history of study]// *Klio. Ezhemesiachnyi zhurnal dlia uchenykh*. № 9 (165). SPb., 2020. P. 43–48. (In Russian).
  6. Iraqi Fakhr ad-Din. *The Song of Lovers (‘Ushshaq-nama)* / Edited and translated by A. J. Arberry (Islamic Research Association. No 8). London: Oxford University Press, 1939. — xxii p.+84 p.+100 p.
  7. Kashani, ‘Izz ad-Din Mahmud ibn ‘Alī. *Misbah al-hidaja va miftah al-kifaja (The lantern directing to the right way and the key to the sufficiency [of the mystical knowledge])*/ Foreword, revision, explanation, edition of the text by Dzhahal ad-Din Humaji. 12 Ed. Tehran, 1394/2015. — 120 p.+448 p. (In Persian).
  8. Kunuz al-asrar va rumuz al-ahrar [The Treasures of the Mysteries and the Symbols of the Righteous] / Published by Gulchin Ma‘ani // *Madzhalle-yi danishkade-yi adabijat va ‘ulum-i insani-yi danishgah-i Tihran [Journal of the Faculty of Philology and Humanities of the University of Tehran]* T. 14, № 3. Tehran, 1345/1967. P. 328 — 351; T. 14, № . 4. Tehran, 1346/1967. P. 494 — 522. (In Persian).
  9. Mathnaviha-yi Hakim Sana’i ba indimam-i sharh-i Sajr al-‘ibad ila-l-ma‘ad [Poems of Hakim Sana’i with the attachment of a commentary on the poem «Travelling of God’s servants to the other world»]/ Edition and foreword by Muhammad Taki Mudarris Raḍavi. Tehran, 1348/1969. — 63 p.+357 p. (In Persian).
  10. Massignon L. «Le Jour du Covenant» (Yawm al-Mīthāq) // *Oriens*. Vol. 15. Leiden: E.J. Brill, 1962. P. 86–92. (In French).
  11. Massignon L. *La passion d’al-Hosayn-ibn-Mansour al-Hallaj martyr mystique de l’Islam exécuté à Bagdad le 26 mars 1922. Étude d’histoire religieuse*. T. I–II. Paris: Librairie Geuthner, 1922.— XXXII p., 460 p., 19 p. + XI p., p. 461–942, 105 p., 9 p. (In French).
  12. Muslim ibn al-Hadhdhadh ibn Muslim al-Ḳushairi an-Nisaburi Abū-l-Husain. *Al-Dzhami ‘ as-sahih [the Collection of Authentic Hadith]*. In 8 vol. Cairo, 1330–1333/1912–1915. V. 8. Cairo, 1333/1915.— 246 p.+8 p. (In Arabic).
  13. Ritter H. *Philologika VIII. Anṣārī Herewī. — Senā’ī Ġaznewī // Der Islam*. Bd.22. Heft 2. Berlin; Leipzig, 1934. S.89–105. (In German).
  14. Sadzhdzhadi, Sajjid Dzha‘far. *Farhang-i lugat-i istilohat va ta‘birat-i ‘irfani [the Glossary of mystical terms and expressions]*. II Ed., Tehran, 1373/1995. — 814 p. (In Persian).
  15. Safa, Zabihullah. *Mukhtasar-i dar tarikh-i tahavvul-i nazm u nasr-i parsi [Briefly about the History of the Development of Persian poetry and prose]*. Tegeran: danishgah-i Tihran [Tehran: University of Tehran], 1333/1954.— 95 p. (In Persian).

16. Sana'i-yi Gaznavi. 'Ishq-name [The Book of Love] // *Mathnaviha-yi Hakim Sana'i [Hakim Sana'i Poems]*/ Edited and Foreword by M. Raḍavi. Tehran, 1348/1969. P. 19 — 47. (In Persian).
17. Shafaq, Rida-zade. *Tarikh-i adabijat-i Iran [History of Persian Literature]*. Tehran, 1313/1934. — 238 p. (In Persian).
18. Utas Bo. Ṭariq ut-taḥqiq. A Sufi Mathnavi ascribed to Hakim Sana'i of Ghazna and probably composed by Aḥmad b. al-Ḥasan b. Muḥammad an-Naxčavani. A critical edition, with a history of the text and a commentary. Lund: Studentlitteratur, 1973. — 245 p. + 53 p. (*Scandinavian Institute of Asian Studies monograph series. No 13*).

Информация об авторе

Владимир Альбертович Дроздов — кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: v.drozdov@spbu.ru

Author's Information

Dr. Vladimir A. Drozdov — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Iranian Philology of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University.

Email: v.drozdov@spbu.ru

УДК 327.2

И. К. Павлова

*Санкт-Петербургский Государственный университет
промышленных технологий и дизайна*

О начале морских пассажирских и коммерческих перевозок по Каспию

Аннотация: В основу данной статьи легли неопубликованные и до сих пор малоизвестные исследователям материалы Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург), касающиеся начала морских пассажирских и коммерческих перевозок по Каспию между Россией и Персией, а также перестройки российскими специалистами порта Энзели. Так, в поле нашего исследования оказались следующие документы: «Дело о пароходстве на Каспийском море», «Дела Персидских транспортов», «Дело об отчётности инженера Султанова» и др. Цель написания работы — ввести в научный оборот упомянутые архивные источники РГИА и сделать их более доступными для дальнейших научных изысканий. Вопрос о более интенсивном использовании морского пути по Каспию встал перед правительством Царской России еще в середине 40-х гг. XIX в. Период, когда Россия стала искать новые рынки сбыта своих товаров на Ближнем и Среднем Востоке, именно этот этап сближения двух соседних государств рассматривается в указанной статье. На основании упомянутых источников, можно определить точную дату, когда первые пароходы Каспийской флотилии с грузами, а затем и с пассажирами отправились из Астрахани к южному побережью Каспийского моря. С этого времени установились регулярные морские рейсы по Каспию, что отвечало запросам как российских, так и персидских подданных.

Это начинание дало толчок для развития новых российских судоходных компаний, а также перестройки и обустройства персидских портов, и прежде всего, порта Энзели. Анализируемые архивные материалы позволяют говорить о том, что выбранная Царской Россией стратегия использования морского пути для сближения с Персией привела в конечном итоге к установлению её монопольного влияния в северных областях Персии и на южном побережье Каспия.

Ключевые слова: Архивные документы. Россия. Персия. Каспийское море. Судоходство. Порт Энзели

Irina K. Pavlova
Saint-Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

On the Beginning of sea passenger and commercial Transportation in the Caspian Sea

Summary: This article is based on unpublished and still little-known to researchers materials of the Russian State Historical Archive (RSIA, St. Petersburg), concerning the beginning of sea passenger and commercial traffic in the Caspian Sea between Russia and Persia, as well as the restructuring of the port of Anzali by Russian specialists. So, in the field of our research were the trails Documents: “The case of steamship line in the Caspian Sea”, “The case of Persian transports”, “The case of the reporting of engineer Sultanov”, etc. The purpose of writing the work is to introduce into scientific circulation the mentioned archival sources of the RSIA and make them more accessible for further scientific research. The question of a more intensive use of the sea route through the Caspian Sea arose before the government of Tsarist Russia in the mid-40s. of the XIX century. From this time we see the new stage of rapprochement between neighboring states that is considered in this article.

This undertaking gave impetus to the development of new Russian shipping companies, and also the restructuring and arrangement of Persian ports, and above all, the port of Anzali. The analyzed archival materials allow us to say that the strategy chosen by Tsarist Russia to use the sea route for Russia’s rapprochement with Persia eventually led to the establishment of its monopoly influence in the northern regions of Persia and on the southern coast of the Caspian Sea.

Keywords: Archival documents, Russia, Persia, The Caspian Sea, Navigation, Anzali port

С давних пор Каспийское море являлось связующим звеном между двумя соседними странами, такими как Россия и Персия¹. Вопрос о более интенсивном использовании морского пути по Каспию для соединения с Персией встал перед Царским правительством наиболее остро в 40-е гг. XIX в., в тот период, когда Россия стала искать новые рынки сбыта своих товаров на Ближнем и Среднем Востоке. Напомним также о том, что в течение долгих десятилетий практически все сухопутные дороги в Персии оставались выучными и находились «в весьма плачевном состоянии» [Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию, 1906: 4]. Так, расстояние в 190 вёрст по колесным дорогам преодолевалось за 4–6 дней, путь от Тавриза до Эривани (Еревана) занимал около 19 дней. Из Москвы до Тегерана добирались около 5 месяцев. Естественно, это влияло на длительность доставки товаров и их качество, тормозило деятельность купцов, снижало весь товарооборот между этими странами и в целом приостанавливало проекты деловых людей России, стремившихся вложить свои капиталы в экономику Персии и других близлежащих регионов.

В последние годы вышел ряд статей, освещающих данную тему, однако архивные документы, обнаруженные нами в Российском Государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург), остаются пока еще вне поля зрения исследователей. [Истомина 2013, Корноухова, 2019, Никонов, 2011 и др.]. В работах зарубежных специалистов, как правило, рассматриваются вопросы, связанные с русско-английским соперничеством в Персии в указанный период (Amirahmadi, 2012, Deutschmann Mortiz, 2016, Kazemzadeh, 2013). В основе нашей статьи анализируются архивные материалы РГИА такие, как «Дело о пароходстве на Каспийском море», «Дела Персидских транспортов», «Дело об отчётности инженера Султана» и др.

Так, одним из важных документов в «Деле о пароходстве», прежде всего, является докладная записка главнокомандующего военной Каспийской флотилией Г.Г. Басаргина (1790–1853) непосредственно Его Императорскому Величеству в Петербург. Она была представлена Николаю I (1830–1855), как указано в источнике, только 24 апреля 1848 г.

Важность этой записки заключается в том, что ней указывается точная дата начала морских перевозок по Каспию из Астрахани в Персию. В своем донесении командующий сообщал следующее:

В 1845 г. два из наших каспийских пароходов представлены в распоряжение наместника Каспийского с тем, чтобы они по его назначению постоянно употреблялись для сообщения с Персиею и перевозки туда коммерческих грузов. Движение сих пароходов началось летом 1846 г.

¹ Персия — официальное название Ирана до 1935 г. С 1979 г. — государство Иран стало называться Исламская республика Иран (ИРИ).

и продолжалось всю [следующую] навигацию 1847 г. [Дело о пароходстве, 1848: 6]².

Здесь отметим довольно странную задержку извещения Николая I об этом начинании. Однако, несомненно, действия Г.Г. Басаргина были заранее согласованы с Морским ведомством и Министерством иностранных дел. Вполне возможно, чиновники министерств сочли возможным предъявить эту записку Императору только после того, когда рейсы уже были апробированы и принесли положительные результаты.

В своем донесении Г.Г. Басаргин писал: «Главная причина открытия пароходства по Каспийскому морю — развитие торговли с Азией» [Дело о пароходстве, 1848: 14], т.е. во главу угла ставились более глобальные задачи, чем только торговля с соседней страной. Далее он подробно сообщал конкретные сведения о начавшейся компании. Так, первый пароход отправился с российской стороны из Астрахани до персидского порта Астрабад 15 июня 1846 г. Через десять дней 25 июня он уже прибыл в конечный пункт Астрабад, а затем отправился в обратный путь³. Затем морской путь был продлен до порта Энзели. Пароход проследовал по маршруту Астрахань — Бирючная коса — Петровское укрепление — Дербент — Баку — о. Сара — Энзели. Курсирование пароходов продолжалось по такой схеме не только две первые навигации, но и в дальнейшем. Князь М.С. Воронцов, как уже указывалось первый наместник Кавказа (до 1856 г.), также принимал непосредственное участие в организации первых морских перевозок. В своём отчете он записывал: «Пока перевозка идёт на военных кораблях Каспийской флотилии» [Дело о пароходстве, 1848: 10 об.]. Действительно, при первых пробных рейсов специальных кораблей для перевозки коммерческих грузов, еще не могло и быть.

Данное предприятие оказалось успешным, поэтому уже с 1 апреля 1848 г., как указывается в записке Г.Г. Басаргина, стало действовать регулярное сообщение между Россией и Персией туда и обратно два раза в месяц. Согласно расписанию рейсов, из Энзели пароходы отправлялись в полночь с апреля по октябрь включительно 16-го и 30-го числа каждого месяца. Одним из достижений использования этого морского пути стало то, что, начиная с 1848 г., кроме транспортировки коммерческих грузов, появились рейсы для пассажиров из России и Персии. Конечно, все это требовало большой работы по введению новых пропускных пунктов в Астрахани и в персидских портах, появлению билетных касс и других организационных действий. Анализируемые документы фиксирует некоторые детали этих мероприятий. Так, выясняется, что билет от Астрахани до Астрабада стоил 3 руб.,

² В 1846 г. по указу Императора Каспийское наместничество было упразднено. Его территория вошла в состав вновь созданного Кавказского наместничества. Первым наместником новой административной единицы стал князь М.С. Воронцов (1782–1856) [Блиева, 2003: 39].

³ Астрабад (истор. Гяз) — город-порт (до нач. XX в.) в западной части Каспийского моря. К российской границе расположен гораздо ближе, чем порт Энзели. В городе находилось российское консульство. Важный пункт для ведения русско-персидской торговли. Еще в 1782 г. там открылась торговая фактория Российской империи.

а до Энзели — 3 руб. 50 коп. серебром. Дети до 10 лет платили половину. За перевозку товаров независимо от расстояния оплачивали от 10 коп. до 35 коп. с каждого пуда. Желаящие отправиться на пароходе из Астрахани до Персии не оформляли специальные документы на выезд, тогда как в обратную сторону это было делать необходимо. В инструкции указывалось: «Всем лицам, выезжающим из Персии надо иметь разрешение или с персидской стороны или от российских консульств в Гиляне или Астрабаде» [Дело о пароходстве, 1848: 11].

Как известно, в Астрахани находились карантинные заставы для проверки наличия признаков чумы или холеры. Прохождение этих пунктов досмотра осуществлялось по следующей схеме: «Если среди пассажиров не было заразных, то выпускали сразу» [Дело о пароходстве, 1848: 11]. Носителей инфекций на сухопутной границе задерживали на 4 дня, а на морской на 2–3 дня. Вполне возможно, что стремясь привлечь пассажиров пользоваться передвижением на кораблях, администрация порта сократила количество дней пребывания в карантине. Кн. М. С. Воронцов вообще настаивал на отмене карантина и свободного доступа пассажиров на пароходы. Все это, несомненно, делалось для привлечения населения к морским поездкам по Каспию.

Морскими рейсами стала перевозиться и почта. С этой целью из Астрахани до г. Решта стал курсировать специальный почтовый баркас «Москва». Хотя продолжали использовать и военные корабли [Дело о пароходстве, 1848: 154 об.].

Таким образом, как становится очевидным, перевозки по Каспийскому морю довольно быстро завоевали положительную репутацию среди разных слоев общества с точки зрения своей доступности, быстроты, дешевизны доставки грузов, людей, военного снаряжения, почтовой корреспонденции.

Пароходное общество «Кавказ и Меркурий»

Организация морских перевозок по Каспию имела далеко идущие последствия. Возрастающая потребность в наличии пароходов послужила толчком к созданию специальной пароходной компании. Так, по инициативе директора Русского общества пароходства и торговли Н. А. Новосельского (1818–1898) в начале 1858 г. была учреждена компания «Кавказ», с тем, чтобы её суда использовались для курсирования по Каспийскому морю. Вскоре, буквально через пару месяцев, в начале 1858 г. по настоянию того же Н. А. Новосельского и нового наместника Кавказа А. И. Барятинского (1856–1862) произошло слияние двух пароходных обществ «Меркурия» (речной флот) и «Кавказа» (морской флот) в одну крупную акционерную компанию под общим названием «Кавказ и Меркурий». Её первым председателем стал Н. А. Новосельский. 15 апреля 1858 г. был утверждён устав новой корпорации. В нём подчеркивалось, что вновь созданное объединение находится под покровительством Его Императорского Величества. Первоначальный капитал компании составлял 4,5 миллиона руб. В свою очередь, Общество взяло на себя ряд

обязательств перед Царским правительством. Оно было обязано создать флотилию не менее 15 судов и столько же баркасов, собираемых «на собственных заводах из привезённых из-за границы частей» [Дела Бюро персидских транспортов, 1906: 29]. Спустя полтора года, в декабре 1859 г., как указано в архивных материалах, основной капитал Общества «Кавказ и Меркурий» составлял уже 5 625 000 руб., т. е. данное предприятие быстро набирало обороты. Оно уже владело пятнадцатью пассажирскими двухпалубными пароходами, шестью буксирами, пятью транспортными судами. Теперь уже грузовые корабли строились специально для коммерческих целей и были достаточно вместительными. Так, одно из них, названное в честь столицы Персии — «Тегеран» — поднимало до 20 тыс. грузов [Дела Бюро, 1906: 30–40]. Кроме этого, компания начинает отапливать свои суда нефтяными остатками и одним из первых использовать для своих перевозок американские пароходы.

Строительство новых специальных пассажирских и коммерческих кораблей и создание пароходных компаний — всё это способствовало усилению Российской власти в регионе Каспийского моря и её сближению с Персией.

Порт Энзели

Появление в Каспийской флотилии современных паровых судов, курсирующих до южного побережья Персии, обозначило ещё одну важную проблему для судоходных компаний. Дело оказалось в том, что большие суда с осадкой 24 фута и более не могли войти в бухты. Им приходилось вставать на рейде за две-три версты, что было крайне неудобно и сказывалось на увеличении времени погрузки и разгрузки товаров, посадки и высадки пассажиров и т. д.

Главным из четырёх портов на персидской стороне по своему грузообороту и наличием портовых сооружений считался порт Энзели, построенный ещё в 1484 г. Однако он был достаточно мелководным, пригодным для парусных судов, имеющих осадку не более 16 футов. Во второй половине XIX в. он уже не отвечал соответствующим требованиям, поэтому владельцы российских судоходных компаний, купцы, предприниматели не раз поднимали вопросы о перестройке Энзелийского порта. В связи с этим в 90-е гг. XIX в. в Петербурге было проведено несколько совещаний, на которых рассматривались надлежащие проекты. Один из проектов представил главный управляющий свиты Его Императорского Величества контр-адмирала А. М. Абаза. Он же предлагал «испросить у шаха исключительные права на управление и эксплуатацию порта для Общества Энзели-Казвинской дороги», как известно, принадлежавшее Л. С. Полякову. [Дело об устройстве Энзелийского порта, 1895: 25]. Проект концессии из 10 пунктов, составленный министром путей сообщения К. М. Хилковым, был утвержден Шахом без изменений. Согласно первому пункту этого документа, как и настаивала российская сторона, концессия была дарована Обществу Энзели-Казвинской дороги. Далее перечислялись все

те работы, которые Общество должно было произвести: углубить фарватер на 12 фунтов, установить маяки, построить складские помещения, проложить пути, соединяющие порт с основной Энзели-Казвинской дорогой, обеспечить строительство необходимой техникой и землечерпательными машинами, за провоз которых персидская сторона не брала таможенные сборы. В свою очередь Обществу отводились земли по берегу Энзелийского залива и по реке Пир-базар, примыкающие к колесной дороге. После окончания работ и с момента эксплуатации порта Общество имело право оставлять в свою пользу денежный сбор в размере десяти процентов ежегодно с заходящих судов.

Такое право давалось Обществу на 99 лет [Дело об устройстве, 1895: 30–40]. Заключение таких длительных концессий еще раз подтверждает намерение России иметь свое влияние в этом регионе в течение долгих лет.

Итак, с начала ноября 1895 г., после подписания итогового соглашения, можно было приступить к подготовительным работам. Становится очевидным, какая огромная, трудоёмкая и масштабная работа легла на плечи российских специалистов, инженеров, простых рабочих. Среди документов, раскрывающих эту страницу в истории существования порта Энзели, следует назвать «Дело об отчётности инженера Султанова».

1 января 1904 г. Фёдор Алексеевич Султанов, статский советник, инженер, был назначен первым заведующим Энзелийского порта для его перестройки. [Дело об отчётности, 1904–1908: 165]. Непосредственно же к работам он приступил только в ноябре упомянутого года. Таким образом, с момента подписания конвенции и начала строительства порта прошло почти десять лет. Все это говорит о неповоротливости бюрократической машины Царской администрации, длительных согласований между различными ведомостями и неспешным ведением дел чиновников.

Несомненно, Федор Алексеевич был грамотным специалистом, хорошо владеющим персидским языком (в документах сохранились бумаги с пометкой «перевел с персидского Ф. Султанов»), а возможно, и французским. В «Деле» сохранился паспорт Ф. А. Султанова на французском языке с печатью порта Энзели. Эти качества позволили ему стать начальником столь непростого предприятия. Занимая эту важную и хлопотливую должность, он приложил немало сил, чтобы наладить первоначальные работы в порту, а начинать практически надо было с нуля. Так, в октябре 1904 г. проходила закупка необходимого для порта оборудования. Было завезено 9 100 шт. кирпича, купленного в Баку у купца Аги-Джафара за 100 туманов, с лесного двора бр. Губиных поставили бревна, доски и брус, также доставили технические машины, в частности землесос «Николай Зубов» [Дело об отчётности, 1908: 78–87]. Привозили не только строительный материал, но и домашнюю утварь для обустройства жилищ приехавших из России специалистов. В «Деле» приводится счёт на имя Ф. А. Султанова о поставке в Энзели из Баку госп. С. А. Асриевым таких товаров, как стаканов, блюдец, тарелок на сумму 27 руб. 25 коп., а также стульев и др. вещей на сумму 84 руб. 26 коп. Груз был отправлен через Общество

«Кавказ и Меркурий» 28 октября 1904 г. [Дело об отчётности, 1908: 220]. В этом же месяце бакинский мебельный и зеркальный магазин Н. Х. Рябинкина также поставил в Энзели две дюжины венских стульев на сумму 80 руб., деревянный шкаф, кушетку, железную кровать с матрасом на сумму 89 руб. [Дело об отчётности, 1908: 223]. Доставка всех грузов осуществлялась через бакинскую таможенную.

Все это требовало значительных капиталовложений. Еще в декабре 1903 г. Ф. А. Султанов представил правительству по этому вопросу свои финансовые расчёты. Он просил выделить: 400 000 руб. — на проведение предварительных изысканий; 43 360 руб. — на содержание технического состава в течение двух лет; 22 680 руб. — на содержание администрации; 10 000 руб. — на устройство временных помещений; 8 160 руб. — на зарплату вольнонаёмным служащим; 23 143 руб. — на «непредвиденные расходы» [Дело об отчётности, 1908: 12–12 об.].

Таким образом, общая сумма запрашиваемых денег на первом этапе равнялась свыше 500 000 руб.

Служащие и специалисты, участвовавшие в модернизации порта, как правило, были выходцами из Астрахани и Баку. Среди них можно назвать инженеров Радомского, Тагиева, Наумова, техника В. Алексеева, рабочих порта Ниматуллы Алиева и Григория Серенко. Кроме этого, в штате порта числилось 59 рабочих персов. Работы в порту шли довольно медленно. Как указывал в своем рапорте Ф. А. Султанов, строительные бригады работали в год не более двух с половиной месяцев, так как в зимнее время и во время непогоды на море работы прекращались [Дело об отчётности, 1908: 166 об.]. Однако, несмотря на все эти трудности, модернизация Энзели всё же началась, и со временем он стал главным морским портом на южном побережье Каспийского моря [Абрамов, 2018].

Ф. А. Султанов занимал свою должность чуть больше года. Однако он успел сделать за это время довольно большой объём работы. В его рапорте указывается об установке четырех «по особому вновь разработанному плану» копров⁴, о строительстве четырех кирпичных домов, двух складов, четырех барачных для русских специалистов, метеорологической станции, пристани для приема грузов; оборудована пекарня с плитой для варки пищи, устроена дамба от пристани до мола на протяжении 50 сажень, высажены кустарники и деревья, проложена дорога для подвозки камня длиной в 8 вёрст [Дело об отчётности, 1908: 165–166].

Однако уже в апреле 1905 г. он был экстренно отозван в Санкт-Петербург. Из рапорта Фёдора Алексеевича становится известно о его конфликте с руководством энзелийского отделения Учётно-ссудного банка Персии. Очевидно, дирекция Банка и инициировала отстранение его от должности. Официальная причина отставки — растрата казённых денег. Приказ об освобождении его от занимаемой должности вышел 1 января 1906 года. Комиссия же, собранная для расследования этого дела, работала ещё в течение двух лет с 8 июля 1906 по 20 июня 1908 года. В ходе разбирательства она установила, что Ф. А. Султанов перерасходовал

⁴ Копор (копёр) — устар. — строительная машина для погружения свай в грунт.

назначенную ему сумму на 1 537 руб. 29 коп. В основном это были траты, не подтвержденные документами, «на «пишкеши» и «бакшиши» разным людям в Персии» [Дело об отчётности, 1908: 189 об]. В конечном итоге, как нам представляется, между сторонами был найден компромисс. Федор Алексеевич, очевидно, за вычетом указанного долга, все же получил за свою работу в порту Энзели, денежный расчёт в размере 3 974 руб. 15 коп. Это денежное вознаграждение его полностью удовлетворило. В своей расписке он подчёркивал: «с получением сих денег обязуюсь никаких денежных претензий ни к Министерству торговли и Промышленности, ни к правлению Общества Энзели-Казвинской дороги не предъявлять» [Дело об отчётности, 1908: 208].

Так, непросто, с большими проволочками, с потерей времени и служебными разбирательствами силами российских специалистов началась модернизация порта Энзели.

Заключение

Таким образом, вышерассмотренные архивные материалы РГИА, до сих пор еще остающиеся вне поля зрения исследователей, являются важным дополнением к уже апробированным документам Архива Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Изучение этих документов помогает раскрыть ряд деталей начала организации морских перевозок по Каспию между Россией и Персией, установить точную дату этого начинания, проанализировать дальнейшую цепочку открытий новых российских предприятий на территории соседнего государства. В организации этих морских перевозок можно выделить три составляющих: открытие регулярных рейсов — образование специальных судоходных компаний — модернизация порта Энзели. При этом следует отметить неоспоримый вклад российских инженеров, специалистов, рабочих, как правило, выходцев из Астрахани и Баку, в деле переустройства порта и освоения близлежащих территорий.

Выбранная властями царской России стратегия по освоению южного побережья Каспийского моря посредством морского сообщения привела в конечном итоге к установлению российской монополии в Северной Персии. Это обстоятельство было крайне важно в связи с обострением соперничества России и Англии в этом регионе.

Все вышесказанное следует рассматривать как новый этап в развитии российско-персидских отношений в сфере торговли, экономики и политики во второй половине XIX — начале XX вв.

Источники иллюстративного материала

1. Дело о пароходстве на Каспийском море — Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1268. Оп. № 2. Д. 302, 1848.
2. Дело об отчётности инженера Султанова о работах в Энзелийском порту в 1904–1905 гг. — РГИА — Ф. 95. Оп. № 8. Ед. хр. 993. Д. 29, 1908.
3. Дело об устройстве Энзелийского порта — РГИА — Ф. 95. Оп. № 8. Ед. хр. 111. 1895.
4. Дела Персидских транспортов (1890–1917) — РГИА — Ф. 101. Оп. № 1. Ед. хр. 1127–1137, 1890–1917.
5. Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию до осуществления концессий русскими транспортными обществами «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов». Доклад М. А. Лукошевича — РГИА — Ф. 23. Оп. № 8. Ед. хр. 11, 1906.

Список литературы

1. *Абрамов А. Е.* Реконструкция Энзелийского порта и её значение в освоении Ирана русским капиталом (1895–1914) // *Манускрипт*. Тамбов: № 7(93), 2018. С. 22–27. DOI: 10.30853/manuscript 2018. 7–2.
2. *Блиева З. М.* Кавказское наместничество в середине XIX века: становление новой административной стратегии // *Известия Высших учебных заведений*. Северо-Кавказский регион: Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова № 59, 2003. С. 39–49. ID: 9116076
3. *Истомина Э. Г.* Каспийское море в геоэкономическом и политическом пространстве региональных процессов России XIX — начале XX в. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия исторические науки. Научный журнал*. М.: Изд-во РГГУ, № 9 (110), 2013. С. 153–168. ID: 46534652
4. *Кадырбаев А. Ш.* Россия на Каспийском море, в Персии и Средней Азии 1857–1911 // *Восточный архив*. М.: Изд-во Института востоковедения РАН, № 1/31, 2015. С. 4–11. ID: 24236178
5. *Корноухова Г. Г.* Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX — начале XX в. // *Вестник РГУДН*. М.: Изд-во РГУДН, т. 18/3. 2019. С. 661–682. URL: <http://journals.rudn.ru/Russian-history/article/view/21636>
6. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>

7. Никонов О.А. *Иран во внешнеполитической стратегии Российской империи в XVIII веке*. М.— Владимир: Изд-во ВГГУ, 2009, С. 377.
8. Нурсултан М.У. Формирование морского пути на Каспии // *Вестник АГТУ*. Астрахань: Изд-во АГТУ, № 2/43. 2008. С. 241–243. ID: 33197404
9. *Deutschmann Mortiz. Iran and Russian Imperialism: The ideal anarchists 1800–1914*. London — New-York: Taylor — Rout ledge, 2016, pp. 272. DOI: 10.432/9781315676487
10. *Firuz Kazemzadeh. Russia and Britain in Iran: Imperial Ambition in Qajar Iran*. London — New York: Taylor — Routledge, 2013, pp.711.
11. *Hooshang Amirahmadi. The political economy of Iran under the Qajar’s society, politics and foreign relations 1796–1926*. London: I.B. Tauris, 2012, pp.342. DOI: 10.1017/S00207438815001051
12. *Russians in Iran // Rudi Matthee, Elena Andreeva // London- New York: I.B. Tauris, 2018, pp.320.*

Sources of illustrative material

1. The Case of the Shipping Company on the Caspian Sea — Russian State Historical Archive —
2. (RGIA): Fond 1268. Op. 2. Delo 302, 1848.
3. The Case of the reporting of engineer Sultanov on the work in the of Anzaly port in 1904–1905 — RGIA: Fond 95. Op.8. Ed. khr. 993. Delo. 29, 1908.
4. The Case of the device of Anzali port — RGIA — Fond 95.Op. 8. Ed. khr. 111, 1895.
5. The Cases of Persian transports (1890–1917) — RGIA — Fond 101. Op.1. Ed. khr.1127–1137, 1890–1917.
6. General overview of the transportation of goods to Northern Persia before the implementation of concessions by the Russian transport societies “K. Nadezhda” and “Bureau of Persian Transports” Report of M. A. Lukoshevich — RGIA — Fond 23. Op.8. Ed. khr.11, 1906.

References

1. *Abramov A. E. Reconstruction of the Anzali port and its importance in the development of Iran by Russian capital (1895–1914) // Manuscript. Tambov: Gramota, no.7 (93), 2018, pp. 22–27 (In Russian). DOI: 10.30853/manuscript 2018–7.2.*

2. *Blieva Z.M.* Caucasian Viceroyalty in the middle of the XIX century: The Formation of a New Administrative Strategy // *Izvestyia Vysshikh Uchebnykh Zavedeniĭ. Severo-Kavkazskii region*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet Publ., no.59, 2003, pp.39–49 (In Russian). ID: 9116076
3. *Istomina E. G.* The Caspian Sea in the geo-economic and political space of the regional processes of Russia of the XIX — early XX century // *Vestnik Rossiĭskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Academic journal*. Moscow: RGGU Publ., no. 9 (110), 2013, pp. 153–168 (In Russian). ID: 46534652
4. *Kadyrbaev A. Sh.* Russia on the Caspian Sea, In Persia and Central Asia 1857–1911 // *Vostochnyiĭ Arkhiv*. Moscow: Institute of the Oriental Studies RAN Publ., no. 1/31, 2015, pp.4–11 (In Russian). ID: 24236178
5. *Kornoukhova G. G.* The role of the Russian government in the development of the Caspian maritime trade with Persia in the second half of XIX — early XX century // *Vestnik Rossiĭskogo universiteta druzhby narodov*. Moscow: RUDN Publ., vol.18, no.3, 2019, pp.661–682 (In Russian) URL: <http://journals.rudn.ru/Russian-history/article/view/21636>; DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682
6. *Nikonov O. A.* *Iran in the foreign policy strategy of the Russian Empire in the XVIII century*. Moscow — Vladimir: Vladimir State University for the Humanities Publ., 2009, pp.377. (In Russian).
7. *Nursultan M. U.* Formation of the sea route in the Caspian Sea // *Vestnik Astrakhanskogo Gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Astrakhan: AGTU Publ., no.2, 2008, pp.242–244 (In Russian). ID: 33197404
8. *Deutschmann Mortiz.* *Iran and Russian Imperialism: The ideal anarchists 1800–1914*. London — New-York: Taylor — Routledge, 2016, pp. 272. DOI: 10.432/9781315676487
9. *Firuz Kazemzadeh.* *Russia and Britain in Iran: Imperial Ambition in Qajar Iran*. London — New York: Taylor — Routledge, 2013, pp.711.
10. *Hooshang Amirahmadi.* *The political economy of Iran under the Qajar's society, politics and foreign relations 1796–1926*. London: I. B. Tauris, 2012, pp.342. DOI: 10.1017/S00207438815001051
11. *Russians in Iran* // *Rudi Matthee, Elena Andreeva* // London- New York: I. B. Tauris, 2018, pp.320.

Информация об авторе

Ирина Константиновна Павлова — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного

университета промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД): — Высшая школа технологии и энергетики (ВШТЭ).

Email: edu@gturp.spb.ru

Author's Information

Irina K. Pavlova — PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design: Higher School of Technology and Energy (HSTE).

Email: edu@gturp.spb.ru

УДК: 82.09, 821.222.1

Ю.Г. Штых

Санкт-Петербургский государственный университет

Философия антизападничества в путевых заметках Дж. Але Ахмада о Советской России

Аннотация: В 1964 г. известный иранский писатель и критик Джалал Але Ахмад посещает СССР. В путевых заметках писателя об этом путешествии нашла отражение его известная концепция «Западничества» (перс. غرب زدگی), подчеркивающая асимметричность отношений между промышленно-развитыми странами «сытого» Запада (к которому Джалал относил и СССР) и отстающими в промышленном развитии странами «голодного» Востока. Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи между образом Советской России в путевых заметках автора с одной стороны и идеологических взглядов писателя, прошедших сложный путь становления — с другой. Двойственность мировоззрения Але Ахмада, связанная с полученным им в семье религиозным воспитанием и усвоенными во время учебы в университете западными идеями левого толка, проявляется в его путевых заметках, благодаря функционированию «чужого слова» (термин М.М. Бахтина), представленного «словом авторитарным» (священный Коран) и «словом внутренне убедительным» — марксистско-ленинским учением. В статье при помощи автобиографического и культурно-исторического методов рассматривается роль обеих категорий «чужого слова» в восприятии автором тех или иных сторон советской действительности, а также размышлениях автора о сущности русского народа, его национальном характере и взаимоотношениях с другими советскими народами. Результаты позволяют сделать следующие выводы: антисоветская критика в путевых заметках Але Ахмада, представленная борьбой с «внутренне убедительным словом», связана с его антизападными взглядами, поиском автором собственной идентичности и стремлением освободиться от западного влияния.

Ключевые слова: Джалал Але Ахмад, путевые заметки о Советской России, антизападные взгляды, двойственность мировоззрения, учение Бахтина о «чужом слове», «авторитарное слово», «внутренне убедительное слово», антисоветская критика, поиск собственной идентичности

Iulia G. Shtykhh
Saint-Petersburg State University

Anti-Westernism in Jalal Al-e Ahmad's Travel Diary about his Journey to Soviet Russia

Summary: In 1964, the famous Iranian writer and social critic Jalal Al-e Ahmad visited the USSR. The writer's diary about this journey is concerned with his well-known concept of "Westoxication" (or "Occidentosis", Pers. *ی‌گدز برغ*), highlighting the asymmetry of relations between the advanced industrial countries of the "full" West (in these terms USSR is also viewed as a part of the West) and the non industrialised developing countries of the "hungry" East. This study is devoted to the description of the relationship between the image of Soviet Russia in the author's travel diary on the one hand and the writer's ideological views, who has gone through a rough patch of its formation — on the other. The dichotomy of Ale Ahmad's viewpoint, brought about by his religious family upbringing and Western left-wing ideas he adopted at the university, is reflected in his travel diary through the functioning of the "alien discourse" (M. Bakhtin's term), represented by the "authoritative discourse" (Holy Quran) and the "internally persuasive discourse" which is Marxist-Leninist ideology. Autobiographical and cultural-historical methods are used in this study to analyze the role of both categories of "alien discourse" in the author's perception of aspects and facets of Soviet reality, as well as the author's thoughts on the essence of the Russian people, their national character and relations with other Soviet nations. The results suggest that anti-Soviet criticism presented in Ale Ahmad's travel diary in the form of the struggle with an "internally persuasive discourse", is brought about by the author's anti-Western stance linked to his search for his own cultural identity and his wish to set himself free from the Western influence.

Keywords: Jalal Ale Ahmad, travel diary about Soviet Russia, anti-Westernism, dichotomy of a viewpoint, Bakhtin's concept of an "alien word", "authoritative discourse", "internally persuasive discourse", anti-Soviet criticism, search of identity

Летом 1964 г. (1343 г.с.х.) по приглашению Общества советско-иранских культурных связей иранский писатель Джалал Але Ахмад (1923–1969 гг.) посещает с визитом Москву. Цель его визита — участие в VII Международном конгрессе по этнографии, поскольку к тому времени были изданы несколько его монографий этнографической направленности: «Ауразан» (1954 г.), «Таты уезда Захра» (1958 г.), «Остров Харг — затерянная жемчужина Персидского залива» (1960 г.), и ряд других. Сам конгресс продлился неделю, после чего иностранные гости посетили с визитом Ленинград, Ташкент, Самарканд и Бухару. Антизападные взгляды Але Ахмада, нашедшие отражение в его путевых заметках об этом путешествии, повлияли и на образ в них Советской России; цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать эту взаимосвязь.

Вторая мировая война, внесшая глобальные изменения в расстановку мировых сил, по-новому осветила извечную оппозицию «Запад — Восток» [Nezafat; Tohidfam, 2019: 1–2]. Позиции доминирующего в литературе путешествий Ориентализма [Саид, 1998: 23–24] пошатнулись: если в рамках господствующей парадигмы путешественник был, как правило, представителем западной культуры, описывающим экзотический для него Восток сквозь призму своего имперского восприятия, то герой путевой прозы Але Ахмада — это голос представителя Востока, рассматривающий путешествие на Запад в контексте поиска собственной идентичности, связанного со стремлением освободиться от западного влияния. В этом смысле путевые заметки Але Ахмада можно рассматривать как пример Оксидентализма, понимаемого как репрезентация Запада в качестве Другого [Forsdick, 2019: 176].

Следует учесть также, что на отношение Але Ахмада к СССР оказали большое влияние события его собственной жизни: в молодости он четыре года состоял в рядах коммунистической Народной партии Ирана (Hezb-e tude). В те годы Джалал был ярким приверженцем социалистического строя, видя в нем идеал общественного устройства, по образцу которого он и его единомышленники, недовольные шахской политикой, стремились реформировать иранское общество. В 1947 г., когда в рядах партии произошел раскол, Джалал с группой единомышленников был вынужден покинуть партию в знак протеста против сталинской политики в иранском Азербайджане [URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/al-e-ahmad-jalal-1302-48-s>]; Al-e Ahmad, 1964: 22]. Это потрясение оказало влияние на всю его последующую жизнь, хотя поиск правды неизменно оставался ее целью и смыслом.

Встревоженность писателя западным империализмом и разочарование в советском коммунизме привело к появлению одной из наиболее известных его работ под названием «Западничество» (в других переводах «Вестоксикация», перс. غرب زدگی) [Pištor-Natam, 2007: 562]. В этой работе, направленной против шахской политики ускоренной модернизации и вестернизации Ирана, отразились политические взгляды Але Ахмада, согласно которым страны мира можно разделить на условный «Запад» и условный «Восток». Под «Западом» понимаются промышленно и технически развитые страны, способные при помощи оборудования производить из сырья готовую продукцию и поставлять ее на мировой рынок, а под Востоком,

соответственно — индустриально неразвитые страны третьего мира, являющиеся рынком сбыта для произведенной на Западе готовой продукции [Al-e Ahmad 2006: 13–14]. Подчеркивая, что Восток и Запад являются не столько географическими, сколько экономическими понятиями, Але Ахмад относит к Западу не только Европу и Северную Америку, но также Советский Союз и ЮАР [Al-e Ahmad, 2006: 15]. Хотя ряд исследователей указывает на недостаточную теоретическую обоснованность работы Але Ахмада [Wells, 1982: 71, 75; Shiravand, 2015: 2–3], ее ценность состоит в том, что она, подчеркивая асимметричность отношений между Западом и Востоком, ставит перед собой задачу поиска иранской национальной идентичности [Goksel, 2019: 23]. Выход из создавшегося кризиса, по мнению Джалала, состоит в том, чтобы вывести Иран из-под западного влияния, сохранив тем самым исконные ценности иранского общества, а также ликвидировать в Иране социальную и экономическую несправедливость.

Для идеологических взглядов Але Ахмада характерна двойственность, вызванная «противоречием между его религиозным семейным воспитанием и позднее усвоенным западно-секулярным образом мышления» [Wells, 1982: 121]. Двойственность мировоззрения писателя, нашедшая отражение в его путевых заметках, связана, согласно концепции М. М. Бахтина, с «избирательным усвоением чужого слова, которое выступает, как авторитарное слово и как слово внутренне убедительное» [Бахтин, 1975: 154]. Авторитарное слово, которое М. М. Бахтин характеризует как «органически связанное с иерархическим прошлым, обособленное и инертное, то есть, не способное вступать в диалогические отношения со словом автора» [Бахтин, 1975: 155], не играет значительной роли в путевых заметках Але Ахмада о России, однако это не значит, что оно не представляет важности для мировоззренческой позиции автора. Таким авторитетным чужим словом для иранского писателя является слово священного Корана, оживающее в его памяти в моменты сильного душевного волнения, вызванного соприкосновением с теми или иными реалиями русской культуры. Помимо незыблемого авторитета Корана, во внутренних монологах Джалала звучит и другое «внутренне убедительное слово», с которым автор на протяжении всей книги ведет нескончаемый и неразрешимый диалог. Диалог этот обусловлен способностью внутренне убедительного слова «тесно сплетаться со «своим словом», пробуждать самостоятельную мысль и свободно развиваться, применяясь к новым обстоятельствам» [Бахтин, 1975: 158]. Сам этот диалог, который М. М. Бахтин называет «творческим развитием и испытанием внутренне убедительного слова» [Бахтин, 1975: 160] свидетельствует о стремлении автора обозначить его слабые стороны, разоблачить и, наконец, освободиться от него. Таким внутренне убедительным словом, с которым Джалал ведет борьбу в своих путевых заметках о России, стала для него коммунистическая идеология, когда-то сильно очаровавшая его и впоследствии не менее сильно разочаровавшая. Обе категории «чужого слова», представленные в путевых заметках Але Ахмада о России, отображают те или иные грани восприятия автором этой страны и играют важную роль в его размышлениях о сущности русского народа, его национальном характере и исторической судьбе.

Путешествие Джалала в Россию заставляет его пересмотреть ключевые положения советской идеологии, в частности, подвергнуть сомнению утверждение о полном разрыве с дореволюционным прошлым. Знакомство Джалала с историческим центром Москвы начинается с описания Красной площади и башен Кремля, притягивающих к себе писателя как магнит: «Рубиновые звезды Кремля на фоне темнеющего неба сверкали, как огненные цветы. Я пошел туда. Была четверть десятого. На западе небо было еще светлое, Красная площадь безлюдна, лишь какие-то люди по одиночке выходили из кремлевских ворот» [Al-e Ahmad, 1998: 49]. Красная площадь, как символ могущества империи, поражает воображение писателя. Несомненно, что она является для него неким сакральным символом, поскольку именно в этот момент в памяти Джалала оживает авторитарное слово — строки из Корана: «Куря, я ходил по брусчатке в центре площади, стараясь наступать ровно через каждые три камня. И тут мне вспомнились слова «Сними же свою обувь. Ты находишься в священной долине Тува»¹ [URL: <https://quran-online.ru/20/saadi>; Al-e Ahmad, 1998: 49]. Эти слова из Корана, обращенные к Моисею, напоминают иранскому писателю о той роли, которую сыграл Кремль не только в русской, но и в мировой истории, а также в его личной судьбе. Сравнение Красной площади со священной долиной побуждает Джалала объяснить свою мысль: «Сколько же великих событий, сколько людей и правителей помнит эта площадь и стены Кремля. Ушла одна религия, но ей на смену пришла другая. И все же сердце советской России бьется там же, где билось сердце России царской» [Al-e Ahmad, 1998: 49–50]. Попытки осмыслить прошлое великой империи приводят писателя к мысли о том, что несмотря на провозглашенный революцией решительный разрыв с прошлым, преемственность власти, основанная на воле народа, осталась неизменной:

Поколения сменяли друг друга, а эти стены, изначально деревянные, неоднократно разрушались пожаром. Затем вновь отстроенные в камне они стали сейчас средоточием новой власти (кстати, новой ли?). Но народ остался тем же — об этом говорят подвиги и беспримерное мужество, проявленное в годы войны. Как бы там ни было, на месте старой ортодоксии возникла новая [Al-e Ahmad, 1998: 50].

Здесь Джалал, подчеркивая роль коммунистической идеологии как «эмоционального и интеллектуального заменителя православного христианства» [Тойнби, 2009: 382–383], отмечает, что она сосуществует с прежней религией, утратившей власть, но продолжающей оказывать влияние на современность. Полагая, что сам Кремль со времен основания Москвы Юрием Долгоруким находится под юрисдикцией православной церкви, Джалал уверен, что он сохраняет эту роль по сей день. Молчаливым свидетелем этого является по мнению иранского писателя даже ленинский мавзолей: «Величественный мавзолей Ленина, находясь в тени кремлевской стены, всем своим видом говорил: даже победив церковь, мы по-прежнему находимся в ее тени...» [Al-e Ahmad, 1998: 50].

¹ Коран, сура Та Ха, аят 12: «Воистину, Я — твой Господь. Сними же свою обувь. Ты находишься в священной долине Тува».

Сомнения в том, что советская Россия разорвала все связи с дореволюционной Россией не оставляют иранского писателя на протяжении всего его пребывания в Москве. Так, во время посещения им Новодевичьего кладбища, где похоронены многие известные деятели русской культуры, он, любуясь прекрасными надгробиями и памятниками, размышляет:

Захоронения до революции и после нее расположены в строгой хронологической последовательности, друг за другом. Означает ли это, что кладбище является единственным местом, где встречаются прошлое и настоящее? Что оно является единственным связующим звеном между днем вчерашним и днем сегодняшним? Ведь эта связующая нить прервалась в мире живых [Al-e Ahmad, 1998: 105].

Эти сомнения перерастают в уверенность — уверенность в том, что коммунистическая идеология, в сущности, представляет собой новую религию, воздвигнутую на месте старой — когда Джалал рассматривает памятный обелиск, воздвигнутый неподалеку от кремлевской стены:

На небольшой площади возвышался обелиск, на котором были выбиты имена всех вождей новой религии: начиная от Маркса и Энгельса и заканчивая Плехановым. Всего двадцать имен. Но для чего все это? Ведь прежняя религия продолжает свою тайную растительную жизнь [Al-e Ahmad, 1998: 120].

Иранский писатель приходит таким образом к выводу, что, несмотря на ключевое положение советской идеологии о решительном разрыве с прошлым, дореволюционная и Советская Россия тесно сплетаются между собой, образуя уникальный синтез двух противоположностей.

Антизападная направленность заметок о Советской России Але Ахмада проявляется в активной критике недостатков советского строя. И здесь на первый план выходит способность внутренне убедительного чужого слова создавать проекцию в будущее, которую Бахтин характеризует так: «При испытании чужого слова стараются угадать и представить себе, как будет вести себя авторитетный человек при данных обстоятельствах и как он осветит эти обстоятельства своим словом» [Бахтин, 1975: 160]. Эта способность проявляется в размышлениях автора, посвященных недостаткам советского образа жизни и его главному бичу — бюрократии. Соответствует ли советская действительность тому миру, который мечтали построить основоположники научного коммунизма — вот вопрос, который не дает покоя иранскому писателю:

Медлительность в работе, важность бюрократических процедур, все эти очереди, двери, замки, препятствия, досмотры, вся эта бумажная волокита и бесконечные вопросы с двойным дном... Обо всем заботится и все гарантирует государство, и у людей нет страха потерять ежедневный хлеб насущный. Но одновременно утрачены инициативность

и дух конкуренции, нет необходимости к чему-то стремиться и чего-то добиваться, и поэтому снова и снова — ожидание в очередях, покорность и принятие. Замкнутый круг. Таким ли представляли себе новый мир Ленин и Троцкий? [Al-e Ahmad, 1998: 125–126].

Истоки бюрократии писатель видит в самой сущности советского строя, обратную медаль всеобщих социальных гарантий и его неизбежную темную сторону: «Не так давно я начал понимать значение слова «бюрократия», которую так ругают, говоря о русской политической культуре. Вся эта медлительность порождена надежностью неширокого потока финансовых благ — зарплаты, пенсии, ежегодного отпуска и т.д.» [Al-e Ahmad, 1998: 141]. Относительно безбедное существование простого народа не может удовлетворить Але Ахмада, ведь не в этом, по его мнению, была главная цель коммунизма. Отсутствие идеалов и высоких целей, стремление только к материальному комфорту и «сытому» благополучию, или хотя бы его видимости — типичное проявление западничества [Al-e Ahmad, 2006: 120], что повсеместно можно видеть и в России:

Насколько я мог заметить, контроль партии и ее влияние на жизнь народа с каждым днем ослабевают. А жизнь людей все больше приближается к современному уровню жизни на Западе. Власть машин привела к тому, что все стремятся только к материальному благополучию. Каждый думает только о себе, а гуманистические идеалы преданы забвению [Al-e Ahmad, 1998: 161].

Джалал приходит к выводу, что несмотря на все лозунги, революции не удалось совершить качественный культурный скачок, не удалось дать людям новые цели, ценности и смыслы. Новое искусство и наука, по его мнению, оказались бессильны соответствовать запросам нового общества. Советский народ одержим теми же материалистическими устремлениями, что и люди на Западе, а, следовательно, Советская Россия утратила право называться «мировым лидером революции» [Al-e Ahmad, 2006: 18]. Безбедное и сытое существование — вот его единственная цель, где мериллом успеха служит обладание материальными благами:

Таков русский народ — наивный и самоотверженный. Да, это великий народ. Но единственный повод для гордости у них сейчас — это полеты в космос. Ни искусство, ни философия, ни провозглашенные коммунистами лозунги и цели. Все стремятся иметь только квартиру получше, машины, одежду, аксессуары. Все эти высокие слова были принесены в жертву материальному благополучию... [Al-e Ahmad, 1998: 152].

Подмеченное иранским писателем сходство западного и советского общества неслучайно. На двойственную природу коммунизма обращает внимание и историк А. Дж. Тойнби, утверждающий, что он одновременно является и «реакцией русской души против западной цивилизации, и безжалостно-радикальной попыткой вестернизации русского общества» [Тойнби, 2009: 383]. Тойнби подчеркивает, что

стремление коммунистических лидеров догнать и перегнать Америку приведет к внедрению в русское сознание западных ценностей: «В этой упорной конкурентной борьбе между идеалами Ленина и методами Форда, которая происходит в наши дни в России, мы можем с нетерпением ожидать того, что доминирующее влияние западной цивилизации на русскую парадоксальным образом подтвердится» [Тойнби, 2009: 383]. На данное обстоятельство обращает внимание и Джалал Ахмад, которому во время пребывания в СССР бросается в глаза постоянное сравнение с Америкой: «В Русском музее две девушки, приняв Джонсона (спутника Джалала из Того) за американца, стали расспрашивать его: «Где лучше — в Америке или в России?» Пришлось их разочаровать, сказав, что Джонсон не американец» [Al-e Ahmad, 1998: 143–144]. Поначалу тема сравнения с Америкой вызывает у Джалала раздражение:

Экскурсовод, рассказывая о Рерихе, подчеркнула, что в Америке есть музей его имени... Никак не обойти эту тему — сравнение с Америкой. Такое ощущение, что советский народ идет в том же направлении, что и американцы! И эти девушки в музее туда же! Два этих мировых гегемона недалеко ушли друг от друга. Два сапога пара... [Al-e Ahmad, 1998: 144–145].

Однако, чем больше он размышляет над этим вопросом, тем быстрее понимает, что два этих антипода на самом деле не так уж сильно отличаются друг от друга:

Что ж, давайте посмотрим. Русские и американцы должны иметь между собой много общего. Простота, поддержка власти, любовь ко всему грандиозному, стремление упиваться своим величием, нежелание знать об остальном мире, независимость, ищущая опоры только на свои силы, незнание иностранных языков, стремление выставить напоказ свои достижения, поспешное создание традиций, выражающееся в стремлении противопоставить что-то сорокалетней давности чему-то, что имеет тысячелетнюю историю... [Al-e Ahmad, 1998: 146–147].

Прогресс, основанный только на технических достижениях, не несет счастья людям, ни в СССР, ни в США — делает вывод писатель:

Закрытые двери, темные коридоры, молчаливые люди, мало смеха на улицах, движение вызвано не столько радостью жизни, сколько стремлением сравниться с машинами. Последнее наверняка должно быть в Америке. Да и имеют ли смысл все эти обобщенные рассуждения? Наверняка нет. Но что делать, если два мировых гегемона устроили бешеную гонку, пытаясь не отстать друг от друга? [Al-e Ahmad, 1998: 147].

Бахтин подчеркивает, что смысловая незавершенность внутренне убедительного слова, его способность свободно развиваться, применяясь к новым обстоятельствам,

и пробуждать самостоятельную мысль обуславливают максимально свободное взаимодействие чужого слова с контекстом произведения, когда «тема» этого слова может зазвучать в контексте задолго до появления самого слова [Бахтин, 1975: 158–159]. Антизападная тема начинает звучать в путевых заметках иранского писателя еще на пути в СССР, когда Але Ахмад, находясь на пароходе, следующем в Баку, размышляет о цели и задачах будущего конгресса по этнографии. Поскольку сущность западного человека состоит, по мнению Джалала, в стремлении к экспансии и эксплуатации покоренных народов, он ставит вопрос о прямой связи между этнографией и колониализмом:

Я подумал о том, что, если мне нужно будет выступить с докладом на конгрессе, я начну его так: первые этнографы пришли по стопам Александра. Потом они пришли по стопам христиан, а позже — мусульман. Другими словами, этнографы всегда приходят вместе с армией завоевателей. Лучшим из них был Александр, а худшим — машины [Al-e Ahmad, 1998: 29].

Подчеркивая, что ученые служат интересам завоевателей, Але Ахмад, как и ряд других исследователей [Саид, 2006: 50; Фуко, 2004: 20; Blanton, 2002: 110] подчеркивает тезис «знание есть власть»: «Этнографические исследования связаны с тем, что великим завоевателям нужно узнать людей, которыми они собираются управлять. И русские, устраивающие сейчас в Москве такой конгресс — они тоже из этой категории» [Al-e Ahmad, 1998: 29]. Дальнейшие наблюдения писателя, как ему представляется, лишь подтверждают его предположения. Когда его советский коллега, участник конгресса в Москве, предлагает направить в Иран археологическую научно-исследовательскую экспедицию, Джалал размышляет про себя:

Интересно, почему, когда речь заходит об археологической экспедиции, поблизости можно услышать запах нефти? Взять хотя бы этого Жака Де Моргана² или Гиришмана³ — все они выполняли роль разведчиков, отрабатывающих задачи по обнаружению нефти или основанию нефтяных компаний. А теперь, видимо, настала очередь русских [Al-e Ahmad, 1998: 94].

Связь научно-исследовательских целей западных путешественников с задачами колониализма отмечают многие исследователи, так, например Е.Р. Пономарев пишет:

Некоторые исследователи полагают, что пик развития литературы путешествий практически совпадают с пиками колониализма: сначала это колонизирующий травелог (описание путешествия

² Жак Жан Мари де Морган — французский историк и археолог, который вел раскопки в Иране, Закавказье, Египте, Индии и других странах.

³ Роман Гиришман — французский археолог-иранист, выходец из Российской империи. Пионер археологических исследований в Иране.

по становящемуся миру вновь открытых колоний — литературное присоединение территорий к империи), затем травелог колониальный (описание путешествия по уже сформировавшимся колониям — закрепление колониального статуса территории) [URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/russkij-imperskij-travelog.html>].

Пытаясь анализировать отношения русского народа и других народов в рамках СССР, Але Ахмад исходит из убеждения, что «западный» народ, к которому он относит и русский народ, не может осуществлять справедливое правление по отношению к покоренным им народам. Здесь на его позицию по этому вопросу накладывается воспоминание о несправедливости, обрушившейся на него лично и мешающей ему дать объективную оценку советской действительности. Борьба с внутренне убедительным чужим словом реализуется здесь через анализ своих прошлых убеждений, ошибок, кризисных ситуаций:

Это огромная страна, чьим интересам я посвятил три или четыре года своей молодости, освещая ее экономику и политику от А до Я (как легко мы верили тогда всему, что пишут в книгах!) Затем наши пути разошлись, нас предали анафеме, и в течение 10 или 12 лет мы были объектом травли. Затем были другие потрясения — ситуация в Югославии и раскол в компартии Индии, XX съезд и Хрущев с его критикой сталинизма. Теперь же, приехав сюда по их собственному приглашению, я вижу, как они принимают меня — после всего, что было. Стало быть, все теперь в прошлом [Al-e Ahmad, 1998: 45].

Джалал с горечью констатирует, что это огромное государство идет своим путем, не замечая ни тех, кто его любит, ни тех, кто его ненавидит. Здесь иранский писатель прямо обвиняет СССР в колониальной политике по отношению к другим народам:

И вижу я здесь целый мир, огромный как море — не рай и не ад. Огромное государство, состоящее из сплава культур и традиций. И над всем этим возвышается русская культура. Которая идет своим путем, невзирая на чувства таких как я, независимо от того, любим ли мы ее или презираем. Она подобна наводнению, сметающему все, что встретится ему на пути — таковы русские. И таковы Советы, подмявшие под себя культуры прошлого и использовавшие их как основание для культуры собственной [Al-e Ahmad, 1998: 45–46].

Среди многочисленных народов, населяющих СССР, писателя в первую очередь волнует судьба Азербайджана и Средней Азии — территорий, еще сохранивших следы персидско-мусульманского влияния. Именно этот факт имел для Джалала первостепенное значение, поскольку, воспринимая жителей этих республик, как носителей родной для него культуры, он не мог оставаться беспристрастным наблюдателем. Знакомство с Россией начинается для писателя со знакомства с Азербайджаном, и этот факт сразу заставляет его задуматься над вопросом

самоидентификации азербайджанцев. С одной стороны, он не может не заметить их несомненного внешнего сходства с иранцами. В сущности, это первое, что бросилось ему в глаза во время прогулки в Национальном парке Баку: «Парк был полон народа. Меня окружали удивительно знакомые и близкие лица, как будто бы я находился в Тебризе⁴ или Казвине⁵» [с. 39]. С другой стороны, знакомство с азербайджанским переводчиком и разговор с ним заставляют его отметить типичное поведение «пленника западной традиции» (перс. *غرب زده*) — когда даже знание о самом себе выводится им из уст русских востоковедов [Al-e Ahmad, 2006: 127]:

Это был первый переводчик с фарси в моей жизни. Молодой человек, похожий на казвинца, лет двадцати семи. И он называет себя выпускником факультета востоковедения! Хотя его родина — окрестности Баку. Однако же, он не говорит «себяведение», он говорит «востоковедение... Конечно, он просто повторяет это за русскими... [Al-e Ahmad, 1998: 36–37].

Вопрос самоидентификации важен и для самого Джалала. Он словно чувствует невидимую преграду, разделяющую людей Востока и Запада, о чем свидетельствует следующий эпизод:

Вчера, после церемонии завершения конгресса я ждал своего гида у входа в Московский университет, когда из дверей вышла группа таджиков и узбеков. Это были участники конгресса. Они остановились на лестнице, чтобы сфотографироваться, и двое или трое из них подошли ко мне, предложив сфотографироваться вместе с ними [с. 124–125].

Невинный эпизод вызывает в душе Джалала целую гамму чувств, поскольку заставляет задуматься об оппозиции «свой — чужой»: «Когда мы фотографировались, я думал о том, почему среди них нет ни русских, ни европейцев? И почему из всех людей, выходявших и заходявших в здание университета, они пригласили именно меня? Неужели даже они чувствуют себя чужими рядом с русскими и европейцами?» [Al-e Ahmad, 1998: 124–125]. Данный пример свидетельствует о том, что так или иначе, Джалал ощущает свое родство с людьми Востока, четко идентифицируя себя как его представитель.

Потребность освободиться от культурной гегемонии Запада заставляет Джалала протестовать, наблюдая случаи излишнего преклонения перед западной (русской) культурой, особенно тогда, когда она принимается, как эталон или образец для подражания априори, без предварительного критического рассмотрения. Иногда это момент подчинения своей культуры культуре господствующего большинства, на что он обращает внимание при знакомстве с участником конгресса из Туркмении: «Студент этот был родом из Ашхабада, и звали его Сафар, правда, сейчас он

⁴ Тебриз — город на северо-западе Ирана, административный центр иранской провинции Восточный Азербайджан.

⁵ Казвин — город на севере Ирана.

изменил это имя на Сергей. Я вспомнил одного своего друга из Тегерана, по имени Хусейн. Он уехал потом в Америку, став Девидом» [Al-e Ahmad, 1998: 78]. Параллель с иранским другом, уехавшим в Америку и сменившим имя на типично американское, говорит о недооценке собственной культуры по отношению к культуре западной. Отношение представителей стран так называемого третьего мира к западной культуре как к образцу для подражания раскрывается автором и в следующем эпизоде. На этот раз иранский писатель пытается этому противостоять:

Мы с моим спутником из Сомали сидели за столиком гостиничного ресторана, пили чай, слушали музыку и беседовали. Разговор зашел о том, какой алфавит следует выбрать гражданам Сомали — латинский или арабский. В своей стране мой спутник является членом комиссии по рассмотрению этого вопроса, ведь у них, как и у большинства народов Африки, еще нет своей письменности [Al-e Ahmad, 1998: 135].

Джалал указывает, что основной аргумент его собеседника звучит так: «Нам будет удобнее заказывать печатные машинки, а европейцам будет дешевле и удобнее их продавать» [Al-e Ahmad, 1998: 136]. Считая такую аргументацию несерьезной, Джалал пытается его переубедить: «Я как мог пытался его вразумить, говоря: в конце концов, это же вы заказчик, а раз вы платите деньги, так по крайней мере, подумайте хорошо и убедите комиссию поддержать вас... Бесполезно. Он продолжал утверждать, что латиница — это мировой алфавит» [Al-e Ahmad, 1998: 136]. Джалал приводит цифры: «250 млн. русских, 450 млн. мусульман, 800 млн. китайцев и японцев, да еще индийцы — все эти народы не используют латиницу. Так отчего же латиница — мировой алфавит?» Джалал даже предлагает своему собеседнику выбрать китайскую письменность, поскольку именно ею пользуется большинство людей в мире [Al-e Ahmad, 1998: 136–137]. В ответ Джалал слышит, что поскольку территория Сомали была оккупирована итальянцами, представители образованного класса в этой стране в большинстве своем получили воспитание в рамках итальянской культуры, другие же (в том числе и его собеседник, учившийся в Оксфорде) — в рамках культуры английской. Наконец, Джалал сдается: «В конце концов я засомневался. По словам моего собеседника, он изучил все письменности мира (как это должно быть сложно!). Кроме того, он привел в пример Индонезию, выбравшую латиницу, и Малайзию, которая скоро последует ее примеру» [Al-e Ahmad, 1998: 137]. Данный эпизод свидетельствует о том, насколько негативно относится Джалал к бездумному принятию гегемонии западной культуры.

Поездка в Узбекистан снова наполняет душу Джалала противоречивыми чувствами. В Ташкенте Джалал Але Ахмад опять испытывает ностальгию. Пышная южная природа, жаркий климат, обилие фруктов, архитектура, хранящая следы ушедших эпох — все напоминает ему Иран. Старый город очень похож на Мешхед, а язык местных жителей обнаруживает сходство с языком тюркоязычных жителей Тебриза. Но, как и в Азербайджане, неблагоприятное впечатление производит на Джалала незнание местными жителями своих корней. Для него, связывающего культурную идентификацию с религией, языком и литературой [Wells, 1982: 90],

процесс русификации узбеков и таджиков равносильна разрыву со своими корнями. Во время посещения сквера, названного в честь Кафанова, одного из революционеров Узбекистана, он убеждается, что никто — даже экскурсоводы — не могут объяснить происхождение этой фамилии (перс. کفن — саван) [Al-e Ahmad, 1998: 198]. Во время прогулки по городу, остановившись купить кваса, Джалал слышит в очереди знакомую речь, знакомится с тремя молодыми таджиками и недолго беседует с ними на родном языке. Довольно скоро выясняется, что знания их поверхностны, они слышали о Фирдоуси, но ничего не читали из его поэзии, они не знают, где находится Балх, и ничего не слышали ни об Иране, ни о Тегеране. Джалал не может скрыть своего разочарования:

Они говорят, что они мусульмане, но не могут ответить, какому направлению (мазхабу) они принадлежат. Спрашиваю у них, о чем вы мечтаете? Кого из таджикских писателей знаете? Что означает Сырдарья? Но увы... Они бесконечно далеки от всего этого. Просто удивительно, как изменили мир эти Советы. А может они не очень понимали мой фарси? Хотя, видит Бог, я старался изо всех сил, по-разному задавая один и тот же вопрос [Al-e Ahmad, 1998: 217].

Не сомневаясь, что в таком положении виновата советская власть, Джалал с горечью продолжает: «Местная культура и литература — не связующее звено между поколениями, а нечто вроде украшения. Если копнуть поглубже, повсюду русское. Только видимость демократии и власти Советов» [Al-e Ahmad, 1998: 198]. Писатель спрашивает себя, не слишком ли он резок: «Ни в коем случае хочу обобщать... Да ведь я гость здесь, я принимал от них хлеб-соль. Но как я могу промолчать? Не попытавшись изменить эту огромную страну, построенную на фальши?» [Al-e Ahmad, 1998: 198].

Писатель убежден, что от исконной культуры народов Средней Азии ничего не осталось, а то, что осталось — лишь жалкое ее подобие:

Возьмём, к примеру, национальную одежду, которую носят узбеки. Но ведь она вся одинакова как униформа. И это все, что осталось от узбекской культуры? Где же все остальное? Что ещё осталось? А остался только язык, полностью исковерканный и переполненный русскими словами, пригодный разве что на то, чтобы использовать его на местных улицах, в полях и кофейнях [Al-e Ahmad, 1998: 188–189].

Джалал беспощаден в своей уверенности, что русские, как и прочие «западные» народы несут Востоку только эксплуатацию и утрату национальной культуры. Более того, рассуждает он, русские еще хуже, потому что они обманщики:

То, что я видел в Баку и то, что я вижу здесь... Просто русские раньше других великих государств придумали как можно завернуть эксплуатацию в красивую блестящую обертку. Создав видимость самоуправления, прославляя местных героев и местную культуру, они лишили все эти

братские республики их культуры и национальной идентичности. Разве не поэтому местные культуры утратили способность к сопротивлению? [Al-e Ahmad, 1998: 199]

Правда, при этом, размышляет Джалал, взамен они получили хлеб и кров, оросительные каналы и железные дороги. То есть то, что можно наблюдать повсюду в западном мире. Конечно, благосостояние рабочих и крестьян растет день ото дня, но какой ценой? «Ценой полного отрыва от своих корней», — делает неутешительный вывод писатель: «Марксу, так много рассуждавшему об алиенации⁶, следовало бы приехать в Ташкент и посмотреть, насколько превратно она была понята властью Советов» [Al-e Ahmad, 1998: 200].

Экскурсия в Самарканд, посещение гробницы Тамерлана и обсерватории Улугбека подтверждают общее сложившееся у Джалала впечатление о советской Средней Азии:

Девушка-таджичка, которая вела экскурсию, рассказала нам об истории города, упомянув, что Самарканд означает «богатый город». Но в переводе с какого языка — она не знала, и мне пришлось вмешаться и дополнить. Я видел, что мои объяснения, касающиеся этимологии слов, раздражают моих попутчиков и гидов. Но ведь слова — это единственное, что нам осталось. Нет больше тех Бухары и Самарканда, которые Хафиз готов был подарить за индийскую родинку своей возлюбленной. Что осталось от прошлого Самарканда, кроме названия? И разве название — это не единственное, что напоминает нам о его блестящей истории? [Al-e Ahmad, 1998: 255]

Вновь в монологах иранского писателя звучит убедительное когда-то чужое слово, с которым на протяжении всей книги ведет он борьбу, и писатель решительно выносит вердикт: «Несмотря на заветы классиков марксизма-ленинизма, которые мы в юности переводили на фарси и распространяли, Советам так и не удалось решить национальный вопрос» [Al-e Ahmad, 1998: 228–229]. При этом, разумеется, Джалал Але Ахмад не считает справедливым и общественный строй самого Ирана: «Разве не должна государственная система решать вопросы личного и социокультурного характера?» — спрашивает он. «Но они поступают точно так же, как мы поступаем с нашими тюрками и курдами. А значит их система ничем не лучше нашей» [Al-e Ahmad, 1998: 228–229].

И все же, несмотря на разочарование Джалала советской властью и результатами ее правления в Средней Азии и Закавказье, итоги его путешествия по советской Средней Азии нельзя назвать пессимистичными: «Возвращаясь из путешествия по Средней Азии, могу сказать, что я не чувствовал себя там чужим, благодаря окружающим меня простым людям, с которыми я мог общаться на родном для меня языке, я посетил много интересных мест, что пробудило во мне частично угасшие

⁶ Отчуждение (от лат. Alienatio). Философский и экономический термин.

чувства» [Al-e Ahmad, 1998: 265]. В то же время, вновь напоминают о себе разрушенные иллюзии и несбывшиеся мечты молодости:

Сожаление мое носит двоякий характер: одно из них — сожаление по давно минувшим временам, а второе — по прошлому не столь отдаленному (дням моей юности). Правление русских отрезало народ от его истоков, дав ему взамен хлеб насущный; они проложили трамвайные линии и каналы, преобразили пустыню, построили оперные театры и повернули вспять реки. Но нет уже того Самарканда, который воспевали наши поэты. А другая моя печаль — по мечтам моей юности. Которые говорят теперь со мной только со страниц книг... И обе эти печали — о том безвозвратно ушедшем мире, которого больше нет [Al-e Ahmad, 1998: 265–266].

Несмотря на обилие критики в адрес Советского Союза, было бы неверно представлять себе, что Джалал Але Ахмад только и делал, что критиковал советскую действительность. Очень многое в СССР заслужило его положительную оценку и восторженные отзывы. Джалал дает подробное описание того, что ему понравилось в СССР: величие Красной площади и кремлевских стен, красота архитектуры Москвы и Санкт-Петербурга, древности Азербайджана и Средней Азии, напомнившие ему о Родине, интерьеры гостиниц и приемных залов, дома культуры и библиотеки, музеи и театры, университеты и Академия наук. Джалала поразило обилие книг в домашних библиотеках тех официальных лиц, которых он посещал с визитом. Он восхищен прекрасным качеством книгопечатания, в том числе редких и древних книг, подаренных ему на конгрессе. Он подробно описывает меню гостиничных ресторанов. Он любит русскую природой, он дает высокую оценку концертам, балетам и операм, на которых ему довелось побывать. Он не может не отдать должное тому размаху, с которым советская власть осуществила преобразования в стране и улучшила жизнь людей, сделав общедоступными образование, медицину и культуру. Но одновременно не следует забывать и о том, что главной целью путевых заметок Джалала остается разоблачение «западничества», которое в его глазах является цивилизационным тупиком, поскольку не дает человеку истинных ценностей и разрывает его связь с предыдущими поколениями.

На прощальном вечере, устроенном Академией наук в честь иностранных гостей, Джалал подводит итоги своего пребывания в СССР:

Звучали благодарственные речи, слова признательности, тосты, надежды на развитие и упрочение отношений двух стран... Я вспоминал о конституционных преобразованиях начала XX века, когда с социального Кавказа до Ирана доносились революционные веяния, затем были две мировые войны и обоюдный разрыв отношений между Ираном и СССР. Бог с ними, с несбывшимися надеждами. Мы ведь не единственные, кто пожертвовал своими идеями ради интересов старшего брата.

А теперь двери снова открыты. Посмотрим вытянем ли мы на этот раз счастливый билет [Al-e Ahmad, 1998: 266–267].

Так завершается борьба с внутренне убедительным чужим словом, отраженная в путевых заметках писателя о Советской России и свидетельствующая о стремлении Джалала освободиться от западного влияния и противопоставить себя ему. Исламская революция, произошедшая в Иране, через 15 лет после описываемых Але Ахмадом событий, поставит решительную точку в западном векторе развития страны и поведет иранское общество по новому пути.

Источники иллюстративного материала

1. *Al-e Ahmad, Jalal*. Safar-e Roos (Pers). Tehran, “Firdaws”, 1377/1998.
2. *Al-e Ahmad, Jalal*. Gharb Zadegi (Pers). Tehran: “Khorram”, 1385/2006.
3. *Al-e Ahmad, Jalal*. Matalan Sarh-e Ahwalat (Pers). Tehran: Ravaq. 1343/1964.
4. Clinton J. W., Al-e Ahmad, Jalal [in:] Encyclopaedia Iranica, ed. E. Yarshater, <https://www.iranicaonline.org/articles/al-e-ahmad-jalal-1302-48-s> (access: 20.06.2021)
5. Коран [Электронный ресурс]: <https://quran-online.ru/20/saadi> (дата обращения 24.11.2021)
6. *Пономарев Е. Р.* Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. № 2. 2017 [Электронный ресурс]: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/russkij-imperskij-travelog.html> (дата обращения 10.11.2021).

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Москва, «Художественная литература», 1975.
2. *Саид, Эдвард В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: «Русский Мир», 2006.
3. *Тойнби А.* Исследование истории. Т. 1. Москва. 2009.
4. *Фуко, Мишель.* Археология знания. Санкт-Петербург, 2004.
5. *Anja Pistor-Hatam* (2007) Writing Back? Jalal Al-e Ahmad’s (1923–69) Reflections on Selected Periods of Iranian History, *Iranian Studies*, 40:5 (Dec., 2007), pp.559–578, DOI: 10.1080/00210860701667597
6. *Blanton, Casey.* Travel Writing. The Self and the World. New York: Routledge. 2002.
7. *Forsdick, Charles; Kinsley, Zoe; Walchester, Kathryn.* Key Words for Travel Writing Studies: A Critical Glossary. London: Anthem Press. 2019.

8. *Goksel, O.* Defying the System: The Origins of Anti-Westernism in the Non-Western World and the Case of Iran. *Turkish Journal of Middle Eastern Studies*. Vol.6, #2, pp.13–42. DOI: 10.26513/tocd.581276
9. *Nezafat, Jalal; Tohidfam, Mohammad.* Comparison of the Views of Jalal Al-e Ahmad and Edward Said about the Dual East-West and Identity // *European Journal of Political Science Studies*. Volume 2. Issue 2. 2019. Available on-line at www.oapub.org/soc. DOI: 10.5281/zenodo.2535606.
10. *Shiravand S.*, Sovereignty without Nationalism, Islam without God: A critical Study of the Works of Jalal Al-e Ahmad, Phd Thesis, Dept. of Sociology, University of Alberta, 2015.
11. *Wells, R.* Jalal Ale Ahmad. Writer and political activist. Thesis submitted to the University of Edinburgh for the Degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Arts, May, 1982. 293p.

Sources of Illustrative Material

1. *Al-e Ahmad, Jalal.* Safar-e Roos (Pers). Tehran, “Firdaws”, 1377/1998.
2. *Al-e Ahmad, Jalal.* Gharb Zadegi (Pers). Tehran: “Khorram”, 1385/2006.
3. *Al-e Ahmad, Jalal.* Matalan Sarh-e Ahwalat (Pers). Tehran: Ravaq. 1343/1964.
4. Clinton J. W., Al-e Ahmad, Jalal [in:] *Encyclopaedia Iranica*, ed. E. Yarshater, <https://www.iranicaonline.org/articles/al-e-ahmad-jalal-1302-48-s> (access: 20.06.2021)
5. Quran [Electronic resource]: <https://quran-online.ru/20/saadi> (access: 24.11.2021)
6. *Ponomarev E. R.* Russian Imperial Travelogue//*New Literary Review*. No.2. 2017 [Electronic resource]: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/russkij-imperskij-travelog.html> (access: 10.11.2021).

References

1. *Bakhtin M. M.* Voprosy literatury i estetiki. Moscow, “Khudozhestvennaya Literatura”, 1975.
2. *Said, Edward V.* Orientalism. Western concepts of the East. St. Petersburg: “Russky Mir”, 2006.
3. *Toynbee, Arnold J.* A Study of History. Vol.1. Moscow: AST. 2009.
4. *Foucault, Michel.* The Archaeology of Knowledge. St. Petersburg, 2004.
5. *Anja Pistor-Hatam* (2007) Writing Back? Jalal Al-e Ahmad’s (1923–69) Reflections on Selected Periods of Iranian History, *Iranian Studies*, 40:5 (Dec., 2007), pp.559–578, DOI: 10.1080/00210860701667597

6. *Blanton, Casey*. Travel Writing. The Self and the World. New York: Routledge. 2002.
7. *Forsdick, Charles; Kinsley, Zoe; Walchester, Kathryn*. Key Words for Travel Writing Studies: A Critical Glossary. London: Anthem Press. 2019.
8. *Goksel, O*. Defying the System: The Origins of Anti-Westernism in the Non-Western World and the Case of Iran. Turkish Journal of Middle Eastern Studies. Vol.6, #2, pp.13–42. DOI: 10.26513/toed.581276
9. *Nezafat, Jalal; Tohidfam, Mohammad*. Comparison of the Views of Jalal Al-e Ahmad and Edward Said about the Dual East-West and Identity // European Journal of Political Science Studies. Volume 2. Issue 2. 2019. Available on-line at www.oapub.org/soc. DOI: 10.5281/zenodo.2535606.
10. *Shiravand S.*, Sovereignty without Nationalism, Islam without God: A critical Study of the Works of Jalal Al-e Ahmad, Phd Thesis, Dept. of Sociology, University of Alberta, 2015.
11. *Wells, R*. Jalal Ale Ahmad. Writer and political activist. Thesis submitted to the University of Edinburgh for the Degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Arts, May, 1982. 293p

Информация об авторе

Юлия Григорьевна Штых — аспирант Восточного факультета СПбГУ.

Email: shtykh.yuliiia@gmail.com

Author's Information

Iuliia G. Shtykh — PhD student, Department of Oriental Studies, St. Petersburg State University

Email: shtykh.yuliiia@gmail.com

СЕКЦИЯ 3
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Некоторые проблемы изучения советского нациестроительства в Центральной Азии

Аннотация: История советского нациестроительства в Центральной Азии получила разнообразные интерпретации: в странах региона она чаще всего увязана с актуальными этнополитическими установками, другие историки используют довольно разнообразные концепты и фокусы проблематизации. Автор характеризует основные концептуальные подходы и тематические приоритеты историков региона, России и других стран. Характерной чертой мировой историографии советского нациестроительства становится междисциплинарность, рост внимания к роли факторов, которые оказывали социокультурное воздействие на переход от традиции к модерности. Достижения в анализе этнополитической истории советского периода связаны с введением в научный оборот новых источников, уточнениями и более глубоким пониманием некоторых важных вопросов взаимодействия центра и национальных элит, главным образом в 1920–1930-е гг., драматических событий коллективизации и репрессий в отношении этноэлит, развитием просопографии как части историографического поля центральноазиатской историографии. Отмечается, что этноцентристская направленность и географическая локализация, преобладание концепта тоталитаризма, примордиалистский подход к изучению этничности, виктимизация в рамках репрезентации прошлого существенно ограничивают познавательный процесс. Выделены некоторые проблемы истории советского нациестроительства, требующие большего внимания. Важно исследовать, как формировалось и налаживалось организационно-политическое сотрудничество центра и республик в условиях поиска оптимального баланса общегосударственных и этнорегиональных интересов, адаптации моделей политического поведения рекрутируемых в аппарат управления представителей разных поколений этнических активистов к требованиям развивающейся советской государственности, степень и масштабы ее унификации или модификации под воздействием этносоциальных факторов и особенностей, новационных и инерционных черт политической культуры каждой из социальных групп (Библиогр. 57 назв.).

Ключевые слова: историография, советская национальная политика, Центральная Азия, нациестроительство

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Some problems of studying soviet nation-building in Central Asia

Summary: The history of Soviet nation-building in Central Asia has received various interpretations: in the countries of the region, it is most often linked to current ethnopolitical attitudes, other historians use quite diverse concepts and focuses of problematization. The author characterizes the main conceptual approaches and thematic priorities of historians of the region, of Russia and other countries. A characteristic feature of the world historiography of Soviet nation-building is interdisciplinarity, as well as an increase in attention to the role of socio-cultural impact on the transition from tradition to modernity. Achievements in the analysis are associated with the introduction of new sources, understanding of some issues of interaction between the center and national elites, events of collectivization and repression against ethnoelites, the development of prosopography. The predominance of analytical tools by the concept of totalitarianism, the primordialist approach to the study of ethnicity, the victimization of the representation of the past significantly limit the cognitive process. Some problems that require closer attention are proposed. It is necessary to investigate how the organizational and political cooperation of the center and the republics was formed and established in the search for an optimal balance of national and ethno-regional interests, adaptation of models of political behavior of ethnic activists recruited to the administrative apparatus of the developing Soviet statehood, the degree and scale of its unification or modification under the influence of ethno-social factors and features, innovative and inertial features of the culture of each of the social groups (Refs 57).

Keywords: Historiography, Soviet national policy, Central Asia, nation-building

Этнополитика в СССР представляет интерес с точки зрения преемственности и модификации определенных моделей политики в постимперской ситуации. Большеви́стский проект, как и несостоявшиеся этнополитические проекты модернизации, был «западническим» по смыслу предлагавшегося образа прогресса. Практические попытки соединить эти идеи с разноликой этносоциальной реальностью в 1920–1930-е гг. выразились в региональных вариациях взаимозависимости и взаимодействия. В СССР состоялась оригинальная, единая и непрерывная во взаимосвязи с прошлым и будущим история регионов, народов и страт как компонентов совместного социально-культурного и политического пространства. При этом версия о «внешнем» характере советской системы вряд ли уместна. Она целенаправленно создавалась представителями всех народов для непосредственного встраивания самоопределившихся субъектов во все политические и иные институты федерации, как и интернациональная номенклатура — ключевой актор перехода народов СССР от традиции к модерности.

После 1991 г. советское нациестроительство постепенно стало одним из важных центров исследовательского внимания. В отношении стран Центральной Азии эта проблематика получила разнообразные интерпретации: в самом регионе она чаще всего увязана с актуальными этнополитическими установками, другие используют довольно разнообразные концепты и фокусы проблематизации. Понятие «нациестроительство» трактуется достаточно широко: от собственно эволюции традиционных обществ к обретению основных свойств современной нации по воле и под контролем советского государства до самых разнообразных событий, сопровождавших этот противоречивый по многим причинам процесс.

В центральноазиатской историографии используется упрощенное, заключенное в рамки предложенного властью дискурса противопоставление современности советскому периоду, вполне в большевистской логике радикального разрыва с недавним прошлым как абсолютным злом. Историография стран региона встроена в концепты тоталитаризма и модернизации, наиболее удобные для такой реинтерпретации минувшего. Конструирование образа советского прошлого как преемственного имперскому в их «колониальной» сущности находится в центре, обеспечивая новое нациестроительство. Сторонники школы тоталитаризма активно поддерживают подобные трактовки в рамках «деколониального поворота», более или менее поновляя лексикон. Их внимание сосредоточено на сюжетах, создающих образ «золотого века» в истории государственности народов, предшествовавшего советскому периоду и связанного с пребыванием в Российской империи. В описании практик нациестроительства доминируют травматизация и виктимизация исторической памяти, мифологическая идеализация этноцентризма, включая жертвенное и героическое сопротивление «колониализму, подавлению и искоренению» этнической самобытности, деградацию всех областей народной жизни [Голованов, 2001, Курманов, 2005, Кыдыралина, 2008, Койгельдиев, 2009]. Именно конкретные события, прежде всего в довоенный период, привлекают внимание, но упускается анализ сути и объективного значения трансформаций социальной

структуры и качества жизни, модернизации экономики и культуры для изменения идентичности (от религиозной к светской, от традиционной к современной, от этнической к гражданской), включая внутриэтнические иерархии. Обращается внимание на асимметрию властных отношений между центром и периферией с уклоном в пользу центра. Объясняется: власть лишь предъявляла обществу чрезмерные требования, «властные притязания и методы большевиков» были совершенно одинаковы во всех регионах СССР [Киндлер, 2017: 8, 23]. Это может привести к этноцентристской оценке роли «европейцев» как носителей злонамеренной имперской/советской системы управления, культуры и ценностей. Впрочем, плотно насыщенная этносоциальная и культурная реальность, переплетая стереотипы, традиционные модели поведения, адаптированные национальные способы организации жизни, сетевые взаимосвязи и ценности, оказывает инерционное влияние на все процессы и страты, включая этнополитическую элиту.

Версия модернизации используется менее активно [Абылхожин, 1991, Мустафаев, 2012, Гафаров, 2013]. Интеграция ученых в аналитическое пространство мировой историографии чаще инициируется вне официальных институций. Амбивалентное сочетание модернизирующих и гомогенизирующих практик анализируют Ш. Кадыров [Кадыров, 2005], [История общественно-политического реформаторства, 2012], Б. Касымбекова [Kassymbekova, 2016], а также Т. Мартин [Мартин, 2011], И. Оайон [Оайон, 2009], К. Аллез [Hallez, 2000], рассматривая специфику этносоциальной ситуации, повлиявшую на характер и процесс советской модернизации. Развивается идея О. Хлевнюка о непродуктивности упрощенного подхода к анализу взаимоотношений центра и лично И.В. Сталина и региональных руководителей [Хлевнюк, 2003]. Значительное место занимает анализ эволюции советской этнополитики, истории мусульманских движений и их лидеров и др. Т.Ю. Красовицкая [Красовицкая, 1992, 2006], В.Г. Чеботарева [Чеботарева, 2008], [История народов России, 2009], А.Д. Васильев [Васильев, 2016], С.М. Исхаков [Исхаков, 2018], Д.А. Аманжолова [Аманжолова, 2019], В.С. Христофоров [Христофоров, 2019], а также Дж. Смит [Smith, 2001], А. Хауген [Haugen, 2003], Э. Шатц [Schatz, 2004], Ф. Хирш [Hirsch, 2005], М. Пейн [Пейн, 2011] изучают разные аспекты взаимодействия центра и этнополитических элит, внутри- и межэтнические конфликты, неформальные субэтнические связи и степень участия государства в конституировании групп с разными политическими и культурными целями. Роль джадидизма как альтернативы советскому нациестроительству исследуют историки региона [Агзамходжаев, 2006, Абдуллаев, 2016], А. Халид — на примере Узбекистана [Khalid, 2015].

Локальный нарратив не встраивается в общесоюзный, частное отрывается от целого, ограничиваясь этноцентристским дискурсом. Хотя включение историй советских республик и их народов в общий контекст вскрывает сходства и различия в практиках форматирования наций и модернизации. Одновременно анализ содержания и специфики нациестроительства в регионе с включением в целостное культурно сложное пространство позволит уточнить, как на разных уровнях

политической системы в наличной социокультурной реальности формировался федеративный облик страны. Без детального изучения существа организационно-партийной деятельности, системы и опыта реализации масштабных проектов центра, формирования многочисленного слоя управленцев трудно понять, как состоялась многонациональная держава и какова в этом роль элиты республик. Это привлекает внимание зарубежных авторов [Kivelson, Suny, 2017, Абыкаева-Tiesenhausen, 2018]. С. Камерон утверждает: в ходе коллективизации и оседания «Москва пошла на исключительные усилия, чтобы превратить казахов в нацию». Изучение голода связывается с актуальной политикой, не учитывается его травматический след для идентичности не только казахов или украинцев. Уникальная жесткости власти [Камерон, 2020: 19, 166, 167] проявилась и в отношении всех других народов, и утрата кочевого образа жизни не была исключительным фактором трансформации идентичности. М. Ларуэль верно отмечает: советскость была национальной и локально закреплённой, а позиционирование людей как жертв, пассивных объектов истории, которую они сами не создавали, — опасно [Ларуэль, 2018].

Популярность просопографии обеспечила создание портретов лидеров республик, но этого мало для понимания того, как сложно устроенные этносоциальные сети адаптировались к требованиям советского проекта. Востребовано направление этносоциологии, которое активно развивалось благодаря усилиям Л.М. Дробижевой [Дробижева, 2010]. Анализ качественных изменений в социальной структуре обществ, взаимоотношений между основными социальными группами важен для учета инерционных эффектов советской реальности.

Значительное место занимает исследование эволюции советской этнополитики и «положительной деятельности» союзного центра в отношении народов [Simon, 1991, Слёзкин, 2001, Кадио, 2011, Мартин, 2011], сущности федерализма [Государство наций 2001], истории национальных движений [Bennigsen, Wimbush, 1979, Uyama, 2000, Hallez, 2000], эволюции этноидентичности [Smith, 2001, Dave, 2011]. Характерной чертой современной историографии советского нациестроительства становятся междисциплинарность, рост внимания к роли социокультурных факторов перехода от традиции к модерности [Мелентьев, 2020, Дрие, 2021]. Антропологический взгляд на адаптацию этнических паттернов в жизнедеятельности узбекского кишлака дал С. Абашин, однако проигнорировав решающую роль партийных институций и их акторов [Абашин, 2015]. Халид справедливо критикует среднеазиатских историков за ограниченное восприятие и трактовку истории создания республик и наций, необоснованное противопоставление местных элит центру. Он показал важную роль местных кадров, интеллектуалов и политактивистов в советском нациестроительстве. Его самыми организованными и целеустремлёнными акторами были лидеры узбекской и казахской интеллигенции, что породило в ее среде и жаркие дебаты по поводу границ новых республик. Портят впечатление фактические ошибки: Омск никогда не был столицей Казахской АССР, С. Асфендиаров не был членом ЦК ВКП(б), С. Ходжанова не стоит путать с Ф. Ходжаевым [Халид, 2021].

Остается востребованным изучение позднесоветского периода, специфики подходов центра и национальных элит к интеграции традиционных этносообществ в модернизированный контекст культурно сложного общества. Необходимо исследовать организационно-политическое сотрудничество центра и республик в поиске оптимального баланса интересов, модели поведения рекрутируемых в аппарат управления разных поколений этнических активистов, советский способ институционализации субъектов федерации как решающий в формировании современных наций. Упускаются межэтнические отношения как объект изучения. Дискуссионными остаются вопросы национально-территориального размежевания и роли государства в создании современных наций, которые не вписаны в общую историю федерализма. Большое значение имели степень и масштабы его унификации или модификации под воздействием этносоциальных факторов и особенностей, новационных и инерционных черт политической культуры каждой из социальных групп. «Советской цивилизации» удалось придать традиционному политико-культурному пространству новую определенность, сделать этот тип модерности равноправной альтернативой западному ее варианту.

Изучение объединительных процессов как существенной базы образования страны не включает до сих пор анализ мотивов освоения русского языка в полиэтничном регионе как действенного средства социальной мобильности. Национальные историографии сосредоточены на теме оппозиции имперской и советской власти, упуская из виду культурный прогресс посредством созданных при непосредственном участии национальных деятелей основ письменности. Требуют исследовательской реновации проблемы межэтнических взаимоотношений в республиках региона, роль урбанизации в создании современных наций, вклад союзного центра и представителей нетитульных народов, прежде всего русского, в мощную модернизацию экономики, транспортных сетей, образования, науки, здравоохранения, культуры и формирование национальных кадров для всех этих сфер.

Как верно заключают российские историки, «в советском идеологическом дискурсе конструировалась сложная система идентичностей, в которой находили место и примирялись лояльности и политического, и социального, и культурного характера» [Базаров, 2017: 285], в т.ч. в центральноазиатском регионе. Для адептов «новой имперской истории» советский режим не смог предложить гражданам позитивного сценария, где этническая, конфессиональная и гражданская идентичности включались бы в единый нарратив советскости без необходимости цензурировать ту или иную [От редакции, 2018]. Но складывание и существование советскости как социально-культурного феномена в его преемственной связи с прошлым и настоящим на примере республик региона пока не изучено.

Этноидентификационные критерии не потеряли значения, власть поддерживала масштабные социально-культурные преобразования, а субъекты федерации и активная пропаганда связывали этничность с принципами социализма. Эдгар подметила: при различиях в понимании конкретных целей создания государственности между элитой и центром, растущее значение этноидентичности сопровождалось

осознанием ее параметров в понимании самих туркмен. Власть, не вполне четко представляя законченный облик социализма, целенаправленно действовала в интересах смены прежней отсталости советской модерностью, включая большевистски понимаемые ценности и нормы, интернационализм и равенство, в т. ч. гендерное, социальную реструктуризацию и подъем экономики, что отличало СССР от других империй [Edgar, 2004: 8, 10].

Формирование общесоветской/гражданской идентичности в ее реальном воплощении в культурно сложном обществе не сводилось к «новому чувству преданности, зиждущемуся на принадлежности советскому обществу» [Бранденбергер, 2017: 36], а идентичность и патриотизм — не равнозначные понятия. К тому же, еще совсем немногие в ряде регионов знали русский язык. Как они воспринимали «руссоцентризм», например, в кино — самом массовом тогда инструменте пропаганды? Множественная идентичность личности — явление не только современное. Н. Пианчола предлагает ценные аргументы: даже если с середины 1930-х гг. русский национализм играл новую и более активную роль в государственной идеологии, политический проект Сталина оставался гомогенизирующим для всего общества. Он был направлен на создание современного государства на основе однородных учреждений и общих культурных черт «советского народа» на всей территории СССР и в значительной степени удался [Pianciola, 2016: 87].

Р. Суни видит «специфически советскую субъективность, которой удалось оценить этническую культуру человека, впитать и даже сохранить ценности и нормы советской жизни» и утверждает: создание советской нации не было линейным процессом. Это хорошо показано российскими историками. Он называет СССР государством-империей и государством наций, спрашивая, «стал ли СССР своего рода нацией; насколько глубокими были эмоциональные узы, которые связали вместе различные народы в единое аффективное сообщество?» [Суни, 2014: 25, 27, 35–40]. Но роль межэтнических коммуникаций в наполнении новыми свойствами частного самоопределения и социального мироощущения, неформального социального контроля и пр., в т. ч. в Центральной Азии, почти не привлекает внимание. Полезным представляется акцент Суни на нюансах «эмоциональных уз» у разных народов, в т. ч. в поликультурном центральноазиатском регионе.

Образ нового человека в его советской идентичности, обретавший самооценку через совокупность предоставляемых властью инструментов реализации, возвышался благодаря колоссальной роли признаваемых необходимыми образно-эмоциональных компонентов этнокультур. Наднациональная идентификация и общность в СССР возвышались над остальными проявлениями индивидуального и коллективного самосознания, в т. ч. национального [Левада, 1993: 131]. В системе мер конструирования советскости важную роль играли и новые представления о социальных проявлениях престижа, статусные позиции, модели поведения в особо ярких формах их демонстрации. Прямо или косвенно они противопоставлялись прежним практикам духовной и гражданской идентификации через совокупность символов и образов, общественно полезных акций, стандартов

социальной солидарности. Интерпретация настоящего как объективно востребованного и желаемого опиралась на разнообразные инструменты характеристики прошлого, в т. ч. духовного, как окончательно завершенного и уже непригодного. Но как конструировалась и чем была советскость в ее узбекском, казахском, таджикском и т. д. изводах?

Дж. Бурбанк считает: в СССР практика культивирования национальных различий была основной в управлении. «Дружба народов» как идеологический стандарт сочеталась с мобилизацией кадров из этнических групп, контролируемых через однопартийную систему и «полицейский контроль», формальное деление государства на национально-государственные единицы. Она предлагает учитывать множество форм, в коих власть осуществляется через пространство [Burbank, 2018: 11–13]. Народы СССР, обладая государственностью в иерархической федерации и не имея ее, были и неотъемлемой частью общесоветского культурно-политического целого. Приватные проявления дружбы народов как адаптивного инструментария — часть повседневной практики огромного большинства. Складывание наднациональной общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации, не привело к исчезновению традиционных культур. Происходило пересечение и наложение разных культурных, политико-правовых, психологических, поведенческих, бытовых практик, хотя власть использовала лишь инструментальный подход в декларации гуманитарных принципов национальной политики. «70 лет советской истории не были простой деформацией национальной исторической традиции или только искусственным экспериментом». Советскость — «скорее продолжение российской исторической традиции, чем ее отрицание и преодоление» [Афанасьев, 1997: 11]. Уникальное совмещение сотрудничества и оппозиции характеризовало советского человека, соединяя приверженность наднациональной общности с консервативными моделями поведения и системой ценностей [Морен, 1995, Булдаков, 1997]. Неоднозначные внутри- и межэтнические процессы в истории народов рождали сложные и переплетавшиеся стратегии и тактики управления и жизнеустройства. Советское нациестроительство отчетливо доказывает это, и его анализ на примере центральноазиатского региона остается важным полем исследовательских коммуникаций.

Список литературы

1. Абагин С. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 848 с.
2. Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент: «Adabiyot uchqunlari», 2016. — 281 с.
3. Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации: (1926–1930 гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 240 с.

4. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии / Отв. ред. Д. А. Алимова; Институт истории АН Республики Узбекистан. Ташкент: «Тотикент ислом университета», 2006. — 268 с.
5. Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг. М. — СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 480 с.
6. Афанасьев Ю. Н. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. — 510 с.
7. Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Abimperio*. 2016. № 4. С. 207–255.
8. Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. — 407 с.
9. Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55–76.
10. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, О. В. Бураева, П. К. Варнавский, С. В. Кириченко, Л. В. Курас, С. Ю. Лепехов, Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. — 315 с.
11. Васильев А. Д. Аэроплан «Октябрьский алфавит». Новые источники по истории реформы тюркских алфавитов в СССР в 20–30-е гг.». Астана: Международная тюркская академия, 2016. — 681 с.
12. Гафаров Н. У. Роль и место джадидизма в развитии просвещения и духовной культуры народов Средней Азии. Душанбе: б. и., 2013. — 248 с.
13. Голованов А. Утверждение советской государственности в Туркестане и ее последствия // *Очерки по истории государственности Узбекистана*. Ташкент: «Шарк», 2001. С. 191–206.
14. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Президентский центр Б. Н. Ельцина: РОССПЭН, 2011. — 374 с.
15. Дрие Х. Кинематограф и антирелигиозная политика: секуляризация, индустрия развлечений и экономическая целесообразность // *Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова)*. СПб: Алетейя, 2021. С. 551–561.
15. Дрие Х. Кинематограф и антирелигиозная политика: секуляризация, индустрия развлечений и экономическая целесообразность // *Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова)*. СПб: Алетейя, 2021. С. 551–561.
16. Дробижева Л. М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // *Вестник Института социологии РАН*. 2010. № 1. С. 429–442.

17. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века) / Р. Абдулаев, Д. Алимова, И. Багирова, Ж. Ермакбаев, И. Сулаев, Ш. Рахманзаде, Д. Кежаев, М. Зейналова. Самарканд: МИЦАИ, 2012. — 335 с.
18. История народов России в исследованиях и документах. Вып.3. М.: ИРИ РАН, 2009. — 290 с.
19. Исхаков С.М. Гражданская война и мусульмане // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.-СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2018. С. 361–407.
20. Кадио Ж. Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 336 с.
21. Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: Политическая энциклопедия, 2017. — 382 с.
22. Кадыров Ш. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2005. № 4 (30). С. 202-235.
23. Камерон С. Голодная степь. Голод, насилие и создание Советского Казахстана. М.: НЛО, 2020. — 212 с.
24. Красовицкая Т.Ю. Власть и культура: Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством. М.: Наука, 1992. — 298 с.
25. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 гг.). М.: ИРИ РАН, 2007. 448 с.
26. Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х годов. Алматы: Искандер, 2009. — 342 с.
27. Курманов З.К. Национальная интеллигенция 20-30 годов: вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом. Бишкек: б.и., 2005. — 378 с.
28. Кыдыралина Ж.У. Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX век). Астана: Акад.гос.упр. при Президенте РК, 2008. — 543 с.
29. Марлен Ларуэль: Нужен не отказ от мономифа, а многоголосие нации. 27 сентября, 2018 г. Немономиф, 1, 2018 // <http://esimde.org/archives/1093> (дата обращения: 22.10.2021).
30. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939 гг. РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.
31. Мелентьев Д. Воображая раскрепощение мусульманок советского Туркестана // ISLAMOLOGY. 2020. Т. 10. № 1. С. 84–104.

32. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М.: Наука для общества, РГГУ, 1995. — 220 с.
33. Оайон И. Седентаризация казахов в СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.). Алматы: Санат, 2009. — 365 с.
34. От редакции. Гибридная природа чистых форм // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 15–21.
35. Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М.: Российская энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 273–309.
36. Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология*. Самара: «Самарский университет», 2001. С. 329–370.
37. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: «Мировой океан», 1993. 300 с.
38. Суни Р. Советское и национальное: единство противоречий // *Советские нации и национальная политика в 1920 – 1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции*. Киев, 10-12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 17–40.
39. Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // *Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова)*. СПб: Алетейя, 2021. С. 395–415.
40. Хлевнюк О. Система центр-регионы в 1930-1950-е годы // *Cahiers du monde russe*. 2003. № 44/2-3. С. 253–268.
41. Христофоров В.С. Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019. — 300 с.
42. Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925-1938 гг. М.: ГУ МДН, 2008. — 832 с.
43. Abykayeva-Tiesenhausen Aliya: Central Asia in Art: From Soviet Orientalism to the New Republics, recensé par Svetlana Gorshenina // IFAO 2018. BCAI 32. BCAI enligne. <http://www.ifao.egnet.net> (дата обращения: 26.08.20180).
44. Bennigsen A., Wimbush E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, University of Chicago Press, 1979. 296 p.
45. Burbank J. Empire and Transformation: The Politics of Difference // *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order*.

- Ed. by UYAMA T. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. No. 33. P. 11-33.
46. Dave B. Kazakhstan: ethnicity, language and power. L.: Chapman, 2002. 336 p.
  47. Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press, Princeton [etc.], 2004. 296 pp.
  48. Hallez X. The Kazakh Intelligentsia and the Formation of the Kazakh Socialist Republic (1919-1938) // Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies. Vienna, 2000. Vol. II. Pp.150-160.
  49. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Palgrave Macmillan, 2003. 276 p.
  50. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 388 p.
  51. Kassymbekova B. Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan. Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2016. 288 p.
  52. Kivelson V.A., Suny R.G. Russia's Empires. Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 pp.
  53. Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 415 p.
  54. Pianciola N. Stalinist spatial hierarchies: placing the Kazakhs and Kyrgyz in Soviet economic regionalization // Central Asian Survey. 2016. Vol. 35 (4). P. 73-93. DOI :10.1080/02634937.2016.1221380
  55. Schatz E. Modern Clan Politics: The Powerof «Blood» in Kazakhstanand Beyond. Seattle: University of Washington Press, 2004. 280 pp.
  56. Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. Karen and Oswald Forster. Boulder, Colorado: Westview Press, 1991. 483 p.
  57. Smith J. Nation Building and National Conflict in the USSR in the 1920s // Abimperio. 2001. № 3. С.221–265.

References

1. Abashin S. Soviet village: Between colonialism and modernization. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 848 p. (In Russian)
2. Abdullaev R. National political organizations of Turkestan in 1917–1918. Tashkent, «Adabiyot uchqunlari», 2016, 281 p. (In Russian)

3. Abulkhozhin Zh.B. The traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation: (1926–1930). Alma-Ata, Gylym, 1991, 240 p. (In Russian)
4. Agzamkhodzhaev S. History of Turkestan Autonomy. Tashkent, «Totikent islom universitetu» Publ., 2006, 268 p. (In Russian)
5. Аманжолова Д.А. The Soviet project in Kazakhstan: power and ethnicity. 1920s-1930s. М.— St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ, 2019, 480 p. (In Russian)
6. Afanasiev Yu.N. Soviet society: emergence, development, historical finale: V 2 t. Vol. 1. Ot vooruzhennogo vosstaniia v Petrograde do vtoroi sverkhderzhavy mira. М., RGGU, 1997, 510 p. (In Russian)
7. Bisenova A., Medeuova K. The pressure of the metropolises and the quiet nationalism of academic practices // Abimperio, 2016, no. 4, pp. 207–255. (In Russian)
8. Brandenberger Д. Stalin’s Russocentrism: Soviet Mass culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956). М., Politicheskaiia enciklopediia, 2017, 407 p. (In Russian)
9. Buldakov V.P. From war to revolution: the birth of the “man with a gun” // Revolutsiia i chelovek: byt, nrvy, povedenie, moral. М., IRI, 1997, pp. 55–76. (In Russian)
10. Buryats in the Ethnopolitical space of Russia: from empire to federation / B. V. Bazarov, M. N. Baldano, O. V. Buraeva, P. K. Varnavskii, S. V. Kirichenko, L. V. Kuras, S. Yu. Lepekhov, B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ, 2017, 315 p. (In Russian)
11. Vasiljev A. Д. Airplane “October alphabet”. New sources on the history of the reform of the Turkic alphabets in the USSR in the 20–30s. Astana, Mezhdunarodnaia tyurkskkaia akademiia, 2016, 681 p. (In Russian)
12. Gafarov N. U. The role and place of Jadidism in the development of enlightenment and spiritual culture of the peoples of Central Asia. Dushanbe, b. i., 2013, 248 p. (In Russian)
13. Golovanov A. The establishment of Soviet statehood in Turkestan and its consequences // Ocherki po istorii gosudarstvennosti Ubekistana. Tashkent, «Shark» Publ., 2001, pp. 191–206. (In Russian)
14. The State of Nations: Empire and Nation-building in the Era of Lenin and Stalin. Prezidentskii centr B. N. Eltsina, ROSSPEN, 2011, 374 p. (In Russian)
15. Drie Kh. Cinema and anti-Religious politics: Secularization, entertainment industry and Economic Feasibility // Islam v Rossii i Evrazii (pamaiti Dmitriia Yurievicha Arapova). St. Petersburg, Aleteya, 2021, pp. 551–561. (In Russian)
16. Drobizheva L. V. Ethnicity in modern society: new approaches, old myths, social practices // Vestnik Instituta sotsiologii RAN, 2010, no. 1, pp. 429–442. (In Russian)

17. The History of Socio-Cultural Reform in the Caucasus and Central Asia (XIX — early XX century)/ R. Abdullaev, D. Alimova, I. Bagirova, Zh. Ermekbaev, I. Sulaev, Sh. Rakhmanzade, D. Kezhaev, M. Zeinalova. Samarkand, MICA, 2012, 335 p. (In Russian)
18. The history of the peoples of Russia in research and documents, no. 3, M., IRI RAN, 2009, 290 p. (In Russian)
19. Iskhakov S.M. Civil War and Muslims // Rossiia v gody Grazhdanskoi voiny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii. M.— St. Petersburg, Centr gumanitarnykh issledovaniy, 2018, pp. 361–407. (In Russian)
20. Kadio Zh. The laboratory of the Empire. Russia/USSR, 1860–1940. M., Novoe literturnoe obozrenie, 2010, 336 p. (In Russian)
21. Kindler R. Stalin's Nomads: Power and famine in Kazakhstan. M. Politicheskaya enciklopediya, 2017, 382 p. (In Russian)
22. Kadyrov Sh. Political technologies in Soviet and post-Soviet Central Asia // Vestnik Evrazii: Nezavisimyye nauchnyye zhurnaly, 2005, no. 4 (30), pp. 202-235. (In Russian)
23. Kameron S. Hungry steppe. Famine, violence and the creation of Soviet Kazakhstan. M., NLO, 2020, 212 p. (In Russian)
24. Krasovitskaya T.Yu. Power and culture: Historical experience of the organization of state leadership of national cultural construction. M., Nauka, 1992, 298 p. (In Russian)
25. Krasovitskaya T.Yu. National Elites as a Socio-cultural phenomenon of Soviet Statehood (October 1917 - 1923). M., IRI RAN, 2007, 448 p. (In Russian)
26. Koigeldiev M.K. Stalinism and repression in Kazakhstan in the 1920s and 1940s. Almaty, Iskander, 2009, 342 p. (In Russian)
27. Kurmanov Z.K. The national intelligentsia of the 20s and 30s: contribution to the revival of the statehood of the Kyrgyz people and the fight against the totalitarian-authoritarian regime. Bishkek, b.i., 2005, 378 p. (In Russian)
28. Kydyralina Zh.U. Kazakh intelligentsia and the national question (XX century). Astana, Akad. Gos.upr. pri Prezidente RK, 2008, 543 p. (In Russian)
29. Marlen Laruel: What is needed is not a rejection of the monomyth, but the polyphony of the nation. 27.09.2018. Nemonomif, 1, 2018. // <http://esimde.org/archives/1093>. (In Russian)
30. Martin T. The empire of «positive activity». Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939. ROSSPEN: Fond «Prezidentskiiy tsentr B.N. Eltsina», 2011, 662 p. (In Russian)

31. Melentiev Д. Imagining the emancipation of Muslim women of Soviet Turkestan // ISLAMODOLOGY. 2020, vol. 10, no 1, pp. 84-104. (In Russian)
32. Moren E. De la nature de l'URSS. M., Nauka dlia obschestva, RGGU, 1995, 220 p. (In Russian) «Rus. Ed.:».
33. Ohaion I. Sedentarization of Kazakhs in the USSR under Stalin. Collectivization and social change (1928-1945). Almaty: Sanat, 2009, 365 p. (In Russian)
34. From the editorial office. The hybrid nature of pure forms // Ab Imperio, 2018, no. 3, pp. 15-21. (In Russian)
35. Pein M. The «forge» of the Kazakh proletariat? Turksib, activation and industrialization during Stalin's First Five-year Plan // Gocudarstvo natsii: imperiia i natsionalnoe stroitelstvo v epokhu Lenina i Stalina. M., Rossiiskaia enciklopediia (ROSSPEN), 2011, pp. 273-309. (In Russian)
36. Slezkin Yu. The USSR as a communal apartment, or How the socialist state encouraged ethnic isolation // Amerikanskaia rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologia. Samara, «Samarski universitet» Publ., 2001, pp. 329–370. (In Russian)
37. The Soviet Simple man: The Experience of a social portrait at the turn of the 90s. Otv. red. Yu.A. Levada. M., «Mirovoi okean» Publ., 1993, 300 p. (In Russian)
38. Suny R. Soviet and National: unity of contradictions // Sovetskie natsii i natsionalnaia politika v 1920 – 1950-e gody: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10-12 oktiabria 2013 g. M., Politicheskaia enciklopediia; Fond «Prezidentskii centr B.N. Eltsina», 2014, pp. 17-40. (In Russian)
39. Khalid A. National-territorial division of Central Asia // Islam v Rossii i Evrazii (pamiati Dmitriia Yurevicha Arapova). St. Petersburg, Aleteya, 2021, pp. 395-415. (In Russian)
40. Khlevnyuk O. The center-regions system in the 1930s-1950s // Cahiers du monderusse, 2003, no. 44/2-3, pp. 253-268. (In Russian)
41. Khristoforov V.S. Soviet secret services open the East. M., RGGU, 2019, 300 p. (In Russian)
42. Chebotareva V.G. National Policy of the Russian Federation 1925-1938. M., GU MDN, 2008, 832 p. (In Russian)
43. Abykayeva-Tiesenhausen A. Central Asia in Art: From Soviet Orientalism to the New Republics, recensé par Svetlana Gorshenina // IFAO 2018. BCAI 32. BCAI enligne. <http://www.ifao.egnet.net>.
44. Bennigsen A., Wimbush E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, University of Chicago Press, 1979, 296 p.

45. Burbank J. *Empire and Transformation: The Politics of Difference // Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order*. Ed. by UYAMA T. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018, no. 33, pp. 11-33.
46. Dave B. *Kazakhstan: ethnicity, language and power*. L., Chapman, 2002, 336 p.
47. Edgar A.L. *Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton University Press, Princeton [etc.], 2004, 296 pp.
48. Hallez X. *The Kazakh Intelligentsia and the Formation of the Kazakh Socialist Republic (1919-1938) // Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies*. Vienna, 2000, vol. II, pp.150-160.
49. Haugen A. *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. Palgrave Macmillan, 2003. 276 p.
50. Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 388 p.
51. Kassymbekova B. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2016. 288 p.
52. Kivelson V.A., Suny R.G. *Russia's Empires*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 420 pp.
53. Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR*. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 415 p.
54. Pianciola N. *Stalinist spatial hierarchies: placing the Kazakhs and Kyrgyz in Soviet economic regionalization // Central Asian Survey*, 2016, vol. 35 (4), pp. 73-93. DOI :10.1080/02634937.2016.1221380
55. Schatz E. *Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. Seattle: University of Washington Press, 2004. 280 pp.
56. Simon G. *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. Karen and Oswald Forster*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1991. 483 p.
57. Smith J. *Nation Building and National Conflict in the USSR in the 1920s // Abimperio*. 2001. № 3. С.221-265.

Информация об авторе

Дина Ахметжановна Аманжолова — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Email: iriran@mail.ru

Author's Information

Dina A. Amanzholova — Dr. Sci. in History, professor, chief scientist researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Email: iriran@mail.ru

УДК 902/904(575) “1887/1891”

С. Н. Брежнева

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Историко-археологические исследования Е. Ф. Каля в Туркестане (1887–1891)

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности рано ушедшего талантливого исследователя тюрколога Евгения Федоровича Каля. Научные интересы ученого были очень разнообразны. За короткую жизнь им было сделано необычайно много для развития отечественной ориенталистики. Цель данной работы — на основе источников, впервые вводимых в научный оборот, показать многогранную деятельность тюрколога Каля, мало известную исторической науке. В ходе исследования были изучены материалы архивов, связанных с рождением, обучением Каля, его службой в Туркестане, основанные на эпистолярных источниках, воспоминаниях коллег исследователя, относящихся к его многогранной деятельности, материалы Императорской археологической комиссии, касающиеся археологических раскопок, проводимых Калем в Туркестане. Археологические исследования Евгения Федоровича предвосхитили дальнейшие раскопки в Туркестане, а затем в Узбекистане в советское время. Недавно присоединенная к России территория Туркестанского края была плохо известна русским ученым, но между тем эта земля хранила следы древних цивилизаций. Заслугой Каля явились представленные им описания и зарисовки, сделанные в процессе раскопок в Аулиеатинском уезде, сведения о древних памятниках Ширабада и его окрестностей в районе Термеза, на побережье Амударьи и в Сырдарьинской области. Кроме того, работая в Ташкентском музее, Каль составил каталог восточных рукописей, не потерявший своего значения и по сей день. Филолог по образованию, Каль, находясь на службе в Туркестанском генерал-губернаторстве, изучал языки коренных народов Туркестана, занимался этнографическими исследованиями, нумизматикой. Новизной настоящей статьи можно считать изучение наследия Евгения Каля в комплексе. Методологической основой исследования явились принципы историзма, научной объективности, опоры на исторические источники и соблюдение принципа историографической традиции. Статья написана на основе неопубликованных материалов, отложившихся в архивах Санкт-Петербурга. Научных трудов, так или иначе касающихся данной темы, немного. Библиографический список составляет восемь работ.

Ключевые слова: Е. Ф. Каль, Туркестан, систематизация восточных рукописей, лингвистика, археология, нумизматика

Historical and archaeological research of E.F. Kal in Turkestan (1887–1891)

Summary: The article is devoted to the life and work of a talented researcher, turkologist Evgeny Fedorovich Kal, who left early. The scientist's scientific interests were very diverse. In his short life, he has done an extraordinary amount for the development of Russian orientalism. The purpose of this work is to show, based on the sources introduced into scientific circulation for the first time, the multifaceted activities of the Turkologist Kal, little known to historical science. In the course of the study, archival materials related to the birth, education of Kal, his service in Turkestan, based on epistolary sources, memoirs of colleagues of the researcher related to his multifaceted activities, materials of the Imperial Archaeological Commission concerning archaeological excavations conducted by Kal in Turkestan were studied. The archaeological research of Evgeny Fedorovich anticipated further excavations in Turkestan, and then in Uzbekistan in Soviet times. The territory of Turkestan Region, recently annexed to Russia, was poorly known to Russian scientists, but meanwhile this land kept traces of ancient civilizations. The merit of Kal was the descriptions and sketches made by him during the excavations in Aulieatinsky district, information about the ancient monuments of Shirabad and its surroundings in the Termez region, on the coast of the Amu Darya and in the Syrdarya region. In addition, while working at the Tashkent Museum, Kal compiled a catalog of oriental manuscripts, which has not lost its significance to this day. A philologist by education, Kal, while serving in the Turkestan Governor-General, studied the languages of the indigenous peoples of Turkestan, engaged in ethnographic research, numismatics. The novelty of this article can be considered the study of the legacy of Eugene Kal in the complex. The methodological basis of the research was the principles of historicism, scientific objectivity, reliance on historical sources, and adherence to the principle of historiographical tradition. The article is based on unpublished materials deposited in the archives of St. Petersburg. There are few scientific papers, one way or another related to this topic. The bibliographic list consists of eight works.

Keywords: E.F. Kal, Turkestan, systematization of Oriental manuscripts, linguistics, archeology, numismatics

Евгений Федорович Каля принадлежит к числу не очень известных исследователей археологии Туркестана. Востоковед, являющийся выпускником факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, учеником знаменитого барона В.Р. Розена, подающий большие надежды, он прожил короткую жизнь, рано покинув этот мир из-за болезни. Однако сделанная им работа не пропала даром: описания его археологических изысканий сохранились, его богатейшая нумизматическая коллекция и найденные им древние предметы быта были переданы Императорской археологической комиссии и частично оказались в коллекции Эрмитажа.

В литературе очень мало информации о жизнедеятельности Евгения Федоровича Каля. В «Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов»¹ есть о нем всего несколько скупых строк, а также имеются разрозненные сведения в письмах и воспоминаниях его коллег-востоковедов. Наиболее обстоятельный очерк о Евгении Федоровиче был написан в советское время известным ташкентским историком-востоковедом профессором Б.В. Луниным [Лунин, 1966, 1974].

По отложенному в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга свидетельству², в метрической книге под № 303 значится, что в семье провизора Федора Ивановича Каля и Софьи Борисовны Морицовой 6 сентября 1863 года родился мальчик Евгений. 29 сентября он был крещен в православии. Отец Федор Иванович — лютеранского вероисповедания, а мать Софья Борисовна — православной веры. Кроме Евгения у его родителей было еще четверо сыновей и две дочери.

С 1871 года Евгений учился в гимназии церковного реформаторского училища. Согласно аттестату, он показал «поведение отличное, исправность в посещении, в приготовлении уроков усердное прилежание и живую любознательность по всяким предметам»³. После окончания церковного реформаторского училища Каля в 1880 году поступает на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Однако при переходе на второй курс после сдачи экзаменов Евгений переводится на факультет восточных языков по арабско-турецко-персидскому разряду⁴. Вся дальнейшая судьба Каля связана с востоковедением.

На факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, созданном в 1855 году, современники отмечали особую атмосферу. Отношения профессуры и студентов отличались доверительностью и теплотой [Беккин, 2018: 28]. Здесь сложилась замечательная плеяда российских ориенталистов, которые сыграли заметную роль в подъеме русского востоковедения. Учителями Каля были В.Р. Розен,

¹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Доокт. период / АН СССР, Отделение лит. и яз., Сов. ком. тюркологов, Ин-т востоковедения; Подгот. А.Н. Кононов. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1989. С. 186–187.

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21212. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 9.

Н.И. Веселовский, В.Г. Тизенгаузен, К.Г. Залеман. Можно сказать, что Евгению Федоровичу изначально повезло, так как со студенческих лет его окружали выдающиеся востоковеды, с уважением относившиеся к нему. Особенно теплым и даже родственным было отношение В.Р. Розена к своим ученикам, в числе которых был и Евгений Каль. Многочисленные воспоминания учеников Виктора Романовича представляют его не только как выдающегося ученого, но и как человека исключительной порядочности и глубокой человечности [Крачковский, 1947]. Находясь на периферии Российской империи, ученики барона Розена вели с ним обширную переписку, советуясь и по своим научным проблемам, и по вопросам личной жизни. Не составлял исключения и Каль. Благодаря бережному отношению Виктора Романовича к письмам учеников, письма Каля к своему учителю сохранились, и мы имеем возможность представить по ним образ человека эрудированного, свободолюбивого, увлеченного наукой.

По окончании университетского курса в 1885 году Каль получил звание кандидата восточной словесности, продемонстрировав при этом «на испытаниях познания отличные»⁵, за что получил золотую медаль. Пройдя обязательную воинскую службу, он был направлен в Туркестанское генерал-губернаторство под начало генерал-губернатора Н.О. фон Розенбаха и назначен младшим чиновником особых поручений.

Человеку, попавшему в непривычные условия жизни в Средней Азии, приходилось решать сразу много задач, зачастую не связанных с его прямой научной деятельностью. При этом нужно было обладать поистине энциклопедическими знаниями. Сферой научных интересов филолога по образованию Е.Ф. Каля в Азии оказались древние рукописи, археология, нумизматика и т.п. Этому интересу, вероятно, способствовала работа Каля в Ташкентском музее, открытом в 1876 году.

В 1887 году Евгений Каль был назначен заведующим этнографическим и археологическим отделами Ташкентского музея с одновременным составлением описей этих отделов. В это же время ему поручается составление каталога книг на иностранных языках для Туркестанской библиотеки, результатом чего стал выход в свет его труда «Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки» [Каль, 1889]. Работа предстояла колоссальная. Все рукописи нужно было систематизировать, распределить по отделам и языкам, указать формат, объем, сообщить краткие сведения и т.п. К тому же это являлось первой попыткой научного описания восточных рукописей в России, составленной по личной инициативе создателя. Труд Е.Ф. Каля был высоко оценен его учителем В.Р. Розеном и востоковедом Н.А. Маевым.

В письмах своему учителю барону В.Р. Розену Каль писал о том, что работа с каталогом увлекла его, но сетовал на равнодушие властей к приобретению древностей для пополнения музея. Каль ревностно и ответственно относился к нуждам Ташкентского музея и сохранности находящихся в нем экспонатов. В письмах

⁵ Там же. Л. 37.

к Розену Евгений Федорович предстает как человек, страстно преданный науке и ставящий ее интересы выше личных. Он, например, жаловался своему учителю, что чиновничья работа отнимает у него массу времени, которое он мог бы посвятить научным изысканиям⁶.

Любопытны высказывания Каля об отношении русских к коренному населению Туркестанского края: «...возмутительно, с каким пренебрежением большинство здешнего русского общества относится к туземцам и ко всему, что касается их жизни, быта, истории языка и т.п.»⁷. Сам Евгений Федорович с уважением относился к представителям коренного населения. Об этом свидетельствует его брат Виктор, который после смерти Евгения, занимаясь его бумагами, писал В.Р. Розену о личной дружбе «Жени» с киргизом (казахом) Каскабаем, сопровождавшим его в поездках по Туркестану. «Этот необразованный киргиз,— пишет Виктор Федорович,— был верным другом и спутником Жени... и до мельчайших подробностей помнит местонахождение каждой монеты, гвоздя и т.д.»⁸.

Если судить по письмам Каля к Розену, между ними установились деловые отношения по поводу пересылки научной литературы друг другу. Каль высылал своему учителю местные туркестановедческие работы, а Розен в свою очередь снабжал ученика новейшими научными трудами, публикуемыми в Петербурге. Так, например, Каль в Ташкенте познакомился с трудами исследователя Средней Азии В.П. Наливкина (Б.В. Лунин предполагает и личное знакомство), который шесть лет прожил вместе с женой в кишлаках Туркестанского края, поэтому близко был знаком с бытом и нравами коренных жителей и изучил их языки. В своем письме к Розену, вместе с которым, вероятно, был доставлен и «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» [Наливкин, 1884], составленный Наливкиным совместно с супругой Марией, Каль писал, что, несмотря на ряд недостатков, словарь тем не менее имеет большую практическую ценность⁹.

Евгений Федорович старался много путешествовать по Туркестанскому краю с целью изучения местных особенностей быта, изучения языков и сбора древних восточных рукописей. Как филолога его, конечно же, интересовали языки местных народов. Для их изучения ему приходилось останавливаться и жить в селениях коренных жителей. В одном из писем В.Р. Розену он писал: «...эти поездки... обогатили память целой массой слов и выражений, которые теперь при более серьезном изучении языка приносят мне большую пользу»¹⁰.

Зная интерес одного из своих учителей — К.Г. Залемана — к ягнобскому языку, Каль предложил ему свое содействие в сборе дополнительных сведений.

⁶ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 777. Оп.2. Д. 192. Л. 24.

⁷ Там же. Л. 24 об.

⁸ Научный архив Института истории материальной культуры (ИА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 57 об.-58.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 256. Л. 5.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 192. Л. 25.

И в июле-августе 1887 года он предпринял поездку на Ягноб, приток Зеравшана, в верховьях которого проживало племя ягнобцев — «галчей», как считал К.Г. Залеман. В тот период изучение ягнобского языка как одного из живых иранских языков Туркестана, являвшегося продолжением согдийского языка, приобрело мировое научное значение. Согдийский язык вызывал большой интерес ученых Европы и России, так как до этого времени он оставался практически неизвестным, поэтому помощь Каля в собирании данных о «новосогдийском» языке трудно переоценить.

К.Г. Залеман с благодарностью писал в записках Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества «О новых материалах по ягнобскому языку»: «...сведения, собранные Е.Ф. Калем, целиком войдут в мои „Ягнобские этюды“... Я считаю своим долгом, в знак благодарности за его просвещенное содействие, сообщить немедленно читателям „Записок“ отрадную весть о новом обогащении научного материала по части исследования Галчей»¹¹. Правда, «Ягнобские этюды» так и остались неопубликованными, как считал Б.В. Лунин, в том числе из-за того, что Залеман предполагал присоединить к уже имеющимся материалам «записки» Каля.

Во время своих путешествий Каль старался скупать восточные рукописи у местного населения. Также им было обнаружено немало монет восточных династий, представлявших нумизматическую ценность. Со временем Евгений Федорович стал обладателем ценнейшей нумизматической коллекции. В 1888 году им были пожертвованы для Русского археологического общества 370 монет, найденных в Туркестанском крае. Член Императорской археологической комиссии, исполняющий должность председателя В.Г. Тизенгаузен, один из учителей Каля, неоднократно отмечал, что многие из них являлись большой редкостью¹² [Тизенгаузен, 1892]. Калем были пожертвованы в дар Восточному отделению Русского археологического общества пять редких рукописей, собранных им во время путешествия по Бухаре и Ташкенту.

Увлечшись археологическими ценностями Туркестана, Каль установил связи с Императорской археологической комиссией. 4 августа 1889 года в канцелярию генерал-губернатора Туркестана было направлено обращение от ИАК за подписью и. д. председателя В.Г. Тизенгаузена о предоставлении Калю возможности археологических раскопок. В нем содержалась просьба «сделать распоряжение о беспрепятственном допущении Каля к тем археологическим исследованиям, которые он признает нужным предпринять со своей стороны»¹³. Благодаря этому ему оказали

¹¹ Там же. Залеман К. Новые материалы по ягнобскому языку // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том третий. 1888. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 128–129. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=&pub=8439 (дата обращения: 15.11.2021).

¹² Тизенгаузен В. Нумизматические новинки // Записки Археологического Общества. Том VI. СПб. 1892. С. 258. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003663531?page=16&rotate=0&theme=white (дата обращения: 18.11.2021)

¹³ НА ИИМК РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 1 об.

доверие и предоставили полную свободу действий. Правда, ИАК не имела возможности в этом году финансировать археологические раскопки и приобретение древностей, о чем Калю было сообщено в личном письме, датированном также 4 августа. В письме содержалась просьба «взять на себя труд собирать сведения о случайных археологических находках» и «противодействовать самовольным раскопкам и кладоискательствам, сопряженным с повреждением и уничтожением курганов и городищ»¹⁴.

Дело в том, что местные жители разрывали курганы под предлогом устройства зимовок, дворов для скота и пр. Расхищали археологические ценности и иностранные туристы, особенно антиквары и любители старины. Иностранцы, имевшие распорядительные бумаги на собственное производство, старались пополнить музеи своей страны археологическими находками и отправляли их к себе на родину. Со всем этим приходилось вести неустанную борьбу. Факты «несанкционированных» раскопок неоднократно обсуждалось в переписке Императорской археологической комиссии с туркестанскими властями¹⁵. К тому же изучение археологии Туркестана русскими учеными было затруднено удаленностью региона и недостаточной известностью этих районов в историко-культурном отношении. Поэтому можно сказать, что Е. Ф. Каль, обладающий огромной эрудицией, знающий восточные языки, уже два года проживший в Туркестане, познакомившийся с местными обычаями и психологией, явился просто находкой для Императорской археологической комиссии.

К письму Е. Ф. Калю от ИАК прикладывался «Открытый лист на производство археологических изысканий в пределах Туркестанского края»¹⁶. 31 августа 1889 года был получен ответ из канцелярии туркестанского генерал-губернатора о допущении Калю к археологическим раскопкам.

В сентябре 1889 года Каль, как официальное лицо, был откомандирован ИАК в Аулиеатинский уезд¹⁷ для проведения археологической разведки. Результаты исследований тщательно описаны Евгением Федоровичем. Им представлены 24 кургана, городища и могилы, обнаруженные в Майдантальской волости Ташкентского уезда¹⁸, и собраны сведения о некоторых могильных кладках¹⁹. Правда, он вынужден был ограничиться только их описанием, так как средств для проведения раскопок и приобретения предметов древности не было.

В марте 1890 года Императорская археологическая комиссия предоставила Е. Ф. Калю аванс в 150 рублей, о чем было сообщено в письме к нему от 30 марта,

¹⁴ Там же. Л. 2 об.-3.

¹⁵ Там же. Л. 18; Д. 217. Л. 1–3.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Административно-территориальная единица в составе Сырдарьинской области Российской империи.

¹⁸ Ныне юго-восточная часть Сырдарьинской области Узбекистана.

¹⁹ Там же. Л. 15 об.

где ИАК именует его «своим сотрудником»²⁰. Открытый лист, выданный Калю тем же числом, давал право на производство археологических раскопок. В письме ИАК сообщала также о некоем аптекаре И.И. Краузе, который обратился в ИАК с просьбой производить раскопки в Туркестане. Комиссия советовала Калю объединить усилия с Краузе²¹. В ответном письме от 1 мая 1890 года Каль сообщает ИАК о получении средств, однако о Краузе не пишет, поэтому неизвестно, удалось ли им встретиться и сотрудничать.

11 июля 1890 года ИАК обращается к Калю с просьбой вторично побывать в Аулиеатинском уезде, где «киргизы самовольно раскопали курганы, и заняться дальнейшей разведкой этих мест»²². Комиссия сообщала о том, что некоторые древности были доставлены в ИАК военным губернатором Сырдарьинской области Н.И. Гродековым, оказывавшим посильную помощь Комиссии²³. В письме самому Гродекову ИАК обращалась с просьбой оказывать посильное содействие Калю в проведении археологических раскопок на Малом Буруле и в Каюкских горах²⁴ (Аулиеатинский уезд Сырдарьинской области).

3 августа 1890 года Каль обращается с письмом в ИАК, где сообщает о том, что он направил туркестанскому генерал-губернатору А.Б. Вревскому прошение об откомандировании его в Аулиеатинский уезд «до 1 сентября сего года». В этом же письме содержится «роковая» просьба Евгения Федоровича разрешить ему присоединиться к экспедиции подполковника Генерального штаба Трусова на Амударью к русско-афганской границе осенью этого же года. Он был уверен в том, что данная местность представляет большой интерес «в археологическом отношении вследствие принадлежности к древней Бактрии»²⁵. ИАК дала разрешение, предоставив Открытый лист с присовокуплением 400 рублей на расходы и припиской «обратить особое внимание на древности греко-бактрийские и сасанидские»²⁶.

Каль дал описание местности на Малом Буруле и представил сведения о находящихся здесь курганах и могилах. На юго-востоке Бурула Калем были обнаружены квадратные башни из больших необтесанных камней с остатками оград круглой формы, сложенных точно так же. Отметив памятники Аулие-Ата, Каль указал на находящиеся в 25 верстах от него городище квадратной формы с остатками стен из жженого кирпича под названием «Тюймакент», а далее — крепости меньшего

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 14–14 об.

²² Там же. Л. 17.

²³ Там же. Д. 217.

²⁴ Там же. Д. 86. Л.18.

²⁵ Там же. Л. 19 об.

²⁶ Там же. Л. 21 об.

размера. Каль представил также сведения о положении курганов в местности Джиты-тепа²⁷.

Результаты экспедиции тщательно записывались Евгением Федоровичем, описывались и зарисовывались найденные предметы старины, составлялись карты, переводы слов с фарси и тюркского языка, подробно перечислялись курганы. По сохранившейся тетради-дневнику видно, насколько он был всем этим увлечен²⁸. Записи об археологических раскопках в Аулиеатинском уезде открываются 11 августа 1890 года²⁹. Калем были подробно осмотрены развалины Термеза, произведено несколько раскопок, сделаны обмеры намогильного сооружения Абы-Абдуллы Махаммеда Б. Али Хакима Термези — основателя суфийского ордена «Хаками», крупнейшего представителя среднеазиатского суфизма. Евгению Федоровичу удалось прочитать дату смерти святого — «255 год хиджры»³⁰.

Несмотря на то что сам Каль не был доволен результатами своего исследования³¹, его вклад в развитие археологии Туркестана трудно переоценить. В советское время он был по достоинству оценен знаменитым советским ученым-археологом, основателем археологической школы Узбекистана М. Е. Массоном. Он проследил маршрут следования экспедиции Е. Ф. Каля «сперва по левому берегу от Керки до крепости Див-кала на афганской территории, а затем по правому — от Керки до устья Сурхана... Ему удалось приобрести около полусотни большей частью плохой сохранности медных монет греко-бактрийского, индоскифского и арабско-иранского чекана» [Массон, 1940: 17–18].

Немногочисленные предметы, добытые Калем, дополнили коллекцию Государственного Эрмитажа. По свидетельству Б. В. Лунина, поступившая через Археологическую комиссию в Эрмитаж коллекция Е. Ф. Каля состояла из фрагментов поливной и неполивной керамики IX–XIII веков и древних изделий из стекла [Лунин, 1966: 117].

Отчеты не были представлены Е. Ф. Калем ИАК вследствие болезни, неблагоприятных погодных условий и недостатка времени, так как ему пришлось сопровождать председателя Московского археологического общества П. С. Уварову в ее поездке по Туркестану. В личном письме Каля на имя и. д. председателя ИАК В. Г. Тизенгаузена от 14 декабря 1890 года он обещает выслать их в конце месяца. Императорская археологическая комиссия в телеграммах весной 1891 года неоднократно

²⁷ Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 год (1893). С. 74–79. URL: http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=264&section_code=3 (дата обращения: 20.11.2021).

²⁸ НА ИИМК Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 58–189.

²⁹ Там же. Л. 131.

³⁰ Там же. Л. 25. От года переселения мусульманской общины под руководством пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году хиджры, ведется отсчет в иранском солнечном календаре.

³¹ Там же. Л. 24.

напоминает Евгению Федоровичу о высылке отчетов, «крайне нужных»³². В июне Каль отвечает телеграммой: «Очень виноват перед комиссией, болел, был сильно занят и в разъездах. Отчеты почти готовы. Возможно, скоро их пришлю»³³. Однако отчеты так и не были направлены в ИАК. По дороге в свою последнюю экспедицию летом 1891 года Евгений Федорович тяжело заболел «амударьинской лихорадкой» — жестокой формой малярии. В тяжелом состоянии он был доставлен в глухое русское урочище Керки, где и скончался от «паралича сердца». На тот момент ему еще не исполнилось 28 лет.

В «Историческом вестнике» был опубликован некролог, где отмечалось, что Е.Ф. Каль «был единственным в крае лингвистом, поставившим себе целью изучение древностей Средней Азии и языка тех народов, которые представляют собой остатки аборигенов Средней Азии»³⁴. Отмечалась также и его роль в раскопках Аулиеатинского уезда.

Когда в Императорской археологической комиссии из газет узнали о смерти Е.Ф. Каля, то и.д. председателя В.Г. Тизенгаузен 24 сентября 1891 года отправил телеграмму в канцелярию туркестанского генерал-губернатора с просьбой разыскать отчеты Каля и деньги, высланные комиссией на археологические изыскания, — всего 550 рублей. На запрос Тизенгаузена последовал ответ об аресте имущества Евгения Федоровича³⁵.

Прибывший вскоре в Ташкент брат покойного Виктор Каль обнаружил в его бумагах пространный отчет для Императорской археологической комиссии и отчет об израсходовании средств, отпущенных ИАК для его археологических изысканий, и попросил снять арест с имущества Евгения Федоровича. Комиссией было выслано письмо в Контроль министерства императорского двора с представлением отчета об израсходовании Калем 150 рублей. Поскольку Каль не успел отчитаться в израсходовании 400 рублей, то в письме ИАК содержалась следующая информация: «Исходя из дневника Каля можно сделать вывод, что на разъезды и приобретение вещей эти деньги были израсходованы им без остатка»³⁶. В порядочности Евгения Федоровича в ИАК не сомневались.

В фундаментальной монографии Г.В. Длужневской «Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН)» в таблице полевых исследований ИАК в Центральной Азии упоминаются экспедиции Е.Ф. Каля в 1889 году — «раскопки и обследование памятников в Туркестанском генерал-губернаторстве» и в 1890 году — «раскопки в пределах Туркестанского края, р. Амударья и в Сырдарьинской области» [Длужневская, 2011: 270]. Евгений

³² Там же. Л. 28.

³³ Там же.

³⁴ Исторический вестник. 1891. Т. XLVI. № 12. С. 860.

³⁵ НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 29–30.

³⁶ Там же. Л. 43–43 об.

Федорович значится как руководитель проводимых исследований, и указывается на наличие рукописных материалов в научном архиве Института истории материальной культуры, использованных автором данной статьи.

Виктором Калем был обнаружен также черновик отчета брата об Аулиеатинской экспедиции, который в настоящее время хранится в Научном архиве Института истории материальной культуры³⁷. К нему приложена опись вещей, найденных Евгением Калем и заполненных рукой его брата общим числом 31. Здесь же находятся расчеты Евгения Федоровича, карты, составленные им, и описание нумизматической коллекции в 207 монет³⁸. 8 января 1891 года Виктор Каль счел нужным отправить тетрадь-дневник своего покойного брата его учителю В.Р. Розену, сопроводив документ письмом³⁹.

19 марта 1892 года археологические находки Е.Ф. Каля, в том числе и монеты, были переданы Императорской археологической комиссией в Эрмитаж с просьбой отобрать то, что музею нужно, остальное возвратить. По ведомости проходили 1392 медные, 7 серебряных и 3 золотые монеты. Сотрудники Эрмитажа отобрали и включили в свои фонды золотые, серебряные и некоторые медные монеты, медный посеребренный сосуд, бронзовую ручку, бусы, нож и острие копья. Опись по предметам, найденным Калем в Туркестане и переданных в Эрмитаж, составляет 16 пунктов. Возвращенные монеты ИАК передала в Императорский университет⁴⁰.

До обидного мало было отпущено талантливому востоковеду Евгению Калю, жизненный путь которого так безжалостно прервала коварная болезнь. Если бы не ранняя кончина, его имя стояло бы в одном ряду с именами его учителей, пророчивших ему великое будущее. Это Н.И. Веселовский, видевший в Евгении Федоровиче одного из лучших студентов факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, о чем он писал директору ташкентской мужской гимназии известному востоковеду Н.П. Остроумову [Лунин, 1966: 107], В.Г. Тизенгаузен, неоднократно отмечавший научную значимость нумизматической коллекции Каля, К.Г. Залеман, высоко оценивший вклад Евгения Федоровича в исследование ягнобского языка, и, наконец, В.Р. Розен, возлагавший большие надежды на одного из своих самых талантливых учеников.

Однако то, что успел сделать этот пылкий исследователь за свою короткую жизнь, безусловно, является огромным вкладом в развитие отечественного туркестановедения.

³⁷ Там же. Л. 37–41.

³⁸ Там же. Л. 191.

³⁹ Там же. Л. 57–57 об.

⁴⁰ Там же. Л. 46–52.

Источники иллюстративного материала

1. *Залеман К.* Новые материалы по ягнобскому языку // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том третий. 1888. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 128–129. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=&pub=8439 (дата обращения: 15.11.2021).
2. Научный архив Института истории материальной культуры (НА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. О раскопках Каля в Туркестанском крае. 4 августа 1889–1 марта 1910.
3. НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. О древностях, найденных при самовольных раскопках в Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области. 19 декабря 1890–27 сентября 1891.
4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 год (1893). С. 74–79. URL: http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=264&section_code=3 (дата обращения: 20.11.2021).
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 777. Оп.2. Д. 192. Розен В.Р. Переписка. Каль Е.
6. СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 256. Розен В.Р. Переписка. Лютш Я. Я.
7. *Тизенгаузен В.* Нумизматические новинки // Записки Археологического Общества. Том VI. СПб. 1892. С. 258. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003663531?page=16&rotate=0&theme=white (дата обращения: 18.11.2021)
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21212. Императорский Санкт-Петербургский университет. Евгений Федорович Каль.

Справочные материалы

1. Библиографический словарь отечественных тюркологов: Доокт. период / АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Сов. ком. тюркологов, Ин-т востоковедения; Подгот. А.Н. Кононов. — 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1989. — 298 с.

Список литературы

1. *Беккин Р.И.* А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография. М.: Садра, 2018. — 504 с.

2. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). — СПб.: ЭлекСис, СПб., 2011. — 296 с.
3. Лунин Б. В. Ориенталист-туркестановед Евгений Федорович Каль // Труды ТашГУ. Вып. 295: Археология Средней Азии. Т. VII. Ташкент, 1966. С. 106–124.
4. Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1974. С. 191–197.
5. Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Серия I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940. С. 17–18.
6. Наливкин В. П. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда / Сост. В. Наливкин и М. Наливкина. Казань: Унив. тип., 1884. — 478 с.
7. Памяти академика В. Р. Розена. Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И. Ю. Крачковского. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. — 134 с.
8. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки / Сост. Е. Каль. Ташкент: тип. Окр. штаба, 1889. — 79 с.

References

1. Bekkin R. I. *A. E. Schmidt: biography, scientific correspondence, selected works, bibliography*. A. E. Schmidt: biografiya, nauchnaya perepiska, izbrannye trudy, bibliografiya. M.: Sadra, 2018. 504 s.
2. Dluzhnevskaya G. V. *Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (according to the documents of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)*. Arheologicheskie issledovaniya v Central'noj Azii i Sibiri v 1859–1959 gg. (po dokumentam Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury RAN). — SPb.: ElekSis, SPb., 2011. 296 s.
3. Lunin B. V. *Orientalist-Turkestan scholar Evgeny Fedorovich Kal*. Orientalist-turkestanoved Evgenij Fedorovich Kal'. // *Proceedings of TASHGU. Issue 295: Archeology of Central Asia*. Trudy TashGU. Vyp.295: Arheologiya Srednej Azii. T.VII. Tashkent, 1966. S.106–124.
4. Lunin B. V. *Historiography of Social Sciences in Uzbekistan*. Istoriografiya obshchestvennyh nauk v Uzbekistane. Tashkent: Fan, 1974. S.191–197.
5. Masson M. E. *Settlements of old Termez and their study*. Gorodishcha starogo Termeza i ih izuchenie // *Proceedings of the UzFAN of the USSR. Series I. History, archeology. Issue 2. Termez archaeological complex expedition of 1936*. Trudy UzFAN SSSR.

- Seriya I. Istoriya, arheologiya. Vyp. 2. Termezskaya arheologicheskaya kompleksnaya ekspediciya 1936 g. Tashkent, 1940. S. 17–18.
6. Nalivkin V.P. *Russian Russian-Sartovsky and Sartovsky-Russian dictionary of common words with the application of a short grammar on the adverbs of Namangan county*. Russko-sartovskij i sartovsko-russkij slovar' obshcheupotrebitel'nyh slov s prilozheniem kratkoj grammatiki po narechijam Namanganskogo uezda /Sost. V. Nalivkin i M. Nalivkina. Kazan': Univ. tip., 1884. 478 s.
  7. *In memory of Academician V.R. Rosen. Articles and materials for the 40th anniversary of his death (1908–1948)*. Pamyati akademika V.R. Rozena. Stat'i i materialy k 40-letiyu so dnya ego smerti (1908–1948) /Pod red. I. YU. Krachkovskogo. M., L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1947. 134 s.
  8. *Persian, Arabic and Turkic manuscripts of the Turkestan Public Library*. Persidskie, arabskie i tyurkskie rukopisi Turkestanskoj publichnoj biblioteki /Sost. E. Kal'. Tashkent: tip. Okr. shtaba, 1889. 79 s.

Информация об авторе

Светлана Николаевна Брежнева — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, главный научный сотрудник научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Email: isn.decanat@lengu.ru

Author's Information

Svetlana N. Brezhneva — Dr. Sci. in History, Professor, Professor of the Department of Russian History, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin.

Email: isn.decanat@lengu.ru

УДК 94 (574)

П. В. Гордеева

Санкт-Петербургский государственный университет

Обзор основных источников о жизни и судьбе Арынгазы Абилгазы-улы

Аннотация: Настоящая статья посвящена обзору основных источников по жизни хана Арынгазы Абилгазы-улы и российско-казахским отношениям в 1815–1833 гг. Фигура хана представлена в историографии скудно, несмотря на его роль в событиях в Младшем и Среднем жузе в указанный период (антиколониальное движение в Младшем жузе). В связи с этим представляет интерес обратиться к его деятельности, составить и проанализировать исторический портрет Арынгазы. В статье даны краткая биография хана Арынгазы, обзор его деятельности (борьба с барымтой, введение шариатских судов, примирение казахских родов, борьба с Хивинским ханством, председательство в Ханском совете, содействие российским властям в дипломатических сношениях с Бухарой) и реакция российских властей на нее на фоне усиления активности России в Центральной Азии в первой трети XIX в. Автор приводит краткий анализ взаимоотношений Арынгазы с российскими властями и роли хана в событиях в Степи (1815–1821 гг.), а также его влияния на последующие события. Особое внимание уделяется источникам, на основании которых были собраны сведения о жизни и деятельности хана. Статья написана по материалам архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Калуги, Душанбе, а также на основании сборника материалов по истории Казахстана. Дан краткий источниковедческий анализ имеющихся источников. По имеющимся материалам составлен исторический портрет хана Арынгазы, давшего толчок народно-освободительному движению в Младшем жузе, став одним из его идейных вдохновителей. Фигура Арынгазы Абилгазы-улы представляет интерес не только с историографической, но и с антропологической точки зрения (в контексте антропологии власти и изучения харизматического лидерства на Востоке). В дальнейшем исследование может быть расширено за счет архивных материалов Оренбурга и Казахстана (Библиогр. 15 назв.).

Ключевые слова: Арынгазы Абилгазы-улы, хан, Младший жуз, российско-казахские отношения, источники

Polina V. Gordeeva
Saint-Petersburg State University

Overview of the main sources about the life and fate of Aryngazy Abilgazy-uly

Summary: The article is devoted to an overview of the main sources on the life of khan Aryngazy Abilgazy-uly and Russian-Kazakh relations in 1815–1833. The figure of the khan is poorly presented in the historiography, despite his role in the events in the Junior and Middle zhuz in the indicated period (the anti-colonial movement in the Junior zhuz). In this regard, much attention is given to the sources on the basis of which information about the khan was collected. The aim of the paper is to combine and analyze the main sources that touch upon the khan's life and activities. The article provides a brief biography of Aryngazy and an overview of his activities. The article is based on materials from the archives of St. Petersburg, Moscow, Kaluga, Dushanbe, as well as on the Collection of materials on the history of the Kazakh SSR. A brief source analysis of available sources is given. Based on the available materials, the author compiled a historical portrait of khan Aryngazy, who gave impetus to the anti-colonial movement in the Junior zhuz, becoming one of its ideological inspirers. Summing up the results, it can be concluded that Aryngazy Abilgazy-uly is of interest not only from a historiographic, but also from an anthropological point of view (in the context of the political anthropology and the study of charismatic leadership in the East). In the future, the study can be expanded due to archival materials from Orenburg and Kazakhstan (Refs 15.).

Keywords: Aryngazy Abilgazy-uly, kan, the Junior zhuz, Russian-Kazakh relations, sources

В постсоветской историографии насущной проблемой является выработка актуального подхода к колониальному периоду российско-казахских отношений в XVIII — начале XX вв. Актуальность объясняется тем, что в советской историографии российско-казахские отношения рассматривались, с одной стороны, под углом колониального присоединения, а с другой — с точки зрения цивилизаторской миссии и ее положительного значения для Центральной Азии и, в частности, для Казахских жузов. В казахстанской историографии, напротив, колониальный период рассматривается сугубо в негативном ключе. В связи с этим перед современными историографами стоит проблема выработки взвешенного подхода к истории российско-казахских отношений. С практической точки зрения в условиях евразийского интеграционного процесса (в частности, в рамках формирования экономических и политических объединений, таких как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Таможенный союз) востребованным является исторический опыт взаимодействия государств и народов Центральной Азии с Россией и их интеграции в российское пространство.

История российско-казахских отношений и включения Казахского ханства (позднее Казахских жузов) в Российское государство насчитывает более пяти веков. Она берет свое начало с распада Золотой Орды и оформления Московского государства и связана, в первую очередь, с необходимостью укрепления молодого государства на южных, юго-восточных и восточных рубежах. С XVIII в., когда Казахские жузы начали входить в состав России, российская администрация пыталась сделать из полуассального владения полноценную административную единицу и включить ее в общеполитическое и экономическое пространство империи. На протяжении ста лет на фоне изменения политики в отношении Казахских жузов меняется и характер взаимоотношений царского правительства с казахскими ханами. Ярким примером такой перемены являются отношения российской администрации, в частности, оренбургских чиновников, с ханом Арынгазы. Стоит отметить, что его фигура представлена в историографии сравнительно скудно, однако его роль в судьбе Младшего и Среднего жузов трудно переоценить. Жесткой рукой примирив разрозненные племена казахов, он дал толчок народно-освободительному движению в Казахских жузах, став если не его предводителем, то, по крайней мере, его идейным вдохновителем. Прежде чем перейти к обзору основных источников по жизни Арынгазы, имеет место обратиться к основным вехам биографии хана.

В первые два десятилетия XIX в. те проблемы, которые казахская властная элита намеревалась ликвидировать в конце XVIII в. (восстановление казахской государственности и расширение пастбищных территорий [Вяткин, 1951]), не только не были решены, но и усугубились. Образование Букеевской орды лишило оставшиеся казахские роды зимовок на правом берегу Урала и фактически раскололо Младший жуз на две части (так называемые Внутренняя и Зауральская орды), что усилило распад казахской государственности. Сложившаяся обстановка благоприятствовала окончательному превращению Казахских жузов из полунезависимых территорий в административную единицу Российской империи. Кроме того,

в эти годы усиливается агрессия Хивинского и Кокандского ханства по отношению к казахам ввиду сильной раздробленности и экономического упадка в Младшем жузе. Тем не менее, в последнем сохранялись тенденции к государственному объединению. Очагом этого движения стал район Сыр-Дарьи и Куван-Дарьи, где кочевали казахи поколения алимулы [Вяткин, 1940: 34].

В это непростое время на политической арене появляется Арынгазы Абилгазы-улы. Он принадлежал династической линии султана Жадика, чьи потомки пользовались большой популярностью в Младшем и Среднем жузах и избирались общеказахскими ханами (среди них были султаны Барак и Аблай). Предки Арынгазы (Батыр, Каип, Абилгазы) противились практике правосубъектности ханской власти в казахских жузах, согласно которой казахские ханы могли получить статус легитимности только после официального утверждения их кандидатуры российским императором [Масанов, 2000: 163], и не признавали российского подданства.

К 1815 г. Младший жуз переживал тяжелое время: экономический упадок в связи с изъятием кочевых пастбищ на севере Казахской степи (на левом берегу р. Урал), политический кризис, вызванный тем, что назначаемый российским правительством хан (во времена Арынгазы им был слабый хан Ширгазы) не устраивал казахскую властную элиту. В таких случаях в казахском обществе распространенной практикой было избрание нового хана. В 1815 г. после смерти Абилгазы молодой хан Арынгазы «имел под начальством своим только малое число приверженцев отца своего, кои чуждались России, будучи от нее отдалены» [МИКССР, 1940: 372–374]. В 1815–1816 гг. Арынгазы разворачивает активную деятельность по ликвидации барымты (угон скота у тюркских кочевых народов как возмездие за обиду или причиненный вред, который, несмотря на усилия российских властей, все еще широко применялся в Степи) и, как следствие, междоусобной борьбы в Младшем жузе. В результате этой деятельности Арынгазы удалось примирить роды шекты, торткара, сеиткул, шомекей, кыпшак, каракесек, жаппас поколений алимулы и байулы [МИКССР, 1940: 297–298], признавшими его своим ханом. Кроме того, он заменил суды по адату шариатским судом, стремился добиться единства родов Младшего и Среднего жуза, ограничить власть старшин [МИКССР, 1940: 297–298], а также вел активную борьбу за присырдарьинские пастбища с Хивинским ханством. Во время правления Арынгазы Младший жуз стал буфером между Россией и Хивой, хотя хан склонялся к помощи Российской империи в борьбе с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом [Абдиров, 2017].

Политика Арынгазы не находила положительного отклика у центральной российской администрации, хотя местные власти (в частности, в лице Оренбургского губернатора П.К. Эссена) были более благосклонны к нему. По их инициативе в 1817 г. Арынгазы был выбран председателем Ханского совета, а в 1820 г. сопровождал миссию А.Б. Негри в Бухару. Однако к 1820-м гг., вопреки возражениям оренбургских чиновников, в Петербурге заявили о необходимости окончательного уничтожения ханской власти в Степи. Это было обусловлено, с одной стороны, закономерным завершением сложившейся к концу XVIII в. тенденции постепенного

ослабления власти хана и управления Степью через Ханский совет, с другой — усилением личного авторитета хана Арынгазы в казахской среде. Несмотря на сотрудничество Арынгазы с российскими властями и его лояльность, последние приняли решение об удалении хана из Степи, окончательном упразднении ханской власти, активной инкорпорации казахов в общеимперское пространство, а в дальнейшем — и полное включение в состав России всех казахских племен и родов, оставшихся в подчинении Хивы, Коканда и Китая. Формально поводом для ссылки Арынгазы послужили непрекращающиеся взаимные набеги казахов и хивинцев, грозившие вовлечением России в их противостояние. Однако, наряду с этим, в условиях планов царского правительства по окончательному превращению Казахских жузов в административную единицу России власти не могли позволить молодому хану реализовать свои амбиции в легитимном ключе и с их поддержкой, поскольку это было чревато объединением казахов и, как следствие, их возможным отделением от России. В 1821 г. Арынгазы со свитой был вызван в Петербург, откуда весной 1823 г. его сослали в г. Калугу, где он пробыл вплоть до своей смерти в 1833 году.

Основными источниками по жизни Арынгазы являются официальные документы, хранящиеся в российских архивах: фонд СПб Главный архив АВПРИ, фонд 122 «Киргиз-кайсацкие дела» Архива внешней политики Российской империи, фонды 32 и 77 Государственного архива Калужской области (ГКУ «ГАКО»). В настоящее время в связи с пандемией доступ в архивы закрыт или ограничен, а фонды начала XIX века оцифрованы лишь частично. Часть источников по российско-казахским отношениям, в первой трети XIX в., в том числе касающиеся деятельности Арынгазы, помещена в сборник Материалов по истории Казахской ССР (том IV). Стоит отметить, что в указанных архивах нет никаких сведений о сохранившихся личных переписках хана, его дневниках, распоряжениях и указах внутри Младшего жуза, документов, отражающих сношения Арынгазы с Хивой, Бухарой и Средним жузом.

Корпус данных источников сравнительно широк и в основном представлен на русском языке. Некоторые источники, например, прошения султанов, старшин и биев Младшего жуза об утверждении ханом Арынгазы вместо Ширгазы-хана, сохранились как в оригинале (на чагатайском языке, или среднеазиатском тюрки), так и в переводе [МИКССР, 1940: 302–313, 320–321, 384–386, 387–394 и др.]. Однако в большинстве случаев документы, представленные в государственных архивах, не сохранились на языке оригинала. Сложно однозначно сказать, почему корпус источников на среднеазиатском тюрки не сохранился. Одной из причин мог послужить массивный документооборот в конце XVIII — в начале XIX вв. ввиду активной внешней и внутренней политики Российской империи, в связи с чем представлялось нецелесообразным хранить документы на двух и более языках. Стоит отметить, что большая часть документов, написанных самим Арынгазы, сохранилась не только в переводе, но и в оригинале.

Имеющиеся источники по авторству можно условно разделить на четыре группы:

- 1) документы руки самого хана Арынгазы;

- 2) документы бухарского эмира Хайдара (самый малочисленный круг источников);
- 3) документы казахской властной элиты (к ним можно отнести прошения султанов, старшин и биев об утверждении ханом Младшего жуза Арынгазы, позднее — о возвращении хана из ссылки, а также жалобы и прошения официально утвержденного хана Младшего жуза Ширгазы);
- 4) документы российских чиновников о личности и деятельности Арынгазы.

Указанные документы хранятся в архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Калуги, а также в архиве Академии наук Республики Таджикистан. Кроме того, представляют интерес архивы Оренбургской области и Казахстана (есть вероятность, что там могли сохраниться и личные документы хана), однако сейчас в связи с эпидемиологической обстановкой физическое обращение к ним затруднительно, а низкий процент оцифровывания фондов по указанному периоду не позволяет сделать это дистанционно.

Хронологически все имеющиеся источники можно поделить на две группы: 1816–1821 гг. (период правления хана Арынгазы в Степи) и 1821–1833 гг. (удаление Арынгазы из Младшего жуза, ссылный период в Петербурге и в Калуге вплоть до смерти хана в 1833 гг.). В дальнейшем будут приведены группы источников по авторству с указанием хронологических рамок их написания.

Одной из особенностей источников по жизни Арынгазы является небольшое количество документов руки самого хана. Из тех источников, что удалось обнаружить в архивах и сборниках на данный момент, — это донесение оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому о мерах для прекращения внутренней борьбы в Орде (в Младшем жузе — прим. авт.) [МИКССР, 1940: 297–298]; коллективное донесение хана Ширгазы и султанов Арынгазы и Каратая о прекращении междоусобной борьбы [МИКССР, 1940: 320–321] (сохранилось на языке оригинала); прошение Арынгазы императору Александру I об освобождении его родных из хивинского плена и о разрешении казахам поколения байулы кочевать между Уралом и Волгой [МИКССР, 1940: 397–403] (также сохранилось в оригинале). Из калужского периода жизни хана сохранились документы только на русском языке, и касались они взаимоотношений хана со своей свитой и решения вопросов об этих спорах.

Из документов руки бухарского эмира Хайдара сохранились два, оба датируются 1816 г. (ранее 18 мая). В «Письме правителю восточной части Младшего жуза Арынгазы-хану» [История Казахстана, 2013: 34–35] эмир Хайдар сообщает, что он удостоивает Арынгазы ханского титула, чтобы тот вместе с Ширгазы управлял Младшим жузом (вероятно, Арынгазы здесь выступает как правитель восточной части жуза, а Ширгазы — западной). В следующем документе — «Ярлык» — бухарский Эмир жалует «правителя восточной части Младшего жуза султана Арынгазы» титулом «хан» [История Казахстана, 2013: 35–36].

Прощения султанов, старшин и биев об утверждении Арынгазы ханом Младшего жуза вместо Ширгазы охватывают период с 1817 по 1828 гг. [МИКССР, 1940:

302–320, 320–327, 384–387, 387–397, 430–435]. Отсутствие внимания к ним со стороны российских властей и игнорирование просьб казахской властной элиты, а также ряд социально-политических причин (в частности, изъятие пастбищных земель в связи с продвижением русских крестьянских хозяйств южнее в степь вело к нехватке территорий, междоусобной борьбе и недовольству казахов политикой российских властей в регионе) привели к разрозненным нападениям казахов на пограничную линию и впоследствии — к движению Жоламана Тленши-улы, присоединившегося позднее к восстанию Кенесары Касымова. Один документ, датированный 1821 г., принадлежит бухарскому посланнику Караванбашу Бек-Назару Абдулкеримову и адресован управляющему МИД России К.В. Нессельроде. В нем говорится о прибытии султанов, биев и старейшин киргиз-кайсацкой Меньшой орды к бухарскому эмиру с просьбой подать прошение российскому императору о возвращении хана Арынгазы на родину, где в его отсутствие увеличились случаи грабежей, угона скота, а также междоусобные столкновения [АВПРИ, ф. СПбГА, I-8, оп. 7, 1821 г., д. 2, л. 90–94].

Сохранилось немало документов (в т.ч. на языке оригинала) руки хана Ширгазы, официально утвержденного на ханский престол российскими властями. Среди них — жалобы на притеснения со стороны Арынгазы и подконтрольных ему родов и прошения о его удалении из Степи (позднее — о высылке из Петербурга) [МИКССР, 1940: 336–349, 407–412].

Особый интерес представляет круг документов, составленных российскими чиновниками. Он охватывает период с 1817 по примерно 1823 гг. и связан с деятельностью хана Арынгазы в Младшем жузе. Поскольку Арынгазы быстро приобрел популярность в казахской среде (за свою деятельность он получил прозвище Тыным-хан, то есть ‘хан-миротворец’), и его амбиции пересекали границы жуза, российские власти были обеспокоены его активностью и собирали сведения и мнения о его личности и оценке его деятельности. Данный круг источников ценен тем, что в нем представлено описание всего периода политической активности Арынгазы, а также дано описание его личности и даже внешности. Переводчик Я.О. Ярцев так описывает Арынгазы:

От роду около 35 лет. В супружестве имеет 4-х жен из разных родов <...>. Но по причине развратной жизни в молодости, заразившись венерической болезнью, лишился голоса (отчего ныне говорит сиповато) и способности деторождения. <...> Наружность его: рост высокий, стройный. Осанка величественная; поступь гордая, лицо красивое, борода небольшая, черная, густая; глаза черные, быстрые; приемы и действия надменные [МИКССР, 1940: 377–380].

У российских чиновников, так или иначе взаимодействовавших с Арынгазы, мнение о нем было неоднозначным. Одни (губернатор Оренбурга П.К. Эссен, глава Бухарской миссии А.Б. Негри) подчеркивали личные достоинства Арынгазы, такие, как деятельность, мужество, справедливость, уважение в Степи, и считали его кандидатуру достойной ханского титула, поскольку своей службой и лояльностью он доказал свою пользу российским властям в Казахских жузах [МИКССР,

1940: 327–328, 370–372]. Другие же чиновники (переводчик Я.О. Ярцев, капитан Гвардейского генерального штаба Е.К. Мейендорф, председатель Оренбургской пограничной комиссии В.Ф. Тимковский, начальник Азиатского департамента МИД А.И. Левшин), напротив, относились к Арынгазы с недоверием, полагая, что он действует исключительно исходя из собственных интересов в ущерб интересам императора и возведение его в ханы принесет больше вреда, чем пользы [МИКССР, 1940: 366–369, 372–374, 377–380, 435–439].

По территориальному признаку можно выделить два круга источников: оренбургский и казахский, с одной стороны, и калужский (и частично петербургский) — с другой. Эти источники совпадают с хронологическим делением имеющихся документов, то есть до и во время ссылки Арынгазы.

Калужский круг источников уникален тем, что в нем представлены бытовые сведения о жизни хана [ГКУ «ГАКО». Ф. 77. Оп. 1. Д. 2775. Л. 1–2.; Ф. 32. Оп. 19. Д. 1288. Л. 23], проблемы, с которыми он сталкивался на чужбине [ГКУ «ГАКО» Ф. 32. Оп. 19. Д. 1370. Л. 84, 86, 122], и неординарные попытки их решения (например, обход ханом наблюдения и его связь с Младшим жузом через татар, проживавших в Калуге [ГКУ «ГАКО» Ф. 32. Оп. 19. Д. 1288. Л. 45, 46, 47–47об., 48, 69–70 об.], или через младшего брата Медины Хасановой, дочери московского купца, на которой Арынгазы женился в Калуге с позволения императора Николая I [ГКУ «ГАКО» Ф. 32. Оп. 19. Д. 1288. Л. 124.]). Содержание документов, хранящихся в ГАКО, было подробно изложено калужским архивистом Н.В. Зиновкиной [Зиновкина, 2013: 151–163].

Подводя итог историографическому обзору источников о жизни и судьбе хана Арынгазы, можно сделать вывод, что источники по жизни Арынгазы Абилгазы-улы не только позволяют почерпнуть сведения о его жизни и деятельности, но и являются кладезем информации по истории российско-казахских отношений, по опыту интеграции центральноазиатских государств в российское пространство и фронтальной модернизации. Несмотря на это, фигура Арынгазы скудно представлена как в отечественной (М.П. Вяткин [Вяткин, 1940], И.В. Ерофеева [Ерофеева, 2001; Ерофеева, 2003]), так и в казахстанской историографии (Р. Темиргалиев [Темиргалиев, 2013], М. Абдиров [Абдиров, 2017]). Данная работа, будучи частью исследования жизни Арынгазы Абилгазы-улы, призвана привлечь внимание к его роли в судьбе Младшего и Среднего жузов. Стоит отметить, что наличие исключительно официальных документов не позволяет составить полноценный портрет личности хана в истории. Тем не менее, снятие ограничений на доступ в архивы позволит обратиться к фондам Оренбурга и Казахстана, и, в случае наличия источников по жизни Арынгазы (как официального происхождения, так и личного), данное исследование может быть существенно дополнено.

Описанные источники также представляют ценность в контексте современных тенденций в политической антропологии и антропологии власти (изучение истории и политических процессов путем исследования роли в них конкретных

политических деятелей), а также в контексте изучения харизматического лидерства на Востоке.

Источники иллюстративного материала

1. АВПРИ, ф. СПбГА, I-8, оп. 7, 1821 г., д. 2, л. 90–94
2. ГКУ «ГАКО» Ф. 32. Оп. 19. Д. 1288. Л. 23, 45, 46, 47–47об., 48, 69–70 об., 124
3. ГКУ «ГАКО» Ф. 32. Оп. 19. Д. 1370. Л. 84, 86, 122
4. ГКУ «ГАКО» Ф. 77. Оп. 1. Д. 2775. Л. 1–2

Список литературы

1. Абдиров М. Пленник императора / М. Абдиров. — Текст: электронный // Актобинский вестник: [сайт]. — URL: <https://avestnik.kz/plennik-imperatora> (дата обращения: 09.08.2021).
2. Вяткин М. П. Сырым батыр — Алматы: Қаз. мем. бас, 1951. — 398 б.
3. Вяткин М. П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX вв. // Материалы по истории Казахской ССР. — Т. 4. (1785–1828 гг.) / Под ред. М. П. Вяткина. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 3–39.
4. Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). / И. В. Ерофеева. — Алматы: ТОО «Print-S», 2003. — 178 с.
5. Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время) / И. В. Ерофеева. — Алматы: ИД «Аркаим», 2001. — 152 с.
6. Зиновкина Н. В. Хан Арынгазы Абилгазыулы в Калуге // Материалы 9-й городской краеведческой конференции «Калуга в шести веках». — Калуга, 2013. — С. 151–163.
7. История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 3. — Караганда: Изд-во ЛЕМ, 2013. — 496 с.
8. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н. Э. и др. — Алматы: Дайк-Пресс, 2000. — 608 с.
9. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.): / Под рук. М. П. Вяткина. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. — Т. 4. — 543 с.
10. Сексенбаева М., И. Ерофеева: Степные браки. Рядовой кочевник никогда не имел много жен / М. Сексенбаева. — Текст: электронный // ЦентрАзия:

[сайт]. — URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1146458940> (дата обращения: 06. 08.2021).

11. Темиргалиев Р.Д. Казахи и Россия. М.: Междунар. отношения, 2013. — 348 с.

References

1. Abdirrov M. Prisoner of the emperor. *Aktiubinskii vestnik* [website], 2017. <https://avestnik.kz/plennik-imperatora> (In Russian)
2. Erofeeva I. V. *Genealogies of the Kazakh khans and khoja of the 18th-19th centuries (history, historiography, sources)*. Almaty, TOO «Print-S» Publ., 2003, 178 p. (In Russian)
3. Erofeeva I. V. *Symbols of the Kazakh nationhood (late middle ages and modern history)*. Almaty, Arkaim Publ., 2001, 152 p. (In Russian)
4. *History in documents and materials: almanac*. Issue 3. Karaganda, LEM Publ., 2013, 496 p. (In Russian)
5. *Materials on the history of Kazakh Soviet Socialist Republic (1785–1828)*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, 543 p. (In Russian)
6. Masanov N. E., Abylkhozhin Zh. B., etc. *History of Kazakhstan: peoples and cultures*. Almaty, Daik-Press Publ., 2000, 608 p. (In Russian)
7. Seksenbaeva M. *Erofeeva I.: The step marriages. An ordinary nomad never had many wives*. TsentrAziia [website], 2006. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1146458940> (In Russian)
8. Temirgaliev R. D. *Kazakhs and Russia*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ, 2013, 348 p.
9. Viatkin M. P. Political crisis and economic decline in the Junior zhuz at the end of the 18th — beginning of the 19th centuries. *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR*, vol. 4 (1785–1828 гг.). Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, pp. 3–39. (In Russian)
10. Viatkin M. P. *Syrym batyr*. Almaty, Kazak memleket baspasy Publ., 1951, 395 p. (In Kazakh)
11. Zinovkina N. V. Khan Aryngazy Abilgazyuly in the city of Kaluga. *Materialy 9-i gorodskoi kraevedcheskoi konferentsii «Kaluga v shesti vekakh»*. Kaluga, 2013, pp. 151–163. (In Russian)

Информация об авторе

Полина Витальевна Гордеева — студент 1 курса магистратуры Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: st064296@student.spbu.ru

Author's Information

Polina V. Gordeeva — 1st year student of the MA program, Department of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University.

Email: st064296@student.spbu.ru

УДК: 930; 94(47)

С. А. Юсупова

Государственный академический университет гуманитарных наук

Делопроизводственная документация органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX – начала XX в.¹

Аннотация: В статье представлен обзор делопроизводственной документации органов городского самоуправления Туркестанского края последней трети XIX — начала XX в., которая позволяет раскрыть вопросы формирования городского самоуправления, определить место и роль городского общественного управления в социально-культурном и экономическом развитии города.

Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Туркестанское генерал-губернаторство, городская дума и управа, источниковедение

---

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020–0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»)

Sabira A. Iusupova
State Academic University for the Humanities

**Clerical documentation
of the city self-government
of the Turkestan Governor-General
of the last third of the XIX – early XX century.**

Summary: The article presents an overview of the clerical documentation of the city self-government of the Turkestan region in the last third of the XIX — early XX century, which allows to reveal the issues of formation of city self-government, to determine the place and role of city public administration in the socio-cultural and economic development of the city.

Refs 15

Keywords: Russian Empire, Central Asia, Turkestan Governor-General, City дума and council, source studies

Современный этап отечественной историографии характеризуется наличием значительного количества работ по политической [Васильев, 2018,2019; Почекаев, 2018], социально-экономической и культурной проблематике [Брежнева, 2017,2019; Гермизеева, 2019; Котюкова, 2019, Тюрин, 2021; Литвинов, 2020], в которых авторы пытаются заново пересмотреть узловые моменты истории Туркестанского генерал-губернаторства на основе новой методологии и источниковой базы [Абашин, 2008; Бабаджанов, 2016]. Однако, при таком количестве исследований такой вопрос, как функционирование органов городского самоуправления общеимперского образца, в трудах рассмотрен фрагментарно [Котюкова, 2012,2016; Почекаев, 2019; Шушкова, 2014]. В этой связи особую ценность для комплексного изучения обозначенной проблемы представляют материалы делопроизводственной документации органов городского самоуправления. Корпус такого вида источника содержит более десятков разновидностей документов, среди них журналы заседаний, постановления, отчеты, доклады, инструкции, приходо-расходные сметы, материалы ревизий, городские планы и др.

Массив таких документальных источников, отложившихся в ходе деятельности органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства, хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде № 400 «Главный штаб. Азиатская часть», в Национальном архиве Республики Узбекистан в фондах № И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, № И-17 «Сырдарьинское областное управление», № И-36 «Управление начальника города Ташкента», № И-37 «Ташкентская городская управа», № И-718 «Ташкентская городская дума» и в Центральном государственном архиве Республики Казахстан в фондах № 48 «Верненская городская управа» и № 55 «Верненская городская дума». Также согласно закону 1870 г. сведения текущей деятельности органов городского самоуправления, должны были публиковаться в официальной местной газете, такими периодическими изданиями являлись газеты «Туркестанские ведомости», «Семиреченские областные ведомости», подшивка номеров которых с разной комплектацией доступны исследователю в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга (РГБ, ГПИБ, РНБ).

Контент-анализ архивных документов и материалов дореволюционных периодических изданий, позволил определить направления практической деятельности органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства и их объемность в аспекте делопроизводства.

С образованием новой административно-территориальной единицы в составе Российской империи встал вопрос об эффективном процессе управления, в том числе и внутригородским хозяйством Туркестанского генерал-губернаторства. Перед российским правительством стояла нелегкая задача интегрировать край с учетом местных традиций в общеимперское пространство. И одним из таких шагов стало введение в крае уже действующего в центральной части империи законодательного акта «Городового положения» 1870 г. После долгих дискуссий среди властных структур было решено провести городскую реформу в 1877 г. только

в Ташкенте и Верном. В остальных городах края вопросы городского хозяйства и благоустройства находились в ведении уездных начальников под наблюдением областных правлений и военных губернаторов.

Утвержденное Александром II 16 июня 1870 г. «Городовое положение» устанавливало систему органов городского управления (городская дума и городская управа) их функции регламентировало порядок делопроизводства, требования к документированию нормотворческих процедур. Ввиду особенностей края, для Ташкента были выработаны дополнительные правила по введению «Городового положения». В 1892 г. последовала новая городская реформа Александра III. Она сохраняла все основные положения закона 1870 г., изменения коснулись избирательного процесса, устанавливалась большая зависимость органов городского самоуправления от губернской администрации. К этому времени произошли изменения в административном-территориальном делении Туркестанского края. Семиреченская область с 1882 по 1899 г. находилась в составе Степного генерал-губернаторства. В этот период в Верном на основании закона 1892 г. были проведены выборы в новую городскую думу, в остальных городах области было введено упрощенное городское самоуправление.

Сфера полномочий городского общественного управления ограничивалась пределами города и включала развитие городского хозяйства и благоустройства, здравоохранения, образования, обеспечение народного продовольствия, принятие мер предосторожности против пожаров и других бедствий, развитие местной торговли и промышленности, устройство за счет города благотворительных заведений и больниц и заведывание ими, а также устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений [1]. Для надзора за деятельностью городского самоуправления учреждалось губернское по городским делам присутствие, которое возглавлял губернатор, в Туркестанском крае — Сырдарьинское и Семиреченское по городским делам присутствие, под председательством военных губернаторов областей.

Городское самоуправление состояло из двух ветвей власти: городская дума являлась распорядительным органом и имела право постановления, имеющие обязательную силу для горожан наравне с законом, исполнительным органом являлась городская управа, в обязанности которой входили административные задачи. Возглавлял городскую думу и управу выборный городской голова, тем самым он объединял в своем лице две ветви власти. В Ташкенте же должность городского головы продолжительное время не была выборной. На нее назначался от правительства, утверждался Военным министром по представлению Туркестанского генерал-губернатора и совмещалась с должностью начальника города.

Текущим делопроизводством занимались городской секретарь, канцелярия писцов и делопроизводителей состоящие в штате городской управы, количество последних зависело от решения городской думы.

Документирование деятельности органов городского самоуправления являлось обязательным, предписывалось законом и нормативными правовыми актами.

Документация органов городского самоуправления была унифицирована и стандартизирована. До начала XX в. документооборот был преимущественно рукописный, позже с применением печатных средств, некоторые формуляры бланков стали изготавливать типографским способом.

Значимым информативным источником делопроизводства органов городского самоуправления последней трети XIX — начала XX в. являются журналы заседания городской думы. Весьма уместны будут слова ташкентского городского секретаря, которому было поручено подготовить отчет за 35-летнюю работу ташкентского городского самоуправления: «одни лишь думские журналы за этот период времени являются своего рода эпопей деятельности целого ряда лиц..» [2, с. 85]. К моменту подготовки отчета в 1912 г. архив Управы насчитывал 41 том журналов заседаний, 1210 протоколов заседаний Ташкентской городской думы.

Для обсуждения и решения текущих городских проблем гласные должны были собираться на заседания в установленном порядке. В конце года составлялось расписание заседаний на весь следующий год с запасными днями на случай экстренных (чрезвычайных) заседаний.

Заседания городской думы были открытыми. Уведомления о заседаниях согласно графику с указанием предметов заседания рассылались всем гласным не позже пяти дней до начала заседания, при этом для гласных из представителей коренных жителей Ташкента, не владеющих русским языком, письмо направлялось с переводом. Должен был соблюдаться кворум заседания, если он в назначенный день составлял менее одной трети от всего числа гласных, то заседание переносилось на следующий день.

Каждое заседание строго протоколировалось в журнале городским секретарем.

Делопроизводство велось на русском языке, но на заседаниях Ташкентской городской думы присутствовал переводчик, которому гласный мог направить текст своего мнения или предложения для перевода и занесения секретарём в журнал заседания.

На первой странице типографским способом было отпечено по центру слово «Журнал», графа для указания номера заседания, наименование органа, дата заседания, количество присутствующих гласных. Заседание, созванное по торжественному случаю, имело соответствующую отметку в журнале. К примеру, как было указано в журнале Ташкентской городской думы в 1899 г. десятое заседание было посвящено столетию со дня рождения поэта А.С. Пушкина.

Далее приводился пронумерованный список повестки заседания. Согласно ст. 69 «Городового положения» 1870 г., городская дума сама определяла порядок рассмотрения дел, при этом соблюдая правила по производству дел в земских, дворянских, городских общественных сословных собраниях. По инициативе гласного ташкентской городской думы Прединского П.Д. на заседании 19 декабря 1877 г. на общее обсуждение был вынесен вопрос о регламентации производства дел в городской думе для «стройного течения дел», который был поддержан гласными

[3]. Рассмотренные дела и мнения гласных по каждому делу заносились в журнал заседания по возможности дословно. Свое мнение гласный должен был озвучивать стоя. После каждого рассмотренного вопроса, Дума принимала соответствующее решение, которое оформлялось следующим образом: «Дума постановила...», если решение по какому-либо вопросу не было принято, то его рассмотрение переносилось на следующее заседание. Дела кроме указанных в ст. 67 «Городового положения» 1870 г., решались большинством голосов открытой или закрытой подачей голосов [1].

На заседаниях гласные рассматривали предложения, заявления, жалобы, инициативы, которые поступили в городское самоуправление. Например, на заседании 6 ноября 1907 г. городской голова выступил с предложением направить телеграмму по случаю третьего созыва Государственной думы следующего содержания: «Ташкентская городская дума приветствует Государственную думу. Да поможет Вам бог новые избранники русской земли установить в нашем отечестве прочные начала безмятежного мира, конституционный порядок строгой законности». Предложение было принято гласными и текст телеграммы одобрен единодушно [4, л.576]. В городское самоуправление поступали различные просьбы и заявления, ходатайства, как от местных жителей, так и от ведомств, представителей торгово-промышленных заведений, которые докладывались на заседании городской думы. Среди них, например, обращение в ташкентское городское самоуправление — Туркестанского окружного интендантского управления о разрешении свободной покупки чиновникам заготовителям оптом хлеба для войск гарнизона на городских рынках, и в верненское городское самоуправление — общества трезвости о безвозмездном пользовании лавки для картинно-книжной и чайной торговли.

Запись каждого заседания в журнале заверялось подписью городского головы и секретарем, и представлялось гласным на следующем заседании для ознакомления и согласования, если со стороны гласных возникали замечания по содержанию или редакционной работе, вносились такие изменения, если Дума посчитает их правильными. Краткое содержание постановлений отпечатывалось в местных ведомостях, о чем докладывалось городской управой с указанием числа и номера ведомостей.

Также в журнале заседания в рассматриваемом вопросе повестки или в конце содержания журнала прилагались доклады, отчеты городской управы, комиссий о своей деятельности. Некоторые доклады Управы заранее рассылалась за два дня до заседания для предварительного ознакомления. Из ежегодных отчетов составленных городской управой можно получить сведения не только о результатах проделанной работы, состоянии городского бюджета, но и количественные данные о документообороте городской управы за год. Так, в 1905 г. в Верненскую городскую управу поступило: входящих бумаг — 3082, исходящих — 3093; составлено 109 журналов, 1844 постановлений, не считая разных кондиций и контрактов [5, л.151].

Анализ журналов заседаний городской думы Ташкента и Верного показал, что гласными не раз поднимались на обсуждение жизненно важные для города проекты,

такие как расширение городской территории [6], сети образовательных и медицинских учреждений [7, с. 789–790], проведение водопровода [8] и телефонной связи [9, с. 152], освещение города [10, с. 105, 297] и постройка конно-железной дороги [11].

Стоит выделить комплекс делопроизводственной документации органов городского самоуправления, который содержит материалы организационно-правового характера, такие как избирательные списки, баллотировочные листы, формулярные списки, штатные расписания, уставы, инструкции, правила.

Так, списки лиц, имеющих право голоса на выборах, составлялись городской управой и должны были содержаться в исправном состоянии не только к моменту избирательной кампании, но и на протяжении всего времени, в них должны были заноситься дополнения или изменения, произошедшие в составе избирателей и их владение имуществом.

Рассмотрим формуляр списка лиц, имеющих право участия в выборах в Верненскую городскую думу по «Городовому положению» 1892 г. Согласно закону 1892 г. прежняя трехразрядная система, введенная законом 1870 г., упразднялась, избиратели заносились в один общий список [12].

Формуляр представлял собой табличную форму, состоящий из двух отделов. В первый отдел входили лица и учреждения, имеющие право быть избирателями со следующими графами: 1) порядковый номер по списку 2) фамилия имя отчество, звание 3) стоимость имущества 4) с какого времени владеет. Порой ориентироваться в таких списках было не просто, они составлялись не в алфавитном порядке, а по стоимости недвижимых имуществ.

Во втором отделе указывались лица и учреждения, содержащие торгово-промышленные предприятия в пределах города, сведения о них заносились в следующие графы: 1) номер 2) звание, имя, отчество фамилия торговца или предпринимателя 3) документы, дающие право быть избирателем 4) квитанция городской управы, дающая право быть избирателем.

Всего по составленному списку от 23 января 1897 г. избирательным правом были наделены 153 городских обывателя, владеющие недвижимым имуществом причем максимальный размер стоимости зафиксирован — 30 150 руб., минимальный — 1 000 руб. и 42 лица, владеющие торгово-промышленными предприятиями [13].

В Ташкенте же деление на разряды сохранялось². Горожан, которые удовлетворяли всем избирательным цензам, вносили в общий список, затем распределяли по разрядам в зависимости от суммы уплачиваемых ими городских сборов: к первому разряду относились те избиратели, расположенные в начале списка, которые, уплачивают вместе одну треть общей суммы сборов, ко второму следующие за ними по списку избиратели, уплачивающие вместе также треть всех сборов (в Ташкенте размер составлял от 9 руб. 50 коп. до 5 руб. 14 к.) к третьему — все остальные избиратели (от 5 руб. 10 к. и ниже) [14, л. 21].

² Ташкент являлся единственным городом в Российской империи, где оставалось действовать «Городовое положение» 1870 г.

Как следует из отчета сенаторской ревизии К.К. Палена выяснилось, что бухгалтер Ташкентской городской управы избирательные списки не вел, так как по его объяснениям это очень затруднялось частыми изменениями нормы обложения оценочным сбором и требовало гораздо большего состава служащих, вследствие чего списки составлялись только перед выборами. Так, наспех составленный список к выборам на предстоящее четырёхлетие 1906–1910 г., привел к тому что в списке оказались должностные лица, не имеющие права состоять в общественном управлении, выборы были признаны несостоявшимися и отменены Сырдарьинским областным по городским делам присутствием 27 сентября 1906 г. [10, с. 47].

Список лиц, имеющих право участия в выборах печатался в местном официальном периодическом издании «Туркестанские ведомости», «Семиреченские областные ведомости» и вывешивался в здании Управы для ознакомления.

Особую категорию делопроизводственной документации составляли акты городской думы, устанавливающие основные правовые нормы, и были обязательны к исполнению горожанами. Такие обязательные постановления до широкой общественности доводились также через местное официальное периодическое издание. Например, постановления регулирующие экономическую сферу — правила торговли на базарах, правила открытия питейных заведений, правила по взиманию сбора с собак, устав о питейном сборе. Ряд постановлений, которые были направлены на поддержание функционирования городских пространств и сооружений — правила об устройстве тротуаров, действующие только для домовладельцев Верного 1-го разряда, о посадке и вырубке деревьев. Обязательные постановления, обеспечивающие санитарное-эпидемиологическое благополучие — о содержании в чистоте арыков протекающих мимо домов, о запрете водопоя домашнего скота около водопроводных будок городского водопровода и вообще на улицах, где находятся водопроводные будки, о мерах по соблюдению чистоты в помещениях для продажи съестных припасов и напитков, о мерах по предупреждению и пресечению чумы рогатого скота, о постройке и содержании скотобоен и др.

В результате деятельности органов городского самоуправления накопился значительный комплекс материалов, связанный с финансово-бухгалтерской деятельностью (приходно-расходные сметы, кассовые книги, материалы ревизий, оценочные ведомости имущества и др.). Городская дума и управа собирали налоги, составляли бюджет города, распределяя его на благоустройство города и содержание учреждений. Бюджет состоял из доходной и расходной частей, сведения заносились в соответствующие графы сметы, которая имела единообразную табличную форму.

Первая годовая приходо-расходная смета на 1879 год была рассмотрена и утверждена городской думой Ташкента 20 сентября 1878 г., доход был определен в 155 036 руб. 00 коп. расход 136 179 руб. 32 коп. [2, с. 41]. А сметный бюджет Верного на 1878 г. был определен Верненской городской думой в размере 35 432 руб. 00 коп. [15].

На протяжении деятельности органов общественного управления городские доходы, постепенно повышались. В 1910 г. постановлением думы были намечены

доходы в Ташкенте в размере 1 034 642 руб. 96 коп. [16], в Верном 168 112 руб. 47 коп. [17]. Однако проблема дефицита городского бюджета не была исключением для Ташкента и Верного. Нередко в сметах обозначенные расходы были выше рассчитываемых к поступлению доходов. А среди статей расходов была, например, такая как содержание ирригационных сооружений, которые в городах европейской России отсутствовали.

Таким образом, сохранившиеся материалы текущего делопроизводства органов городского самоуправления Ташкента и Верного разносторонне и подробно отражают их деятельность. Они позволяют проанализировать механизм управления городским хозяйством, методы решения местных проблем, связанные с благоустройством, торговлей, народным образованием, санитарным состоянием города и здравоохранением, культурно-досуговой сферой. Помогают определить состав и внутренний порядок работы органов городского самоуправления, выявить финансовое положение городов последней трети XIX — начала XX в.

Источники

1. Высочайше утвержденное «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. СПб, 1874. С. 821–839. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=821&part=934 (дата обращения: 26.10.2021)
2. Бродский Л.К. Ташкент 1877–1919 гг.: К 35-летию городского общественного самоуправления. Ташкент: Типо-лит. В.М. Ильина, 1912. 87 с.
3. Туркестанские ведомости. 1878. 8 августа. № 31. (Журналы заседания Ташкентской городской думы за 1877 г.)
4. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУзб) Ф. И-718 Оп.1 Д.27. Журналы заседания Ташкентской городской думы за 1907 г.
5. НА РУзб Ф.И-1 Оп.12. Д.701. Годовой отчет о движении городских сумм и деятельности Верненской городской управы за 1904, 1905 г.
6. Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3317. По прошению уполномоченного Верненской городской думы ... о расширении площади городских земель.
7. Маллицкий Н.Г. Докладная записка о деятельности ташкентского общественного управления /IV. Учебное дело. Медицинское дело // Туркестанские ведомости. 1909. 29 августа. № 184.
8. РГВИА Ф. 400. Оп.1. Д. 849. Об устройстве в г. Ташкенте водопровода.
9. Семиреченские областные ведомости. 1909. 3 марта. № 18 (Городские дела)

10. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Городское управление. СПб., 1910. 483 с.
11. Туркестанские ведомости. Приложение. 1895. 6 июля. № 68. (Журнал заседания Ташкентской городской думы № 18 за 1895 г.)
12. Высочайше утвержденное «Городовое положение» от 11 июня 1892 г. [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. Российская национальная библиотека. Собр. III. Т. XII. Отд. 1-е. № 8708. СПб.: Типография собственной императорской канцелярии, 1895. С. 433–440. URL: <http://www.nl.rg.ru> (дата обращения: 26.10.2021)
13. Семиреченские областные ведомости. 1897. 1 марта. № 9. (Список лиц, имеющих право участия в выборах по городу Верному)
14. НА РУзб Ф. И-36 Оп.1 Д.2046. О выборе гласных в Ташкентскую городскую думу.
15. Туркестанские ведомости. 1878. 2 мая. № 17 (Извлечения из постановлений Верненской городской думы 1877–1878 г.)
16. Туркестанские ведомости. 1910. 2 сентября. № 196 (Смета доходов и расходов города Ташкента на 1910 г.)
17. Обзор Сырдарьинской области за 1910. Ташкент: Тип. при канцелярии Туркест. генерал-губернатора, 1912. 193 с.

Список литературы

1. *Абашии С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е.* и др. Центральная Азия в составе Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 464 с.
2. *Бабаджанов Б.М., Котюкова Т.В., Махмудов О.А., Абашии С.Н.* Туркестан в имперской политике России: монография в документах. Институт всеобщей истории РАН, Сектор истории Центральной Азии XIX–XX вв. — М.: Кучково поле, 2016. — 878 с.
3. *Брежнева С.Н.* Народы Туркестана в составе российской империи // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2017. — Т. 4. — № 1. — С. 1–24.
4. *Брежнева С.Н.* Переселение русских крестьян как фактор превращения Туркестана в национальную окраину Российской империи // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2019. — Т. 10. — Вып. 8 (82) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840006008-7-1/> (дата обращения: 19.11.2021). DOI: 10.18254/S207987840006008-7
5. *Васильев Д.В.* Российская империя в Центральной Азии: опыт управления окраиной // Электронный научно-образовательный журнал

- «История». — 2019. — Т. 10. — Вып. 8 (82) [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840006019-9-1/> (дата обращения: 18.11.2021). DOI: 10.18254/S207987840006019-9
6. *Васильев Д. В.* Административная аккумуляция: опыт региональной политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII–XIX вв. — Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. — 138 с.
  7. *Гермизеева В. В., Глазунова Т. В.* Отражение проблем социально-экономического развития Степного края в отчетах генерал-губернаторов в начале XX века // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, Вып. 5. — С. 27–31.
  8. *Котюкова Т. В.* Проекты духовного управления мусульман Туркестанского края: докладная записка А. А. Семенова о порядке утверждения мулл в Семиреченской области // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2019. — Т. 10. — Вып. 1 (75) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002590-8-1/> (дата обращения: 18.11.2021). DOI: 10.18254/S0002590-8-1
  9. *Котюкова Т. В.* «То, что казалось полгода тому назад недостижимой мечтой, сегодня уже является недостаточно смелым» Доклад ташкентского городского головы Н. Г. Маллицкого о реформе городского самоуправления в Туркестане. Апрель 1917 г. // Исторический архив. — 2012. — № 2. — 99–114 с.
  10. *Котюкова Т. В.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы / Между махаллей и горсоветом: выборное городское самоуправление в Туркестане. — М.: Научно-политическая книга, 2016. — 390 с.
  11. *Литвинов В. П.* Хранители «святых мест» в средней Азии и российское государство (1865–1917 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2020. — Т. 19. — № 4. — С. 781–792.
  12. *Почакаев Р. Ю.* Российская империя и Центральная Азия: правоотношения в контексте фронтальной модернизации // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — № 4 (93). — С. 72–81.
  13. *Почакаев Р. Ю.* Честолюбие «полупадишаха» или энтузиазм царского администратора? Организатор местного самоуправления в Ташкенте К. П. фон Кауфман // Quaestio Rossica. — 2019. — Т. 7. — № 1. — С. 115–128.
  14. *Тюрин С. С.* Образ города Верного (Алматы) в дореволюционных журналах исторической тематики в России (1854–1917 гг.). — Чебоксары: ИД «Среда», 2021. — 124 с.
  15. *Шушкова М. Е.* Туркестан и Городовое Положение 1892 г. // Труды Историко-архивного института. — 2014. — Т. 40. — С. 29–36.

References

1. Abashin S.N., Arapov D. Iu., Bekmakhanova N.E. and others. *Central Asia as part of the Russian Empire*.— M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.— 464 p. (In Russian)
2. Babadzhanov B.M., Kotiukova T.V., Makhmudov O.A., Abashin S.N. *Turkestan in the Imperial Policy of Russia: a monograph in documents*. Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences, the Sector of the History of Central Asia of the XIX–XX centuries.— M: Kuchkovo pole, 2016.— 878 p. (In Russian)
3. Brezhneva S.N. The peoples of Turkestan as part of the Russian Empire // *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee*.— 2017.— Vol. 4.— No. 1.— pp. 1–24. (In Russian)
4. Brezhneva S.N. Resettlement of Russian Peasants as a Factor in the Transformation of Turkestan into the National Outskirts of the Russian Empire // *Istoriya*. 2019.— Vol 10.— Issue 8 (82). DOI: 10.18254/S207987840006008–7. (In Russian)
5. Vasil’ev D. V. Russian Empire in Central Asia: Peripheral Administration Experience // *Istoriya*.— 2019.— Vol.10.— Issue 8 (82) URL: <https://history.jes.su/s207987840006019–9–1> DOI: 10.18254/S207987840006019–9. (In Russian)
6. Vasil’ev D. V. *Administrative acculturation: the experience of the regional policy of the Russian Empire in Central Asia. XVIII–XIX centuries*.— Orenburg: OGAU Publishing Center, 2018.— 138 p. (In Russian)
7. Germizeeva V. V., Glazunova T. V. Reflection of the problems of socio-economic development of the Steppe region in the reports of governors-General at the beginning of the twentieth century // *Manuscript*.— 2019.— Vol. 12, Issue 5.— pp. 27–31. (In Russian)
8. Kotiukova T.V. Projects of the spiritual administration of the muslims of Russian Turkestan: the memorandum of A. A. Semyonov concerning the authorization procedure of mullahs in Semirechye oblast // *Istoriya*.— 2019.— Vol. 10.— Issue 1 (75). DOI: 10.18254/S0002590–8–1. (In Russian)
9. Kotiukova T.V. “What seemed like an unattainable dream six months ago is no longer bold enough today” Report of Tashkent mayor N.G. Mallitsky on the reform of city self-government in Turkestan. April 1917 // *Istoricheskii arkhiv*.— 2012.— № 2.— pp. 99–114. (In Russian)
10. Kotiukova T.V. *The outskirts in a special position... Turkestan on the eve of the drama / Between the mahalla and the City Council: elective city self-government in Turkestan*.— M.: Nauchno-politicheskaia kniga, 2016.— 390 p. (In Russian)
11. Litvinov V.P. Keepers of «holy places» in Central Asia and the Russian state (1865–1917) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriia Rossii*.— 2020.— Vol. 19.— No. 4.— pp. 781–792. (In Russian)

12. Pochekaev R. Iu. The Russian Empire and Central Asia: legal relations in the context of frontier modernization // *Vestnik rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki.*— 2018.— No.4 (93).— pp. 72–81. (In Russian)
13. Pochekaev R. Iu. The ambition of the «half-shah» or the enthusiasm of the tsarist administrator? Organizer of local self-government in Tashkent K. P. von Kaufman// *Quaestio Rossica.*— 2019.— Vol. 7.— No. 1.— pp. 115–128. (In Russian)
14. Tiurin S.S. *The image of the Vernyi (Almaty) in pre-revolutionary historical magazines in Russia (1854–1917).* Cheboksary: Publ. «Sreda», 2021.— 124 p.
15. Shushkova M.E. Turkestan and the City Situation of 1892 // *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta.*— 2014.— Vol. 40.— pp. 29–36. (In Russian)

Информация об авторе

Сабира Анарбоевна Юсупова — аспирант кафедры истории России Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва.

Email: siusupova@gaugn.ru

Author's Information

Sabira A. Iusupova — postgraduate student of the Department of Russian History, State Academic University for the Humanities, Moscow.

Email: siusupova@gaugn.ru

СЕКЦИЯ 4
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Гуджаратский султанат в отчете венецианского путешественника второй половины XVI в.

Аннотация: Статья рассматривает образ Гуджаратского султаната, одного из богатейших государств Южной Азии в позднее Средневековье, в труде венецианского купца Чезаре Федеричи (1587). Исследование выполнено в русле историко-антропологического подхода. Описание Гуджарата Федеричи сравнивается с сообщениями о нем Никколо деи Конти и Томе Пиреша. Рассказ о султанате (Камбейском королевстве, Regno di Cambaia) был помещен в главу «Гоа, Диу и Камбайя» и включал описания двух городов, столичного Ахмадабада (Amadauar), который путешественник сравнивал с Каиром, и гигантского порта Камбея (Cambaïette), сообщения о товарах, приходивших в порт и вывозившихся из него, о преуспевающих купцах-посредниках, пользовавшихся огромной властью. Купец видел обилие в Камбее опиума, в торговле которым он сам участвовал. Купец, побывавший в султанате во время голода, также отмечал резкий контраст между богатством торговли, ведущейся в государстве, и ужасающей нищетой, в которую погрузились бедные его жители, вынужденные продавать своих детей в рабство португальцам. В рассказе присутствовал элемент историописания: Федеричи бегло поведал о гибели последнего «законного» государя Гуджаратского султаната Бахадур-шаха (Sultan Badu), последовавших за ним усобицах между «тиранами» и в итоге о завоевании Гуджарата Великим Моголом Акбаром. Причины упадка могущественного некогда государства венецианский купец видел в узурпации власти и политической раздробленности. В описании султаната у Федеричи в ряде мест прослеживается влияние португальского ориенталистского нарратива.

В целом, Федеричи видел в «Камбейском королевстве» одно из богатейших государств Индии, главный порт которого даже в пору смуты и голода оставался важным центром торговли и ремесла; также купец довольно точно описал ситуацию распада султаната (Библиогр. 21 назв.).

Ключевые слова: Чезаре Федеричи, Гуджаратский султанат, Великие Моголы, торговля пряностями, Венецианская республика, ориентализм, путешествия раннего Нового времени

Dmitry V. Vozchikov
Ural Federal University

Gujarat Sultanate in Cesare Federici's Account

Summary: The article deals with the imagery of the Gujarat Sultanate, one of the wealthiest states in late Medieval India, in a travelogue, written by the Venetian merchant Cesare Federici (1587). The current research is based on historical-anthropological approach. The author compares Federici's description of Gujarat to the ones left by Niccolò de' Conti and Tomé Pires. Federici's account about Gujarat (Kingdom of Cambaia, Regno di Cambaia) was put in a chapter under the title "Goa, Diu and Cambaia" and included description of two cities, the capital Ahmedabad (Amadauar), which was compared to Cairo, and the giant seaport of Cambay (Cambaiette), the list of the various merchandise, which had come to and had gone from the port, the portrayal of the thriving brokers, who had enjoyed a great authority. Federici also told about the brisk opium trade in Cambay, in which he had participated actively. Federici had visited the seaport at the time of famine. He had underlined the contrast between the bustling trade in the city and the terrific misery among its poor inhabitants, who had to sell their children to the Portuguese traders. Federici's narration on Gujarat had a sufficient history-writing element. The merchant briefly mentioned the murder of the last "legitimate king" of the state Bahadur Shah (Sultan Badu), the consequent feudal strife between the "tyrants", and finally the Mughal conquest. Federici supposed, it had been the usurpation and political fragmentation that had determined the decline and fall of the once mighty Sultanate. The Portuguese orientalist narrative partly influenced the merchant's description.

In general, for Federici, the Gujarat Sultanate was one of the richest kingdoms of India. Even in the time of famine and political instability, its main seaport was an emporium of great significance. The merchant relatively precisely described the disintegration process in the Sultanate (Refs 21).

Keywords: Cesare Federici, Gujarat Sultanate, Mughal Empire, Spice trade, Republic of Venice, orientalism, Early Modern Voyages

Гуджаратский султанат, находившийся под властью династии Музаффаридов (1407–1573), представлял собой одно из наиболее значимых в мировой торговле государств Индии позднего Средневековья. Этому способствовали, помимо удачного географического положения, богатые традиции ремесла и торговли, восходящие в этом регионе к древнейшим страницам истории южноазиатской цивилизации. Расцвет Гуджаратского султаната пришелся на время правления Абу-л Фатх Махмуда (Махмуд Бегара, 1458–1511), при котором Гуджарат превратился в «мастерскую Индии» [Алаев, 2003: 147]. Блестяще информированный португальский аптекарь Томе Пиреш (Пириш) в трактате «Сумма [представлений о] Востоке, в которой рассказано о [землях] от Красного моря до Китая» (1515) [Новакова и др., 2017: 7; *The Suma Oriental of Tomé Pires...* 1944] так характеризовал роль гуджаратцев в торговле Малакки:

Камбейские купцы делают Малакку главным центром своей торговли. В Малакке находилась тысяча гуджаратских купцов, помимо четырех или пяти тысяч моряков, приходивших в город и покидавших его. Малакка не может жить без Камбея, как и Камбей — без Малакки, если они стремятся поддерживать свое богатство и процветание [*The Suma Oriental of Tomé Pires...* 1944, vol. 1: 45; vol. 2: 369].

Как подчеркивает Ом Пракаш, именно Гуджарат был важнейшим торговым регионом Южной Азии, а гуджаратские торговцы — большей частью мусульмане, но также и представители индуистских торговых каст — за XV в. стали, по-видимому, самым большим сообществом купцов, вовлеченным в торговлю во всей акватории Индийского океана [Prakash 1998: 14]. Захват португальцами в следующем столетии контроля над опорными пунктами морской торговли в Южной и отчасти Юго-Восточной Азии не лишил гуджаратских купцов этого статуса. В XVI в. объем гуджаратской торговли, основу которой составляли производимые в огромных количествах ткани, достигал примерно 40% всей торговли Индийского океана [Хазанов, 2003: 234–235].

На заре эпохи Великих географических открытий португальцы отмечали особую информированность купцов и мореходов из Венецианской республики о восточных делах, в том числе о торговле в Индии, или в Индиях, и, начиная с принца Энрике Мореплавателя (1394–1460), рассматривали свидетельства венецианских путешественников как ценный материал для своих заморских экспедиций. В первой половине XVI в. ситуация стала иной: после открытия морского пути в Индию и начала бурной колониальной экспансии Португалии в Азии среди трансконтинентальных колониальных империй Республике Св. Марка не нашлось места, хотя она долгое время оставалась серьезным конкурентом Португалии в торговле пряностями. Теперь уже венецианские купцы останавливались в португальских Гоа и Малакке. Европейский дискурс о Востоке теперь определяли не венецианцы, а португальцы. Непосредственный интеллектуальный контакт между европейцами и индийцами стал возможен только после формирования комплекса португальских колоний с центром в Гоа, составлявших *Estado da Índia* [Ванина, 2011: 38]. Для реконструкции представлений европейцев XVI в. о Гуджаратском султанате большую значимость

имеют нарративные источники, написанные западными авторами, не бывшими подданными португальской короны, которые не ставили задач прославления колониального могущества Португалии и выступали в известном роде наблюдателями «со стороны». Одним из таких ярких европейских авторов-непортугальцев был купец из Венецианской республики Чезаре Федеричи (он же — Чезаре деи Федричи, ок. 1521–1601), время путешествия которого пришлось на последние годы существования Гуджаратского султаната.

В 1587 г. в Венеции был опубликован травелог Федеричи под названием: «Путешествие мессера Чезаре деи Федричи в Восточную Индию и за пределы Индии, в коем содержатся занимательные явления обрядов и обычаев тех стран, а также описываются пряности, снадобья, драгоценные камни и жемчуга, что из них вывозятся; с некоторыми полезнейшими предупреждениями тем, кто бы пожелал совершить такое путешествие» (“*Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell’India Orientale & oltra l’India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi, Et insieme si descrivono le spetiarie, droghe, gioie et perle che d’essi si cavano. Con alcuni avvertimenti utilissimi a quelli che tal viaggio volessero fare*”) [Federici 1587]. В этом сочинении, представляющем собой одновременно травелог и отчасти справочник по городам Южной и Юго-Восточной Азии, содержатся сведения о торговле и повседневной жизни ряда государств Востока — от Османской империи до державы Виджаянагар и бирманского государства династии Таунгу. Значительное место в труде Федеричи занял и Гуджаратский султанат, названный в нем Камбейским Королевством (*Regno di Cambaia*).

Несмотря на сравнительно широкую известность отчета Федеричи и большую его популярность в Европе еще при жизни самого автора, исследований, посвященных ему, в целом немного, по-видимому, в силу того, что его травелог находится в тени близких ему по времени португальских сочинений различных жанров по Южной Азии. Критическое издание травелогов Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби под редакцией Ольги Пинто, снабженное подробными комментариями, вышло в 1962 г. [Viaggi di C. Federici... 1962]. Х.-П. Рубьес, отдельно исследуя рассказ Федеричи о поражении индуистской империи Виджаянагар при Таликоте в 1565 г. и сопоставляя его труд со свидетельствами других европейцев о Южной Азии, отмечает большую ценность сообщений венецианца, преимущественно отражающих точку зрения многих подданных этого государства, а также утверждает, что отчет Федеричи в тех частях, где автор давал экскурсы в прошлое посещенных стран и городов, был проникнут идеей историчности [Rubiés 2000: 304–306]. М. Пирсон в исследовании Гуджарата XVI в. указывает на Чезаре Федеричи как на одного из европейских авторов, формировавших и поддерживавших представление о Гуджарате как о сказочно богатой стране [Pearson 1976: 108]. Отчет купца Федеричи также интересен своим вниманием к деталям социально-экономического характера, в частности, и по реалиям Гуджарата второй половины XVI в. что также отмечалось в историографии [История Индии в средние века 1968: 290]. Однако, насколько нам известно, пока не предпринимались исследования очерка Гуджарата у Федеричи как отражения

взгляда на Индию венецианского купца на Востоке, представителя иной по отношению как к индуистам и мусульманам, так и по отношению к португальцам среды и как сложного образа в рамках краткого, но многожанрового произведения.

Подобному ракурсу наилучшим образом отвечает историко-антропологический подход с его акцентом на опыте человека в истории и социуме как индивида и представителя определенной группы, и, в частности, антропология путешествия. По словам А. В. Головнёва, «путешествие — это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Это состояние преображений, игр с реальностью, запечатлений себя в иных измерениях» [Головнёв, 2016: 15].

Сохранившиеся в источниках сведения о жизни и торговых предприятиях купца Чезаре Федеричи весьма фрагментарны и позволяют реконструировать его биографию лишь частично. Федеричи, сын Джироламо, был уроженцем Эрбано (в наши дни — Эрбанно) в Валь-Камонике, которая была аннексирована Венецианской республикой почти за сто лет до его рождения, в 1427 г. К началу своих странствий по Азии Федеричи, несомненно, имел немалый торговый опыт [Viaggi di C. Federici... 1962: XXII]. В 1563 г. Федеричи, будучи весьма зрелым человеком, вложил в разные товары 1200 дукатов и, по собственному признанию, «охваченный желанием увидеть страны Леванта» [Federici 1587: 1], отбыл на корабле «Граденига» из Венеции на Кипр, колонию Венецианской республики, откуда затем отправился в Триполи в османской Сирии (в наши дни — территория Ливана), а после болезни и потери товара из-за разграбления каравана поехал в Индию. Само решение о поездке из османских владений далее в страны Индий, как тогда именовались в Европе обобщенно страны Южной и Юго-Восточной Азии, было для Федеричи, по его же утверждению, вынужденным. В заключительной части своего травелога, обращаясь к обстоятельствам начала своего путешествия по Востоку, Федеричи сообщал, кто, когда он находился в сирийском Триполи, он серьезно заболел в доме некоего мессера Регуло дельи Ораци (Regulo de gli Oratij) [Tucci 1995]. Далее купец рассказывал:

«Упомянутый мессер Регуло по моему распоряжению отправил мой товар с маленьким караваном, что шел в Алеппо. Караван был ограблен, и весь мой товар был потерян, кроме четырех сундуков разного стекла, что мне стоили семидесяти дукатов и которые я потом нашел взломанными, а в них нашел множество битого стекла, потому что разбойники (ladri), думая, что там в сосудах другой товар, и чтобы его достать, стеклянные изделия перебили, но, обнаружив, что там лишь стекло, оставили груз» [Federici 1587: 168].

По мнению О. Пинто, речь здесь шла о муранском стекле [Viaggi di C. Federici 1962: 66]. Высококачественные изделия из него пользовались в Османской империи большим спросом. Эти потери вынудили купца отправиться торговать дальше, следуя по обширным сирийским и иракским владениям Османской империи к Ормузу, контролируемому португальцами, а далее — в Индию. Это скорее типичная, нежели исключительная ситуация для множества других купцов позднего Средневековья

и раннего Нового времени, отправлявшихся в столь дальний и рискованный, хотя и сулящий баснословные выгоды путь в Южную Азию.

Главным мотивом путешествия Федеричи, скорее всего, было получение прибыли, которую сулило участие в восточной торговле, однако, судя по подробному описанию им многих деталей повседневной жизни разных стран Востока, здоровая любознательность и вправду не оставляла венецианца. Восемнадцать лет (1563–1581) он провел в разных странах Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Редактором воспоминаний Федеричи о его путешествиях выступил по просьбе самого купца брат Бартоломео Диониджи да Фано, но его вмешательство в формирование окончательного текста книги, по-видимому, было ограниченным и сводилось к некоторым морализаторским пассажам, включая рассуждение о долге честного купца в конце сочинения, и изъятию из текста ряда «непристойных» сюжетов [Rubiés 2000: 306]. Вероятно, редактор-церковник также усилил имевшийся в тексте акцент на осуждение индуистских религиозных обычаев. В жанровом отношении получившаяся книга, по словам У. Туччи, сочетала рассказ о путешествии и географический очерк, равновесие между которыми, впрочем, автору не всегда удавалось соблюсти [Tucchi 1995]. Кроме того, неоднородны в жанровом отношении и главы труда. Обычно отдельные главы травелога, которые обычно названы по посещенным им городам, регионам и островам, включали в себя маршрутное описание (с указанием, какое расстояние отделяло один населенный пункт или географический объект от других), личные воспоминания автора и описание собственно города, его облика, достопримечательностей, товаров и обычаев жителей. В ряде случаев, когда описание было особенно детализированным, рассказ о городе, острове или местности включал также элемент историописания, сводившийся обычно к экскурсу в недавнюю историю, как это было, в частности, с Виджаянагаром и Шри-Ланкой.

Травелог Федеричи, написанный простым и ясным стилем, быстро завоевал популярность как в Венеции, так и за ее пределами. Уже в 1588 г. вышел английский перевод труда Федеричи. Вскоре Ричард Хаклюйт во втором издании своих «Главных плаваний, путешествий и открытий английской нации» (1598–1600) издал отчет лондонского купца и участника миссии Елизаветы I к могольскому падишаху Акбару (1556–1605) Ральфа Фитча о его путешествии по Южной и Юго-Восточной Азии. Этот труд содержал множество заимствований из травелога Федеричи [Fitch Ralph 1921: 8]. В самой Венеции в 1590 г. была опубликована книга соотечественника Федеричи Гаспаро Бальби «Путешествие в Восточные Индия Гаспаро Бальби, ювелира венецианского, в коем содержатся сведения, сколько он в упомянутом путешествии повидал на протяжении девяти лет, проведенных в нем с 1579 и до 1588 года. С сообщением о пошлинах, мерах и весах во всех городах, посещенных в том путешествии, и о правлении короля Пегу, и о войнах, которые он вел с другими королями — Авы и Сиона [Сиам]» (“Viaggio dell’Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliero venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni consumati in esso dal 1579. fino al 1588. Con la

relatione de i datij, pesi, & misure di tutte le città di tal viaggio, & del gouerno del re del Pegu, & delle guerre fatte da lui con altri re d'Auuà & di Sion") [Balbi 1590]. Бальби побывал по торговым делам в ряде государств Южной и Юго-Восточной Азии, в частности, в Бирме, как и Федеричи. Травелог Бальби изобиловал фрагментами, взятыми из сочинения Федеричи с небольшими изменениями, и обычно относившимся к разделам по Ближнему Востоку и Южной Азии. По хлесткому выражению Я. Шарпантье, Бальби «обобрал своего предшественника самым бесстыдным образом» [Charpentier 1920: 157]. Х.-П. Рубьес полагает, что причина распространенного копирования *post factum* чужих сведений даже бывальыми путешественниками, вроде Бальби и Фитча, в чьем пребывании в описанных ими городах и странах не приходится сомневаться, лежала в целеполагании самого жанра купеческого маршрутного описания той эпохи: совпадение сведений подтверждало для читателей-современников достоверность отчетов, главной задачей авторов которых было донесение информации, а вовсе не создание оригинального текста [Rubiés 2000: 105].

В индийских сюжетах отчета венецианский купец уделял внимание, в первую очередь, торговым путям и товарам, однако несколько раз сопровождал описание той или иной территории экскурсами в ее недавнее прошлое. Следуя давно устоявшейся в европейской описательной географии схеме, Федеричи делил жителей Востока по религиозному принципу на «мавров» (*Mori*, мусульман), и «язычников» (*Gentili*) — индуистов, буддистов и вообще всех последователей неавраамических религий. Вероучения и индуизма, и ислама, по-видимому, венецианца не интересовали, однако о вероисповедании правителей упомянутых им государств и городов купец обычно сообщал. У Федеричи стандартное наименование любых мусульман — это «мавры», что довольно обычно для его эпохи. Выдающийся венецианский хронист первой половины XV в. Антонио Морозини в своем грандиозном сочинении употреблял по отношению к любым мусульманам как термин «мавры» (*mori*), так и термин «сарацины» (*saraini*) [II Codice Morosini 2010, t. 2: 695, 698, 923]. В сообщении о захвате португальцами Сеуты (1415) в хронике Морозини говорилось о завоевании королем Португалии земель «мавров, народа неверного, сарацин» (*mori, zente infedel, saraini*) [II Codice Morosini 2010, t. 2: 690]. Во времена же, когда путешествовал Федеричи, экзоконфессоним «сарацины» продолжал бытовать в Европе, но использовался уже далеко не столь часто, как в Средние века. Чезаре Федеричи был настроен резко негативно по отношению к индуистскому «идолопоклонству» и прямо именовал такие обычаи, как сати, самосожжение вдов, «зверством» (*bestialità*). «В это время я, — сообщал Федеричи, — видел странные и зверские дела этого язычества: во-первых, принято у них сжигать мертвые тела знатных мужчин и женщин, а если умерший мужчина женат, жена обязана быть сожженной заживо с телом своего супруга...» [Federici 1587: 36].

Федеричи в травелог не всегда сообщал даты своего прибытия в определенный город и отъезда из него. В частности, неизвестны точные даты пребывания Чезаре Федеричи в Гуджаратском султанате, его главном порте Камбее (современный

Кхамбхат, штат Гуджарат) и столице Ахмадабаде. В первый раз в Гуджарате Федеричи побывал в начале своего путешествия в Индии, то есть в 1564 или, возможно, в 1565 г. [Viaggi di C. Federici... 1962: XXIV]. В другой раз Федеричи, после того, как вылечился от тяжелой болезни в Гоа и потерпел большие убытки, решил вложить средства в опиум (Anfione) в Камбее, который был крупнейшим центром торговли разными наркотическими средствами, и продать партию этого зелья в Пегу (Бирме), ведь оно там было в цене. Случилось это в 1570 г., когда Гоа безуспешно осаждало войско Диалкана (Dialcan), под которым Федеричи подразумевал султана Биджапура из династии Адил-шахов, искаженное наименование Адил-шахов в португальских источниках — это Hídalcao, Ydallcao, Idalcan и Idalxa, [Viaggi di C. Federici... 1962: 249]. Федеричи тогда уже во второй раз приехал в Бирму, после многих злоключений добрался до нее, надеясь получить огромную прибыль, но, к своему огромному разочарованию, не смог выгодно продать дорогой наркотик, поскольку буквально за день до венецианца в Пегу прибыло другое судно с огромным грузом опиума из Камбея, везшее его изначально в султанат Аче (Assi) на Суматре, но из-за шторма свернувшее в Пегу, из-за чего «снадобье» резко упало в цене [Federici 1587: 154–155]. После этого Федеричи вынужден был остаться в Бирме на два года. Примечательно, что опиум, которым изобиловал Камбей, вовсе не вызывал у Федеричи такого брезгливого отношения, как повсеместно распространенный в Южной и Юго-Восточной Азии бетель [Federici 1587: 51], вероятно, потому, что в торговле опиумом сам венецианец принял активное участие, хотя и не столь успешно, как бы ему хотелось. Пиреш подчеркивал, что в «Камбейском королевстве» (Regno de cambaia) сам султан предпочитал проводить большую часть времени со своим гаремом, употребляя опиум [The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol. 1: 40; vol. 2: 366]. Чезаре Федеричи, в отличие от Пиреша, хотя и сообщал о столице султаната Ахмадабаде, ничего не говорил о дворцовом быте правителя.

Знакомство Федеричи с Южной Азией началось с португальских колоний, именно они стали своего рода точкой отчета в его описании Индии. За описанием Гоа и Диу в главе под названием «Гоа, Диу и Камбайя» следовал отдельный и обстоятельный рассказ о Гуджарате.

Гоа — главный город, которым располагают португальцы в Индии, где проживает вице-король со своим двором и королевскими министрами. А от Ормуза до Гоа — девятьсот девяносто миль пути, на коем пути первый город, который находится в Индии, зовется Диу и находится на маленьком острове Королевства Камбайи (Камбейского королевства), где есть лучшая крепость во всей Индии, и маленький, но очень оживленный город, поскольку здесь загружаются многие большие суда с различным товаром, направляющиеся в пролив Мекки и к острову Ормуз. Это — суда мавров и христиан, однако мавры не могут плавать в те моря без грамоты (cartasso), то есть лицензии вице-короля Португалии, иначе их суда будут конфискованы за контрабанду.

Приходят товары, которые загружаются на эти суда, из Камбайетте (Cambaiette) [Камбей], порта Камбайи, на маленьких судах или лодках, ведь там нет возможности

идти ни кораблям, ни сколько-нибудь крупным судам из-за того, что вода там очень мелкая. Это проход в сто восемьдесят миль вокруг залива и пролива, который они на своем языке называют «маккарео» (Massareo), потому что волны набегают здесь, превышая всякую меру, по сравнению с иными местами, за исключением Пегу, в котором есть другое маккарео, набегающее с еще большей силой. Королевский город зовется Амадавар (Amadauar) [Ахмадабад] и находится на расстоянии полутора дней пути по суше от Камбайетте, это большой и густонаселенный город, и для города язычников он очень добротен выстроен, с красивыми домами, улицами и широкими площадями со множеством лавок (botteghe). И он очень похож на Каир, но не столь велик. Камбайетте стоит над морем, и это очень красивый город, в коем я находился в пору бедственного голода. И я видел отцов и матерей из язычников, которые шли к португальцам, умоляя тех купить их сыновей и дочерей. И они их продавали им по шесть, восемь или десять ларинов за одного ребенка, а один ларин¹ (Larino), переводя в наши монеты, может цениться примерно в один [венетский серебряный] мочениго (mosenigo). Учитывая все это, я бы не поверил, что там же ведется обширная и богатая торговля, если бы не видел ее сам. А каждое новолуние и каждое полнолуние — это время, когда приходят и уходят суда, поскольку в эти два момента поднимается вода, а в другое время вода настолько мелкая, что мореплавание становится невозможным. Приходят в очередное новолуние и полнолуние с подъемом воды многие малые суда, нагруженные всякими сортами специй, шелком из Китая, сандалом, слоновьими бивнями, деревом бразил (verzino), бархатом, большим количеством тканей, что приходят из Мекки, цехины в звонкой монете и разные другие товары. Уходят потом отсюда корабли с грузом почти несметного количества хлопчатобумажной ткани, разноцветные и в один цвет, с огромнейшим количеством индиго, имбиря, сушеного и засахаренного, алычи, сушеной и засахаренной, буры в виде пасты, с обилием сахара, большим количеством хлопка, огромным количеством опиума, асафетиды, растения пукьо, турбитов и многих других разновидностей снадобий. В Диу обрабатывают крупные камни: сердолики, гранаты, агаты, яшмы, халцедоны, аметисты, а также некоторые виды натуральных алмазов.

В Камбайетте есть один обычай, к коему никто не принуждается силой, однако он соблюдается всеми португальскими купцами. Обычай этот таков. В этом городе есть некоторые торговые посредники из язычников (Sensari Gentili), пользующиеся огромным влиянием, каждый из которых имеет по пятнадцать — двадцать слуг. И купцы, которые давно ведут дело в этой стране, имеют своего посредника, который их обслуживает. А тем купцам, которые там еще не бывали, друзья сообщают об этом обычае и о том, услугами какого посредника им нужно будет пользоваться. Сейчас каждые пятнадцать дней (как я сказал об этом выше), когда в порт приходят флоты судов, подходят и эти посредники на берег. Сойдя на берег, купцы предоставляют свидетельства (polizze) обо всем своем товаре тому посреднику, чьи услуги они хотят получить, вместе со знаком на своих тюках и затем, после

¹ Серебряная монета весом 4,77 г [История Индии в средние века, 1968: 290].

выгрузки предметов быта, принадлежащих купцам (потому что по всей Индии нужно, чтобы купцы носили с собой самые необходимые предметы мебели, чтобы затем на каждом новом месте им можно было обустроить новый дом), посредник, который получил от них свидетельство, отдает распоряжение своим слугам, чтобы те погрузили эти предметы домашнего быта на несколько очень хрупких повозок, а, говоря купцу, чтобы тот отправился отдыхать, отправляет его в город, где у каждого посредника есть для заселения купцов разные пустые дома, чистые и отполированные, обставленные только лежанками, столами, стульями и сосудами с водой. Посредник со свидетельством остается на берегу, распоряжается выгрузить товары с корабля, уплачивает за него пошлину и приказывает привезти товары в дом, где разместился купец, который ничего не знает ни о пошлине, ни о понесенных расходах [Federici 1587: 15–20].

Венецианец скрупулезно перечислил стекающиеся в порт Камбея: пряности всех видов, китайский шелк, сандал, слоновую кость, разнообразные ткани (особенно — хлопковые различных сортов), камни и многие другие предметы из Индии и со всей Азии. Особое внимание Федеричи уделил торговым посредникам, принадлежавших к индуистским торговым кастам, констатировав, что, сойдя на берег, купец из, казалось бы, владычествовавшей на море Португалии, оказывался почти полностью ведомым ими в своих делах. Далее Федеричи отмечал, что, когда товары прибывшего в город купца доставлялись в город, посредник тут же спрашивал его, собирается ли он продать их по текущей цене, и, если тот соглашался, тут же сообщал ему расклад по товарам и ценам. Купец также мог вложить вырученные деньги в иной товар, также под деятельной опекой посредника-индуса [Federici 1587: 20–21]. Федеричи продолжал:

И, если у него добро на двадцать тысяч дукатов, все оказывается распродано в течение пятнадцати дней без всяких беспокойств и забот. Если же купец не собирается продавать товары по той цене, он может ждать, сколько ему захочется, но товар не может быть продан через какие-либо другие руки, помимо того посредника, который уплатил за него пошлину. И иногда, ожидая время для продажи, он получает прибыль, а порой — терпит убыток. Однако в основном для тех видов товаров, которые не прибывают каждые пятнадцать дней, ожидание оказывается намного выгоднее.

Небольшие суда, что уходят из этого порта загруженными, приходят в Диу для загрузки товаров на корабли, которые затем оттуда идут в Мекку и в Ормуз, а часть отправляется в Чаул и Гоа, всегда — в сопровождении кораблей военного флота португальцев, принимая во внимание множество корсаров, которые бороздят море и грабят по всему тому побережью Индии. Из-за страха перед ними плавание там небезопасно, если оно не сопровождается хорошо вооруженными кораблями или португальской армадой [Federici 1587: 21–22].

Посредническая функция гуджаратских бания, торговцев и ростовщиков, согласно традиции, включает в себя большую долю «нечистоты», что проявилось в популярном в Индии выражении: «Если бания хочет процветать, он должен

постоянно врать» [Успенская, 2010: 436]. Однако в травелоге Федеричи торговые посредники между иноземными купцами и торговой средой Камбея не наделяются характеристиками лжецов и плутов, гораздых обобрать иностранца. Федеричи лишь констатировал полную зависимость приезжих торговцев на месте от посредников, которые, разумеется, ревностно держались за этот статус.

Описание владений и торговых ресурсов Гуджаратского султаната у другого венецианского купца, побывавшего в Индии за полтора века до Чезаре Федеричи, заметно отличалось от рассказа Федеричи в основных акцентах и было куда лапидарнее. Путешественник из Венецианской республики Никколо деи Конти (он же Николо Конти, ок. 1395–1469) бывал в Камбее (Combahita, Cambaita) и несколько раз упоминал его в своем знаменитом отчете 1439 г. о странствиях по Ближнему Востоку, Южной и Юго-Восточной Азии, записанном папским секретарем и гуманистом Поджо Браччолини [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 126–148]. Камбей был назван «благородным городом», путешественник отмечал наличие в нем обычая самосожжения вдов, а его окрестностях — обилие камня сардоникса [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 128]. Поджо Браччолини так излагал краткое сообщение Конти о товарах Камбея в маршрутном описании его странствия: «Оставив его [Каликут], он [Никколо — Д. В.] в течение пятнадцати дней, двигаясь на запад, достиг города Камбаиты, находящегося у моря и насчитывающего в окружности двенадцать миль, богатого нардом, лаком, индиго, алычой и множеством шелковых тканей» [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 138]. Путешественник упоминал в Камбее «племя жрецов» бахали (Bachali), практиковавших вегетарианство и самосожжение вдов [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 138]. Как значимая характеристика города в отчете Конти фигурировали аскетические подвиги в форме умерщвления плоти и самоубийства [Poggii Bracciolini Florentini 1723: 144]. Однако сведений о политической истории или государственном устройстве Гуджарата Конти не оставил.

События политической истории Гуджаратского султаната нашли отражение в отчете Федеричи. Последний значительный правитель этого государства султан Бахадур-шах (1526–1535 и 1536–1537), оказывавший сопротивление португальской экспансии, был вынужден в условиях угрозы со стороны другой экспансионистской силы — молодой державы Великих Моголов — пойти на союз с Португалией. В рамках этого союза Бахадур предоставил португальцам в качестве базы стратегически важный остров Диу, на котором в 1536 г. они завершили строительство форта [Хазанов, 2014: 51–52]. В итоге Бахадур-шах, убедившись в пагубности союза с португальцами, которые после установления контроля над Диу стали действовать в Южной Азии еще более бесцеремонно, попытался заключить соглашение с Османской империей против португальцев, но те заманили султана на очередных переговорах в западню, где он и был убит в 1537 г. По поводу обстоятельств его гибели данные источников расходятся. В официальной могольской хронике «Акбар-наме», написанной одним из ближайших сподвижников Акбара Абу-л Фазлом, к примеру, сообщалось, что в ходе завязавшейся стычки на борту

португальского судна Бахадур-шах сам бросился в море и утонул [The Akbar Nama of Abu-l-Fazl 1907: 323]. В том же источнике говорилось об обилии различных слухов о том, что Бахадур-шаху удалось чудом уцелеть и бежать от португальцев, после чего якобы его бывший наставник смог опознать своего государя [The Akbar Nama of Abu-l-Fazl 1907: 324].

Чезаре Федеричи бегло и уклончиво сообщил об убийстве Бахадур-шаха (Sultan Badu), не называя обстоятельств его смерти. Федеричи именовал султана не мусульманином, а «язычником». Возможно, здесь слово «язычник» использовано скорее в уничижительном, чем в описательном смысле, поскольку Бахадур-шах оказался для португальцев вовсе не тем сговорчивым «партнером», которого они хотели в нем найти. Томе Пиреш же подчеркивал, что «Камбейское королевство» управлялось мусульманами-завоевателями, которым были подвластны многочисленные «язычники» [The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol 1: 39–40; vol. 2: 364–365]. Характерно, что про последних Пиреш в том же описании Гуджаратского султаната транслировал распространенное среди португальцев поверье, что индусы в прошлом были христианами, но из-за мусульманских захватчиков постепенно утратили веру, а в качестве доказательства якобы былого христианства «язычников» Пиреш приводил их веру в Богоматерь (вероятно, богиня Лакшми) и в Святую Троицу (вероятно, Тримурти) [The Suma Oriental of Tomé Pires... 1944, vol 1: 39–40; vol. 2: 364–365]. Согласно рассказу Федеричи, после гибели у Диу последнего легитимного султана Гуджарата в государстве настал период распада и смуты:

В целом, Королевство Камбейское — место великой торговли и ведения дел со всем миром, которое с некоторого времени находится в руках тиранов. Поскольку шестьдесят пять лет назад во время одного дела на Диу был убит его истинный король языческий (*vero Re Gentile*) по имени Султан Баду, четверо или пятеро его капитанов поделили королевство между собой, и каждый тиранствовал (*tirannegiava*) в своей части. Но двенадцать лет назад Великий Могол, мавританский король Агры и Дели (*il gran Magol Re Moro d'Agra e del Deli*), что в сорока днях пути от Амадауара, захватил все Камбейское королевство без какого-либо сопротивления. Поскольку он вторгся с очень сильным и многочисленным войском и нашел королевство разделенным, не было никого, кто ему бы противостоял, но все сразу же подчинились ему, а эти люди — тираны зверского нрава [Federici 1587: 22–23].

Ошибаясь в датах, венецианец все же достаточно точно описал ситуацию политического распада Гуджаратского султаната. В 1573 г. Гуджарат, бывший ареной непрекращающихся междоусобных войн между наместниками с участием португальцев и абиссинских гвардейцев, вошел в состав империи Великих Моголов [История Индии в средние века, 1968: 281]. Чезаре Федеричи видел в утрате государством законного правителя залог его скорого распада, и слово «тиран» в его отчете имеет классический смысл «узурпатор». Рассказывая о последующем захвате Моголами Бенгалии в главе «Орисса и река Ганг», Федеричи именовал Акбара «тираном» и «Великим Моголом, королем Агры, Дели и всей Камбайи» (*grande Magol Re*

d'Agra, del Deli, e tutta Cambaia) [Federici 1587: 89]. Титул правителя дополнялся по мере его завоеваний. Падишах Акбар назван в травелогe тираном, поскольку для Гуджаратского султаната и Бенгалии он был завоевателем. Именно узурпацией верховной власти и тем, что в наши дни назвали бы кризисом легитимности, Федеричи объяснял также утрату империей Виджаянагар своего могущества [Federici 1587: 33–34]. Хотя Могольская империя не получила отдельного описания в травелогe Федеричи, присутствие этой молодой грозной силы, быстро покорявшей огромные и еще недавно могущественные государства, было ощутимо во многих его разделах.

Завершалось отдельное описание венецианцем Гуджаратского султаната рассказом о его личных наблюдениях в Камбее:

Пока я жил в Камбайетте, я видел нечто, что меня очень удивило: там было почти несметное множество мастеров, которые постоянно изготавливают [браслеты] манини (*manini*) из слоновой кости, окрашенные в разные цвета, для женщин-язычниц, у которых все руки в этих браслетах. И на них каждый год тратятся многие тысячи монет (*scudi*). А причина в том, что, когда у них умирает кто-то из родственников, согласно обычаю, женщины в знак скорби ломают все браслеты на своих руках, а потом немедленно покупают себе другие, потому что они скорее останутся без еды, чем без манини [Federici 1587: 23–24].

Используемое Федеричи слово для обозначения индийских браслетов восходило к португальскому слову *manilha*, «браслет» [Viaggi di C. Federici... 1962: 243]. Описание Федеричи выдержано вполне рационалистически. «Чудеса Индии» (*Mirabilia Indiae*), образ западной культуры, восходящий к античности, претерпел глубокие трансформации, что вполне наглядно видно на примере отчета венецианского купца второй половины XVI в. Если для средневекового человека Индия была страной баснословных чудес и фантастических явлений, то для купца XVI в. удивления достойны были не фантомы, а такие вполне материальные объекты, как искусно сделанные вещи, а также масштабы их участия в торговом обороте. Впрочем, мифологема об Индии как о стране несметных богатств сохранялась. Из абстракции она все более обретала черты представления о регионе ойкумены, где можно было за короткий срок сказочно обогатиться.

В целом, Чезаре Федеричи видел в «Камбейском королевстве» одно из богатейших государств Азии, главный порт которого даже в пору политической смуты и голода оставался важным центром торговли и ремесла. Купец довольно точно описал ситуацию распада султаната. Характерным симптомом слабости центральной власти в Гуджарате было постоянное курсирование у его побережья различных пиратских флотов. Захватившие Гуджарат Великие Моголы не занимали значительного места в рассказах путешественника, однако для него была очевидна их растущая мощь. Купец нередко следовал португальским схемам описания и заимствовал терминологию, использовавшуюся его португальскими собеседниками и партнерами. В Гуджарате Федеричи уделил куда больше внимания широко открытому мировой торговле Камбею, нежели столичному Ахмадабаду. Сравнение

Ахмадабада с османским Каиром — одно из свидетельств того, что Османская империя, через владения которой Федеричи следовал в Индию и из Индии, оставалась для него конституирующим Другим на Востоке, каковым она была и для самой Венецианской республики. «Камбайя» Федеричи не исчерпывалась картинами богатств и нищеты. Превратности судьбы купец в полной мере испытал и на себе, сталкиваясь в дальних краях с ограблениями, разорением и недугами. Судьба Гуджаратского султаната, который Чезаре Федеричи застал в последние годы существования, в травелоге наглядно иллюстрировала идею брэнности любого земного процветания и могущества.

Список литературы

1. *Алаев Л. Б.* Средневековая Индия. — СПб.: Алетейя, 2003. — 304 с.
2. *Ванина Е. Ю.* «Просвещенные философы» и «сотоварищи Иисуса»: первый контакт интеллектуальных сообществ Индии и Запада // Диалог со временем. — 2011. — Вып. 36. — С. 35–59.
3. *Головнёв А. В.* Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 2 (51). — С. 6–16.
4. История Индии в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. — М.: Наука, 1968. — 726 с.
5. *Новакова О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянов М. Ю.* Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. — № 3 (41). — С. 5–20.
6. *Успенская Е. Н.* Антропология индийской касты. — СПб.: Наука, 2010. — 558 с.
7. *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). — М.: РАН-Университет, 2003. — 320 с.
8. *Хазанов А. М.* Португальская колониальная империя, 1415–1974. — М.: Вече, 2014. — 381 с.
9. *Balbi G.* Viaggio dell'Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliere venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni consumati in esso dal 1579. fino al 1588. — Venetia: Appresso Camillo Borgominieri, 1590. — 318 p.
10. *Charpentier J.* Cesare di Federici and Gasparo Balbi // Geografiska Annaler. — 1920. — Vol. 2. — P. 146–161.
11. *Federici C.* Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltre l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi. — Venetia: Andrea Muschio, 1587. — 174 p.

12. Fitch Ralph (1583–1591) // *Early Travels in India 1583–1619* / Ed. by W. Foster. — L.: Oxford University Press, 1921. — P. 1–47.
13. *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433)* / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. — Spoleto: Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo, 2010. — T. 1–4. — lxi, 2274 p.
14. *Pearson M.N. Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the Sixteenth Century.* — Berkeley, University of California Press, 1976. — xi, 178 p.
15. *Poggii Bracciolini Florentini. Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* — Paris: Constelier, 1723. — 294 p.
16. *Prakash O. The New Cambridge History of India, Vol. II. 5: European Commercial Enterprise in Pre-Colonial India.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — xviii, 377 p.
17. *Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 472 p.
18. *The Akbar Nama of Abu-l-Fazl* / Transl. by H. Beveridge. — Vol. I. — Calcutta: Asiatic Society, 1907. — 667 p.
19. *The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515* / Transl. from the Portuguese MS in the Bibliotheque de la Chambre des Deputes, Paris, and ed. by Armando Cortesão. — In 2 Vols. — L.: The Hakluyt Society, 1944. — xcvi, 578 p.
20. *Tucci U. Federici, Cesare* // *Dizionario Biografico degli Italiani.* — 1995. — Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения 13.10.2021).
21. *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali* / A cura di Olga Pinto. — Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. — 437 p.

References

1. Alaev L.B. *Medieval India.* St, Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. 304 p. (In Russian).
2. Alaev L. B., Antonova K. A., Ashrafian K. Z. (eds.). *Medieval History of India.* Moscow, Nauka Publ., 1968. 726 p. (In Russian).
3. Beveridge H. (transl.). *The Akbar Nama of Abu-l-Fazl.* Vol. I. Calcutta, Asiatic Society Publ., 1907. 667 p.
4. Balbi G. *Viaggio dell'Indie orientali, di Gasparo Balbi, gioielliere venetiano: nel quale si contiene quanto egli in detto viaggio ha veduto pero lo spatio di 9. anni*

- consumati in esso dal 1579. fino al 1588.* Venice, Appresso Camillo Borgominieri Publ., 1590. 318 p. (In Italian).
5. Charpentier J. Cesare di Federici and Gasparo Balbi. *Geografiska Annaler*, 1920. vol. 2, pp. 146–161.
  6. Cortesão A. (ed., transl.). *The Suma Oriental of Tomé Pires: an Account of the East from the Red Sea to Japan, Written in Malacca and India in 1512–1515; and The Book of Francisco Rodrigues, Rutter of a Voyage in the Red Sea, Nautical Rules, Almanack and Maps Written and Drawn in the East before 1515.* In 2 Vols. London, The Hakluyt Society, 1944. (In Portuguese).
  7. Federici C. *Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltra l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi.* Venice, Andrea Muschio Publ., 1587. 174 p. (In Italian).
  8. Foster W. (ed.). Fitch Ralph (1583–1591). *Early Travels in India 1583–1619.* London, Oxford University Press, 1921, pp. 1–47.
  9. Golovnev A. V. Anthropology of Travel: from Imago Mundi to Selfie. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2016, no. 2 (51), pp. 6–16. (In Russian).
  10. Khazanov A. M. *Portugal and the Muslim World (15th-16th Centuries).* Moscow, RAU-Universitet Publ., 2003. 320 p. (In Russian).
  11. Khazanov A. M. *Portuguese Colonial Empire, 1415–1974.* Moscow, Veche Publ., 2014. 381 p. (In Russian).
  12. Nanetti A. (ed.). *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433).* Spoleto, Fondazione centro italiano di studi sull'alto medioevo Publ., 2010. In 4 Vols. lxi, 2274 p. (In Italian).
  13. Novakova O. V., Simonova-Gudzenko E. K., Ulyanov M. Yu. The role of the first European scholars and Christian missionaries in distributing modern knowledge in Eastern Asia in the XVI–XVII century (the case of Indonesia, Japan and Vietnam). *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2017, no. 3, pp. 5–20. (In Russian).
  14. Pearson M. N. *Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the Sixteenth Century.* Berkeley, University of California Press, 1976. xi, 178 p.
  15. Poggii Bracciolini Florentini. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* Paris, Constelier Publ., 1723. 294 p. (In Latin).
  16. Pinto O. (Ed.). *Viaggi di C. Federici e G. Balbi alle Indie Orientali.* Rome, Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1962. 437 p. (In Italian).
  17. Prakash O. *The New Cambridge History of India*, vol. II. 5: European Commercial Enterprise in Pre-Colonial India. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. xviii, 377 p.

18. Rubiés J.-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 472 p.
19. Tucci U. Federici, Cesare. *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1995. Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 13.10.2021). (In Italian).
20. Uspenskaia E.N. *Anthropology of Indian Caste*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 558 p. (In Russian).
21. Vanina E. Iu. ‘Enlightened philosophers’ and the ‘companions of Jesus’: the first contact between intellectual communities of India and of the West. *Dialog so vremenem*. 2011, iss. 36, pp. 35–59. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрий Викторович Возчиков — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ, Екатеринбург).

Email: catullus89@mail.ru

Author's Information

Dmitry V. Vozchikov - PhD in History, Associate Professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg.

Email: catullus89@mail.ru

УДК: 94
ББК: 63.3(5)

В. Н. Колотов
Санкт-Петербургский государственный университет

История Первой Индокитайской войны через призму судьбы Костаса Сарантидиса (Nguyễn Văn Lật)

Аннотация: В воспоминаниях Костаса Сарантидиса подробно описаны некоторые особо важные поворотные моменты его жизненного пути. Структура авторского повествования охватывает три этапа его участия в Первой Индокитайской войне: первые месяцы службы на новом месте, встреча с вьетнамской разведкой и переход на сторону Вьетминя, работа начальником лагеря для военнопленных. Важное место уделено преступлениям солдат Французского Иностранного легиона, а также описанию жестоких сцен пыток, насилия над мирными жителями. Это позволяет понять мотивы решения о переходе на сторону ДРВ. Случайная встреча с сотрудником северовьетнамской разведки стала рубежным событием, в ходе которого отвлеченные размышления о переходе на другую сторону получили практический контекст, в котором оно позднее было реализовано. Следующий этап, получивший подробное освещение в рассматриваемом источнике, связан с работой во главе лагеря по перевоспитанию военнопленных. В современных исследованиях по истории Первой Индокитайской войны преступления европейских «цивилизаторов» против мирного населения и мотивы бойцов вьетнамского освободительного движения практически полностью выпадают из внимания историков по разным причинам. Воспоминания втянутого в чужой конфликт солдата позволяют компенсировать этот важный недостаток и взглянуть на войну с точки зрения простого человека, который, став ее невольным участником, был вынужден сделать свой осознанный выбор. Информация из данного источника позволит существенно дополнить наши знания о Первой Индокитайской войне, увидеть ее человеческое измерение и лучше понять мотивы ее участников с разных сторон. Особый интерес представляют описанные автором мемуаров методы работы французской и северовьетнамской разведок, которые по понятным причинам редко попадают в поле зрения как профессиональных историков, так и просто интересующихся историей военных конфликтов любителей. (Библиогр. 16 назв.)

Ключевые слова: Костас Сарантидис, Нгуен Ван Лап, Первая Индокитайская война, военные преступления, вьетнамская разведка

Vladimir N. Kolotov
Saint-Petersburg State University

History of the First Indochina war through the prism of the fate of Kostas Sarantidis (Nguyễn Văn Lập)

Summary: In the memoirs of Kostas Sarantidis, some of the most important turning points in his life are described in detail. The structure of the author's narration covers three stages of his participation in the First Indochina War: the first months of service in a new place, meeting with Vietnamese intelligence and joining the side of the Viet Minh, working as the head of a prisoner of war camp. An important place is given to the crimes of the French Foreign Legion soldiers, as well as to the description of cruel scenes of torture and violence against civilians. This clarifies the reasons why he made his decision to go over to the side of the DRV. A chance meeting with a North Vietnamese intelligence agent was a milestone event, during which abstract reflections on the transition to the other side received a practical context which was later implemented. The next stage, which received detailed coverage in the source under consideration, is associated with the work at the head of the camp for the re-education of prisoners of war. In modern studies on the history of the First Indochina War, the crimes of European "civilizers" against the civilian population and the motives of the fighters of the Vietnamese liberation movement almost completely out of the sight of historians for various reasons. The memories of a soldier involved in someone else's conflict made it possible to compensate for this important drawback and look at the war from the point of view of an ordinary person who, having become an involuntary participant in it, was forced to make his own conscious choice. Information from this source will significantly improve our knowledge about the First Indochina war, discover its human dimension and better understand the motives of its participants from different sides. Of particular interest are the methods of work of the French and North Vietnamese intelligence, described by the author of the memoirs, which, for obvious reasons, rarely come to the attention of both professional historians and amateurs who are simply interested in the history of military conflicts. (References 16 titles)

Keywords: Kostas Sarantidis, Nguyễn Văn Lập, First Indochina War, War Crimes, Vietnamese Intelligence

Введение

История Индокитайских войн до сих пор вызывает живой интерес как у экспертов, так и у широких кругов общественности. Особое внимание привлекают воспоминания непосредственных участников этих конфликтов, которые, в силу обстоятельств, воевали сначала на одной стороне, а затем на другой. Их воспоминания дают особое человеческое измерение войны, которое совершенно не видно при отстраненном анализе далеких колониальных войн в Юго-Восточной Азии.

Одной из последних книг, привлечших внимание к войне во Вьетнаме, стал роман американского писателя вьетнамского происхождения (Нгуен Тхань Вьет — Nguyen Thanh Viet)¹ «Сочувствующий» [Viet Thanh Nguyen 2015], который показал вымышленные автором особенности работы северовьетнамской агентуры во время и после Второй Индокитайской войны. Эта «исповедь» терзаемого когнитивным диссонансом двойного агента получила Пулитцеровскую премию в 2016 году, а затем была переведена на многие языки, в том числе и на русский [Вьет Тхань Нгуен, 2020], причем, заметим, перевод оказался не без недостатков. Кстати, проблема адекватного перевода художественной и научной литературы с вьетнамского языка [Бритов И. В., Нгуен Тхи Хай Тяу, 2021], а также касающейся истории Вьетнама проблематики стоит очень остро. Даже фундаментальные исследования по истории войны во Вьетнаме генерал-лейтенанта Филиппа Б. Дэвидсона [Davidson 1988] и главы Пентагона того времени Роберта С. Макнамары [McNamara 1995] переданы на русский язык с существенными упущениями. Порой дело доходит до того, что приходится с разочарованием откладывать такие переводы [Дэвидсон, 2002], [Макнамара, 2004] на полку и работать только с оригинальными изданиями [Davidson 1988], [McNamara 1995].

У именитых участников конфликтов сформировались свои подходы к их описанию. Так, воспоминания о войне одного из ее непосредственных организаторов, главы Пентагона Роберта С. Макнамары [McNamara 1995], имеют ярко выраженный «технократический» характер, где «человеческий фактор» не рассматривается вообще. Кстати, именно из-за этого в свое время произошел конфликт между ним и одним из наиболее способных офицеров американской разведки Эдвардом Лансдейлом, который, несмотря на давление начальства, настаивал на том, что в войне принимают участие живые люди, и это надо учитывать при планировании операций [Currey 1988].

В контексте качественного перевода исторических исследований приятным исключением является недавно вышедший перевод книги Макса Хейстингса «Вьетнам. История трагедии. 1945–1975» [Хейстингс, 2021], на страницах которой также особое внимание уделяется трагическим сюжетам боли и переживаний

¹ Согласно принятым во Вьетнаме правилам имя писателя Нгуен Тхань Вьет. В американском издании и переводе на русский язык написание имени изменено на Нгуен Вьет Тхань или Вьет Тхань Нгуен в соответствии с американской традицией, что является нарушением правильного порядка слов для вьетнамских имен. В данном случае используется правильный вариант написания имени.

задетых, а порой и раздавленных, войной простых людей. Во многом такое отношение связано с тем, что автор этой книги во время Индокитайских войн работал во Вьетнаме корреспондентом западных газет и порой сам видел горе и разрушения. В историю Индокитайских войн он вплетает истории простых вьетнамцев, солдат, детей, рыночных торговцев и пр., показывая таким образом, как те или иные события отразились на их судьбах.

Влияние исторических процессов на судьбу простого человека представляется весьма плодотворным способом иллюстрации воздействия глобальных процессов на маленькие «винтики», которые они порой приводят в движение. Однако найти правильный баланс между субъективным и объективным подходом в описании столь драматических исторических процессов, как неокOLONиальные войны, бывает очень сложно.

Вымышленная и в меру идеологизированная история раскаяния двойного агента [Вьет Тхань Нгуен, 2020] привлекла неподдельное внимание читающей публики во многих странах. Сильной стороной романа «Сочувствующий» является вполне удачная попытка показать переживания попавших в сложные жизненные обстоятельства героев литературного произведения и представить человеческое измерение войны. При создании противоречивого образа запутавшегося в своих переживаниях двойного агента были использованы отдельные элементы биографии раскоченного после войны реально существовавшего супер-шпиона Вьетконга генерал-майора Фам Суан Ана (1927–2006) [Berman 2013], что позволило в известной степени «оживить» образ литературного героя. При этом стоит отметить, что сюжеты, связанные с биполярным расстройством психики находящихся на передовой агентов разведки, получили распространение и в захватывающих сериалах о тайных войнах спецслужб, как это было в пережившем 8 сезонов суперпопулярном американском сериале «Родина» (Homeland, 2011). Все это позволяет понять искренний интерес читающей публики к произведениям такого рода, хотя наличие подобных проблем у тех, кто связан с реальной разведкой, представляется крайне сомнительным.

Отнюдь не меньший интерес вызывает и совершенно не замеченная западными СМИ книга, посвященная описанию ничуть не менее наполненной трагическими событиями истории жизни вполне реального человека, который в ходе Первой Индокитайской войны получил возможность принять в ней участие сначала с одной, а затем и с другой стороны.

Мое знакомство с этой удивительной историей началось в 2015 году. Тогда в освобожденном Сайгоне в юбилейных торжествах по случаю 40-летия освобождения Южного Вьетнама принимало участие множество делегатов из разных стран. Но на этом весьма пестром фоне выделялся седой мужчина европейской наружности с большими седыми усами, который свободно говорил по-вьетнамски и был одет в форму полковника Вьетнамской народной армии с боевыми орденами и медалями.

Мое выступление на вьетнамском языке на одной из секций его также заинтересовало, в перерыве мы познакомились и с тех пор поддерживали отношения при помощи Skype, социальной сети Facebook и электронной почты, которыми мой новый знакомый, несмотря на почтенный возраст, умело пользовался.

Источник: фото автора

Солдат на чужой войне

Полковника Вьетнамской народной армии по-вьетнамски зовут Нгуен Ван Лап (Nguyễn Văn Lập) (1927–2021). Этот псевдоним он по вьетнамской традиции взял себе во время Первой Индокитайской войны (1946–1954). А при рождении в Греции в 1927 году его назвали Костас Сарантидис (Κώστας Σαραντίδης / Kostas Sarantidis). Он до сих пор является единственным иностранцем, который был удостоен звания Героя Народных вооруженных сил (Anh hùng Lực lượng Vũ trang Nhân dân).

Во время Второй мировой войны он был насильно мобилизован гитлеровцами, бежал и скрывался от немецко-фашистских войск. После ее окончания по причине отсутствия документов ему не удалось попасть на Родину, и он примкнул к Французскому Иностранному легиону.

В начале 1946 года в составе этого войскового соединения он попал в Индокитай. Контракникам обещали, что они будут принимать участие в мероприятиях по разоружению японских солдат, а на самом деле направили на карательные операции против местного населения. С самого начала военных действий он понял несправедливый характер войны французских колонизаторов и вскоре перешел

на сторону Вьетминя². С 1946 по 1952 годы он воевал против французов в качестве пулеметчика в Центральном Вьетнаме [Đặng Giang 2013].

В 1953–1954 годах в качестве начальника лагеря для военнопленных Костас Сарантидис проводил большую разъяснительную и воспитательную работу среди захваченных и сдавшихся солдат противника, объясняя им несправедливый характер неокOLONиальной войны. В 1954–1955 годах он был командованием ВНА переведен в Северный Вьетнам [Đặng Giang 2013].

В 1965 году он вернулся в Грецию, где стал выполнять большую работу по укреплению связей с ДРВ по линии коммунистических партий и правительств двух стран. В период Второй Индокитайской войны (1965–1975) Костас Сарантидис использовал свои связи для сбора средств на помощь Вьетнаму и выступал с комментариями по международной политической и военной ситуации в Индокитае.

В последние десятилетия Костас Сарантидис с семьей проживал в Афинах и поддерживал активные контакты с Вьетнамом [Đặng Giang 2013].

Особенности его непростого жизненного пути описаны в состоящей из двух частей книге «Воин интернационалист армии Дяди Хо Костас Сарантидис — Нгуен Ван Лап» [Nguyễn Văn Lập 2014]. В первой части представлены его собственные мемуары, а во второй содержатся воспоминания о нем его друзей, знакомых и однополчан.

В этом важном источнике по истории Первой Индокитайской войны представлена информация о воинах-интернационалистах, воевавших на стороне ДРВ. Многие, как испанец Сантос Меринос (Nguyễn Văn Vi), погибли в боях с колонизаторами. Выжившие в той войне их европейские и вьетнамские однополчане поделились своими воспоминаниями, которые собраны в этой книге. Особый интерес представляет первая часть «Почему я пошел за Вьетминем» («Tại sao tôi theo Việt Minh») [Nguyễn Văn Lập 1963: 15]. В ней Костас Сарантидис подробно рассказывает о том, как жестокость колонизаторов в отношении мирного населения вынудила его перейти с оружием на сторону Вьетнамской народной армии.

Встреча, изменившая судьбу

Рассматриваемые воспоминания греческого ветерана являются важным источником по методам работы северовьетнамской разведки в начальный период Первой Индокитайской войны.

В воспоминаниях Костас Сарантидис в качестве рубежных моментов своей жизни, которые в итоге привели к решению перейти на сторону Вьетминя, особо выделяет встречу с молодой вьетнамкой Лили, которая во время проведения операций по умиротворению сопровождала их командира в прифронтовой зоне.

² Вьетминь (1941–1951) — от вьетн. Việt Minh (Việt Nam Độc Lập Đồng Minh Hội) — Лига независимости Вьетнама.

Это знакомство грека-легионера с ней стало триггером, который способствовал трансформации отвращения от совершаемых солдатами групповых изнасилований и убийств мирных жителей в конкретный план действий. Командир их подразделения младший лейтенант Кристианис был официально женат в той оставшейся в Европе мирной жизни. Однако по обычаям того времени на передовой в полной тягот и лишений обстановке у него была еще одна супруга из местных. Она отличалась спокойным характером, заботилась о муже, готовила ему еду, ждала его возвращения с заданий, но почти не говорила по-французски.

Разумеется, солдаты не могли не обратить внимания на красивую девушку, которая практически постоянно находилась в расположении их подразделения и при случае старались хотя бы обменяться с ней несколькими приветливыми жестами или фразами.

Однажды вечером в апреле 1946 года, уловив свободную минуту, он решился с ней поговорить и направился к дому старшего лейтенанта [Nguyễn Văn Lập 2004: 71]. Солнце уже зашло и в окнах дома горел свет. Костас через окно обнаружил ее сидящей и что-то увлеченно читающей за столом отсутствовавшего мужа. Чтобы ее не беспокоить он тихо пробрался в комнату и вскоре оказался у нее за спиной. К своему удивлению, он обнаружил, что она внимательно читала французские военные документы. Костас неожиданно спросил ее по-французски, что она делает, и она автоматически ему ответила на чистейшем французском языке «Ничего». Во время возникшей паузы оба быстро поняли, что ситуация необратимо изменилась и наступил критический момент. Костас сразу догадался, почему она скрывала свое знание языка. Под одеждой Лили были спрятаны материалы о расположении войск, их вооружении, системах связи, а также списки агентуры, которая негласно поставляла французским колонизаторам информацию о силах сопротивления. Так произошла его первая встреча с сотрудником северовьетнамской разведки. Лили в то же самое время поняла, что ее раскрыли, но это еще не провал. Костас быстрее пришел в себя и попросил Лили не опасаться его и выразил готовность оказать содействие в сборе интересующих ее данных [Nguyễn Văn Lập 1963: 72].

Таким образом, Костас стал первым, кто случайно раскрыл агента северовьетнамской разведки, внедренного во французский Иностраннный легион. На следующий день он поделился с ней своими намерениями перейти на сторону Вьетмина [Nguyễn Văn Lập 1963: 72], а также рассказал о своих друзьях, которые разделяют эти устремления. Лили ответила, что верит ему, поскольку местные жители рассказывали ей, как он порой защищал их от распоясавшихся молодчиков и между собой называли его «добрым греком». Он узнал, что ее настоящее имя Май Ле, а Лили лишь агентурный псевдоним [Nguyễn Văn Lập 1963: 73]. Представляется, что для Костаса эта встреча не была заранее расставленной классической медовой ловушкой, в которую как раз угодил его начальник — младший лейтенант Кристианис.

Таким образом, периодически приходившие мысли о переходе на сторону Вьетмина, начинали приобретать более конкретные очертания, поскольку он случайно установил контакт с разведчиком с той стороны, который мог бы помочь ему перейти линию фронта.

Вскоре Кристианис отправил Костаса сопровождать его жену за покупками в город Фантхиет, где они после посещения рынка зашли в дом ее друзей. Там Костас понял, что оказался на конспиративном объекте и встретился с резидентом, который руководил местной агентурной сетью. Вскоре стало ясно, что резидент хорошо образован, отлично говорит по-французски и обладает широкими и детальными познаниями в области оперативной обстановки в данном районе.

Через несколько дней Лили сделала вид, что заболела, и младший лейтенант разрешил пускать в лагерь ее «родственника» Тама, который на самом деле был связным между Лили и местным сопротивлением.

В середине мая Кристианиса перевели командовать другим подразделением, а отряд Костаса был отправлен на проведение карательных операции в город Муине под руководством другого офицера — итальянца, который, судя по имеющемуся в мемуарах описанию, оказался отъявленным негодяем. Связь с Лили была потеряна и контакт с подпольем был утрачен.

В это время патрульные случайно задержали ничем на первый взгляд не примечательного человека, у которого с собой оказалась большая сумма самых разных банкнот от франков до вьетнамских донгов с изображением Хо Ши Мина. Итальянец, полагая, что расследование этого дела может сулить ему повышение, подверг подозрительного вьетнамца жестоким пыткам. Солдат порой вызывали, чтобы привести подпольщика в сознание и смыть с пола кровь перед следующим допросом, который сопровождался изощренными издевательствами. Из центра были вызваны вьетнамские осведомители, которые опознали подозреваемого и сообщили местонахождение его родственников [Nguyễn Văn Lập 1963: 82]. По информации сотрудников Второго отделения арестованного звали Ле Чунг Биен. В связи с данным сюжетом в повествовании раскрываются также некоторые методы работы французской контрразведки и использование местной агентуры, а также шантаж задержанного надругательством над его родственниками в случае отказа от сотрудничества. Несмотря на изнасилование его малолетней родственницы и жестокие пытки, задержанный подпольщик не выдал никакой ценной информации.

Будучи не в силах выносить пытки подпольщиков и издевательства над местным населением, Костас стал готовить побег, и 4 июня 1946 года ему удалось уйти в джунгли с заключенным Ле Чунг Биеном. Так начался новый период его жизни [Nguyễn Văn Lập 2014: 94–95].

Солдат на своей войне

В следующем разделе воспоминаний автор сразу переходит к рассказу о событиях 1953 года. В политотделе штаба фронта ДРВ его проинформировали о том, что идет активная подготовка к наступательным операциям и командование стало прорабатывать вопрос о том, что делать с пленными. Есть идея создать лагерь военнопленных в пределах 5 военного округа, которых планируется перевоспитывать в русле политики снисхождения³ Президента Хо Ши Мина [Nguyễn Văn Lập 1963: 100].

Таким образом, командование 5 военного Округа приняло решение поручить товарищу Нгуен Ван Лапу (так теперь звали Костаса Сарантидидиса в рядах вооруженных сил ДРВ) возглавить этот лагерь и заняться, в том числе, перевоспитанием попавших в плен солдат противника. В качестве напутствия ему было сказано: «на передовой тебя может заменить любой, но на этом месте тебе нет равных» [Nguyễn Văn Lập 1963: 103].

В мемуарах говорится, что в начальный период войны попавшие в плен или сдавшиеся солдаты противника отправлялись в глубокий тыл, где они жили и работали в поле или на производстве наравне с простыми вьетнамцами. По мере укрепления сил сопротивления, масштаб проводимых военных операций нарастал. И к 1953 году, накануне решающих сражений в северной и центральной частях Вьетнама, командование ВС ДРВ планировало значительный наплыв военнопленных.

Накануне наступления в прифронтовой зоне появилось множество африканцев, которые массово дезертировали из Иностранного легиона и сдавались в плен накануне наступления, не желая погибать в горниле войны. В этой связи вьетнамское командование решило приступить к созданию специализированного лагеря для военнопленных, которые в будущем понадобятся для обмена пленными с противной стороной.

Вторая часть книги посвящена воспоминаниям о Костасе Сарантидидисе его сослуживцев в рядах вооруженных сил ДРВ. Однако, в отличие от литературного произведения, среди этих воспоминаний мне не удалось обнаружить разделов, которые были бы написаны Лили и Ле Чунг Биеном. Конечно, хотелось бы узнать, как в дальнейшем сложилась судьба этих героев Сопротивления, однако отрывочное и документальное повествование не позволяет проследить судьбу всех людей, с которыми в разное время свела судьба молодого грека, оказавшегося в горниле неокOLONиальной войны.

³ Политика снисхождения к противнику, вьетн. “chính sách khoan hồng”.

Источник фото Костаса Сарантидиса [Hannah Nguyen 2021]

Выводы

В воспоминаниях воина-интернационалиста Костаса Сарантидиса подробно описаны некоторые сюжеты его биографии и поворотные моменты жизненного пути. Структура авторского повествования охватывает три этапа участия героя мемуаров в Первой Индокитайской войне: начальные месяцы службы на новом месте, встреча с вьетнамской разведкой и переход на сторону Вьетминя, а также работа начальником лагеря для военнопленных. Важное место уделено преступлениям Французского Иностранного легиона, а также описанию жестоких сцен пыток и насилия над мирными жителями. Это позволяет понять мотивы решения о переходе на сторону ДРВ. Случайная встреча с сотрудником северовьетнамской разведки стала рубежным событием, в ходе которого отвлеченные размышления о переходе на другую сторону получили практический контекст, в котором оно позднее было реализовано. Следующий этап, получивший подробное освещение в рассматриваемом источнике, связан с работой во главе лагеря по перевоспитанию военнопленных.

В современной литературе по истории Первой Индокитайской войны преступления европейских «цивилизаторов» против мирного населения и мотивы бойцов вьетнамского освободительного движения практически полностью выпадают из внимания историков по разным причинам. Воспоминания греческого солдата,

который, по воле случая, оказался втянут в чужую войну, позволяют практически из первых рук компенсировать этот важный недостаток и взглянуть на войну с точки зрения простого солдата, который, став ее невольным участником, был вынужден сделать свой осознанный выбор. Информация из данного источника позволит существенно дополнить наши знания о Первой Индокитайской войне, увидеть человеческое измерение войны и лучше понять мотивы ее участников с разных сторон.

В свое время накануне Августовской революции (1945) и Первой Индокитайской войны (1946) уже будучи главой государства Хо Ши Мин лично перевел и модернизировал трактат Сунь-цзы «Законы войны» [Hồ Chí Minh 2021], в котором особое внимание уделено созданию дееспособной разведки, что и было сделано в ДРВ на высоком уровне в полном соответствии с рекомендациями Сунь-цзы и технологиями Коминтерна.

Согласно воспоминаниям работавших во Вьетнаме сотрудников ЦРУ, вьетнамские спецслужбы оказывали им очень жесткое противодействие, сравнимое только с СССР и Кубой [Мелтон, 2013: 169].

Именно поэтому особый интерес представляют описанные автором мемуаров методы работы французской и северовьетнамской разведок, которые по понятным причинам редко попадают в поле зрения профессиональных историков. Даже в лучших специально посвященных деятельности вьетнамских спецслужб исследованиях [Grossheim 2018] методы их работы получили по объективным и понятным причинам весьма поверхностное освещение. В качестве очень редкого примера можно привести книгу Ларри Бермана «Прекрасный шпион» [Berman 2013], в которой рассказывается удивительная история писавшего для Reuters, Time, New York Herald Tribune, The Christian Science Monitor и иных ведущих информационных агентств известного южновьетнамского журналиста Фам Суан Ана (1927–2006), которого в свое время завербовал сам Эдвард Лансдейл. Однако, как стало известно много лет спустя, на самом деле он оказался внедренным агентом северовьетнамской стратегической разведки. Во время написания своей книги Ларри Берману удалось взять несколько интервью уже у раскоченного генерал-майора Фам Суан Ана, которого западная пресса прозвала супер шпионом Вьетконга.

* * *

Вскоре после завершения Конгресса по истории и историографии стран Азии и Африки в центральной прессе Вьетнама появились некрологи, посвященные герою Вьетнама Костасу Сарантидису (1927–2021), из которых стало понятно, почему он не ответил на мое приглашение принять участие по Skype в заседании во время доклада, посвященного его удивительной судьбе.

Список литературы

1. *Berman L. Perfect spy X6. Điệp Viên Hoàn Hảo X6.* HCM: NXB Hồng Đức, 2013. — 392 tr.

2. *Currey C.B.* Edward Lansdale, the unquiet American. — Boston: Houghton Mifflin, 1988.
3. *Đặng Giang.* NDĐT — Sáng 30–8, tại Hà Nội, Bộ Quốc phòng đã tổ chức lễ trao tặng danh hiệu Anh hùng LLVTND cho đồng chí chiến sĩ quốc tế Kostas Sarantidis — Nguyễn Văn Lập // Báo *Nhân Dân*. 30.08.2013/ <https://nhandan.com.vn/tin-tuc-su-kien/chien-si-quoc-te-anh-hung-nguyen-van-lap-183261/> (дата обращения: 19.01.2021).
4. *Davidson P.B.* Vietnam at War. The History: 1946–1975. — Oxford: Oxford University Press, 1988.
5. *Hannah Nguyen.* A life fighting for Vietnam: Greek hero Kostas Sarantidis // Vietnam Times. June 27, 2021 <https://vietnamtimes.org.vn/a-life-fighting-for-vietnam-greek-hero-kostas-sarantidis-33305.html> (дата обращения: 19.01.2021).
6. *Hồ Chí Minh.* Bàn về Binh pháp Tôn Tử / Dịch Vladimir N. Kolotov. — Hà Nội: Nhà xuất bản chính trị quốc gia Sự thật, 2021. — 212 tr. *Хо Ши Мин.* О законах войны Сунь-цзы / пер. В.Н. Колотов. — Ханой: Государственное политическое издательство «Правда», 2021. — 212 с.
7. *Martin Grossheim* (2018) The ‘Sword and Shield of the Party’: how the Vietnamese People’s Public Security Forces portray themselves, *Intelligence and National Security*, 33:3, 439–458, DOI: 10.1080/02684527.2017.1412922
8. *McNamara R.S.* In retrospect. The tragedy and lessons of Vietnam. — New York: Times book, 1995.
9. *Nguyễn Văn Lập, Võ Văn Minh, Lâm Quang Minh.* Chiến sĩ quốc tế, bộ đội Cụ Hồ Kostas Sarantidis — Nguyễn Văn Lập. HN: NXB Quân đội nhân dân, 2014. (In Vietnamese)
10. *Viet Thanh Nguyen.* The Sympathizer. New York: Grove Press, 2015. 371 p.
11. *Бритов И.В., Нгуен Тхи Хай Тяу.* Как понять язык потомков дракона. Перевод вьетнамских художественных текстов на русский язык: теория и практика. М.: Р. Валент, 2021. — 304 с.
12. *Вьет Тхань Нгуен.* Сочувствующий. М.: АСТ, 2018. — 416 с.
13. *Дэвидсон Ф.Б.* Война во Вьетнаме. 1946–1975. — М.: Эксмо, 2002.
14. *Макнамара Р.* Вглядываясь в прошлое. Трагедия и уроки Вьетнама. — М.: Ладомир, 2004.
15. *Мелтон К.* Искусство шпионажа: Тайная история спецтехники ЦРУ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 470 с.
16. *Хейстингс М.* Вьетнам. История трагедии. 1945–1975. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 868 с.

References

1. Berman L. *Perfect spy X6. Điệp Viên Hoàn Hảo X6*. HCM: NXB Hồng Đức, 2013. — 392 tr.
2. Currey C.B. *Edward Lansdale, the unquiet American*. — Boston: Houghton Mifflin, 1988.
3. Đặng Giang. On the morning of August 30, in Hanoi, the Ministry of Defense held a ceremony to award the title of Hero of the People's Armed Forces to international comrades *Kostas Sarantidis* — Nguyễn Văn Lập // *Báo Nhân Dân*. 30.08.2013/ <https://nhandan.com.vn/tin-tuc-su-kien/chien-si-quoc-te-anh-hung-nguyen-van-lap-183261/> (дата обращения: 19.01.2021).
4. Davidson P.B. *Vietnam at War. The History: 1946–1975*. — Oxford: Oxford University Press, 1988.
5. Hannah Nguyen. *A life fighting for Vietnam: Greek hero Kostas Sarantidis* // *Vietnam Times*. June 27, 2021 <https://vietnamtimes.org.vn/a-life-fighting-for-vietnam-greek-hero-kostas-sarantidis-33305.html>
6. Hồ Chí Minh. *Bàn về Binh pháp Tôn Tử / Dịch Vladimir N. Kolotov*. — Hà Nội: Nhà xuất bản chính trị quốc gia Sự thật, 2021. — 212 tr. Хо Ши Мин. *On the laws of war by Sun Tzu / trans. by Vladimir Kolotov*. — Hanoi: State political publishing house “Pravda”, 2021. — 212 p. (In Russian)
7. Martin Grossheim (2018) The ‘Sword and Shield of the Party’: how the Vietnamese People’s Public Security Forces portray themselves, *Intelligence and National Security*, 33:3, 439–458, DOI: 10.1080/02684527.2017.1412922
8. McNamara R. *In retrospect. The tragedy and lessons of Vietnam*. — New York: Times book, 1995.
9. Nguyễn Văn Lập, Võ Văn Minh, Lâm Quang Minh. *Chiến sĩ quốc tế, bộ đội Cụ Hồ Kostas Sarantidis* — Nguyễn Văn Lập. HN: NXB Quân đội nhân dân, 2014.
10. Viet Thanh Nguyen. *The Sympathizer*. New York: Grove Press, 2015. 371 p.
11. Britov I.V., Nguyen Nhi Hai Chau. How to understand the language of the descendants of the dragon. Translation of Vietnamese literary texts into Russian: theory and practice. M.: R. Valent, 2021. — 304 p. (In Russian)
12. Viet Thanh Nguyen. *The Sympathizer*. M.: AST, 2018. — 416 p. Rus. Ed. (In Russian)
13. Davidson P.B. *Vietnam at War. The History: 1946–1975*. — M.: Eksmo, 2002. Rus. Ed. (In Russian)
14. McNamara R. S. *In retrospect. The tragedy and lessons of Vietnam*. — M.: Ladimir, 2004. Rus. Ed. (In Russian)
15. Melton K. *The Secret History of the CIA’s Spytchs from Communism to al-Qaeda*. — M.: Alpina non-fikshn, 2013. — 470 p. Rus. Ed. (In Russian)

16. Hastings M. *Vietnam. An Epic Tragedy. 1945–1975*. М.: Alpina non-fikshn, 2021.— 868 p. Rus. Ed. (In Russian)

Информация об авторе

Владимир Николаевич Колотов — доктор исторических наук, проф., заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ.

Email: v.kolotov@spbu.ru

Author's Information

Vladimir N. Kolotov — Dr. Sc. (History), Prof., Head of the Far East History Department, St. Petersburg State University; Director, The Ho Chi Minh Institute. St. Petersburg State University, Russia.

Email: v.kolotov@spbu.ru

И. Ю. Котин

МАЭ (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербургский государственный Университет

К. В. Лемешкина

МАЭ (Кунсткамера) РАН

Трансформация сикхской идентичности в свете труда Х.С. Обероя «The Construction of Religious Boundaries»

Аннотация: Сикхизм — одна из молодых религий Индии, возникшая в XVI веке на Северо-Западе Индии. Харджот Сингх Оберой известен как исследователь сикхизма. Он получил премию Кроуфорда за монографию «The Construction of Religious Boundaries». В книге демонстрируется развитие сикхских традиций и доказывается, что большинство сикхов признавало до XX в. множественность идентичностей. Основная манифестация сикхской общины в настоящее время — группа прошедших инициацию мужчин, в идеале — воинов, защитников общины и религии, а также женщин и детей, разделяющих их веру. Эти сикхи известны как *амритдхари* или *кешидхаи*. Помимо этой основной формы существования сикхской общины, Оберой выделяет группу *сахадждхари* или *санатан сикхи*. Обе формы существования сикхской общины находятся в сложном взаимодействии и противоречии одновременно. В конце XIX века некоторые сикхи предпринимают шаги для устранения религиозного разнообразия и ради превращения сикхизма в монотеистическую религию. Так как книга Обероя показывает всю сложность функционирования сикхизма в XIX в., то противники религиозного плюрализма выступили с критикой книги Обероя и даже призвали к физической расправе над ним. В статье анализируется концепция религиозного плюрализма в сикхизме, предложенная Х.С. Обероем и критика в адрес его концепции и монографии. Оберой показывает, как сикхизм зародился в лоне индуизма, как одна из его многочисленных *сампрадай* (ответвление), как, имея тенденцию на развитие в качестве монотеистической религии, религия сикхов, не будучи окончательно отделена от индуизма, оказывалась под влиянием культов индуистских божеств и местных святых. Оберой уделяет большое внимание реформаторскому движению Сингх Сабха, давших наибольший толчок формированию магистрального пути развития сикхизма и современной сикхской общины, но он доказывает, что иные формы сикхизма также историчны и имеют право на существование. (Библиогр. 18 назв.);

Ключевые слова: *Индия, сикхи, самоидентификация, религия, история*

Igor Yu. Kotin
Saint-Petersburg State University
Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
Ksenia V. Lemeshkina
Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

Transformation of Sikh identity in the light of H.S. Oberoy`s work «The Construction of Religious Boundaries».

Summary: In his book ‘The Construction of Religious Boundaries’ Harjot Oberoi, first book prize winner and talented scholar shows different manifestations of Sikhism in the 19-th century. Although Sikhism started in the 16th century as monotheistic religion with the mission of Guru Nanak, it did not lose its connections with Hinduism till now. It accepted interfaith marriages between Sikhs and Hindus and allowed space to the cults of local saints. Until recently it was possible for some Sikhs to pray Hindu Gods along with the veneration of the ten Sikh Gurus and the sacred book, the ‘Adi Granth’. The 19th century saw both development of the mainstream *Keshdhari* community of the Sikhs who underwent initiation ceremony and belonged to the military order of the *Khalsa*, and the *Sahajdhari* or the *Sanatan Sikhs* who retained close links with the Hinduism and the local cults. Oberoi shows importance of the Singh Sabha movement for the rise of dominance of the Sikh Keshdhari community but proves that so called sects in Sikhism are rightful representatives of Sikhism as well and developed from the time when Sikhism had a pluralist program embracing both Keshdhari and Sahajdhari as well as the Namdharis, Nirankaris and some other groups. Oberoi’s theory of pluralism in Sikhism and possibility of different ways of the Sikh way of living and showing Sikh identity provoked critique and even attacks from the radical groups of the Keshdhari Sikhs who claim their monopoly on the vision of the Sikhs, Sikhism and Sikh identity. (Refs. 18).

Keywords: *India, Sikhs, self-identification, religious, history*

Сикхизм — одна из относительно новых религий Индии, возникшая в XVI в. и прошедшая длительный и до конца не завершённый процесс трансформации. В разные периоды развития сикхизма формировались разные образы сикха внутри общины и за ее пределами, при этом долгое время сикхская традиция была плюралистической, но в настоящее время мы наблюдаем со стороны некоторых сикхских деятелей и организаций попытки конструирования сикхской идентичности, не предполагающей существование альтернативных моделей. Пионерскую работу по изучению этой попытки конструирования сикхской идентичности осуществил Х.С. Оберой в работе «The Construction of Religious Boundaries. Culture, Identity and Dynamics in the Sikh Tradition» (New Delhi: Oxford University Press: 1994, переиздания 1997, 2001 г.). За эту книгу Оберой удостоился премии Американской Академии Религии, но и угроз со стороны части сикхов. Его учитель, выдающийся индолог, пионер современного религиоведческого изучения сикхизма Вильям Хеват МакЛеод назвал книгу замечательной, разрушающей старые концепции сикхской историографии и очень важным вкладом в «сикхские исследования», социолог Т.Н. Мадан признал Обероя «аккуратным исследователем сикхизма», а Тори Баллэнтайн назвал книгу «чрезвычайно разработанным культурологическим анализом социальных изменений». В то же время оппонент Обероя Суриндер Джодхка назвал работу противоречивой.

Харджот Сингх Оберой — профессор университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада). Оберой начинал изучение социальной истории в Сент Стефенс колледже и Университете им. Джавахарлала Неру (Дели), где получил степени магистра искусств и философии, учился истории и религиоведению в Австралийском Национальном Университете. Его научным руководителем был выдающийся исследователь сикхизма из Новой Зеландии Вильям Хеват МакЛеод (McLeod) (1932–2009). МакЛеод когда-то был пресвитерианским миссионером¹ в Пенджабе, но постепенно его интерес к сикхизму оформился в академический. МакЛеод был пионером критического изучения сикхских текстов [MacLeod 1968; 1975; 1989a, b]. Позиция МакЛеода получила высокую оценку индийских ученых за принципиальность при анализе сикхских источников [Grewal 2010, Pashaura Singh 2004], но в его адрес звучала критика со стороны тех, кто полагал, что сказанное в священных текстах нужно принимать на веру, а не подвергать анализу [Singh 1969, Bal]. Достойный ученик МакЛеода Харджот Оберой обратился к критическому анализу самых разных источников, в том числе тех, которые считались «священным писанием» сикхов (текст священной книги сикхов *Ади-Грантх*, жизнеописания гуру Нанака (*джанам-сакхи*) и других сикхских гуру).

¹ Особый интерес к учению гуру Нанака шотландцев, включая протестантских миссионеров, из числа которых вышел ряд видных исследователей сикхизма, неслучаен. Многие видели в сикхах протестантов индуизма, и их обращение казалось кальвинистским миссионерам из Шотландии делом более простым, чем обращение индусов, и первым шагом на пути обращения в христианство всех индийцев. Эта миссия провалилась, но Каннингхэм, Маколифф и МакЛеод — выдающиеся исследователи сикхизма связаны с протестантской миссионерской традицией. МакЛеод был, как отмечалось, христианским миссионером и многие годы провел в Индии, а затем сделал успешную академическую карьеру как исследователь сикхизма и преподаватель в Новой Зеландии.

Харджот Оберой учился у МакЛеода и компаративистике в религии. Он не предполагал идти на конфликт с частью сикхов, когда защитил свою докторскую работу, удостоенную Кроуфордской премии в категории «лучшая работа по истории». В дальнейшем академическая карьера Харджота Обероя оказалась связана с Университетом Британской Колумбии (UBC) в Канаде. В 2001 г., когда один из авторов доклада прибыл в UBC, надеясь встретиться с Обероем, то он был удивлен, узнав от коллеги — профессора Мандакранты Бос, что Харджот Сингх Оберой скрывается от убийц. Террористы пригрозили ему смертью за книгу (переработанную докторскую диссертацию) «The Construction of Religious Boundaries», изданную в 1994 г. University of Chicago Press, а позднее переизданную Oxford University Press, в том числе и индийским отделением издательства. Так, вероятно, против своей воли, Оберой попал в категорию авторов, обвиненных в богохульстве, наряду с Салманом Рушди и карикатуристами датских газет и парижской «Шарли Эбдо». К счастью для Обероя, сикхские террористы оказались не столь кровожадными, как некоторые другие сторонники террора. Информация в интернете говорит о благополучном продолжении Харджотом Обероем академической карьеры после ряда непростых лет, когда в его адрес поступали угрозы. Помимо упомянутой монографии Харджот Оберой опубликовал целый ряд статей по сикхизму и индийским религиям, империализму и диаспоре [Oberoi 1987, 1988, 1992, 1995, 2004, 2010].

Тематика публикаций Обероя понятна и ожидаема от сикха и индо-канадца. Это исследования сикхизма, империализма, сикхской диаспоры. В 2006 г., в следующий свой визит в Ванкувер одному из авторов данной статьи удалось присутствовать на семинаре Обероя. Былых страхов у автора книги уже не было. Но критика в его адрес со стороны некоторых сикхов, по-прежнему звучит. В чем же дело?

Основываясь на трудах европейских историков, таких как авторы «школы анналов», но также обращаясь к трудам исследователей пост-модернистов, в частности, — Мишеля Фуко, Харджот Оберой под руководством МакЛеода решил внимательно изучить доступный ему материал по сикхизму и уделить особое внимание народному сикхизму XIX века. Этому, собственно, и посвящена его монография «Конструирование религиозных границ».

Монография Харджота Обероя состоит из Введения, трех частей, (7 глав), заключения, приложения и библиографии.

Введение или Вводная глава (Introduction) разделена на параграфы, названные по предмету анализа: 1.) On Method: Religion and Indian Historiography и 2.) Sikh Studies. Соответственно автор формулирует в работе исследовательские вопросы: что такое индийские религии? Что представляет собой индийская религия в XIX в.? Введение в книгу Оберой начинается цитатами из Люсьена Февра и Дюркгейма. Из Люсьена Февра Оберой взял следующую цитату: «Религия? Что за грубое слово вы здесь используете? Вы собираетесь запутаться в вере, верованиях и всем таком прочем?» Из Дюркгейма Оберой находит созвучную цитату: «Нет лже-религий. Все религии по-своему истинны. Все отвечают, хотя каждая, по-своему, на данные условия человеческого существования». На с. 4 своей монографии Оберой говорит

о том, что в книге он стремится рассмотреть создание и разрушение религиозных идентичностей в индийском обществе в целом и среди сикхов в частности [Oberoi 1994:4]. Говоря о религиозной идентичности Оберой отмечает, что понимает под ней не только формальные верования, которые отделяют данную группу от других, но весь исторический процесс, с помощью которого тесная группа верующих создается, консолидируется и воспроизводится с помощью культурного сплава текстов, мифов, символов и сентиментов. При этом, высоко поднимая планку и претендуя на попытку понять, что же такое был сикхизм XIX в., Оберой отмечает печальное состояние исследований на момент написания книги и выбирает как образец этого печального состояния диссертацию Г.С. Дхиллона, посвященную сикхскому реформаторскому движению Сингх сабха [Dhillon G.S., 1973]. Отметив уважительно-восхищенный взгляд диссертанта на Сингх сабха, Оберой отмечает, что такой подход не дает понимания происходивших в сикхизме второй половины XIX в. процессов, и не объясняет природы Сингх сабха. Таким образом, монография Оберой ставила целью вызвать спор о природе сикхизма XIX в., что позволило бы до некоторой степени дать ретроспективу и современному реформированному сикхизму, ведущему начало от движения Сингх сабха. Ранее занимавшийся проблемой становления Сингх сабха, Оберой возмущен политкорректностью и стерильностью работы Дхиллона. Оберой отвечает Дхиллону своей монографией, дающей сложную картину существования сикхизма в XIX в. Вряд ли, однако, Оберой ожидал, что спор выйдет за пределы академического поля.

Глава 1 «Boundaries and Transgressions: The Khalsa Normative Tradition» [Oberoi 1994, pp. 39–91.] дает очерк географии Панджаба, перечисляет основные региональные группы сикхов. По существу, в сознании сикхов и панджабцев вообще, в их «воображаемой географии» большее место, чем Пятиречье, занимают Двуречья — Доабы. Даже нынешний индийский Панджаб, в котором сикхи составляют большинство населения, это ряд районов со своей особой историей, своими героями и своими любимыми гуру. Двуречье Ченаба и Рави, важное в истории сикхизма, но ныне оказавшееся в Пакистане, известно как Речна Доаб. Двуречье Рави и Беаса известно как Бари Доаб. Доаб Беаса и Сатледжа называется в Панджабе Бист-Джалландхар Доаб. Часть междуречья Рави и Сатледжа называлась Маджха. Это — самая священная область для сикхов, область Лахора и Амритсара, где находится большинство старых «исторических» гурдвар. Неудивительно, что жители Маджхи часто в истории сикхизма выступали «борцами за веру», но сами могли позволить себе и поблажку в виде почитания могилы святого или поклонения богине Дурге. Область за Сатледжем с городами Патиала, Лудхьяна и Сирхинд была известна как Малва. Сикхи из последних были известны как *малваи*. Амритсарцы и лахорцы, а также жители Тарантарана и других поселений Маджхи были известны как *маджхи* или *маджха сикхи*, сикхи района Бист Джалландхар — *доаба сикхи*. Степень религиозности сикха определялась уже местом его рождения. Маджхи считались самыми достойными из сикхов. Малваи не могли избавиться от ярлыка коллаборационистов за раннее признание власти англичан. В то же время именно в Малве, и именно благодаря давнему сотрудничеству местных владельцев

с англичанами, сохранились сикхские княжества. Правители этих княжеств выступали покровителями сикхской религии в период упадка сикхской военизированной общины — *халсы*. Таким образом, менее уважаемые остальными сихами, чем маджхи, малваи также могли претендовать на почтение в качестве хранителей сикхской традиции в годы гонений их религии.

Доаби сикхи с рвением неофитов нередко поддерживали противоположные по смыслу течения. Малваи сикхи обычно мирно уживались с соседями-индусами, они, при этом они щедро жертвовали на украшение гурдвар — храмов своей веры. Появление прессы, быстрых средств сообщения, телефона, интернета способствуют стиранию различий между региональными группами сикхов. Но определенные региональные стереотипы и предубеждения пока сохраняются. Сохраняются в среде сикхов и деление на касты: кхатри, джаты, сутхары, равидаси и др. Каста, давшая сикхских гуру — кхатри, известна двумя влиятельными семьями — Беди и Содхи, родственников гуру и давших сикхской общине известных хранителей и интерпретаторов сикхской традиции.

После рассмотрения региональных и кастовых групп сикхов Оберой излагает сикхскую историю в традиции халсы, условно говоря, — общепризнанную историю. Основоположник учения сикхов (учеников) — *гуру* (вероучитель) Нанак (1469–1539). Нанак призывал к поклонению единому Богу, к любви и праведному поведению, как к пути к Богу. Противопоставляя этот путь к Богу традиционной храмовой службе (*пуджа*), молитве и религиозному знанию — монополии брахманов, Нанак проповедовал в духе религиозного течения бхакти. Несмотря на заявление о том, что его последователи — не мусульмане и не индусы, сам гуру Нанак, и 8 других гуру, возглавлявших общину сикхов, до конца с индуизмом не порвали. Это сделал десятый гуру сикхов Гобинд Сингх, создавший в 1699 г. *халсу* — религиозное и военизированное братство сикхов. С этого времени можно говорить о сикхах как об этноконфессиональной общности в составе этноса панджабцев.

Десятый и последний сикхский гуру сикхов Гобинд Сингх ввел для прошедших инициацию воинов-сикхов пять отличительных признаков, — так называемые «пять «к»»: «кеш», длинные, нестриженные волосы, «кангха» (гребень для поддержания волос в чистоте), «качча» (штаны, отличающие одежду воина от накидки брахмана и дхоти крестьянина), «кирпан» (меч или кинжал), «кара» (стальной браслет). Прошедшие инициацию сикхи стали носить прозвище «Сингх» (лев), их жены — «Каур» — львица. Воины составили армию сикхов — *халса дал*. Позднее значительная часть сикхского социума стала требовать унификации внешнего вида мужчины, прошедшего инициацию, а также унификации воззрений сикхов на природу сикхизма и общины, на ее особый характер, на отличие сикхов от остальных индийцев, тем более — от индусов. Эти сикхи нередко называют себя *тат-халса*, т.е. «истинные сторонники халсы», хотя не все признают справедливость их претензий. Не все согласны с их видением сикхской общины как единой и следующей единственному образцу.

В XIX в. сикхизм не был унифицированным явлением. Широкую картину разных форм сикхизма в XIX в. Оберой дает в главе 2 «Sanatan Tradition and Its Transmission: Gurus, Saints, Ascetics, and Scholars» своей монографии [Oberoi 1994, pp. 92–138]. Плюралистическая структура веры сикхов в XIX в. позволила ее приверженцам относить себя к любой из следующих традиций: *удаси*, *нирмала*, *хальса*, *нанак-пантхи*, *рам-раи*, *баба-гурдитта*, *баба джавахир-сингхи*, *гуру-бхаг-сингхи*, *ниханги*, *калу-пантхи*, *рам-даси*, *ниранкари*, *намдхари* или *куки* и *сарвари*. Многие из этих сикхов брили голову, некоторые курили табак, другие не особо заботились о сохранении пяти внешних символов веры. Можно было совершить паломничество как в Золотой Храм, так и к реке Ганг в Хардваре или к мусульманским святыням. Посещение сезонных фестивалей в Бенаресе или Хардваре не считалось нарушением господствующих сикхских доктрин. Мифам, текстам, повествованиям, фольклору и пьесам, созданным не-сикхскими (преимущественно индусскими) авторами, было определено прочное место в сикхской космологии. Границы между центром и периферией сикхской традиции были чрезвычайно размыты. Сикхи ассоциировали себя с жителями деревни, адептами культа, членами касты — у них было много вариантов самоидентификации. В традиции не было единого источника религиозной власти. Существовало несколько конкурирующих определений сикхизма.

Итак, помимо основной формы существования сикхской общины, формы, которую можно условно назвать *кешдхари* («львиногривые», т.е. придерживающиеся запрета на стрижку волос), существует форма *сахадждхари* или *санатан сикхизм*. Обе формы существования сикхской общины находятся в сложном взаимодействии и противоречии одновременно. В определенные периоды кешдхари вытесняли сахадждхари, но были и эпохи доминирования последних. В настоящее время наблюдается тенденция на поощрение и даже принуждение сахадждхари принять внешние атрибуты кешдхари. Это ведет, по мнению ряда авторов, к обеднению сикхской традиции. Сахадждхари в диаспоре и в городах Индии за пределами Пенджаба в настоящее время пытаются с помощью своих печатных изданий и сайтов в интернете доказать, что они — представители традиционного сикхизма. В среде сахадждхари существуют секты — *сампрадай*. К таким сампрадай иногда относят и *удаси*, а также *нирмала*. Именно из их среды вышло большинство знатоков и комментаторов сикхской литературы.

Третья глава монографии Обероя названа «An Enchanted Universe: Sikh Participation in Popular Religion» [Oberoi 1994, pp. 139–206]. В этой главе Оберой показывает связь сикхов с общепенджабской культурной традицией, народной культурой Пенджаба и с ее культами святых, культами богинь болезней, с сельскохозяйственными праздниками и культами. Примечательно, что в качестве главных критиков народной культуры, борцов за чистоту сикхизма, пионеров сикхского возрождения, Оберой не без основания называет сикхские религиозные движения *ниранкари* и *намдхари* (*куки*), в настоящее время оказавшиеся на маргинальных позициях в Пенджабе.

Ниранкари, как называют себя последователи проповедника Дайал Даса, призванного сикхов вернуться к изначальному учению Нанака, были пионерами возрождения «чистоты сикхизма». Согласно традиции, признанной членами секты, их основатель Баба Дайал Дас или, как его уважительно называли сами ниранкари — Баба Дайал Джи (1783–1855), посетил однажды Акал Тахт в Амритсаре и проникся мыслью, услышанной им там в призыве «Дхан Ниранкар, Дхан Ниранкар», о требовании служить «Богу, не имеющему формы» (т.е. присутствующему всюду). Некоторые исследователи полагают, что еще ранее эта мысль была усвоена Баба Дайал Джи у *санта* Баба Будху Шаха. Дайал Сингх проповедовал среди сикхов-сахадждхари отказ от предрассудков и «нелепых» обычаев, заимствованных у индусов. Он, в частности, высмеивал кремацию мертвых и призывал своих сторонников тела умерших опускать в воду. В то время как индусы считали дом и семью умершего временно нечистыми, а пищу из дома покойного оскверненной, Дайал Сингх, наоборот, видел в причащении пищей из дома усопшего способ разделения скорби его родных. В доме покойного Дайал Дас предписывал устраивать поминки с угощением — *бходжан*. Дайал Сингх подверг критике веру индусов в счастливые и неблагоприятные дни. Баба Дайал Джи осуждал шумные свадьбы — пляски и громкую музыку сикхов. Он призывал своих последователей вести скромный образ жизни, избегать излишеств, отказаться от предрассудков. Вопреки индусским нормам, Баба Дайал Дас женился в 1808 году в считающийся неблагоприятным для такого торжества день. Брахманы отказались совершать церемонию обвода жениха и невесты вокруг священного огня, и тогда Дайал Дас предложил простую форму сикхской свадьбы, свободной от индусских ритуалов. Предложенная Дайал Дасом свадебная церемония, названная им «Ананд Бьях» («счастливая свадьба») состояла из поклонения священной книге *Ади-Грантх*, исполнения гимна-*ардаса* и обхода молодыми священного сикхского писания. Предложенный Дайал Дасом свадебный ритуал получил позднее распространение среди многих сикхов-реформистов, и позднее — у тат-халси, которые, однако, не вспоминают о связи этого ритуала с общиной ниранкари, ибо некоторые положения учения Дайал Сингха противоречили их видению своей религии. Дайал Сингх в своей искренней попытке очистить сикхизм подверг критике и представление кешдхари о воплощении в *Ади-Грантх* Нанака и других гуру, рискнул утверждать, что книга не заменит живого наставника, и, хотя он не претендовал на равенство с десятью великими сикхскими гуру, его последователи приравнивали Дайал Даса к Нанаку. Ниранкари верят в живых гуру, почитают как священную книгу Дайал Даса *Хукмнама*. Отношения ниранкари с кешдхари, довольно мирные на первых порах становления этих групп сикхов, по мере радикализации кешдхари осложнялись. Критика ряда сикхских обычаев со стороны ниранкари вызвала несколько вооруженных конфликтов между ниранкари и кешдхари. Видимо, чувствуя мефистофелевскую природу критического мышления, кешдхари считают ниранкари «адской» сектой, переврав ее название в «нараккари» и «наракдхари» (букв. — «создатели ада», «носители ада»). Последние отвечают радикалам острой критикой их во многом диктаторской политикой на унификацию учения сикхов. Ниранкари сотрудничают с международными

религиозными организациями экуменического типа. Им близки, к примеру, идеи *бахай*, *ахмадийе*. В то же время ниранкари не отказываются от имени сикха. Заявление о себе как о представителях особой религии сняло бы напряжение, ведь именно этого добиваются от них кешдхари. Пока же ниранкари строят собственные гурдвары, где почитают и *Аи-Грантх* и *Хукмнама*. Внешних признаков своей религии ниранкари не признают, хотя их лидеры нередко носят белые шарфы. Ниранкари много за пределами Индии, ведь часть их получила статус беженца в период расправ над ниранкарисо стороны кешдхари. В Индии их немало в городах Панджаба, а также на севере страны, особенно в Харидваре.

Название *намдхари* означает «несущие божественное имя «нам»». Так стали называть себя последователи другого сикхского проповедника, преимущественно члены касты плотников-*сутхаров* (позднее известные как *рамгархия*), преуспевшие не только как плотники и каменщики, но и как торговцы. Кукамии (букв. «крикуны») называли их другие сикхи за громкие крики при религиозных радениях. Кстати, распространение определенных сектантских учений среди каст невысокого статуса — типичное в северной Индии, и не только среди сикхов явление. Преимущественно членами ремесленных каст были рассмотренные ранее ниранкари. Секта намдхари возникла в результате развития движения за реформы среди сутхаров округа Лудхияна во 2-й половине XIX в. В случае успеха этого учения движение намдхари могло бы приобрести общесикхский характер. Однако, именно узость базы, опора преимущественно на сутхаров, позднее назвавших себя рамгархия (в честь вышедшего из их среды полководца Джасса Сингха Рамгархия), а также конфликт с британскими властями помешали этому. Основателем секты намдхари был Баба Балак Сингх (1799–1861), торговец из Хазро.

О Балак Сингхе мы знаем немного, гораздо меньше, чем о его ученике и продолжателе Баба Рам Сингхе (1815–1885) из Бхайни (дистрикт Лудхияна). Баба Рам Сингх родился в 1815 году в семье плотника. Он служил в армии Ранджит Сингха, которую покинул в 1841 году уже после смерти махараджи, когда при слабых преемниках последнего армия стала самостоятельной политической силой, бывшей в состоянии сменять правителей в Лахоре, но, оказавшейся вскоре не в состоянии защитить сикхские земли от британцев. Оставив военную службу, Рам Сингх поселился в Баини, где открыл лавку-мастерскую, а затем кухню — *лангар*. Общественные кухни-лангары возникали не только при гурдварах. В Панджабе они встречались и при *акахара*-обителях сикхов-*удаси* и *нирмала*, традиция предоставления бесплатной трапезы для бедняков и паломников существовала и у мусульман. Но такие центры были обычно при какой-то признанной святыне, чаще всего — при гробнице святого или обители здравствующего вероучителя. Открыв лангар в своем доме, Баба Рам Сингх не только привлек к себе бедных и обездоленных, но и выразил претензии на духовное руководство ими. Британские власти, раньше других взявшие под контроль именно область Лудхияна, а в 1849 году оккупировавшие и весь Панджаб, внимательно следили за проповедями Баба Рам Сингха, и тот проявлял значительную осторожность. Эта осторожность позднее привела

к различной трактовке деятельности Баба Рам Сингха. Одни считали его пионером вооруженной борьбы сикхов за освобождение от британской власти, другие полагали, что Баба Рам Сингх был апостолом ненасилия и вождем ненасильственной борьбы против англичан.

Рам Сингх собирал в своем лангаре представителей разных групп населения, но преимущественно бедняков из низких каст и своих сокастников — *сутхаров* (*рамгархия*). Рам Сингх критиковал британскую власть, как незаконную, он осуждал безнравственность *махантов* — смотрителей гурдвар, не допускавших неприкасаемых в «свои» храмы. Наследственных служителей при гурдварах — знатоков Ади-Грантх — *гьяни* и *грантхи* он обвинял в своекорыстии — те совершали обряды, читали текст Ади Грантх и учили сикхов алфавиту *гурмукхи* только за значительную мзду, пренебрегая нуждами и подношениями беднейших. Рам Сингх призвал своих последователей напомнить махантам, о том, что они — лишь «слуги народа», а не заместители Бога на земле. В ответ на выпады Рам Сингха маханты перестали пускать его сторонников в храмы. Возмущенный Рам Сингх создал собственные молельные центры — *дхарамшалы*, основал собственные школы и бесплатные кухни при них. В каждой деревне, где жили сутхары и чувствовалось влияние Рам Сингха, появились его маханты, призванные учить население читать на гурмукхи и понимать *Ади-Грантх*. Учение Рам Сингха еще в большей степени, чем сикхизм большинства, напоминало протестантизм в христианстве. Точнее, это был протестантизм в протестантизме — некий панджабский вариант методизма или баптизма. Рам Сингх ввел также собственную административную систему, разделив области, где находятся его сторонники на провинции (*суба*, *тахсил*). Последнее обстоятельство насторожило британские власти. Деятельность Рам Сингха, по их мнению, переходила рамки чисто религиозной и благотворительной деятельности.

14 апреля 1857 г. (в день рождения халсы) вероучитель намдхари Рам Сингх объявил программу борьбы с англичанами, включавшую бойкот товаров, служб, законов англичан. С 1857 по 1863 гг. Рам Сингх проповедовал против англичан в панджабских деревнях. После одной из особенно зажигательных антианглийских проповедей сикхскому проповеднику было запрещено покидать родную деревню. Раньше он совершал постоянные разъезды по контролируемым его сторонникам уездам, проповедовал, решал спорные вопросы, наставлял верующих. Теперь Рам Сингх был лишен такой возможности. Исследователям неясно, были ли дальнейшие выступления намдхари выполнены по указанию их духовного лидера или являлись нарушением его указаний. Формально при всей антианглийской риторике Баба Рам Сингх не давал указаний на вооруженные действия. Возможно, он руководствовался и тем, что сутхары не были халси, т. е. прошедшими инициацию членами братства воинов, и не имели права носить оружие.

Летом 1870 г. произошел инцидент, который англичане трактовали как начало вооруженного восстания. Намдхари, возмущенные слухами об устройстве скотобойни у лахорских ворот Амритсара, напали на мясников и убили одного из них. На этом этапе волнений Баба Рам Сингх оказался в состоянии контролировать

своих сторонников. Когда он узнал, что в произошедшем обвинили защитников храмов-*нихангов*, Рам Сингх приказал истинным виновным явиться в суд с повинной. Однако убийство буйвола на глазах у сикха-намдхари в соседнем княжестве Малеркотла в январе 1972 года сперва вызвало дискуссии сикхов в Бхайни о том, можно ли убивать коров (буйволов), и можно ли применять оружие против совершивших убийство животного, а, затем спровоцировало рейд ста пятидесяти сикхов из Бхайни в Малеркотлу. В результате нападения на городки Малаудх и Малеркотла погибло девятнадцать человек. 49 участников рейда были жесточайшим образом казнены. Британский чиновник Форсайт приказал привязать их к жерлам пушек и выстрелить из этих орудий. Эту жестокую казнь изобразил путешествовавший по Индии русский художник Верещагин. Расправа над намдхари надолго осталась в сердцах панджабцев напоминанием о жестокостях колонизаторов. После этого восстания Рам Сингх был сослан в Бирму. Столкнувшись с враждебностью и непониманием со стороны части общины, Рам Сингх призвал к отделению «праведных» сикхов от «остальных». Он объявил себя сикхским гуру, и его последователи верят в продолжение цепи преемственности гуру до настоящего времени. Впрочем, сикхи-кешдхари не склонны винить в расколе самого Баба Рам Сингха. Они обвиняют в искажении истории наследников Рам Сингха, которых считают «лже-гуру».

В конце XIX в. большое количество сикхов предпринимают ряд шагов для устранения религиозного разнообразия, а также того, что они считают индуистскими вкраплениями и брахманическими догматами. Из достаточно хаотичного социума сикхская община быстро превратилась в однородное сообщество. Именно традиция халсы смогла запечатлеть свой образ в «новом сообществе». Остальные направления в сикхизме стали рассматриваться как девиантные. С активным смещением или подчинением многих сикхских малых традиций сикхская идентичность начала формироваться в первом десятилетии XX столетия. В современной литературе этой новой идентичности было дано имя тат-халса (ривайвалисты), а тех, кто выступают за религиозный плюрализм, изначально присущий сикхизму, известны как санатан-сикхи (традиционалисты).

Антагонизм между сикхами *тат-халса-сикхами* и *санатан-сикхами* коренился в радикально противоположных взглядах на мир. Традиция санатан-сикхов открывала своим адептам полный доступ к выбору предмета и образа поклонения. Она предоставила своим приверженцам альтернативы обрядовой системы и фестивалей. Сторонники тат-халса отреклись от этой плюралистической традиции и провозглашали каноны чистой формы сикхизма, которая была изложена в священной книге *Ади-Грантх*.

Сикхи халсы с осуждением относились к чудотворным святыням, богиням, колдунам, священным местам в деревнях, не связанных с гуру и клановым обрядам. Помимо строгого монотеизма они также предлагали строгие нормы морали, изложенные в кодексах поведения сикхов, известных как *рехат-марьяда*.

Сознательное стремление сикхов *тат-халса* не признавать другие традиции и монополизировать историю и достижения сикхов выражают фундаментальное

стремление части сикхов сконструировать отдельную сикхскую идентичность, противопоставив себя индусам и мусульманам, а также тем сикхам, которые не признают их модели идентичности.

Вторая часть книги Обероя посвящена как раз деятельности сикхских Сингх Сабха. На огромном материале он показывает, как из многих источников различными деятелями весьма непоследовательно выковывалось движение, которому теперь приписывают авторство единообразия сикхов. Неудивительно, что Оберой спровоцировал критику в свой адрес.

В то время как угрозы жизни Оберою, к счастью, ушли в прошлое, критические замечания в адрес его книги из лагеря сикхских радикалов, претендующих на единственно правильную трактовку этой религии, по-прежнему звучат. Один из критиков книги Харджота Обероя — Чаранджит Сингх Бал (Charanjit Singh Bal), опубликовавший в интернете критическую заметку «Misconstruction of Religious Boundaries. Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition». Чаранджит Сингх Бал ставит в вину Оберою уже само ученичество у МакЛеода, критикуемого частью авторитетов за предвзятое отношение к сикхизму.

«Неуклюжие искажения, бессмысленные антропологические конструкции и предположения, порождающие поддельные предположения, кощунственные заявления о мистических Гуру, безрезультатные усилия льстивого, тупого, неприкаянного, ограниченного, поверхностного, жалкого Обероя привели к появлению бессвязной, циничной, бессовестной и недобросовестной книги под названием “Конструирование религиозных границ”, чтобы атаковать независимую сикхскую идентичность» [Bal 2021].

Следует отметить, что полемика с Обероем привела его противников к пересмотру трудов и МакЛеода. Любые новые критические труды по сикхизму, выходящие на западе, сикхские консерваторы называют трудами «МакЛеод паривар» — «семейства МакЛеода».

Список литературы

1. Bal Ch.S., Misconstruction of Religious Boundaries Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition. Booklet. Available in the internet (date of access 6.06.2021): <http://globalsikhstudies.net/pdf/CharanJit%20Singh%20harjot-oberoi.pdf>
2. Dhillon G.S., Character and Impact of the Singh Sabha Movement on the History of the Panjab. Unpublished Ph.D. Dissertation, Punjabi University, Chandigarh, 1973.
3. Grewal J.S., W.H. McLeod and Sikh Studies, Journal of Punjab Studies, 17 (2010): 1–2, pages 115–142.
4. McLeod W.H., Gurū Nānak and the Sikh religion, xii, 259 pp. Oxford: Clarendon Press, 1968.

5. McLeod W.H., *The Evolution of the Sikh Community*, Oxford University Press, 1975.
6. McLeod W.H. *The Sikhs: History, Religion, and Society*. By W.H.. New York: Columbia University Press, 1989a. ix, 161 p.
7. McLeod W.H., *Who is a Sikh? The Problem of Sikh Identity*. By W.H. McLeod. Oxford: Oxford University Press, 1989b. viii, 140 p.
8. Oberoi, Harjot Singh. "The worship of Pir Sakhi Sarvar: Illness, healing and popular culture in the Punjab", *Studies in History* 3, no. 1 (1987): 29–55.
9. Oberoi, Harjot Singh. "From Ritual to Counter Ritual: Rethinking the Hindu-Sikh Question'." *The Sikh History and Religion in the Twentieth Century*, Toronto, University of Toronto (1988).
10. Oberoi, Harjot. "Popular saints, goddesses, and village sacred sites: rereading Sikh experience in the nineteenth century." *History of Religions* 31, no. 4 (1992): 363–384
11. Oberoi, Harjot. "Brotherhood of the Pure: The Poetics and Politics of Cultural Transgression." *Modern Asian Studies* 26, no. 1 (1992): 157–197.
12. Oberoi H.S., *The Construction of Religious Boundaries. Culture, Identity and Dynamics in the Sikh Tradition»* (New Delhi: Oxford University Press: 1994. 494p.
13. Oberoi, Harjot. "The Making of a Religious Paradox: Sikh, Khalsa, Sahajdhari as Modes of Early Sikh Identity." *Bhakti Religion in North India: Community Identity and Political Action* (1995): 35–66.
14. Oberoi, Harjot. "Imagining Indian diasporas in Canada: An epic without a text?" In *Culture and economy in the Indian diaspora*, pp. 195–208. Routledge, 2003.
15. Oberoi, Harjot. "Empire, Orientalism, and Native Informants: The Scholarly Endeavours of Sir Attar Singh Bhadour." *JPS* 17 (2010): 1–2.
16. Oberoi H.S., *The Construction of Religious Boundaries. Culture, Identity and Dynamics in the Sikh Tradition»* (New Delhi: Oxford University Press: 1994. 494p.
17. Pashaura, Singh (2004). "Introduction-I: The Contribution of Professor W.H. McLeod in the Field of Sikh Studies". In Singh, Pashaura; Barrier, N. Gerald (eds.). *Sikhism and History*. Oxford University Press.
18. Singh, Khushwant (November 1969). "Guru Nanak and the Sikh Religion. By W.H. McLeod. Oxford: Clarendon Press, 1968. ix, 259 pp., Indexes. \$7.00". *The Journal of Asian Studies*. 29 (1): 192–193.

References

1. Bal Ch.S., *Misconstruction of Religious Boundaries Culture, Identity, and Diversity in the Sikh Tradition*. Booklet. Available in the internet (date of access 6.06.2021): <http://globalsikhstudies.net/pdf/CharanJit%20Singh%20harjot-oberoi.pdf>
2. Dhillon G.S., *Character and Impact of the Singh Sabha Movement on the History of the Panjab*. Unpublished Ph.D. Dissertation, Punjabi University, Chandigarh, 1973.
3. Grewal J.S., W.H. McLeod and Sikh Studies, *Journal of Punjab Studies*, 17 (2010): 1–2, pages 115–142.
4. McLeod W.H., *Gurū Nānak and the Sikh religion*, xii, 259 pp. Oxford: Clarendon Press, 1968.
5. McLeod W.H., *The Evolution of the Sikh Community*, Oxford University Press, 1975.
6. McLeod W.H. *The Sikhs: History, Religion, and Society*. By W.H.. New York: Columbia University Press, 1989. ix, 161 p.
7. McLeod W.H., *Who is a Sikh? The Problem of Sikh Identity*. By W.H. McLeod. Oxford: Oxford University Press, 1989. viii, 140 p.
8. Oberoi, Harjot Singh. “The worship of Pir Sakhi Sarvar: Illness, healing and popular culture in the Punjab”, *Studies in History* 3, no. 1 (1987): 29–55.
9. Oberoi, Harjot Singh. “From Ritual to Counter Ritual: Rethinking the Hindu-Sikh Question’.” *The Sikh History and Religion in the Twentieth Century*, Toronto, University of Toronto (1988).
10. Oberoi, Harjot. “Popular saints, goddesses, and village sacred sites: rereading Sikh experience in the nineteenth century.” *History of Religions* 31, no. 4 (1992): 363–384
11. Oberoi, Harjot. “Brotherhood of the Pure: The Poetics and Politics of Cultural Transgression.” *Modern Asian Studies* 26, no. 1 (1992): 157–197.
12. Oberoi, Harjot. “Mapping Indic fundamentalisms through nationalism and modernity.” *Fundamentalisms comprehended* 5 (1995): 96–114.
13. Oberoi, Harjot. “The Making of a Religious Paradox: Sikh, Khalsa, Sahajdhari as Modes of Early Sikh Identity.” *Bhakti Religion in North India: Community Identity and Political Action* (1995): 35–66.
14. Oberoi, Harjot. “Imagining Indian diasporas in Canada: An epic without a text?” *In Culture and economy in the Indian diaspora*, pp. 195–208. Routledge, 2003.
15. Oberoi, Harjot. “Empire, Orientalism, and Native Informants: The Scholarly Endeavours of Sir Attar Singh Bhadour.” *JPS* 17 (2010): 1–2.

16. Oberoi H.S., *The Construction of Religious Boundaries. Culture, Identity and Dynamics in the Sikh Tradition* (New Delhi: Oxford University Press: 1994. 494p.
17. Pashaura, Singh (2004). "Introduction-I: The Contribution of Professor W.H. McLeod in the Field of Sikh Studies". In Singh, Pashaura; Barrier, N. Gerald (eds.). *Sikhism and History*. Oxford University Press.
18. Singh, Khushwant (November 1969). "Guru Nanak and the Sikh Religion. By W.H. McLeod. Oxford: Clarendon Press, 1968. ix, 259 pp., Indexes. \$7.00». *The Journal of Asian Studies*. 29 (1): 192–193. doi:10.2307/2942570

Информация об авторах

Игорь Юрьевич Котин — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом ЮЮЗА МАЭ (Кунсткамера) РАН.

Email: igorkotin@mail.ru

Ксения Вячеславовна Лемешкина — аспирант МАЭ (Кунсткамера) РАН.

Email: 212lexy@gmail.com

Authors' Information

Igor Yu. Kotin — Dr. Sci. in History, Senior Researcher, Head of Department of South and Southwest Asia, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences.

Email: igorkotin@mail.ru

Ksenia V. Lemeshkina — postgraduate student, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

Email: 212lexy@gmail.com

УДК: 94

П. Э. Москалев

Санкт-Петербургский государственный университет

Роль короля Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в.

Аннотация: Статья посвящена аналитическому описанию роли короля Камбоджи Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в. Представлен обзор работы этого выдающегося государственного деятеля по налаживанию добрососедских связей между сиамским и кхмерским народами в условиях напряженной геополитической обстановки в регионе Юго-Восточной Азии, связанной с попытками установления там колониальной власти европейских держав. Особое внимание уделяется культурным и гуманитарным контактам между Сиамом и Камбоджей, развитию которых активно способствовал Анг Дуонг. (Библиогр. 15 назв.)

Ключевые слова: король Анг Дуонг, Камбоджа, Таиланд, история, Юго-Восточная Азия

P.E. Moskalev
St Petersburg University

The role of king Ang Duong (1845–1860) in the history of relations between Siam and Cambodia in the middle of the 19th century

Summary: The article is devoted to an analytical description of the role of the King of Cambodia Ang Duong (1845–1860) in the history of relations between Siam and Cambodia in the middle of the 19th century. An overview of the contribution of this outstanding statesman to the establishment of good-neighborly ties between the Siamese and Khmer peoples in the context of a tense geopolitical situation in the Southeast Asia region associated with attempts to establish colonial power there by European powers is presented. Special attention is paid to cultural and humanitarian contacts between Siam and Cambodia, the development of which was actively promoted by Ang Duong. (Refs 15.)

Keywords: King Ang Duong, Cambodia, Thailand, history, Southeast Asia

Король Камбоджи Анг Дуонг родился 12 июня 1796 г. и скончался 19 октября 1860 г. [Lamant 1977: 217], прожив весьма долгую и насыщенную событиями жизнь. Формально он был введен в должность посредством коронации представителями двух соседних иностранных государств — Сиамом и Вьетнамом в 1848 г. и правил вплоть до своей смерти. Хотя сиамцы предпринимали попытки сделать его королем Камбоджи еще в годы военного конфликта между Сиамом и Вьетнамом за контроль над Камбоджей, который пришелся на период с 1841 г. по 1845 г. Анг Дуонг был последним камбоджийским монархом до установления французского протектората над этой страной. Как известно, секретный франко-камбоджийский договор о протекторате был подписан 11 августа 1863 г. в правление сына Анг Дуонга — короля Нородома.

Король Анг Дуонг вошел в историю Камбоджи не только как яркий политический деятель, но и как талантливый литератор. В частности, в 1813 г., то есть еще в бытность Анг Дуонга принцем, увидела свет написанная им поэма «*История Какэй*» — история о любви и неверности. Впоследствии уже в XX в. эта поэма была переведена на русский язык усилиями выпускника кафедры филологии Юго-Восточной Азии Санкт-Петербургского государственного университета — К. М. Богданова.

Идея и сюжет этого произведения возникли не на пустом месте. Король создал его, вдохновившись классической сиамской поэмой, написанной в жанре «*клон супхан*», — то есть «мягкий четырехсложный стих», которая даже называлась практически так же «*Каки Клон Супхан*» — поэма о Каки. Ну и, разумеется, в сиамской культуре идея для этого сюжета тоже была не вполне оригинальной, поскольку сюжет восходит к одной из джатак, то есть историй о жизни Будды из палийского канона — «*Какати Джатаке*», рассказывающей историю похищения королевы царства Бенарес гарудой — мифическим царем птиц в индуистской и в буддийской традициях. По сути, получается, что классической индийский сюжет сперва был воспринят и творчески переработан в сиамской культурной традиции, а затем принц Анг Дуонг, узнав о нем из сиамских источников, создал произведение уже на кхмерском языке, которое, кстати, по сей день получает высокие оценки литературоведов в Камбодже. Это лишь один, пример того, какую роль сыграл Анг Дуонг в контексте развития сиамско-кхмерских отношений в первой половине XIX в., а именно культурных, гуманитарных отношений.

Анг Дуонг был младшим братом другого камбоджийского короля Анг Чана или Анг Тяна, как его тоже иногда называют в научной литературе, правившего с 1806 по 1835 г. — в то время Камбоджа, также как и в годы правления Анг Дуонга, находилась в положении двойного протектората со стороны Вьетнама и Сиамом [Baker, Pasuk 2014: 11]. Причем отношения между братьями Тяном и Дуонгом были весьма напряженными. Можно сказать, что Анг Тян на всем протяжении своего правления в большей мере ориентировался на Вьетнам и искал поддержки у представителей вьетнамской династии Нгуенов, тогда как Анг Дуонг с юных лет постоянно находился в самом тесном контакте с представителями сиамского королевского дома Чакри. Он много лет провел в Бангкоке, еще будучи принцем. Его поддерживали

как сиамский король Рама II, так и Рама III Нангклао. Примечательно, что родная мать Анг Дуонга — королева Вара, ранее также известная как королевская наложница Рос, была этнической сиамкой по происхождению, поэтому понятно, что Анг Дуонг был отнюдь не чужд сиамскому языку и сиамской культуре.

В период между 1845 г. и 1847 г. Вьетнам и Сиам продолжали вести борьбу за контроль и верховную власть над Камбоджей с переменным успехом, военные действия сменялись непродолжительными периодами перемирия [Chandler 1979: 410]. Так, например, в 1845 г. кхмерским войскам в союзе с сиамскими отрядами удалось вытеснить вьетнамские войска из центральных районов Камбоджи, освободить город Пномпень и заключить перемирие с Вьетнамом, а также соглашение о совместном протекторате обоих этих государств над Камбоджей, кроме двух ее северо-западных провинций — Баттамбанг и Сиенреап, которые еще в 1795 г. были включены в состав Сиама. В конце концов в 1847–1848 г. обе стороны договорились о том, чтобы короновать именно Анг Дуонга новым правителем страны в кхмерской столице того времени — городе Удонге [Chandler 2007: 189]. Он был коронован не как независимый правитель Камбоджи, а как вассал Сиама и Вьетнама, сохранив, однако, некоторую степень самостоятельности во внутренних делах, но вынужден был ежегодно отправлять дань в Бангкок, а ко двору вьетнамских императоров в Хюэ раз в три года [Wyatt 2004: 159]. Важно подчеркнуть, что своим приходом к власти в Камбодже Анг Дуонг был обязан именно помощи и поддержке сиамцев.

В годы своего правления в Камбодже Анг Дуонг, опираясь на мелкое чиновничество и буддийское духовенство, в обстановке определенного общественного подъема в стране действительно начал проведение некоторых реформ, используя буддийскую религию и сангху для идеологического сплочения народа вокруг монарха. В этом тоже явно прослеживается влияние сиамской системы государственного управления, с которой Анг Дуонг был знаком не понаслышке. Значительно усилился уровень непосредственной вовлеченности монарха в решении важнейших дел в стране, все официальные документы обязательно скреплялись его печатью. То есть опыт жизни в Сиаме показал Анг Дуонга, что король может и даже должен в современных реалиях принимать более активное участие в непосредственном управлении страной, а отнюдь не только выполнять церемониальные и ритуально-сакральные функции.

Реформы короля Анг Дуонга коснулись и экономики: ростовщический процент был ограничен 30% годовых; отменены долги, не оформленные документально, упорядочены налоги и сроки их взимания. В счет государственных работ с использованием труда многочисленных деклассированных элементов строилась стратегическая дорога через центральные районы страны к морю: от Удонга в порт Кампот с заходом в Пномпень (дорога действовала и в сезон дождей). К числу социальных реформ относились меры, предусматривавшие освобождение либо выкуп многочисленных в кхмерском обществе XIX в. рабов. Однако все эти меры распространялись только на центральные районы Камбоджи; западные районы, включая

Ангкор — сакрально-исторический центр государства,— по-прежнему подчинялись Сиаму, хотя там номинально и сохранилась кхмерская администрация. Кроме того, налоги, которые направлялись из этих районов в Бангкок, были ниже средних налоговых ставок, установленных для жителей всех остальных районов Камбоджи, что также обеспечивало лояльность местной знати и населения именно Сиаму. Анг Дуонг не мог эффективно повлиять на эти обстоятельства, в первую очередь, в силу объективных экономических причин, все-таки возможности камбоджийского бюджета были значительно более скромными по сравнению с сиамским. Сиамский король мог позволить себе проводить мягкую налоговую политику на подотчетных ему территориях западной Камбоджи и за счет этого обеспечивать себе поддержку местного населения, Анг Дуонг же позволить себе снизить налоги никак не мог.

В сфере культурной жизни кхмерского общества Анг Дуонг изменил по образцу тайского двора многие элементы придворной жизни, в том числе, ввел практику специальных ритуальных танцев, символизировавших могущество и богатство короля, костюмы камбоджийских актеров того времени так же стали шиться по подобию тайских [Osborne 1966]. В годы царствования Анг Дуонга существенно возрос приток сиамских артистов и исполнителей в Камбоджу. Многие из них присоединялись к местным театральным труппам и оказывали глубокое влияние на исполнительский стиль кхмеров.

К концу 1840-х гг. лояльность Сиаму Анг Дуонга и его приверженность всему сиамскому несколько ослабевает. Во внешней политике он начинает ориентироваться на Францию, наладив через прибывших в Камбоджу в 1848 г. католических миссионеров контакт с французским консулом в Сингапуре. Очевидно, что он надеялся, хотя и весьма наивно, что французы помогут Камбодже избавиться от сиамского контроля. Целями Анг Дуонга были закупки французского оружия и приглашение французских военных инструкторов. Но Франция лишь предложила заключить торговый договор, уклонившись от принятия на себя каких-либо обязательств военного характера. Согласно проекту этого договора Франция получала права экстерриториальности для своих подданных в Камбодже, свободной покупки земли в пределах страны; договором предусматривалось посещение французскими военными кораблями камбоджийского порта Кампот и разрешалась беспрепятственная религиозная деятельность католических миссионеров в стране.

Договор доставил в Камбоджу французский консул в Шанхае Луи Шарль де Монтиньи. В 1855 г. он прибыл в Кампот, расположенный на южной части страны, но в Удонг не поехал, так как католические миссионеры оповестили его о том, что власти страны отказались предоставить ему аудиенцию из страха вызвать недовольство Сиамом [Ребрикова, 2004: 504]. Это наглядно демонстрирует насколько Анг Дуонг все же был привязан к Сиаму, и насколько важным, возможно даже первостепенными, для него было поддержание хороших отношений с сиамцами в тот период. Здесь, очевидно, необходимо учитывать и фактор традиционной близости, родственности культур сиамцев и кхмеров. Его значение сложно переоценить, особенно принимая во внимание исторический контекст.

С наступлением XIX в. практически все страны Юго-Восточной Азии столкнулись в своем развитии со множеством масштабных и радикальных изменений, глубоко повлиявших на все сферы общественной жизни. Одной из основных причин, обусловивших эти перемены, стало прибытие в регион большого числа заморских гостей, прежде всего, из Западной Европы и Северной Америки. Причем многие из них относились к местным жителям отнюдь не дружелюбно, а, напротив, весьма высокомерно. Иностранцы зачастую преследовали сугубо практические меркантильные цели в Юго-Восточной Азии и не гнушались ради их достижения открыто посягать на интересы местных коренных народов региона. В этих условиях налаживание и поддержание добрых, партнерских отношений со старинными соседями приобретало особую ценность для всех без исключения государств Юго-Восточной Азии.

Все это хорошо понимал король Анг Дуонг, хотя, опять же, надежды на большую самостоятельность Камбоджи от своих могущественных соседей в будущем он все-таки тоже вынашивал. Например, в 1854 г. он обратился к Франции с предложением о заключении союза, что французы, однако, истолковали как просьбу о протекторате [Мосяков, Тюрин, 2004: 117], а в 1859 г. Анг Дуонг, воспользовавшись французской агрессией во Вьетнаме и падением 17 февраля Сайгона, попытался присоединить к Камбодже часть Кохинхины, но его смерть в октябре 1860 г., в числе прочих причин, сорвала эти планы.

После смерти Анг Дуонга в 1860 г., в самый разгар франко-вьетнамской войны, на трон взошел его старший сын Нородом, который также, как и сам Анг Дуонг, воспитывался и получил классическое образование в Бангкоке в духе традиций буддизма тхеравады [Osborne 1968: 111]. Уже в 1861 г. против Нородома поднял мятеж его младший брат Си Ватта, и Нородом вынужден был бежать на сиамскую территорию [Мосяков, 2010: 13]. Однако Рама IV Монгкут достаточно быстро вернул ему камбоджийский трон в марте 1862 г., причем сделал это в большей степени за счет искусной дипломатии, нежели путем применения сиамской военной силы, и в итоге этими действиями еще более привязал Камбоджу к Сиаму. Таким образом, очевидно, что традиция, заключающаяся, в стремлении искать поддержки именно у сиамских соседей в критических для Камбоджи ситуациях, которой придерживался Анг Дуонг, нашла продолжение и в действиях его сына — Нородома [Willmot 1967: 7–8]. В то же время, важно подчеркнуть, что и сиамские власти в 1862 г. в очередной раз не оставили своего камбоджийского протеже и друга в беде, оказали ему весьма эффективную помощь и поддержку [Берзин, 1973: 182].

Однако твердая решимость Франции все же осуществить свои планы по колониальному захвату Камбоджи, все же привела к тому, что в конце 1862 г., французские власти через командующего французским военным флотом, базировавшимся в Сайгоне, адмирала Лаграндье, предъявили королю Нородому ультиматум с требованием признать Францию наследницей «суверенных прав» Вьетнама в отношении Камбоджи, угрожая войной в случае отказа. Разумеется, французам в тех условиях необходим был некий квазиправовой предлог, с которым они могли бы

подчинить себе Камбоджу, и они его нашли [Ricklefs 2010: 180]. Сиам же в тех условиях уже больше не мог эффективно защитить Камбоджу, прийти на помощь и поддержать короля Нородома просто в силу того, что сам находился на пороге, или даже в процессе превращения в сырьевой придаток и рынок сбыта для развитых индустриальных капиталистических государств и их агентов [Мельниченко, 2004: 428]. Международно-правовую базу для такого резкого перехода Сиам из статуса регионального лидера, оплота стабильности в Юго-Восточной Азии, в положение государства, вынужденного приспособливаться, идти на уступки и компромиссы в ущерб собственным интересам, заложили различные неравноправные договоры с западными странами, которые правительство Рамы IV Монгкута оказалось вынужденным заключать во второй половине 1850-х гг [Мельниченко, 1996: 105].

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что роль короля Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в. безусловно была очень существенна, пусть и не всегда однозначна. Период правления Анг Дуонга часто идеализируется современными историками в Камбодже, которые превозносят его за попытки вдохнуть новую жизнь в развитие кхмерского государства, в условиях, когда очевидно более могущественные соседи Камбоджи — Сиам и Вьетнам оказались временно заняты решением других задач, в частности перед Вьетнамом тогда уже непосредственно стояла угроза французского колониального проникновения. В научной литературе также отмечается, что именно при Анг Дуонге кхмерское государство, поставленное в вассальную зависимость от своих соседей, начало борьбу с двойным сюзеренитетом. Однако это утверждение скорее является правильным применительно к последним годам его правления, после 1848 г., поскольку изначально он все-таки являлся ставленником Сиам, в первую очередь. В молодости он долгое время жил и учился в Бангкоке, тесно общался там с представителями сиамской аристократии, и это определило его лояльность, в первую очередь, именно сиамскому королевству в условиях двойного сюзеренитета Камбоджи на долгие годы вперед. Как правило, когда Камбоджа стояла перед выбором на чью сторону встать в контексте геополитического противостояния в регионе в рассматриваемые годы — Вьетнама или Сиам, Сиам или Франции, решение, в конечном счете, неизменно принималось в пользу сотрудничества с Сиамом. Именно сиамский король Рама III Нангклао непосредственно поспособствовал тому, что Анг Дуонг был официально коронован в Камбодже, и очевидно, что кхмерский монарх всю жизнь испытывал глубокую признательность за это в отношении сиамской королевской династии Чакри.

В то же время Анг Дуонг, несомненно, осознавал необходимость реформ для развития Камбоджи, повышения ее конкурентоспособности в экономическом и военно-политическом плане, хотя бы в региональном масштабе, и основным примером, образцом, на который он мог бы ориентироваться в этой деятельности, тоже был именно Сиам. Хотя курс на модернизацию неизбежно означал бы для Камбоджи необходимость перехода к проведению более самостоятельной политики во всех сферах, а значит и к дистанционированию от сиамской опеки. На самом деле,

усилия и устремления Анг Дуонга во многом оказались неэффективны, его планы осуществить модернизацию камбоджийского общества сдерживались, с одной стороны, чрезвычайно бедственным материальным положением большинства жителей королевства, с другой стороны — крайне нестабильной внутри и внешнеполитической ситуацией, разворачивавшейся в те годы в Юго-Восточной Азии.

Кроме того, очень важным является тот факт, что благодаря усилиям Анг Дуонга многие поколения камбоджийцев познакомились с одними из лучших достижений традиционного сиамского искусства — театром и литературой. Деятельность Анг Дуонга, связанная с популяризацией сиамского искусства в Камбодже, несомненно, способствовала более эффективному диалогу культур.

Список литературы

1. Берзин Э. О. История Таиланда (краткий очерк). Москва: Наука. 1973. — 316 с.
2. Мельниченко Б. Н. Буддизм и королевская власть (Буддизм в истории Сиамского государства XIII — начала XX вв.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1996. — 164 с.
3. Мельниченко Б. Н. Россия и Сиам (Таиланд). // Россия и Восток: учеб. пособие под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2000. — 456 с.
4. Мосяков Д. В. История Камбоджи. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — 743 с.
5. Мосяков Д. В., Тюрин В. А. История Юго-Восточной Азии. М.: Восточный университет, 2004. — 497 с.
6. Ребрикова Н. В. История Востока: В 6 т. / Гл. редкол.: Р. Б. Рыбаков (пред.) и др.; Ин-тут востоковедения. М.: Вост. лит., 1995. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.): Кн. 1 / Отв. ред. Л. Б. Алаев и др. 2004. — 608 с.
7. Baker C., Pasuk P. A History of Thailand. 3rd edition. Melbourne: Cambridge University Press, 2014. — 344 p.
8. Chandler D. A History of Cambodia. 4th Edition. Colorado: Westview Press, 2007. — 429 p.
9. Chandler, David P. The Tragedy of Cambodian History. Pacific Affairs, vol. 52, no. 3, Pacific Affairs, University of British Columbia, 1979, pp. 410–19, <https://doi.org/10.2307/2757655>.
10. Lamant. Pierre L. In: Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. 64:217–223; École Française d'Extrême-Orient, 1977. pp. 217–223.

11. *Osborne, Milton E.* Beyond Charisma: Princely Politics and the Problem of Political Succession in Cambodia. *International Journal*, vol. 24, no. 1, [Sage Publications, Ltd., Canadian International Council], 1968, pp. 109–21, <https://doi.org/10.2307/40199977>.
12. *Osborne, Milton E.* History and Kingship in Contemporary Cambodia. *Journal of Southeast Asian History*, vol. 7, no. 1, [Department of History, National University of Singapore, Cambridge University Press], 1966, pp. 1–14, <http://www.jstor.org/stable/20172831>.
13. *Ricklefs M. C.* et al. *A New History of Southeast Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.— 536 p.
14. *Willmot W.E.* *The Chinese in Cambodia*. Vancouver: University of British Columbia, 1967. 132 p.
15. *Wyatt D.K.* *Thailand A Short History*. 2nd Edition. Bangkok: Silkworm Books, 2004.— 352 p.

References

1. Berzin E.O. *History of Thailand (short essay)*. Moscow: Science. 1973.— 316 p. (In Russian)
2. Melnichenko B.N. *Buddhism and royal power (Buddhism in the history of the Siamese state of the 13th — early 20th centuries)*. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 1996.— 164 p. (In Russian)
3. Melnichenko B.N. *Russia and Siam (Thailand)*. // *Russia and the East: textbook. manual ed.* CM. Ivanova, B.N. Melnichenko. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 2000.— 456 p. (In Russian)
4. Mosyakov D.V. *History of Cambodia. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2010.— 743 p. (In Russian)
5. Mosyakov D.V., Tyurin V.A. *History of Southeast Asia*. M.: Eastern University, 2004.— 497 p. (In Russian)
6. Rebrikova N.V. *History of the East: In 6 volumes / Ch. editorial board: R.B. Rybakov (previous) and others; Institute of Oriental Studies*. M.: Vost. lit., 1995. T. 4. *East in modern times (late XVIII — early XX century): Book. 1 / Resp. ed. L.B. Alaev et al.* 2004.— 608 p. (In Russian)
7. Baker C., Pasuk P. *A History of Thailand. 3rd edition*. Melbourne: Cambridge University Press, 2014.— 344 p.
8. Chandler D. *A History of Cambodia. 4th Edition*. Colorado: Westview Press, 2007.— 429 p.

9. Chandler, David P. The Tragedy of Cambodian History. *Pacific Affairs*, vol. 52, no. 3, Pacific Affairs, University of British Columbia, 1979, pp. 410–19, <https://doi.org/10.2307/2757655>.
10. Lamant, Pierre L. In: *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. 64:217–223; École Française d'Extrême-Orient, 1977. pp. 217–223.
11. Osborne, Milton E. Beyond Charisma: Princely Politics and the Problem of Political Succession in Cambodia. *International Journal*, vol. 24, no. 1, [Sage Publications, Ltd., Canadian International Council], 1968, pp. 109–21, <https://doi.org/10.2307/40199977>.
12. Osborne, Milton E. History and Kingship in Contemporary Cambodia. *Journal of Southeast Asian History*, vol. 7, no. 1, [Department of History, National University of Singapore, Cambridge University Press], 1966, pp. 1–14, <http://www.jstor.org/stable/20172831>.
13. Ricklefs M.C. et al. *A New History of Southeast Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. — 536 p.
14. Willmot W.E. *The Chinese in Cambodia*. Vancouver: University of British Columbia, 1967. 132 p.
15. Wyatt D.K. *Thailand A Short History. 2nd Edition*. Bangkok: Silkworm Books, 2004. — 352 p.

Информация об авторе

Петр Эдуардович Москалев — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: p.moskalev@spbu.ru

Author's Information

Petr E. Moskalev — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University.

Email: p.moskalev@spbu.ru

СЕКЦИЯ 5
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
КИТАЯ И МОНГОЛИИ

УДК 930

Silvia Picchiarelli

“Sapienza” University of Rome

“Everyday Forms of Peasant Resistance” in Chinese Contemporary Historiography: A Critical Perspective

Summary: The phenomenon of peasant resistance is one of the most debated in Chinese contemporary historiography on China. Most of the existing studies concern violent and large-scale movements, such as the great peasant rebellions and revolutions of the pre-modern and modern age. Nevertheless, in recent years, a new tendency has arisen among Chinese academics, as some scholars have begun to re-evaluate the historical role played by a different kind of peasant protest, one of a much more covert, extemporaneous, and spontaneous quality. This paper aims to compare and critically analyze the main historiographical contributions related to such form of peasant daily resistance, principally questioning the historical importance they ascribe to it.

Keywords: peasant protest, daily resistance, Chinese contemporary historiography

Сильвия Пиккиарелли
Университет «Сапиенца», Рим

«Повседневные формы крестьянского сопротивления» в современной китайской историографии: критический анализ

Аннотация: Феномен крестьянского сопротивления — один из самых обсуждаемых в историографии Китая в современной КНР. Большинство из существующих исследований обращаются к примерам насильственных и широкомасштабных движений, таких как крестьянские восстания и революции в традиционную и современную эпохи. Тем не менее, в последние годы среди китайских ученых возникла новая тенденция, связанная с переоценкой исторической роли иных, более скрытых и спонтанных, форм крестьянского протеста. Эта статья нацелена на сравнительный и критический анализ основных историографических работ, посвященных таким формам крестьянского повседневного сопротивления, подвергая сомнению то историческое значение, которое им приписывает современная историография.

Ключевые слова: крестьянский протест, повседневное сопротивление, современная китайская историография

Introduction

The phenomenon of peasant resistance is a major issue in Chinese contemporary historiography. Since the founding of the PRC in 1949, more than a thousand scholarly articles as well as numerous books have been published on this subject, which has become consequently more debated than any other historical topic [Liu, 1981, p. 295].

Most of these studies concern violent and large-scale movements, such as the great peasant rebellions and revolutions of the pre-modern and modern age¹. Clearly influenced by Mao Zedong's own views, the majority of Chinese scholars have long regarded these insurrections as an example of class struggle between the peasants and the exploiting landlords, and thus as the real "motive force" of Chinese historical development [Feuerwerker, 1969, p. 16; Harrison, 1970, p. 99].

Nevertheless, in recent years, a new tendency has emerged within Chinese historiography, as some scholars have begun to re-evaluate the historical role played by a different kind of peasant protest. The latter, known as "everyday peasant resistance", differs from the one studied up to that point by Chinese historians due to its latent, extemporaneous, and spontaneous quality.

This paper aims to compare and critically analyze the main historiographical contributions related to this particular form of peasant insubordination in contemporary China, with a view to showing their distinctive features and peculiarities. In doing so, I intend to revitalize a topic that has so far been underrepresented in both Chinese and Western scholarship. While a lot has been written on Chinese historiography concerning resistance in the pre-modern and modern age [Liu, 1981; Harrison, 1970; Little, 1989; Li, 2010], few are the works that focus on the contemporary period. Among these is a remarkable essay by the French sinologist Lucien Bianco, which, however, does not take into consideration the most recent publications, having been published in 1999².

This article is organized as follows. Section one illustrates the concept of "everyday peasant resistance", while section two focuses on the works of the main Chinese authors who have delved into the study of this kind of protest. Lastly, section three analyzes the aforementioned essays from a critical perspective, questioning the historical importance they attach to daily resistance in China.

---

¹ China, indeed, boasts a rich and enduring tradition of popular upheaval. Since ancient times its history has been characterized by a continuous succession of popular uprisings, which were often responsible for the fall of the ruling dynasties [Perry, 2015, p. IX].

² Bianco L. *The Weapons of the Weak: A Critical View: Fifty Years of Peasant Resistance (1949–1999)* // *China Perspectives*. 1999. No. 22. P. 56–63. A later version of this essay was published within the volume by the same author, *Peasants without the Party: Grassroots Movements in Twentieth-Century China*. Armonk (New York): M.E. Sharpe, 2001.

I. The concept of “everyday peasant resistance”

The notion of “everyday forms of peasant resistance” was first introduced by the American political scientist James Scott, who formulated it for the first time in one of his most famous work, *Weapons of the Weak*, published in 1985³.

Based on some investigations carried out by the author on a Malaysian village⁴, this work immediately provoked much criticism within the academic world [Korovkin, 2000, p. 1]. Before Scott re-evaluated the phenomenon of daily resistance⁵, most of contemporary Western scholars of rural societies, including himself, had mainly dealt with violent and large-scale movements, such as rebellions and revolutions. Considering the emphasis laid on these events to be misplaced, Scott demonstrates that, in most cases, peasants rather prefer to resort to hidden, poorly organized and nonviolent protest strategies [Scott, 1985, pp. XV–XVI]. Under the pressure of their unfavorable condition, villagers outwardly assume an attitude of apparent submission and compliance and then rebel quietly, by committing petty thefts, pretending not to understand the requests of the authorities, starting fires, spreading false rumors and so on [Scott, 1986, p. 6]. As Scott asserts, it was through these techniques of “first resort” that the peasantry led their “prosaic but constant struggle” against “those who seek to extract labour, food, taxes, rents, and interest from them” [Scott, 1985, p. XVI]. According to Scott, ignoring these acts signifies “ignoring the most vital means by which lower classes manifest their political interests” [Scott, 1986, p. 33].

The American scholar acknowledges that such apparently trivial manifestations of dissent often represent the “building block” for more elaborated forms of rebellion, which could not even exist without them. However, since the ideal circumstances for open, collective defiance are quite rare, the peasants usually prefer to continue to opt for these kinds

³ Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven and London: Yale University Press, 1985. See also: *Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven and London: Yale University Press, 1990; *Everyday Forms of Resistance // The Copenhagen Journal of Asian Studies*. 1989. vol. 4. P. 33–62; *Everyday Forms of Peasant Resistance*, in Scott J.C., Kerkvliet B.J. T. (eds.), *Everyday Forms of Peasant Resistance in South-East Asia*. London: Frank Cass, 1986, P. 5–35.

⁴ Scott collected evidence of what he calls “everyday forms of peasant resistance” in the village of Kedah, to which he refers with the fictitious name of Sedaka. The community of this village was facing the effects of a series of important changes: the introduction via the “green revolution” of improved varieties of rice and associated inputs and services, of a large-scale irrigation project and the mechanization of farming equipment. Although these innovations were welcomed by the large landowners (mainly Chinese), they upset the tenant labourers (entirely Malays) [Pye, 1986, p. 556; Taylor, 1987, p. 206].

⁵ Even before Scott, however, other authors emphasized the effectiveness of this kind of protest. For example, in a volume about the French rural society of the medieval era, Marc Bloch wrote that: “Almost invariably doomed to defeat and eventual massacre, the great insurrections were altogether too disorganized to achieve any lasting result. The patient, silent struggles stubbornly carried out by rural communities over the years would accomplish more than these flashes in the pan” [Bloch, 1970, p. 170; Scott, 1989, p. 42].

of extemporaneous strategies, cautiously avoiding any act of explicit challenge against the authorities, which could irreparably compromise them [Scott, 1990, pp. 85–86].

Scott therefore disagrees with those scholars who take the absence of significant protest or radical opposition as a sign of satisfaction or, at least, insufficient dissatisfaction by the powerless [Scott, 1990, p. 72]. Revisiting the Gramscian concept of hegemony⁶, he instead asserts that the alleged political acquiescence and compliance with the dominant ideology by subordinate groups do not constitute evidence of their “false consciousness” –namely the unconditional acceptance of the system of values and ideas imposed by the ruling classes [Scott, 1985, pp. 314–318; Scott, 1990, pp. 77–82].

According to Scott, the Gramscian theory would be based on the circumstances generated by what happens on the public scene, where subordinates tend to mask their own ideological insubordination, showing themselves enthusiastically condescending to the request of the superiors and actively complicit in the creation of an appearance of consensus towards the dominant ideology.

In order to understand the subordinates’ real intentions, Scott instead suggests to look beyond the public arena and to observe the attitudes adopted by the peasants “behind the scenes”. In this space exclusively reserved to them, through the sharing of gossip, rumors, folktales, songs, gestures and other typical expressions of their subculture, the subordinates will be able to find a refuge from oppression and express their dissent [Scott, 1990, pp. XII–XIII]. Indeed, under normal circumstances, they would have a concrete interest in avoiding any explicit manifestation of insubordination in order to guarantee their own safety and the success of their actions.

Still in opposition to Gramsci’s opinions, Scott further believes that hegemony works less on the level of thought than on that of action. Whether or not the subordinate groups show that they possess the imaginative capacity to reverse or negate dominant ideologies, the daily presence of those who exercise power sharply limits any available option for them to act. In Scott’s own words, “it would ordinarily be suicide for serfs to set about to murder their lords and abolish the seigneurial regime; it is, however, plausible for them to imagine and talk about such aspirations providing they are discreet about it” [Scott, 1990, p. 91].

Still, as some scholars point out, it is difficult in most cases to establish whether such kinds of covert and extemporaneous actions constitute real manifestations of resistance or simple delinquent gestures without any political connotation [Korovkin, 2000, p. 3].

---

⁶ Considered one of the most significant contributions to the Marxist thought in the twentieth century, the notion of “hegemony” was formulated by the Italian intellectual in the collection of texts that make up his *Prison Notebooks* (1948–1951). At the basis of this theory is the idea that the ruling class exercises its power not only with coercive means, but also through the diffusion of a specific worldview, that allows the acceptance of their supremacy by the subordinate classes. The hegemonic group is said to take advantage of this sort of ideological domination to create a “false consciousness” in the oppressed classes, thus making the contradictions belonging to class societies not immediately evident [Bonomi, 1976, pp. 35–39; Bates, 1975, pp. 351–366; Williams, 1960, pp. 586–599; Grant, 1987, pp. 203–206; K. Sivaramakrishnan, 2005, pp. 346–347].

In this regard, Scott asserts that, in order to be classified as forms of daily resistance, such practices should be supported by the tacit consent and cooperation of a significant sector of the local population. Only when they become a sufficiently generalized experience, can they thus be considered protest strategies at all effects [Korovkin, 2000, p. 3; Scott, 1989, p. 36].

Through this assertion, Scott also partially responds to the criticisms expressed by many Marxist intellectuals. Perceiving the one led by a vanguard party as the only possible form of class struggle, they exclude that such extemporaneous and non-violent actions could generate significant social and economic changes [Scott, 1985, p. 279; Guha, 1987, p. 2000; Scott, 1989, p. 36].

In addition to Scott, other remarkable Western scholars have devoted themselves to analyzing the everyday forms of peasant resistance, including Stern⁷, Colburn⁸, Isaacman⁹, Kerkvliet¹⁰ and Adas¹¹. This shows, among other things, that the use of non-violent forms of protest is a widespread factor, capable of bringing together different and very distant rural realities, such as those of Africa, Asia and Latin America.

II. The “everyday peasant resistance” in Chinese contemporary historiography

As previously noted, the interest in the phenomenon of peasant daily resistance has also recently emerged in the PRC, thus innovating the already wide historiographical tradition on popular national movements. While sharing many aspects with Scott's work, these studies differ from it in that they attribute to the peasants' forms of hidden protest

⁷ See particularly *Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries*. Madison and London: The University of Wisconsin Press, 1987.

⁸ Forrest Colburn edited the volume *Everyday Forms of Peasant Resistance*. Armonk (New York): M.E. Sharpe, 1989, and is the author of various works on peasant resistance in Nicaragua, including *Foot-dragging and Other Peasant Responses to the Nicaraguan Revolution* // *The Journal of Peasant Studies*. 1986. vol.13. No. 22. P. 77–96.

⁹ Allen Isaacman collaborated, together with Barbara Isaacman, in the editing of the volume *The Tradition of Resistance in Mozambique: The Zambesi Valley (1850–1921)*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978. He is also the author of several others writings on the resistance in Mozambique, including *Chiefs, Rural Differentiation and Peasant Protest: The Mozambican Forced Cotton Regime (1938–1961)* // *African Economic History*. 1985. No. 14. P. 15–56.

¹⁰ Benedict Kerkvliet is the author of *Everyday Resistance to Injustice in a Philippine Village* // *The Journal of Peasant Studies*. 1986. vol. 13. No. 2. P 107–123; *Everyday Politics in the Philippines: Class and Status Relations in a Central Luzon Village*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990; *Claiming the Land: Everyday Politics in The Philippines with Comparisons to Indonesia, Peru, Portugal, and Russia* // *The Journal of Peasant Studies*. 1993. vol. 20, No. 3, P. 459–491.

¹¹ Among the works of Michael Adas consulted is *From Avoidance to Confrontation: Peasant Protest in Precolonial and Colonial Southeast Asia* // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. vol. 23. No. 1. P. 217–247; *From Footdragging to Flight: The Evasive History of Peasant Avoidance Protest in South and Southeast Asia* // *The Journal of Peasant Studies*. 1986. vol. 13. No. 2. P. 64–86.

a much greater historical function. Indeed, although Scott perceives the importance and the inevitability of unorganized peasant movements, he still considers them unable of making significant changes in contemporary politics [Zhou, 1996, p. 16; Gao 2008, p. 1].

Among the Chinese scholars who oppose this view is Gao Wangling, a historian and professor at the Beijing People's University, who is also the author of two important books on this subject—*Renmin Gongshe Shiqi Zhongguo Nongmin “Fanxingwei” Diaocha* (Investigation into the “Counteractions” of the Chinese Peasants during the Period of People's Communes)¹² and *Zhongguo Nongmin Fanxingwei Yanjiu (1950–1980)* (Counteractions of Chinese Peasants, 1950–1980)¹³—which were respectively published in 2006 and 2013.

While the former focuses exclusively on the period around the late 1950s, when the people's communes were established, the latter examines the various transformations that occurred in the Chinese countryside from the foundation of the PRC to the early 1980s. Such a complex analysis is carried out in a very original way, as the author, unlike most of his predecessors, adopt a grassroots perspective, namely from the point of view of the peasants [Gao, 2013, pp. XV–XVI].

Land reform, the creation of mutual-aid teams, the constitution of a state monopoly on agricultural production, the formation of semisocialist and then socialist cooperatives, and, finally, the creation of people's communes, are thus unexpectedly described not as processes hastened by the villagers' enthusiastic support and eagerness to move quickly forward, as claimed by official historiography, but as policies carried out by national leaders in order to fight against the unanticipated resistance faced by each previous move [Thireau, 2014, p. 243].

The strategies used by the peasants to express their dissatisfaction toward these measures are very similar to the “everyday forms of peasant resistance” identified by Scott¹⁴. Drawing mainly on local archives documents and oral sources collected in various areas of mainland China, Gao discovers that the peasants generally fought their “daily struggle” (*richang douzheng*) for survival by stealing or under-reporting the harvest, idling while working in the lands, spreading rumors, pretending not to understand the grassroots cadres' requests and so on [Gao, 2008, p. 1].

As the author points out, such actions were not perceived by the peasants as illegitimate or immoral, because their own livelihood sometimes depended on them [Gao, 2008, p. 1;

¹² Gao W. *Renmin Gongshe Shiqi Zhongguo Nongmin “Fanxingwei” Diaocha* (Investigation into the “Counteractions” of the Chinese Peasants during the Period of People's Communes), Beijing: Zhongguo dangshi chubanshe, 2006.

¹³ Gao W. *Zhongguo Nongmin Fanxingwei Yanjiu (1950–1980)* (Counteractions of Chinese peasants, 1950–1980). Hong Kong: Zhongguo wenxue chubanshe, 2013.

¹⁴ Although Gao's work has many elements in common with Scott's, it would appear that he developed this concept in a completely independent way. As he declared, his discovery of the phenomenon dates back to the mid-1990s, while the Chinese version of *Weapons of the Weak* (Scott J.C. *Ruozhe de Wuqi: Nongmin Fankang de Richang Xingshi*. Nanjing: Yilin chubanshe, 2007) was published only in 2007 [Gao, 2013, p. XVII; Chen, 2016, p. 263].

Thireau, 2014, p. 245]. To better illustrate this concept, Gao cites the example of Shanxi province, where the act of stealing was indicated by peasants through the word *zhuawo*, instead of the typical standard Chinese expression, *tou*. The term *zhuawo* differed from the latter, not only because it had a more limited use, but also for its meaning. According to the Shanxi peasants, indeed, *tou* implied that the theft was committed by someone outside the rural community, and it was therefore considered a dishonorable gesture. Instead, they simply appropriate (*zhuawo*) goods that they believed already belonged to them, for being the result of collective work [Man, 2008, pp. 168–169].

Such acts of “silent rebellion” (*wu sheng de dikang*) are categorised by the author as *fanxingwei* or “counteractions” [Man, 2008, p. 168]. In his opinion, using the words *dikang* or *fankang*—namely “resistance”¹⁵—to define the villagers’ behaviour would have been inaccurate and reductive [Gao, 2008, p. 2], as they do not properly express that sense of elusiveness which characterizes the peasant strategies. Such actions, indeed, are considered by Gao more like “bravados” (*maoni*) or “soft actions” (*ruan xingwei*) [Gao, 2006, p. 1; Gao, 2008, p. 2].

Moreover, unlike ordinary acts of resistance, the *fanxingwei* were not directed against local and national leaders, political decisions, or new economic structures, but they were aimed at limiting the negative consequences caused by the official policies and thus at securing the peasants livelihood [Chen, 2016, p. 263]. Whether, as known, the strategies described by Scott represented a form of hidden protest directed against the ruling elites or the state [Scott, 1989, pp. 34, 43–44], Gao’s *fanxingwei* aimed at countering the measures taken by the authorities, but not the authorities themselves, whose role was not at all questioned [Chen, 2016, p. 263]. After all, as Gao observes, since the launch of land reform the Party had managed to progressively penetrate the Chinese villages, transforming the traditional social structure and establishing direct control over the rural population. The conditions of ideological subjection in which the peasants lived would have thus prevented them from conceiving any act of defiance against the central power [Gao, 2013, pp. 113–114].

¹⁵ In an exchange of views with Gao, Frederic Wakeman used the term “resistance” to translate the words *dikang* and *fankang*, as opposed to “counteraction”, which he considered more appropriate to indicate the expression *fanxingwei*. It is therefore appropriate, at this point, to reflect briefly on the meaning of the term resistance. In the legal and sociological language, it indicates the “right to oppose, even with violence, any attack or threat against fundamental and inviolable human rights by the established power”. In the historical discipline it is frequently used, in particular, with reference to the “movement of opposition and armed struggle that took place during the Second World War in the countries occupied by the Nazis and fascists, or in any case subject to pro-Nazi or pro-fascist regimes and governments, against the occupiers and all the forces, political and military, that collaborated with them (the European r., the Italian r., the French r., etc.)”, and more generally in reference to “other opposition and struggle movements led against situations of political and religious oppression, authoritarian regimes, occupiers and invaders (the r. of the Boers against the British; the Huguenot r. in France; the Vietnamese r., the Afghan r., etc.)”. [Resistenza // Treccani, <<http://www.treccani.it/vocabolario/resistenza/>>; Resistance // Cambridge Dictionary, <<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/resistance>>; Gao, 2006, p. 3; Gao, 2013, pp. XIX–XX].

However, according to the author, through these apparently insignificant actions the peasants would have succeeded in making long-term changes to the socio-economic structure of the countryside. In particular, they would have influenced the decision of the national authorities to introduce the production responsibility system (*baochandaohu*)¹⁶ in the late 1970s and later to opt for the definitive dismantling of the people's communes [Gao, 2008, p. 1; Thireau, 2014, pp. 234–244]. Indeed, as Gao states, the strategies employed by the villagers, such as slacking off (*dai gong*) and idling (*mo yang-gong*) while working in the collective lands, would have allowed them on the one hand to preserve the necessary energy to cultivate their own private plot (*ziliudi*)¹⁷, which constituted a fundamental source of livelihood, and to avoid the procurement quotas from increasing due to an increase in the grain production. On the other hand, however, they would have caused a gradual decrease in crops and serious damage to the state economy, finally causing the leadership to end the experience of collectivization (*nongye jitihua*), which in fact had brought many disadvantages to the peasants' life.

A very similar thesis has been put forward by other scholars of rural China, such as Dali Yang and Kate Xiao Zhou, both professors of political science at the University of Chicago and the Hawaii, respectively. In particular, according to Yang, author of *Calamity and Reform in China*¹⁸, the true agents of 1970s rural reforms were the peasants themselves, as the main victims of the 1959–1961 famine. Indeed, it is no coincidence that the “responsibility system” was implemented precisely in those provinces such as Anhui and Sichuan, which had been severely hit by the effects of the Great Leap. Aided by the political uncertainty around the succession after Mao's death, the peasants, with the compliance of certain local cadres who had shared their suffering, would have spontaneously initiated the decollectivization process. The reformers—Deng Xiaoping and his lieutenants—would thus have limited themselves to endorsing a movement that had already arisen “from below” [Bianco, 1999, p. 4].

In her book, *How the Farmers Changed China*¹⁹, Zhou goes even further, stating that peasants were the driving force not only of decollectivization, but also of other aspects

¹⁶ Launched by Deng Xiaoping, the household responsibility system was an agriculture production system which allowed households to contract land, machinery and other facilities from collective organizations. The latter could therefore make operating decisions independently within the limits set by the contract agreement, and could freely dispose of surplus production over and above national and collective quotas [Madsen, 1991, p. 669].

¹⁷ The private plot remained in place until the introduction of the people's communes at the end of the 1950s; after that any form of private property was totally abolished [Lieberthal, 1987, pp. 302–303].

¹⁸ Yang D.L. *Calamity and Reform in China: State, Rural Society, and Institutional Change since the Great Leap Famine*. Stanford (California): Stanford University Press, 1996.

¹⁹ Zhou K.X. *How the Farmers Changed China: Power of the People*. Boulder (Colorado): Westview Press, 1996.

of post-Maoist reformers, not necessarily related to the agriculture sector²⁰. In her view, they would have encouraged the creation of nonstate markets, the progressive dismantling of state welfare guarantees for urban workers, and the development of rural industries that were more competitive than the state enterprises, to name but a few.

To describe the characteristics of peasant actions that in her opinion would have “changed China”, Zhou even coined the acronym S.U.L.N.A.M.: spontaneous, unorganized, leaderless, nonideological, apolitical movements [Bianco, 1999, p. 4–7; Thiers, 1997, pp. 497–498].

The idea of peasants as agents of economic and social change is also supported by Li Huaiyin, professor of modern Chinese history at the University of Texas [Xin, 2014, p. 84]. In one of his seminal works, *Village China under Socialism and Reform*²¹, published in 2009, Li describes the relationship between the Party-state and rural society from 1948 to 2008, through a case-study of Songjiang, Dongtai counties and Qin village (Jiangsu) [Li, 2009, p. 50].

Drawing on oral history material and local archive documents, he acknowledges the existence of two different kinds of protest in the countryside, the so-called “righteous resistance” (in Chinese: *zhengyi de dikang*) and the “rightful resistance” (in Chinese: *zhengdang de dikang*) [Xin, 2014, p. 86].

With the first of the two concepts Li refers to those particular expressions of dissent adopted by the peasants between the foundation of the People’s Republic and the end of the 1950s. To reduce their duties in grain procurement and the harmful effects of collectivization, the peasants used to resort to the well-known forms of daily resistance illustrated by Scott, such as underreporting the harvest, hiding the grain, threatening suicide, spreading rumors, trying to get the favor of local cadres, offering them gifts, a good meal or sex [Li, 2009, pp. 51, 335].

However, when the frustration reached a climax, the peasants did not hesitate to act collectively and violently. Thus, the protesters surrounded local government offices to air their resentment, staged a traditional ceremony to flaunt their collective strength, or hitting the cadres who failed to satisfy their demands [Li, 2009, p. 336]. As Li asserts, no matter whether their actions were individual or collective, passive or aggressive, the villagers still believed that they were righteous, not only because the languages, symbols, and methods that they used in defending their interests had been familiar and available

²⁰ In this regard it should be noted that Zhou never uses the term “peasants” to refer to the rural masses, having this term a certain negative connotation in the English language. She rather prefers to use words such as “farmers”, “villagers”, “rural residents”, which she considers more suitable to indicate the Chinese peasants of the post-reformist era [Zhou, 1996, p. 21, n. 43].

²¹ Li H. *Village China under Socialism and Reform: A Micro History (1948–2008)*. Stanford (California): Stanford University Press, 2009. On the same theme, see also: *The First Encounter: Peasant Resistance to State Control of Grain in East China in the Mid-1950* // *The China Quarterly*. 2006. No. 185. P. 145–162.

to them for ages²², but also because they felt that they had a good reason behind their actions, that is, to secure their livelihood [Li, 2009, p. 336]. In a peasant community where subsistence remained the villagers' primary concern, the right to survival was above anything else in justifying one's claims and actions [Li, 2009, pp. 336–337].

This aspect also suggests that, although the Communist propaganda tended to accuse landlords and rich peasants of the sabotage activities committed against the state policies, the righteous resistance was by no means an example of “class struggle” between the poor peasants, supported by the state, and their “enemies”. It was rather the expression of a conflict between the state and the rural populace as a whole [Li, 2006, p. 159].

Ultimately, unlike Gao Wangling, Li asserts that this kind of protest was possible as long as the state had not yet fully penetrated the peasant society and the villagers still retained a degree of autonomy, evidenced in their private ownership of land and other resources before full collectivization [Li, 2009, p. 77].

Then, as the process of collectivization progressed and the state established a major ideological control over the countryside, the villagers changed their strategies for dealing with the state. They abandoned the traditional methods, now considered to be backward, and gradually turned to a different kind of protest, that Li defines as rightful resistance, borrowing this expression from the work of Kevin J. O'Brien and Li Lianjiang²³.

Those who were most active in such rightful activities were usually the most literate and informed in a community, such as teachers, retired soldiers, family members of soldiers in active service, former village leaders, doctors, or Party members. With access to newspapers, broadcasting, or other forms of public media, the village “elites” were familiar with government policies and events outside their community. They were able to use the language that they had learned from official media and take advantage of the means allowed by the government to make their actions appear justifiable. Therefore, the elite villagers never openly challenged the policies or systems imposed by the state; instead, they focused their attacks on local cadres who had abused their power in carrying out government policies or running the collectives, especially their misconduct in managing co-op finances and inability to increase production and enough food to co-op members [Li, 2009, p. 337].

The rightful resistance differs from the strategies described by Scott, as being more “noisy, public, and open” [O'Brien, 1996, p. 34], even if it does not involve the risks of the more violent forms of rebellion. This kind of protest, which developed since the end of the 1950s [Li, 2009, p. 52], prevailed above all in the following thirty years and it was used in the countryside until very recently [O'Brien, 1996, pp. IX–XIV].

---

²² The actions employed by farmers to sabotage agricultural cooperatives were essentially no different from what had been done with the community leaders, yamen runners, or any kinds of power holders in the prerevolutionary period for the same purposes [Li, 2009, p. 335].

²³ O'Brien K.J., Li L. *Rightful Resistance in Rural China*. Cambridge (USA): Cambridge University Press, 2006. The volume deals with the phenomenon of rural protests in post-reformist China, referring mainly to some villages in Hunan province [Goldman, 2007, p. 496; Bianco, 2007, p. 187].

III. Some considerations on the function of peasant daily resistance in Chinese history

As we have seen, the works analyzed in the previous section share the idea that the simple acts of daily resistance carried out in the Chinese countryside since the early 1950s paved the way to the post-Maoist rural reforms. But can this opinion be considered plausible?

Undoubtedly, these invisible forms of protest were effective in helping the peasants to achieve short-term results. Strategies such as underreporting the harvest or hiding the grain, for example, allowed the peasants to retain for their own immediate profit the quantities of food that were necessary to guarantee their livelihood and to alleviate the fear of not having sufficient supplies in case of natural disasters or other unforeseen events [Picchiarelli, 2021, pp. 165–169]. Furthermore, it is important to highlight that these particular methods sometimes were the only way for villagers to express their discontent. Given the low level of tolerance by the Chinese Communist regime, resorting to more direct, violent and collective forms of opposition would have certainly constituted an undesirable and less valid alternative [Scott, 1989, p. 44].

However, to consider the phenomenon of daily resistance as the direct cause of an event of great historical significance such as the agricultural decollectivization may still appear exaggerated. Even if it is actually the accumulation of illegal acts which makes them effective, it would have taken still too long before their results were visible at a national level and the communist leadership decided to adopt a different development strategy. The decollectivization process, indeed, began in the early 1980s, about thirty years after the first manifestations of dissent appeared in the countryside as a response to the establishment of the state monopoly on the grain trade and the agricultural cooperatives [Bianco, 1999, p. 12; Picchiarelli, 2021, pp. 163–164].

In this long period of time the Chinese leadership, which was acutely aware of the widespread discontent in the countryside²⁴, did make some attempts to stem such feeling

²⁴ There are many examples showing that the Communist leadership was aware of or even predicted the emergence of discontent in the countryside. Despite being convinced of the urgent need to implement the state monopoly on the grain trade, Chen Yun, the president of the Finance and Economics Committee, declared that he had the feeling of having to choose between two different types of “explosives” (*zhayao*), the “TNT” (*heise zhayao*), on the one hand, and the “dynamite” (*huangse zhayao*), on the other hand. If the government had not implemented the monopoly in the purchase of grain, the market would have certainly undergone some fluctuations; otherwise, the peasants would have opposed resistance. Even Deng Zihui, head of the Central Rural Work Development, and Liu Shaoqi, the number-two of the regime, had repeatedly warned Mao about the risks that a too rapid and non-gradual advancement of the agricultural cooperation movement would have caused in the countryside. However, all this did not stop the rapid rush to the Great Leap Forward disaster [Bo, 1991, p. 187; Gao H., 1999, pp. 115, 138].

but to no avail²⁵. Moreover, in the summer of 1955 the central authorities decided to accelerate the collectivization process, as a demonstration of the indifference of the state vis-à-vis the peasant grievances²⁶. Following the new political orientation that called for the rapid creation of new agricultural cooperatives, local cadres consistently violated the principles of voluntarism and mutual benefit (*ziyuan huli yuanze*), on which peasant membership should have been based [Gao H., 1999, p. 153]. Even the Party later recognized the numerous errors committed in this phase, such as the negligence as well as the excessive speed with which the cooperatives were set up and the use of coercive methods by the local authorities²⁷.

The concessions the state offered to peasants in the early 1960s certainly had a greater value and scope than those granted up to that time. But they represented nothing more than a desperate and urgent attempt to remedy the economic disaster caused by the launch of the Great Leap Forward in 1958. Indeed, such an agricultural strategy led to a catastrophic decline in food crops [Lardy, 1987, p. 370] causing approximately 45 million people to die from starvation [Dikötter, 2011, p. XII]. To facilitate agricultural recovery and lay the basis for sustained growth it was therefore necessary to resort to far-reaching and countertrend measures. Among the most important ones was the lessening of the constraints on private rural marketing and the restoration of small private plots. Furthermore, periodic rural markets were reopened in some locations to increase peasant income-earning opportunities. Simultaneously, the state eliminated the prohibition on private household subsidiary production that had been imposed during the formation of communes. This allowed the revival of private household raising domestic animals, weaving, sewing, embroidery, and other handicrafts. In some areas of rural China, where

²⁵ In March 1955, for example, the central government instituted the “three fixed policy” (“*sanding zhengce*”) to limit excesses in the grain procurement quotas. Interpreted by Li Huaiyin as a glaring proof of the central role of the villagers in shaping the final form of the state’s rural policies, this measure did not bring about any fundamental change to the state purchase system. The so-called “fixed yield” (*dingchan*) quota, on which the state purchase would have been based, continued to be a forecast figure, assigned in advance from above and almost certainly higher than the actual grain production [Li, 2009, p. 339; Gao, 2016, pp. 159, 166, 175].

²⁶ This took place in the aftermath of the Conference of Party secretaries from all the provinces, municipalities and autonomous regions, when Mao delivered the famous speech “On the Question of Agricultural Cooperativization” (*Guanyu nongye hezuohua wenti*), which immediately triggered a “high tide” (*gaochao*) of socialism in the countryside”, and imposed an abrupt acceleration on the formation of cooperatives [Shue, 1980, pp. 308–309].

²⁷ This happened through the “Resolution on Certain Questions in the History of Our Party since the Founding of the People’s Republic of China” (*Guanyu jianguo yilai dang de ruogan lishi wenti de jueyi*), adopted by the Sixth Plenary of the Eleventh Party Congress in 1981, with which the Party expressed an official evaluation of the Maoist experience. Regarding the mistakes made during the “high tide” stage, the document reveals: “By 1956, the socialist transformation of the private ownership of the means of production had been largely completed in most regions. But there had been shortcomings and errors. From the summer of 1955 onwards, we were over-hasty in pressing on with agricultural co-operation and the transformation of private handicraft and commercial establishments; we were far from meticulous, the changes were too fast, and we did our work in a somewhat summary, stereotyped manner, leaving open a number of questions for a long time” [Resolution on Certain Questions in the History of Our Party since the Founding of the People’s Republic of China].

changes went beyond those officially approved, there was even a complete collapse of collective farming [Lardy, 1987, pp. 388–390].

It must also be considered that such changes were favored not only by the economic crisis, but also by the political context. At the time Mao Zedong's power and image had been eroded as a consequence of his serious misjudgments during the Great Leap Forward. Withdrawn from the political scene, he had no choice but to support the far-reaching retreat from the Great Leap Forward that his colleagues devised. In June 1961 Mao even made self-criticism at a key Party meeting in Peking, and the Party as a whole adopted the policies of retrenchment as official doctrine [Lieberthal, 1987, pp. 295–296].

Such openness, however, was short-lived. Once the crisis began to ease Mao went on the counterattack, and criticized the potential repercussions of the economic recovery strategy on the social and ideological level. What he feared, in particular, was a return of capitalist and bourgeois influences, and a degeneration of Chinese socialism into revisionism. Although Liu Shaoqi, Deng Xiaoping, Chen Yun and other leaders in direct control of the Party's apparatus, disagreed, arguing that the Party must continue to implement emergency measures to salvage the situation [Lieberthal, 1987, pp. 296–297], eventually it was Mao's line that prevailed [Lieberthal, 1987, p. 297].

In order to find a political climate favorable to a real change, the supreme leader's death and the consequent rise to power of Deng Xiaoping had to occur. As Lucien Bianco, also argues, these were probably the circumstances that more than any others allowed the launch of the rural reforms in the late 1970s [Bianco, 1999, p. 12]. It is indeed no coincidence that the pioneering and countercurrent rural movements which developed in Anhui and Sichuan provinces were promoted by two faithful lieutenants of Deng, Wan Li and Zhao Ziyang. Even if these initiatives had really been inspired by the peasants, as Yang and Zhou state, there is no doubt that they would not have taken place without the consent of the central power [Bianco, 1999, p. 12].

In short, the accumulation of daily resistance acts undoubtedly contributed to the realization of this historical turning point, but it could not be considered its main cause. As the Chinese scholar Zhang Xiaoling states, such strategies proved in actual facts ineffective. Being too vulnerable, Chinese peasants had no chance to win the fight for their rights, nor to influence the decisions of the central government in any way, so they had no choice but to submit to its will [Zhang, 2013, pp. 153–154]. Similarly, with a clever play on words, Lucien Bianco affirms that in general the “weapons of the weak”—as the strategies of daily resistance are often defined—turned out to be “weak weapons”, since, from his point of view, they did not bring any long-term benefits [Bianco, 1999, p. 11].

Conclusion

This article has sought to illustrate the phenomenon of peasant daily resistance in contemporary China by critically examining the works of the main Chinese authors who

have delved into the study of this particular form of protest, from the 1990s to the present day.

As has been specified, these works represent an absolute novelty in the historiographical panorama that developed in China after the founding of the PRC. In the first place because they deal with a theme that has long been neglected by Chinese historians. Secondly, because they ascribe to apparently irrelevant acts of daily resistance a historical importance generally attributed to the great peasant rebellions and revolutions, since they even hold them responsible for the abandonment of popular communes.

However, is a covert and poorly organized form of protest able to produce such far-reaching effects? This essay has tried to answer this question by broadly examining the historical circumstances that characterized China between the 1950s and the late 1970s. From this analysis it appears that it was probably the change in the political context, which occurred with the death of Mao and Deng's subsequent rise to power, that favored the launch of rural reforms more than any other event. Without denying the contribution made by the accumulation of daily acts of resistance, indeed, no change would perhaps have been possible if the status quo had been maintained.

References

1. Adas M. From Avoidance to Confrontation: Peasant Protest in Precolonial and Colonial Southeast Asia" // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. vol. 23. No. 1. P. 217–247.
2. Adas M. From Footdragging to Flight: The Evasive History of Peasant Avoidance Protest in South and Southeast Asia // *The Journal of Peasant Studies*. 1986. vol. 13. No. 2. P. 64–86.
3. Bates T.R. Gramsci and the Theory of Hegemony // *Journal of the History of Ideas*. 1975. vol. 36. No. 2. P. 351–366.
4. Bianco L. *The Weapons of the Weak: A Critical View: Fifty Years of Peasant Resistance (1949–1999)*. 1999 // *China Perspectives*. No. 22. P. 56–63.
5. Bianco L. *Peasants without the Party: Grassroots Movements in Twentieth-Century China*. Armonk (New York): M.E. Sharpe, 2001.
6. Bianco L. *Rightful Resistance in Rural China* by Kevin J. O'Brien and Lianjiang Li // *The China Quarterly*. 2007. No. 189. P. 187–188.
7. Bloch M. *French Rural History: An Essay on its Basic Characteristics*. Berkeley: University of California Press, 1970.
8. Bo Y. *Ruogan Zhongda Juece yu Shijian de Huigu (A Review of Certain Major Policies and Events)*. vol. 1. Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe, 1991.

9. Bonomi G. Partito e rivoluzione in Gramsci (Party and Revolution in Gramsci). Milano: Feltrinelli, 1976.
10. Chen Q. “Fanxingwei” ruhe Tuidong Zhidu Biange: du *Zhongguo Nongmin Fanxingwei Yanjiu (1950–1980)* (How did “Counteractions” Contribute to Institutional Changes: A Review of *A Study of Chinese Peasant “Counteractions” (1950–1980)*) // *Zhongguo Xiangcun Yanjiu*. 2016. P. 260–278.
11. Colburn F. D. Footdragging and Other Peasant Responses to the Nicaraguan Revolution // *The Journal of Peasant Studies*. 1986. vol.13. No. 22. P. 77–96.
12. Colburn F. D. *Everyday Forms of Peasant Resistance*. Armonk (New York): M. E. Sharpe, 1989.
13. Dali Y. L. *Calamity and Reform in China: State, Rural Society, and Institutional Change since the Great Leap Famine*. Stanford (California): Stanford University Press, 1996.
14. Dikötter F. *Mao’s Great Famine*. London: Bloomsbury, 2011.
15. Feuerwerker A. China’s History in Marxian Dress, in Feuerwerker A. (ed.), *History in Communist China*. Cambridge (USA): The M. I. T Press, 1969, P. 14–44.
16. Gao H. *Nongye Hezuohua Yundong Shimo (The Whole Story of the Agricultural Collectivization Movement)*. Beijing: Zhongguo qingnian chubanshe, 1999.
17. Gao W. *Renmin Gongshe Shiqi Zhongguo Nongmin “Fanxingwei” Diaocha (Investigation into the “Counteractions” of the Chinese Peasants during the Period of People’s Communes)*. Beijing: Zhongguo dangshi chubanshe, 2006.
18. Gao W. *Ruozhe de Wuqi he Nongmin “Fanxingwei” (The Weapons of the Weak and the Peasant “Counteractions”)* // *Nanfang Zhoumo*. 2008. No. 5. P. 1–2.
19. Gao W. *Zhongguo Nongmin Fanxingwei Yanjiu (1950–1980) (A Study of Chinese Peasant “Counteractions” (1950–1980))*. Hong Kong: Zhongguo wenxue chubanshe, 2013.
20. Gao W. *Tonggou Tongxiao zhi Mi (The Enigma of the Unified Purchase and Sales System)*. Hong Kong: Xiang Jiang chubanshe, 2016.
21. Goldman M. *Rightful Resistance in Rural China* by Kevin J. O’ Brien and Lianjiang Li // *The Review of Politics*. 2007. vol. 69. No. 3. P. 495–497.
22. Grant E. Sources of Peasant Consciousness in South-East Asia: A Survey // *Social History*. 1987. vol. 12. No. 2. P. 193–211.
23. Guha R. Presentation of Class in Everyday Life // *Economic and Political Weekly*. 1987. vol. 22. No. 47. P. 2000–2003.
24. Harrison J. P. *The Communists and Chinese Peasant Rebellions: A Study in the Rewriting of Chinese History*. London: Victor Gollancz, 1970.

25. Isaacman A. Chiefs, Rural Differentiation and Peasant Protest: The Mozambican Forced Cotton Regime (1938–1961) // *African Economic History*. 1985. No. 14, P. 15–56.
26. Isaacman A., Isaacman B. *The Tradition of Resistance in Mozambique: The Zambesi Valley (1850–1921)*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978.
27. Kerkvliet B. J. T. Everyday Resistance to Injustice in a Philippine village // *The Journal of Peasant Studies*. 1986. vol. 13, No. 2. P. 107–123.
28. Kerkvliet B. J. T. *Everyday Politics in the Philippines: Class and Status Relations in a Central Luzon Village*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990.
29. Kerkvliet B. J. T. Claiming the Land: Everyday Politics in the Philippines with Comparisons to Indonesia, Peru, Portugal, and Russia // *The Journal of Peasant Studies*. 1993. vol. 20. No. 3. P. 459–491.
30. Korovkin T. Weak Weapons, Strong Weapons? Hidden Resistance and Political Protest in Rural Ecuador // *The Journal of Peasant Studies*. 2000. vol. 27. No. 3. P. 1–29.
31. Lardy N. R. The Chinese Economy under Stress, in MacFarquhar R., Fairbank J. K. (eds.), *Cambridge History of China, The People's Republic: The Emergence of Revolutionary China (1949–1965)*. vol. 14. part 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 391–397.
32. Li H. The First Encounter: Peasant Resistance to State Control of Grain in East China in the Mid-1950 // *The China Quarterly*. 2006. No. 185. P. 145–162.
33. Li H. *Village China under Socialism and Reform: A Micro History (1948–2008)*. Stanford (California): Stanford University Press, 2009.
34. Li H. From Revolution to Modernization: The Paradigmatic Transition in Chinese Historiography in the Reform Era // *History and Theory*. 2010. vol. 49. No. 3. P. 336–360.
35. Lieberthal K. The Great Leap Forward and the Split in the Yan'an Leadership, in MacFarquhar R., Fairbank J. K. (eds.), *Cambridge History of China, The People's Republic: The Emergence of Revolutionary China (1949–1965)*. vol. 14. part 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 293–359.
36. Little D. *Understanding Peasant China: Case Studies in the Philosophy of Social Science*. New Haven and London: Yale University Press, 1989.
37. Liu K. C. World View and Peasant Rebellion: Reflection on Post-Mao Historiography // *The Journal of Asian Studies*. 1981. vol. 40. No. 2. P. 295–326.
38. Madsen R. The Countryside under Communism, in MacFarquhar R., Fairbank J. K. (eds.), *Cambridge History of China, The People's Republic: Revolutions within the*

- Chinese Revolution (1966–1982). vol. 15. part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 619–681.
39. Man Y. “Fangxingwei” yu Xiangcun Shenghuo de Jingyan Shijie: *Renmin Gongshe Shiqi Zhongguo Nongmin “Fanxingwei” Diaocha Shu Shuokai Qu* (“Counteractions” and the Empirical World of Rural Life: A Review of *Investigation into the “Counteractions” of the Chinese Peasants during the Period of People’s Communes*) // *Kaifang Shidai*. 2008. No. 3. P. 166–174.
  40. O’ Brien K.J., Li L. *Rightful Resistance in Rural China*. Cambridge (USA): Cambridge University Press, 2006.
  41. Perry E.J. *Challenging the Mandate of Heaven: Social Protest and State Power in China*. New York: Routledge, 2015.
  42. Picchiarelli S., *La resistenza contadina nella Cina dei primi anni Cinquanta (Peasant Resistance in the Early 1950s China)*, Libreriauniversitaria.it Edizioni: Padova, 2021.
  43. Pye L.W. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance* by James C. Scott // *The China Quarterly*. 1986. No. 107. P. 556–557.
  44. *Resolution on Certain Questions in the History of Our Party since the Founding of the People’s Republic of China* // *History and Public Policy Program Digital Archive*. Translation from the *Beijing Review*. 1981. vol. 24, No. 27. P. 10–39. <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121344>.
  45. Scott J.C. *Everyday Forms of Resistance* // *The Copenhagen Journal of Asian Studies*. 1989. vol. 4. P. 33–62.
  46. Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven and London: Yale University Press, 1985.
  47. Scott J.C. *Everyday Forms of Peasant Resistance*, in Scott J.C., Kerkvliet B.J. T. (eds.), *Everyday Forms of Peasant Resistance in South-East Asia*. London: Frank Cass, 1986. P. 5–35.
  48. Scott J.C. *Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven and London: Yale University Press, 1990.
  49. Shue V. *Peasant China in Transition: The Dynamics of Development toward Socialism (1949–1956)*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980.
  50. Sivaramakrishnan K. *Some Intellectual Genealogies for the Concept of Everyday Resistance* // *American Anthropologist*. 2005. vol. 107. No. 3. P. 346–355.
  51. Stern S.J. *Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries*. Madison and London: The University of Wisconsin Press, 1987.

52. Taylor D. C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance* by James C. Scott // *American Journal of Agricultural Economics*. 1987. vol. 69. No. 1. P. 206–207.
53. Thiers P. *How the Farmers Changed China: Power of the People* by Kate Xiao Zhou // *The Journal of Asian Studies*. 1997. vol. 56. No. 2. P. 497–499.
54. Thireau I. *Zhongguo Nongmin Fanxingwei Yanjiu (1950–1980)* (Counteractions of Chinese peasants (1950–1980)) by Gao Wangling // *China Review*. 2014. vol. 14. No. 1. P. 243–245.
55. Williams G. A. The Concept of “Egemonia” in the Thought of Antonio Gramsci: Some Notes on Interpretation // *Journal of the History of Ideas*. 1960. vol. 21. No. 4. P. 586–599.
56. Xin Y. Lishi Xuejia dui Jitihua de Sushuo: *Xiangcun Zhongguo Jishi Zhaji*” (Historians telling of Collectivization: Notes of *Rural China Chronicle*) // *Zhonggong Dangshi Yanjiu*. 2014. No. 11. P. 83–94.
57. Zhang X. *Zhongnong de Richang Shenghuo (1953–1956): Tonggou Tongxiao Zhidu xia Guojia yu Nongmin de Guanxi*” (The Everyday Life of Middle Peasants (1953–1956): The Relationship between the State and the Peasants under the Unified System of Purchase and Sale) // *Huanan Nongye Daxue Xuebao*. 2013. vol. 12. No. 1. P. 151–156.
58. Zhou K. X. *How the Farmers Changed China: Power of the People*. Boulder (Colorado): Westview Press, 1996.

Информация об авторе

Сильвия Пиккиарелли — PhD, исследователь в Университете «Сапиенца», Рим.

Email: silviapicchiarelli@hotmail.it

Author’s Information

Silvia Picchiarelli — PhD, Research associate at “Sapienza” University of Rome.

Email: silviapicchiarelli@hotmail.it

УДК:821.581

Ekaterina A. Zavidovskaya

Institute of China and Modern Asia Russian Academy of Sciences

Bryansk State University

Tatiana I. Vinogradova

Russian Academy of Sciences Library

The Diversity of Popular Prints Produced in Late Qing Beijing¹

Summary: The paper discusses the understudied circumstances of popular woodblock prints *mubanhua* production in the late Qing capital city Beijing. Special political and economic status together with confessional diversity granted the capital city a cultural setting different from rural provincial centers of woodblock prints production resulting in emergence of prints catering mostly to religious needs of wide public (like paper icons *zhima*), needs of the followers of Lamaism and Mahayana Buddhism. The latter ordered production of large portions of prints with images of Buddhist deities in order to redeem a vow or for chanting. Shops in Beijing sold prints of local and Yangliuqing produce as a side product together with other paper items. Apart from Door Gods and ‘hanging papers’, the specialties of Beijing area included paper icons with pantheons of gods, large paper icons used for Mid autumn festival worship and variety of prints for table gambling games. The paper also discusses channels through which literati and palace paintings could influence the style of prints from Beijing and wider area around it.

Keywords: Beijing, popular woodblock print, paper icon, playing cards, Buddhism, Lamaism

---

¹ This study was funded by the Russian Fund of the Fundamental Research (RFFI) № 19–59–52001 MHT_a «Commerce, folk beliefs, arts on the traditional Chinese woodblock pictures from little studied collections of Russia and Taiwan».

Е. А. Завидовская
Институт Китая и Современной Азии РАН
Брянский государственный университет
Т. И. Виноградова
Библиотека РАН

Разнообразие типов народных гравюр в Пекине конца эпохи Цин

Аннотация: Данная статья преследует цель осветить мало изученный в мировой науке аспект бытования китайских народных ксилографических гравюр в столице позднecinского Китая — Пекине, причины их конфессионального, жанрового и функционального разнообразия, проанализировать образцы гравюр и оттисков, свойственных именно столичному региону. В Пекине особое развитие получило производство бумажных икон *чжима* и многофигурных икон-пантеонов *байфэр*, использовавшихся горожанами в ритуальной практике. Поклонение лунному зайцу в Праздник середины осени требовало изготовления больших многоярусных икон, которые вывешивались на временном алтаре. В статье показана связь этого культа с буддизмом начиная с эпохи Мин. Заметное присутствие ламаизма в китайской столице нашло отражение в благожелательных оттисках, наполненных символикой этой ветви буддизма. Кроме того, в Пекине печатались оттиски, связанные с буддизмом махаяны (в частности, школой Чистой земли), а также принадлежности для настольных азартных игр. Исследование демонстрирует, каким образом политические, экономические и религиозные особенности столичной жизни делали его печатную продукцию отличной от региональных центров производства (Янлюцин, Уцян, Чжусяньчжэнь, Вэйфан и проч.), показаны каналы влияния высокой живописи и произведений дворцовых художников на массовую гравюру.

Ключевые слова: Пекин, народная картина, бумажные иконы, буддизм, ламаизм, игральные карты

Introduction

Beijing as a capital of late imperial China has, undoubtedly, been a centre of production and consumption of various types of artwork, including woodblock prints generally termed in Chinese as *mubanhua* 木版畫. Nevertheless, the field of popular woodblock print studies often provides scarce accounts of popular prints production in Beijing. James Flath's monograph discusses peculiarities of popular prints production and trade networks of Shangdong's Yangjiabu 楊家埠, largest production center Yangliuqing 楊柳青 near Tianjin, Hebei's Wuqiang 武強 and Henan's Zhuxianzhen 朱仙鎮 by pointing out economic conditions, which became more or less beneficial to the expansion of their distribution network after the railway construction had taken place at the turn of the XXth century [4, p.19–21, 24–25]. Lai and Wang provide details on shops and areas in Beijing used for seasonal sales of the popular prints and paper icons [7]. The catalogue “Rare Chinese Old Woodblock Prints. Beijing volume” [9] may be considered the only edition focusing specifically in the products from Beijing area, while 23 volume collection of prints from major production centers across China edited by Feng Jicai 馮驥才 does not have a separate Beijing volume [5]. This paper attempts to fill in this gap and systematize specifics of popular prints production in late Qing — early Republican Beijing and explain why certain types of prints prevailed over others.

Functioning of the shops producing and selling popular prints in Beijing as a densely populated capital city was drastically different from similar ventures in small towns and villages across China. Provincial centers of popular woodblock prints production emerged in the areas which originally possessed some industries related to: 1) paper (either paper manufacturing, or production of decorative paper flowers for hairdos, fans, kites etc.); 2) book printing; 3) dye production (pigment produced in a certain area basically determined the color palette of the prints from that area). Beijing attracted artists from various regions causing mixture of styles and techniques, making it hardly feasible to single out a specific unified “Beijing style”. Besides, during idle season provincial workshops were able to recruit large amount of low-salary workforce among peasants, many peasant women were involved in manually adding up color to the prints. Beijing did not possess similar human resources, therefore prints produced there rarely have manual coloring, they are mostly pictures with multicolored printing, similar technique can be also observed in Shanghai.

No less crucial is to discuss influences produced by elegant (literati) style painting and works of palace masters upon popular prints in Beijing. Pictures with theatrical scenes may be considered the most representative case of such influence. Popular theatrical prints that had been circulating in the capital remind water colors depicting actors and scenes from the plays performed at the palace stage. Water color albums were originally produced in the imperial palace, but later disseminated outside the palace walls in the form of sketches, they could be a product of some part-time orders made to palace painters. Supposedly, palace eunuchs could play a role of mediators between palace culture and the printing shops located in the city. Three palace albums featuring paintings on

silk — “Superior Truth about Human Nature” (*Xinglijingyi* 性理精義), “Album of play pictures” (*Xichuhuace* 戲齣畫冊), “Album of play pictures by people of the Qing” (*Qingrenxichuce* 清人戲齣冊) hold 275 separate pictures with size about 50 x 40–50 cm [19, p. 294–295, fig.16.]. They feature scenes from about 150 popular Peking opera (*jingju* 京劇) plays, many of which were a subject of popular woodblock prints *nianhua* 年畫, including famous plays “Taming the princess” (*Dajinzhi* 打金枝), “Scolding Cao” (*Ma cao* 罵曹), “Empty city stratagem” (*Kongchengji* 空城計), “Topsy Li Bai writes to the barbarians” (*Taibaizuixie* 太白醉寫) etc. The original water colors created by unknown artists in 1760s were inspired by performances of Anhui troupes in the capital. One finds them strikingly similar to woodblock prints produced in Yangliuqing during late Qing period, yet the technique of the two is different: pictures on silk display richer palette, decoration of the costumes is painted with more detail and skill.

Yangliuqing’s famous “Dailianzeng” 戴廉增 shop had opened its first branch at the Grinding factory *Damochang* 打磨廠 area in Beijing and a shop “Zenghuazhai” 增華齋 during mid XIXth century. Another famous company from Yangliuqing “Qijianzhai” 齊健齋 opened its branch outside Beijing’s Qianmen 前門, the leading shops from Yangliuqing competed with each other to have a stall in the area between Chongwenmen 崇文門 and Zhengyangmen 正陽門 gates, where they sold prints during autumn season and switched to the sales of fan pictures during other seasons [7, p.117, 124]. Importantly, Yangliuqing’s shops historically looked at the capital as its main source of customers, Yangliuqing’s prints were termed as ‘Wei pictures’ (*weihua* 衛畫)², painters from Yangliuqing were invited to the capital to create designs which would satisfy the demands of the higher class society [9, p.3].

Another series of pictures which belonged to imperial palace prior to the Xinhai revolution (1911) and now kept at the various collections of Beijing contains portraits of actors wearing theatrical attire and make up used for a certain play, usually 2–8 portraits per play [19, p. 295]. The authors are also unknown, but there is no doubt that painters had close ties with the palace and possessed deep understanding of Peking opera. One may suggest that all the above mentioned albums had been produced either by artists from the palace or those who could arrive to the capital together with Anhui opera troupes. Similar though less refined images together with prints accompanying opera librettos could serve as a studying material for actors.

Little number of popular prints produced in Beijing and available for study creates difficulties for identifying sources and influences of literati painting on popular prints. For instance, style of the print No.JIT-2214³ “Literati ascend the island-mountain Yingzhou” (*Xueshidengyingzhou* 學士登瀛洲, the State Hermitage) has traces of *xieyi* 寫意 method characteristic of landscape paintings, which is very rarely found on woodblock prints [12, p.65]. We suggest that Beijing area did not produce large amount of woodblock prints with genre scenes (abundant in Yangliuqing) due to proliferation of another

² Tianjin was called Tianjinwei 天津衛 during Ming-Qing period.

³ All the prints from the State Hermitage mentioned in the paper can be viewed on-line by entering their number into the search box of the on-line museum’s catalogue: <http://collections.hermitage.ru/>

type of pictures termed as ‘pictures of folklife’ (*minsuhua* 民俗畫) showing the scenes of Beijing urban life with its trades and professions accompanied by textual explanation [11, 10]. Below we discuss types of popular woodblock prints specific of Beijing area.

1. Types of woodblock popular prints produced in Beijing

Beijing became one of the leading book printing centers starting from Jin dynasty (1115–1234) after the artisans from the captured Kaifeng were relocated there, many monasteries established printing shops specializing in production of printed sutras [9, p.2]. The Yuan dynasty records mention Wang 汪 family shop that produced paper icons, no specimens from that period have survived, the alleys of Beijing bore the names Wang’s paper icons alley — *Wangzhima hutong* 汪紙馬胡同 and He’s paper icons alley 何紙馬胡同 (it is currently called *Heizhima hutong* 黑芝麻胡同). According to Wang Shucun, records prove that paper icon shops in Beijing dated by Ming dynasty produced images of deities [15, p.28]. About hundred types of paper icons were produced during Qing dynasty [16, p.63]. Beijing’s artisans mostly printed pictures with religious purpose like Door Gods (*menshen* 門神), paper icons (*zhima* 紙馬) and large icons (*shenxiang* 神像), another list of Beijing’s specialties features Door Gods, Stove God (*zaojun* 竈君), Heaven and Earth (*tiandi* 天地), God of Wealth (*caishen* 財神), paper icons [9, p.2]. During the Qing dynasty shops specializing in production of paper Door Gods and ‘hanging paper’ (*guajian* 掛箋) decorations were located at Gaobeidian 高碑店 village (about ten kilometers from present day Jianguomen 建國門 gate), which used to be a wharf on the Grand canal and a locale with lively commercial activity. Peasants produced Door Gods and ‘hanging paper’ during the idle winter season and distributed them through paper shops located in the area around the Grinding factory in Beijing in exchange for raw papers of different sorts. Beijing’s Door Gods reached buyers behind the Great Wall in Zhangjiakou 張家口, Xinglong 興隆 and Chengde 承德 thanks to this important trading hub at the vicinity of the *Damochang*. In Beijing prints were sold in the shops along with other products like fans, ink stones etc. [Lai, Wang 2020, p.124]. By the turn of the XXth century Beijing remained an important center of paper trade, including “capital paper shops, southern paper shops, paper icon shops, western paper firms” [18, p.45]. These trade houses could sell popular prints as a side product.

Local Beijing’s production has been long overlooked by researchers due to its inferior artistic qualities and limitation in types and themes. As will be shown below, many of these items do not meet the definition of ‘New Year print’ *nianhua*, we also include prints associated with religious institutions in the scope of this paper. Product nomenclature of painting and printing shops was termed as ‘eight great kinds’ (*badapinlei* 八大品類) and included: 1. ‘Wedding pictures’ (*xihua* 喜畫); 2. Screens of happiness and longevity (*fushouping* 福壽屏); 3. Paper icons of ancestors and patrons; 4. Fan paintings (*shanmianhua* 扇面畫); 5. Views of Xihu lake and landscape scrolls; 6. Lantern cover pictures

(*dengpinghua*燈屏畫); 7. Paper items for gambling; 8. Various seasonal pictures (*suishizahua*歲時雜畫). Even though paper icons were coarse and simple in production they were also produced by the artisan painters [9, p.4]. Wang Shucun concluded that muslin-covered painted lanterns (*shading juanua*紗燈絹畫) and pantheon paper icons *baifenr*百份兒 were two types of product specific of Beijing.

Fig.1. No. JIT-6122,
© The State Hermitage
Museum, St. Petersburg,
2021

We consider ‘hanging paper’ *guajian* to be present in different regions of China. The State Hermitage holds a considerable number of *guajian* from Alekseev’s collection (e.g. JIT-6120, JIT-6122 (Fig.1), JIT-6132, JIT-6133, JIT-6134, JIT-6152, JIT-6153, JIT-6156, JIT-6157, JIT-6158, JIT-6159 etc). Details about ‘hanging paper’ are found in the “Annual customs and festivals in Peking” (*Yanjing suishiji*燕京歲時記) by Fucha Duncheng富察敦崇 (1855-?): “They were one third of a meter long, glued over the entrance, together with paired couplets they added radiance and beauty to each other” [6]. Originally, the Manchu used ‘hanging paper’ for ritual purpose by placing it above the ancestral tablet and on its two sides, in case of a death of family member they were of white color. Han Chinese also used this type of decoration for ritual purposes and for the New Year period.

The State Museum of the History of Religion (below referred to as GMIR) holds a number of Door Gods depicted on the white background (No.Д-3149-VII, Д-3150-VII, Д3151/1-VII) with some features specific of Beijing. While Door Gods from Yangliuqing were normally placed on a decorated background composed of clouds and auspicious symbols produced in woodblock printing technique with added coloring, Beijing’s Door Gods are fully manually painted, they are both white-faced warriors, these are not Tang generals Qin Qiong秦瓊 and 敬德Jing De as it was customary [12, p.4–5].

2. Paper icons as a part of annual festivals

Fucha Duncheng’s “Annual customs and festivals in Peking” provide details on annual calendar and temples festivals in the capital, which involved large scale use of paper icons in the cause of a year. Icons with pantheon of deities *baifenr* were used for the worship during the first days of New Year, when all the deities were invited to descend from heaven and enjoy offerings. The State Museum of the History of Religion holds dozens of paper icons *zhima* acquired by Vasily Alekseev in Beijing. In his diary dated

by March, 1907 Alekseev recorded “acquiring 400 sheets of Beijing’s auspicious prints and 100 sheets of Shandong’s prints. They were purchased by a Russian official Georgiev during his trips to Shandong”. The pictures from the batch obtained in Beijing and Shandong included the following types: 1) auspicious homophonic pictures with classical scenes, the most frequent motives being children with various objects whose names are homophones of auspicious things; 2) pictures used for New Year worship, mostly for the worship of the God of Wealth; 3) pictures with historical plots popular with the wide public; 4) episodes of the novel “Investiture of the Gods” (*Fengshen yanyi* 風神演義) [5, p.450]. Alekseev mentions “acquiring some *baifenr*, crudely printed images of gods and immortals, similar to Russian popular prints with pantheon of saints. Total of 200 sheets” [5, p. 451]. Chinese notes with descriptions of these paper icons are stored at the State Museum of the History of Religion, where the holdings of Chinese paper icons reach 250 sheets [17, 2016]⁴.

3. Icons for Lunar Rabbit worship and their relation to Buddhism

Worship of the Lunar Rabbit during the mid-autumn festival (*zhongqiujié* 中秋節) usually taking place in September suggested placing a temporary altar in the yard and hanging a large printed icon of the rabbit called “lunar light horse” (*yueguangma* 月光馬) on it with a table of offerings in front of the altar. The cult of Moon Rabbit (*tuerye* 兔兒爺) has also been specific of Beijing, according to “Annual customs and festivals in Peking”: “The 15th day of the 8th month is the day of worship, all offerings and fruits must be of round shape, gourd must be sliced in the lotus shape. Paper shops sell Moon light paper, decorated with image of a full moon, sitting in the pose of meditation with legs crossed inside a lotus is Bodhisattva lit up by moon light. Underneath the flower is a radiant moon disc, a rabbit stands holding a pestle pounding medicine in the mortar. The small size paper is three *cun* long (approx.10 cm.), large one is one *zhang* (3,3 m.), those of exquisite work are glittering with gold and azure. Families install ‘moon light paper’ in the place lit by the moon, place offerings and perform worship, afterwards moon light paper is burned, offerings are taken down, people scatter. Moon cakes and fruit are given out to relatives. Some cakes are two *chi* (60 cm.) in diameter. Those women who are on the visit to their parental home must return back to their husband’s home on that day, it’s a day of family reunion. All the mentioned above remains the same. Saying about worshipping the Moon comes from old times” [6]⁵. ‘Moon light paper’ (*yueguangzhi* 月光紙) are large paper icons hung on the temporary altars in the yard for the Mid-autumn festival (Fig.2). The Kunstkamera and the State Museum of the History of Religion (GMIR) hold a number of these icons presenting much interest for research.

⁴ Can be viewed here: <https://alekseev-collection.gmir.ru/en/catalog-eng/category/zhima> (access date: 15.10.2021)

⁵ It is a quote from an earlier Ming edition by Liu Dong 劉侗 “Brief Account of Beijing’s Views” (*Dijingjingwulue* 帝京景物略, 1635).

Lunar rabbit icons usually have either three-tier or two-tier composition. Two-tier print No. Д — 3052-VII (Fig.3) has a hand-written note in Chinese made by Aleskeev's consultant saying: "Page 1: There is an eight headed immortality mushroom *lingzhi* 靈芝, which prolongs years and gives longevity, outside of the halo at the bottom there is the Milky Way, at the top there are Four Heavenly Kings Maharajas, there is an inscription below: Palace of Wide Chill *guanghan gong* 廣寒宮. According to a popular tradition, on the fifteenth day of the eighth month the Mid-autumn festival is celebrated, when the moon is bright and round, it is also a festival of Family Reunion. Many [people] use this paper horse (*zhima* 紙馬) of Moonlight God, invite it, incense sticks and many fresh fruits like watermelons, lotusroots, soybeans on branches, rabbit likes to eat beans, white radish is used as a pestle to pound medicine, there are also mooncakes, they are also called cakes of reunion, cocks combflowers, [people] watch the Moon, pray for longevity, burn incenses and paper money.

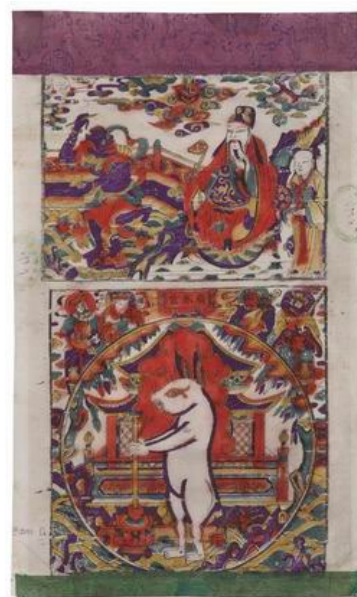

Fig.3. No.Д–3052-VII, © GMIR, St. Petersburg, 2021

2 page: At the top row on the left side sits God of Literature *Wenchang* 文昌, he holds a *ruyi* 如意 scepter with which he balances destinies of literary talents under heaven, behind him is a pine, on the side there is a boy, who holds many scrolls, these are the literary works of the Celestial Empire, on the right side in the water on top of a turtle stands *Kuixing* 魁星, which means "stand alone on a turtle's back" (be the first one on the imperial examinations—*Translator's note*), he holds a silver ingot in the left hand and a brush in the right, which means "will inevitably become the first scholar laureate *zhuangyuan* 狀元", inside a colorful cloud is a Dipper which means the Northern Dipper consisting of seven stars, it is also called star *Wenqu* 文曲 (a constellation which holds the destinies of scholars, a residence constellation of the patron of education—*Translator's note*), it rules over all of the literary essays under heaven. At the bottom row inside moonlight and in front of the Moon Palace (or Palace of Wide Chill) *guanghan gong* 廣寒宮 is a jade rabbit which holds a pestle to pound medicine, on the left there are Brahmins (*poluo* 婆羅)".

Another description made by Alekseev's advisor for print No. Д-8883-VII (basically similar to Д — 3052-VII, Fig.3) also points at connections between Lunar Rabbit and Buddhist pantheon, it features Bodhisattva Manjushri associated with Tibetan Buddhism, the note describes the deities surrounding the circle with rabbit inside it: "Sits on the Lotus throne, to the left sits Bodhisattva Avalokitesvara holding a lotus. Any follower of Buddhism sits on a lotus throne holding a lotus. This signifies his purity, dust of the mundane world does not stick to him. To the right stands Bodhisattva Manjushri. In his hand he holds a scroll with 'Manjushri Canon'. Three images of Buddha. Behind them are alms bowls. Buddhists put food in them. Everyone has seen initiation into monkhood, three hundred novices take vows, so there are three hundred alms bowls, they are used for

eating. All the monks who had taken ordination wear clothes made of patches of different color, alms bowl and ordination diploma as a proof. To the left stands Weituo 韋馱 (protector of faith in Buddhism — *Translator note*), with his both hands he holds a battling stick expelling demons. To the right stands Heavenly king Li holding a pagoda in his left hand. He holds a long spear in his right hand. In the lower layer inside the moon circle is the Palace of Wide Chill, Master rabbit stands inside a hall, immortality grass *lingcao* 靈草 is beside a stone in the shape of a Brahman. Outside the moon light circle there is a Milky Way, there is an island in the middle of it, Eight Revered Heavenly Worthies stand on the stones, each holding a jade tablet, they have an audience with Jade Emperor. In the centre on the tablet are words ‘the Palace of Wide Chill’”. Importantly, images of deities sitting inside a lotus are also mentioned in the above quoted “Annual customs and festivals in Peking”.

Buddhist component is also present on three-tier ‘moon-light paper’ held in Kunstkamera (No.MAE 3653–46) and GMIR (No. Д-3628-VII). On the top layer it has a Chan patriarch Bodhidharma, the description says: “Bodhidharma is crossing a river without shoes. On his shoulder is a pole with shoes tied to it. To his left is god of water Dragon King Long-wang with tablet in his hands worshipping Bodhidharma. Behind Dragon King is a servant with a pole, to which a big garnet is tied, a wish to get many sons. In the second layer is Emperor Guan-di 關帝 sitting at the table and reading ‘The Spring and Autumn Annals’ by Confucius...”. Several ‘moon light papers’ feature Guan-di, as a military God of Wealth. Bodhidharma is sometimes replaced by an image of bodhisattva Guanyin 觀音 (Avalokitesvara) in white robe, as a child-giving goddess.

Buddhist elements were added to the originally Daoist legend about Moon fairy Chang E 嫦娥 during Ming dynasty, when it was replaced by the worship of Candraprabha (Moonlight Bodhisattva, *yueguangpusa* 月光菩薩), whose *dharani* was chanted by Buddhists after ‘The Great Compassion Mantra’ (*Guanshiyinpusadabeizhou* 觀世音菩薩大悲咒), Candraprabha was believed to grant health. As will be shown below, Tibetan Buddhism was also rather influential in Beijing and produced its own prints.

4. Prints related to Tibetan Buddhism

Starting from Yuan dynasty Beijing has become a center of Tibetan Buddhism (Lamaism) with members of the imperial family acting as its patrons, donators and propagators, the Chinese capital acted as an important center of editing and publishing major Buddhist canons in both Tibetan and Mongolian languages [13]. An imperial workshop specializing in carving and printing sutras in Tibetan was established at the Lamaist Songzhusi 嵩祝寺 temple by Kangxi emperor around 1712, it was located nearby other two Lamaist monasteries Fayuansi 法淵寺 and Zhizhusi 智珠寺 and served to store precious editions and carved boards. Since there was a visible presence of Lamaist clergy, Eight Banner soldiers and numbers of lay believers in Beijing, the printed sheets with *dharani* incantations and Buddhist symbols found in the collections of the State Hermitage and GMIR

appear to be regular items sold in late Qing Beijing. Lamaist temples and monasteries were surrounded by large number of shops specializing in this type of products catering mostly to non-Han population. We suppose that V.M. Alekseev could purchase them at the shops around the central Lamaist monastery Yonghegong 雍和宮. There are records of Alekseev and expert on Mongolia Boris Vladimirtsov (1884–1931) visiting Songzhusi in 1926 in search of rare editions written in Mongolian [2, p.191].

A batch of about ten prints on orange or yellowish paper kept at GMIR represents *dharani* incantations with Sanskrit letters written in ‘Lancha alphabet’ used for inscribing ritual texts, some sheets contain writing in Mongolian, Chinese characters and auspicious objects related to Tibetan Buddhism. This type of print is called ‘ten syllables from mantra Kalachakra’ [3, p, 133]. Print No. Б-3273-VII (Fig.4) represents a *dharani* in Sanskrit with Buddhist symbols — white parasol and an endless knot in its upper corners.

Another print (No. Б-3275-VII, Fig.5) on orange paper has almost unintelligible writing, with Sanskrit *dharani* in the top raw, and a parallel text in Tibetan and Mongolian below. Due to low quality of printing board, content of the sheet is hard to decipher (supposedly, a standard formula with wishes of happiness to a person turning sixty), but the fact of almost erased board points at the popularity of such prints among certain strata of Beijing’s population.

A sheet (Л-2866-VII, doublet No. ЛТ-6295 in State Hermitage, Fig.6) with Sanskrit letter and Chinese characters “happiness” (*fu*福) and “longevity” (*shou*壽), three animals — garuda, kilin and a catfish as Buddhist symbols is another example of Sino-Tibetan syncretism seen on popular prints.

Fig.4. No. Б-3273-VII, © GMIR, St. Petersburg, 2021

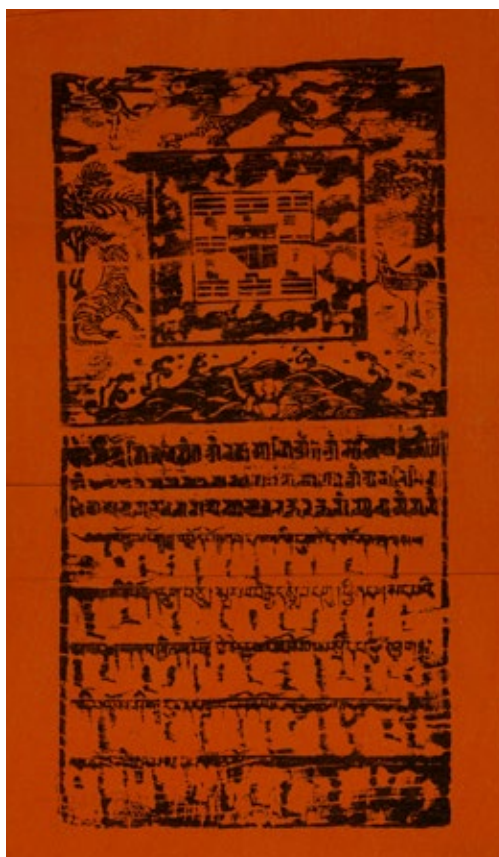

Fig.5. Б-3275-VII, © GMIR, St. Petersburg, 2021

Fig.6. Л-2866-VII, © GMIR, St. Petersburg, 2021

A print with intricately carved ‘windhorse’ (Tib. *rlungrta*, No. ЛТ-6293, State Hermitage) depicts a horse bearing the Tree jewels *cintāmaṇi* on its back, with incantations in Tibetan around it, as well as trigrams and beasts representing basic elements — Tiger symbolizing Air, Snow Lion symbolizing Earth, Garuda – Fire, Dragon — Water, the print is an example of higher quality prints belonging to Mongol-Tibetan Buddhist tradition. Windhorse was believed to be a symbol of well-being and good fortune, its image on cloth (or paper) could be hung on a roof. Sheet ЛТ-6292 (Fig.7) represents the Tibetan astrological diagram with three Bodhisattvas and two Buddhas on the top layer, in the center is Bodhisattva Manjushri’s “turtle diagram” including twelve Chinese zodiacs, its purpose was to protect a house from unfavorable influences and evil spirits [3, p. 125, 128].

Fig.7. JIT-6292, © The State Hermitage Museum, St. Petersburg, 2021

5. Chinese Buddhist prints for redeeming a vow

Buddhist prints stored at GMIR and the State Hermitage shed light on the products of Buddhist monasteries, temples and other institutions catering to the needs of the lay Buddhists. E.g. a sheet from the State Hermitage collection (No. JIT-6291) “Picture of the Lotus canopy” (*Baogailian huatu* 寶蓋蓮花圖) has a writing “printed with Reverence by Beijing Guangnei Buddhist reformatory school” (*Beijing guangnei fojiaojiaoyangyuan jingyin* 北京廣內佛教教養院敬印) written on the bottom. Such Buddhist educational institution existed in Beijing in 1912–1948. Two parallel lines contain chants from “Nine Ranks of Rebirth” (*Jiupin wangsheng* 九品往生) belonging to Pure Land school of Mahayana Buddhism. The lotus was used for meditation, the text below the lotus is an instruction for the believer how this print should be used: the lotus and the canopy have hundreds of buds (jewels) on them, playing a role similar to the rosary beads, they help to count number of times the name of Buddha or sutras had been chanted. After each chanting the believer should color one bud to keep a record. After all the circles are colored the Buddhist may write his details next to the lotus and burn the print down.

Another print (Б-3229-VII, GMIR, Fig.8) has a mention of the address in Beijing, where the carved board is stored — Xigu North Road, Cabinet of the Carved Clouds (*Guloubeiluzhuanyunzhai* 鼓樓北路西篆雲齋), such book printing shop existed in Beijing. The print contains “Dharani of the White-robed Avalokitesvara saving from distress”

(*Baiyi dashi jiuzhu kunan lingzhou* 白衣大士救諸苦難靈咒), to the left is a calendar with fasting days and below is Avalokitesvara stepping upon a lotus. Number of times this *dharani* has been chanted by a believer is counted by coloring the round dots encircling the image of Avalokitesvara, chanting this *dharani* twenty-two thousand times would grant health and prosperity to the family of the believer. Importantly, it contains the name of a female ‘follower disciple’ Chen 陳氏 who paid for printing copies of this sheet in order to redeem a vow (*huanyuan* 還原) after she had recovered, she also prays for her parents’ health. Samples of similar sheets with White-robed Guanyin (Avalokitesvara) produced in Kaifeng prove that believers viewed printing multiple copies of her image to be a virtuous deed helping to attain health and happiness or thank the gods. Undoubtedly, these types of prints are not considered to belong to *nianhua* category due to their religious purpose, yet represent an important facet of printing culture of the capital.

Fig.8. Б-3229-VII,
© GMIR,
St. Petersburg, 2021

6. Playing cards and game boards as prints

Playing cards emerged with the spread of woodblock printing, but before that playing cards were manually drawn and colored. Two types of playing cards were produced in China: the prints were made on the sheets of paper and then glued to bone plates, later replaced by prints on thick paper. The other type were pictures on dice used for dice games that later evolved into a popular *majiang* 麻將 game. Literate players also enjoyed so-called ‘wine order’ (*jiuling* 酒令) card game that required good knowledge of classical poetry. Playing cards has been seen as an important stage in the formation of literary illustrations printed on separate sheets, when the illustration became separated from the text. Late Ming- early Qing painter Chen Hongshou (陳洪綬, approx.1598–1653) famous for his book illustrations also produced sketches of playing cards decks termed ‘game with the leaves’ (*yezi xi* 葉子戲, *yexige* 葉子格). Chen Hongshou was the author of the most famous card decks. Around 1640s he made a design of forty sheets featuring characters of “The Water Margins” novel in the attire of Han dynasty ministers (*Shuihuyezi* 水滸葉子). In 1651 he designed a sketch for 48 sheet deck featuring famous figures of the ancient times (*Boguyezi* 博古葉子) designed for rich collectors, later numerous cheaper replicas appeared. Playing cards with highly intricate design appeared during Wanli era (1563–1620). During the Qing period playing cards became much coarser in quality and design, they were produced in large amounts by the Beijing shops. They assimilated motifs and symbols of the popular woodblock prints [14, p. 102]. The State Hermitage holds a woodblock print (JIT-2239) showing young and elderly women playing cards probably having images of generals printed on them, we suggest these could be descendants of the above

mentioned *yezixif* featuring Han dynasty ministers (Fig.9). Based on the saying written on the print playing cards was one of the New Year season recreational activities bringing luck.

Fig.9. JIT-2239 (fragment), © The State Hermitage Museum, St. Petersburg, 2021

Another type of prints also decorated with traditional motifs were made to play board games on. According to E.J. Laing, a type of popular board game termed as ‘selecting an immortal’ suggested that players threw a dice and move step by step towards the center of the picture [8, p.77, 81]. For instance, print No.JIT-5764 (Fig.10) produced in Beijing represents a game board with Buddhist auspicious symbols (described by Alekseev’s mentor as ‘treasures of the Earth coming to the audience with an emperor’). V.M. Alekseev had mentioned this type of board games while discussing wide presence of ‘24 examples of filial piety’ (*ershisixiao* 二十四孝) episodes on popular prints: “This theme is very widespread, I have also collected a table board game sheet with this episode, the game is played with dice, the players move forward along the squares” [1, p.123].

Fig.10. JIT-5764, © The State Hermitage Museum, St. Petersburg, 2021

Conclusion

The paper attempted to shed light on little studied circumstances concerning production and distribution of various types of popular prints in the capital city of Beijing during late Qing period. As was shown, apart from high-quality prints produced in Yangliuqing and sold in the capital, local shops specialized in production of paper icons *zhima*, Door Gods, Stove Gods, icons for Mid autumn festival as well as prints related to Tibetan and Mahayana Buddhism. Novelty of the research lies in the study of the previously unpublished prints found in the collections of GMIR, MAE RAS and the State Hermitage. It is noteworthy that V.M. Alekseev's research interests in certain degree determined the diversity of prints acquired in Beijing and now housed in various collections of Saint-Petersburg. Alekseev's interest in popular Daoist cults and other religions could prompt his visits to various temples and purchase of prints related to various religious practices, including Chinese and Tibetan Buddhism. He also took interest in the cult of Guanyin as a child-giving goddess, which could explain large number of votive prints featuring this deity in his collection. Close reading of various prints roughly termed as *banhua* reveals variety of venues for their production — shops from Gaobeidian area near Beijing, around Lamaist temples, Buddhist institutions and shops producing books.

References

1. *Alekseev, V.M. Kitaiskaia narodnaia kartina (Chinese popular prints).*— Moscow: Nauka, 1966. — 260p. (In Russian)
2. *Bankovskaia M. V. Vasilii Mikhailovitch Alekseev i Kitai: kniga ob otze (Vasilii Mikhailovitch Alekseev and China: the book about father).*— Moscow: Vostochnaia literature, 2010. — 487 p. (In Russian)
3. *Beer R. Entsiklopedia tibetskih simvolov i ornamentov (The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs).*— Moscow: Orientalia, 2011. — 428 p. (In Russian)
4. *Flath J. A. The Cult of Happiness: nianhua, art, and history in rural north China.*— Seattle: University of Washington Press, 2004. — 195 p.
5. *Feng Jicai 冯骥才 ed. Zhongguo muban nianhua jicheng. Eluosi zangpin juan 中國木版年畫集成. 俄羅斯藏品卷 (Compendia of the Chinese woodblock new year pictures. Volume from the Russian collections).*— Beijing: Zhonghuashuju, 2009. — 1009 p. (In Chinese)
6. *Fucha Dunchong 富察敦崇. Yanjing shuishiji 燕京歲時記 (Annual customs and festivals in Peking).* Available at: [https:// https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=233902](https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=233902) (accessed 17 Nov, 2021) (In Chinese)
7. *Lai Hui-min 賴惠敏, Wang Chung-chi 王中奇. Qingdai beifang banhua maoyi wanglu 清代北方版畫貿易網絡 (The Trade Network of Woodblock Prints in Northern*

- China during the Qing Dynasty) // *Minsuquyi* (Journal of Chinese Ritual, Theatre and Folklore).—2020. Vol.207. P. 111–172. (In Chinese)
8. *Laing, E.J.* Chinese Pictorial Board Game Prints // *Arts Asiatiques*, 2015. No.70. P. 77–86.
  9. *Liu Ying* 劉瑩, *Wang Haixia* 王海霞 eds. *Zhongguo gubannianhua zhenben*. Beijing juan 中國古版年畫珍本, 北京卷 (Rare Chinese Old Woodblock Prints. Beijing volume).— Changsha: Hubei meishu chubanshe, 2015.— 341 p. (In Chinese)
  10. *Maiatckii Dmitrii* ed. *Sobranie pekinskih narodnyh kartin hudozhnika Zhou Peichunia* (konets XIX — nachalo XX veka) v fonde Vostochnogo otdela Nauchnoi biblioteki im. M. Gorkogo Sankt-Peterbugskogo gosudarstvennogo univestiteta (Collection of Beijing popular pictures by artist Zhou Peichun (late XIX — early XX century) in the funds of the Oriental Department of the Academic library of the Saint-Petersburg State University).— Saint-Petersburg: NP-Print, 2016.— 244 p. (In Russian)
  11. *Riftin B. L., Wang Shucun*. *Redkie kitaiskie narodnye kartiny iz sovetskih sobranii* (Rare Chinese popular pictures from the Soviet collections).— Leningrad: Avrora, 1991.— 212 p. (In Russian)
  12. *Popova I. F.* ed. *Tsinky Pekin. Kartiny narodnoi zhizni (minsuhua)* (Beijing during the Qing Dynasty: Pictures of Folklife (Min-suhua).— Saint-Petersburg: AO Slavia, 2009.— 245 p. (In Russian)
  13. *Uskensky V.L.* *Tibetsky buddizm v Pekine* (Tibetan Buddhism in Beijing).— Saint-Petersburg: NP-Print, 2011.— 367p. (In Russian)
  14. *Vinogradova T.I.* *Mir kak ‘predstavlenie’: kitaiskaia literaturnaia illustratsia* (The world as “the imagined”: Chinese literary illustration).— Saint-Petersburg: Alfaret, 2012.— 332 p. (in Russian)
  15. *Wang Shucun* 王樹村, *Wang Lanxi* 王闌西. *Guangong baitu* 關公百圖 (Hundred pictures of Guan-gong).— Guangzhou: Lingnan meishuchubanshe, 1996–117 p. (In Chinese)
  16. *Wang Shucun* 王樹村. *Zhongguo minjian zhima yishu shihua* 中國民間紙馬藝術史話 (Talk on the history of the Chinese popular paper icons zhima). Tiajin: Baihua wenyi chubanche, 2008.— 337 p. (In Chinese)
  17. *Zavidovskaya E., Teryukova E.* Chinese Popular Prints of Gods and Talismans Protecting a House from the Collection of Academician V.M. Alexeev in the State Museum of the History of Religion//*Manuscripta Orientalia*, Vol. 22 No. 2, December 2016. P. 18–35.
  18. *Zhang Jianming* 張建明, *Ji Dazhi* 齊大之. *Huashuo jingshang* 話說京商 (Talk about Beijing merchants).— Beijing: Zhonghua gongshang lianhe chubanshe, 2006.— 341 p. (in Chinese)

19. *Zhongguo dabaike quanshu xiquqiyi* 中國大百科全書，戲曲，曲藝 (Full Encyclopedia of China. Drama, folk arts). Chinese big encyclopedia committee ed.— Shanghai: Zhongguo dabaike quanshu chubanshe, 1983.— 659 p. (In Chinese)

Информация об авторах

Екатерина Александровна Завидовская — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИКСА РАН, доцент Брянского государственного университета.

Email: katushaza@yahoo.com

Татьяна Игоревна Виноградова — канд. ист. наук, зав. отделом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской Академии наук.

Email: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Authors' Information

Ekaterina A. Zavidovskaya — PhD, Associate Prof. Bryansk State University, Senior research fellow, Institute of China and Modern Asia RAS

Email: katushaza@yahoo.com

Tatiana I. Vinogradova — PhD, Head of Oriental Publications Department, Russian Academy of Sciences Library

Email: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

УДК 94(5)

А. Е. Донская

Санкт-Петербургский государственный университет

Национальный кризис и подъём китайской исторической географии

Аннотация: Статья посвящена развитию китайской исторической географии в 1930-е гг. в тесной связи с ситуацией национального кризиса, в которой оказалась страна. Кратко изложены основные этапы развития науки в предшествующий период, показан переход от «эволюционной географии» к «исторической географии» и основные различия между ними. Проанализированы политические, организационные, научные и образовательные предпосылки подъема историко-географических исследований. Особое внимание уделено созданию в 1934 г. научного общества «Юй гун» и одноименного журнала — моменту, который единодушно признается важнейшей вехой формирования современного облика науки. В статье предлагается краткий анализ «Слова к читателям журнала “Юй гун”», авторы которого — Тань Цисян и Гу Цзеган — обосновали актуальность историко-географических исследований, сформулировали их ближайшие, а также отдаленные цели и задачи, предложили программу развития науки на десятилетия вперед. На материале двух статей Гу Цзегана 1939 г. показана дальнейшая эволюция наиболее важных для исторической географии того периода представлений о единстве китайской нации и территории Китая.

В результате исследования автор приходит к выводу, что специфическая внешне- и внутривнутриполитическая ситуация 1930-х гг. стала мощным катализатором развития китайской исторической географии. Всё более широкое знакомство с достижениями западной и японской наук стимулировало и осознание китайскими учеными необходимости противостоять распространению таких взглядов на китайскую нацию и ее историю, которые могли послужить теоретическим обоснованием для отторжения от Китая окраинных земель. Актуальность темы исследования подтверждается тем, что именно выполнение сформулированной в 1930-е гг. программы определило современный облик китайской исторической географии, а разработанные тогда теоретические установки оказываются чрезвычайно востребованными в последние десятилетия — уже на новом витке развития Китая. (Библиогр. 20 назв.)

Ключевые слова: Китай, историческая география, китайская нация, Гу Цзеган, журнал «Юй гун»

Aleksandra E. Donskaia
Saint-Petersburg State University

The national crisis and the rise of Chinese historical geography

Summary: The article deals with the rise of Chinese historical geography in the 1930s in connection with the situation of national crisis. The author briefly describes the main stages of the previous development of this science, the transition from “evolutionary geography” to “historical geography”. Special attention is paid to the political, organizational, scientific and educational conditions that lead to the rise of historical geography and the creation in 1934 of the “Yugong” Society and the “Yugong” semi-monthly magazine — the generally recognized milestone in the formation of the modern image of the science. In the “Preface” for the first issue Tan Qixiang and Gu Zegang emphasized the role that historical geography played in the protection of territorial sovereignty. They also formulated its immediate as well as distant objectives, and proposed a research program for decades to come.

The author concludes that the specific foreign and domestic political situation of the 1930s became a powerful catalyst for the rise of Chinese historical geography. The increasing familiarity with the achievements of Western and Japanese science also stimulated Chinese historians to resist the spread of certain ideas, which could serve as a theoretical justification for the aggressive actions of the powers in the border areas. The implementation of the program formulated in the 1930s determined the modern appearance of Chinese historical geography, and the ideas developed at that time became extremely popular in recent decades. (Refs 20).

Keywords: China, historical geography, Chinese nation, Gu Jiegang, The Chinese Historical Geography (semi-monthly magazine)

С ростом политического и экономического влияния Китая им предпринимаются все более активные попытки проецирования «международной дискурсивной силы» (*гоцзи хуаюйцюань*) [Денисов, 2020], которая базируется на прочном фундаменте продуманного до мелочей нарратива «для внутреннего пользования». Усиление национально-патриотического элемента, продвижение собственных интерпретаций, в т.ч. интерпретаций исторических событий и явлений, весьма заметны как в идеологической, так и в образовательной сферах. Не будем отрицать влияния древних идей «китаецентризма» и соответствующего отношения к «варварам» на формирование китайского взгляда на мир, вместе с тем, совершенно оправданным представляется интерес значительного числа современных китайских исследователей к периоду 1930-х гг. Его выделяют в качестве одного из важнейших этапов оформления того комплекса идей, которые сейчас пронизывают учебную, популярную и научную литературу — о «единой китайской нации», о роли исторической науки в отстаивании национального суверенитета и т.д. И разрабатывались эти идеи в тесной связи с подъемом исторической географии.

Именно 1930-е гг. неизменно признаются переломным моментом в развитии китайской науки исторической географии, отделившей «старую» историческую географию от «новой», современной. Китайские ученые проводят между ними четкое различие. Историческая география «старого типа» — *яньгэ дили* — эволюционная география, география изменений, наука, которая описывает последовательные изменения географической среды. Современная наука называется по-другому — *лиши дили*, историческая география. Историю первой обычно отсчитывают от входящей в «Канон истории» (*Шан шу*) главы «Деяния Юя» (*Юй гун*), написанной, по-видимому, в эпоху Сражающихся царств (V–III вв. до н.э.). Она содержит географический и экономический обзор «девяти областей», на которые, по преданию, территория Китая была разделена легендарным Юем. В главе содержится составленное по единому образцу описание этих областей (физические границы, проведенные Юем работы, качество земель, характер подношений, пути их доставки), описание основных горных и речных систем и, наконец, идеальная схема так называемых «поясов вассальных владений». Этот текст воспроизведен и в главе «Основные записи [о деяниях дома] Ся» (*Ся бэнь цзи*) «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня, значительная часть которой посвящена деятельности Юя по обузданию наводнения.

Воспроизведение Сыма Цянем, жившим во II–I вв. до н.э., географического описания более раннего периода можно уже, в некоторой степени, считать историко-географическим исследованием, т.к. оно свидетельствует об определенном уровне осознания изменчивости как природной среды, так и характера ее социально-политического структурирования. Некоторые китайские ученые возводят начало китайской исторической географии к Бань Гу (I в.), так как в главе «Трактат о принципах земли» (*Дили чжи*) «Книги об [эпохе] (Ранней) Хань» (*Хань шу*), кроме описания современной автору географической среды, содержатся сведения о названиях географических объектов более раннего периода.

В качестве классических работ по исторической географии «старого типа» можно назвать труды Ван Инлиня (1223–1296) «Толкование географических [реалий, упомянутых во] “Всеобщем зеркале, [управлению помогающем]”» (*Тун цзянь дили тунши*) и Гу Цзуюя (1631–1692) «Географические комментарии для читающих исторические сочинения» (*Ду ши фаньюй цзяю*) (фактически — для читающих династийные истории, первоначально работа так и называлась — «Географические комментарии к 21 нормативной истории», *Эр ши и ши фаньюй цзяю*). Сами названия указывают на то, что эти работы представляли собой сборники географических комментариев, облегчающих понимание исторических трудов. Историческая география, таким образом, представляла собой не столько самостоятельную науку, сколько вспомогательную историческую дисциплину, поставившую для исторических сочинений географические комментарии о расположении тех или иных упомянутых в тексте населенных пунктов, гор, русел рек, деталях территориально-административного устройства. Никакого особого идеологического звучания эта дисциплина не имела. Видимо, в этом и не было нужды, подобные сочинения составлялись не для внешнего мира, а «для себя».

Качественно новый этап развития науки пришелся на рубеж XIX–XX вв. К тому времени в Китае был накоплен значительный объем историко-географической информации, а кроме того, в научный оборот вошло немало новых «западных» научных знаний и географических представлений. В период осуществления «новой политики» в начале XX в., когда, во многом под влиянием японских научных достижений, разрабатывались новые учебные программы, при составлении под руководством Ван Сици (1855–1913) программ по специальности «География Китая и мира» впервые был использован термин «историческая география» (*лиши дили*).

Сам термин «историческая география», видимо, сложился также под влиянием японских идей периода Мэйдзи (и — опосредованно — под влиянием западных терминов) и связан был с необходимостью для народов как Японии, так и Китая формирования и укрепления национальной идентичности, с разработкой представлений о государствообразующих нациях, о государственном суверенитете, о единстве территории, народа и государства. Если «старая» наука — *яньгэ дили* — просто фиксировала изменения географических реалий, то новый термин знаменовал выход на новый уровень осознания предмета науки — он объединял географическое пространство и историю народа во времени. «Эволюционная география» была мало приспособлена для борьбы с притязаниями внешних сил, а «историческая география», связывая в единое целое географическое пространство с историей народа (нации), способна была представить «научное» обоснование принадлежности той или иной территории нации и государству.

Тогда же с японского языка переводились учебники, написанные уже более-менее по-новому, «по-западному», в т. ч. и учебники по истории Китая. Китайских историков не могли удовлетворить ни терминология, ни содержание текстов японских ученых, это возбуждало их национальную гордость, подстегивало к разработке собственного изложения истории, стимулировало «национальный» проект — проект

строительства нации, национального государства, написания новой национальной истории — не истории династий, а истории народа (*минь ши*). Одним из важнейших новшеств, принесённых благодаря этим японским учебникам, и была ориентация на нацию, на описание ее прогресса¹. Перевод японских учебников истории стал неотъемлемой частью «историографической революции» в позднецинском Китае. К. Эдвард Ванг приводит слова Дэн Ши (1877–1951), разрабатывавшего идеи «национального духа» (*гоцуй*) — «Без истории нет нации» [Transforming History 2011: 122].

В 1903–904 гг. была опубликована двухтомная «История Китая» (*Чжунго лиши*) получившего образование в Японии Цзэн Куньхуа. Повествование в этой работе доводилось лишь до XI в., зато содержание было новаторским: автор стремился объяснить «формирование великих социальных тенденций», описать «феномен социальной эволюции», а не взлет и падение династий. Цзэн Куньхуа, объясняя причины социокультурных изменений, подчеркивал влияние географических условий на развитие человека. За этой работой последовал «Новейший учебник по истории Китая для средней школы» Ся Цзэнью (1863–1924) (*Цзуйсинь чжунсюэ Чжунго лиши цзяокэшу*), опубликованный в 1904–1906 гг. [Transforming History 2011: 122–124].

Новое видение мира, отличное от традиционного «китаецентристского» и связанное с представлениями о «национальном государстве», подтолкнуло развитие дискуссий о национальном суверенитете (неотделимом от проблемы государственных границ) и о нации. В начале XX в. зазвучали предложения преподавать историческую географию не только в университетах, но также в начальной и средней школе — с целью воспитания «чувства единства с нацией». Историко-географические сочинения, которые когда-то читали лишь представители образованной элиты, теперь оказывались все более широко востребованными, они были призваны помочь воспитать население в духе национализма, преподать национальный нарратив.

Под влиянием западной и японской науки в рамках новых учебных программ содержание науки исторической географии постепенно изменялось. Несмотря на «старомодное» название, значительно более соответствующим уровню науки того времени выглядел курс «История географической эволюции в Китае» (*Чжунго дили яньгэ ши*), который в 1917–1919 гг. в Пекинском университете читал знаменитый ученый-географ и педагог Чжан Сянвэнь (1866–1933), много сделавший для знакомства китайцев с достижениями западной географии. Позже, в 1920–1930-е гг., подобные курсы читались в крупнейших университетах рядом ученых: известным историком Гу Цзеганом (1893–1980) — в Яньцзинском и Пекинском университетах, его учеником Тань Цисяном (1911–1992) — в Католическом университете Фужэнь [Мао Си, Дун Чжэньхуа, 2020: 20].

¹ О влиянии этих идей на трактовки нации и национализма Лян Цичао см. [Москалев, 2005: 7–39].

Следующий толчок к изменению отношения к исторической географии был связан с восприятием в качестве «несправедливых» итогов 1-й мировой войны. На необходимость изучения исторической географии указывал после Версальской конференции Чжу Кэчжэнь². Если бы китайские дипломаты лучше знали историю эволюции границ китайского государства, они, по его мнению, не допускали бы безответственных ошибок при подписании договоров (в частности, он имел в виду уступку Тайваня Японии Ли Хунчжаном в 1895 г.); пользуясь тем, что китайцы плохо знают историю территории своей страны, историю формирования ее границ, западные ученые нарочно распространяют неправильную информацию о Китае. Поэтому изучение исторической географии — вопрос защиты национального суверенитета [Transforming History 2011: 317]. Китай еще не был способен на мощные проявления «международной дискурсивной силы», до формулирования этой концепции было еще очень далеко, но многим ученым, разумеется, и тогда было понятно, что нужно по мере сил стараться оказывать воздействие на представления иностранцев о Китае. Так, историк и педагог Мяо Фэнлинь (1899–1959) в 1921 г. опубликовал статью «Пропаганда истории Китая» (*Чжунго ши чжи сюаньчуань*), в которой анализировал исторический опыт периодов разделения Китая на Север и Юг в стремлении противостоять попыткам западных держав закрепить ситуацию существования в Китае двух правительств — на Севере и на Юге. Он утверждал, что, «если донести исторические факты до иностранцев, они, пусть даже и не окажут помощи в объединении страны, по крайней мере будут вынуждены изменить свои представления о Китае». Реагируя на отклонение Японией требования китайской стороны о выводе войск из Южной Маньчжурии, Мяо Фэнлинь приводил исторические обоснования принадлежности этой территории Китаю. Ссылаясь на «Юй гун», он утверждал, что Маньчжурия на протяжении 4 тыс. лет была китайской территорией. «Мы должны довести эти исторические факты до представителей западного мира, чтобы они не могли открыто поддерживать японцев» [Transforming History 2011: 318–319].

И, наконец, в 1930-е гг. китайская историческая география окончательно вышла «на передовую». Отторжение Маньчжурии, деятельность японцев по организации движения за автономию Северного Китая и возросшая опасность раздела территории Китая вызвали горячий отклик в научной среде, способствовали пересмотру многих позиций. Национальный кризис стимулировал, в т. ч., и подъем исторической географии, и придание этой научной дисциплине совершенно нового звучания. Историческая география (и прежде всего — изучение эволюции политических границ) окончательно стала восприниматься как инструмент борьбы с внешней экспансией, защиты территориального суверенитета и национальных интересов Китая. В то же время сравнительная политическая стабильность на основной части

² Чжу Кэчжэнь (1890–1974), впоследствии — академик Академии наук КНР, географ, климатолог, педагог, один из создателей Географического общества КНР, основоположник китайской географической науки нового времени, китайской метеорологии и фенологии. Автор одной из наиболее авторитетных статей по исторической географии Китая — «Попытка исследования климатических изменений в Китае за 5 тыс. лет» (*Чжунго цзинь у цяннь нянь лай цихоу дэ чу бу яньцзю*) (1972).

территории Китайской Республики, особенно в крупных городах, создавала благоприятные условия для образовательной и научной деятельности, стимулом для которой становилась растущая нестабильность на границах страны.

Значительный вклад, как научный, так и организационный, в развитие исторической географии внес знаменитый историк Гу Цзеган. Он отмечал, что обратиться к истории границ Китая его заставила насущная потребность, это было веление времени. Гу Цзеган полагал, что подход «наука ради науки» хорош для мирного времени, «когда же мощь страны осыпается, [подобно холму], наука должна быть поставлена на службу практике» [Цит. по Гэ Чжаогуан, 2011: 6]. В 1920-е гг. Гу Цзеган в рамках концепции «недоверия к древности» подвергал сомнению единство происхождения древнекитайского этноса, единство китайской территории в древности, но в 1930-е гг. стал отходить от этих позиций — высказывание подобных взглядов не работало на защиту страны. При написании статей по истории границ, истории этносов, проживающих на территории Китая, ставились в значительной степени пропагандистские, а не чисто научные цели.

Основное внимание Гу Цзеган сосредоточил на западной, северной и северо-восточной частях Китая, т.к. этим районам, по его мнению, правительство не уделяло достаточного внимания, в то время как Япония, Англия и Россия осуществляли целенаправленное поглощение этих территорий. В молодости Гу Цзеган изучил много документов об исследованиях Японии в Маньчжурии и Монголии. После захвата Маньчжурии в 1931 г. ученый неоднократно бывал на Северо-Западе и Севере Китая, в августе 1934 г. встречался во Внутренней Монголии с Дэ-ваном³ по вопросу автономии. Встреча с Дэ-ваном заставила его осознать всю глубину предубеждения монголов против ханьцев, их нежелание считать себя частью ханьского этноса. В 1937 г. он по поручению китайско-английского попечительского совета «боксерской контрибуции» проводил обследование в сфере образования на Северо-Западе. Как отмечает Ли Чжэньцзюнь, на трансформацию отношения к миссии ученого Гу Цзегана повлияли не только изменения во внешнеполитическом положении, но и знакомство с реальной жизнью китайского народа во время экспедиции в бассейн Хуанхэ весной 1931 г. [Ли Чжэньцзюнь, 2020: 16–18].

Важнейшей вехой в развитии исторической географии стало создание в 1934 г. по инициативе Гу Цзегана и его ученика Тань Цисяна научного общества «Юй гун» (*Юй гун сюэхуэй*) и одноименного периодического издания, издававшегося два раза в месяц (*Юй гун баньюэ кань*). Членами научного общества стали студенты и молодые преподаватели ряда пекинских ВУЗов (Пекинский университет, Яньцзинский университет, Католический университет Фужэнь), некоторые работники издательств и исследователи. В июле 1937 г., в связи с началом крупномасштабной войны и захватом Пекина, журнал перестал издаваться, а общество самораспустилось.

³ Дэ-ван — монгольский князь Дэмчигдонров (1902–1966), лидер движения за независимость Внутренней Монголии от Китая. С 1934 г. возглавлял автономное правительство Внутренней Монголии, с 1939 г. — марионеточное государство Мэнцзян (в центральной части Внутренней Монголии), поддерживавшееся японской военной администрацией.

Деятельность общества «Юйгун» в Пекине Гу Цзегану удалось возобновить в 1946 г. Хотя возродить журнал не удалось, в специальном приложении к газете «Гоминь жибао» публиковались ежемесячные отчёты. Окончательно общество было ликвидировано уже в 1952 г. За три года — с 1934 г. по 1937 г. — в 82 выпусках журнала «Юй гун» было опубликовано более 700 статей [Цюй Вэньюн, 2009: 2]. Сначала названием на английском языке было «The Evolution of Chinese Geography Semi-monthly Magazine», а с 1935 г. — «The Chinese Historical Geography». С этого времени современный китайский перевод термина «историческая география» — *лиши дили* — стал окончательно вытеснять старое название науки.

В предварявшем первый номер журнала «Слове к читателям журнала “Юй гун”» Гу Цзеган и Тань Цисян обосновывали значение историко-географических знаний:

«История подобна спектаклю, а география — сцена, без сцены спектакля не увидишь⁴! Поэтому людям, не разбирающимся в географии, не на чем строить свое понимание истории, они способны лишь держать в памяти множество сюжетов в качестве материала для беседы» [Тань Цисян, 1934].

Мотивом для обращения с призывом к историкам была насущная необходимость научного обоснования суверенитета Китая над всей территорией периода правления династии Цин, отстаивания национального, политического и исторического единства Китая. Как полагает Ли Чжэньцзюнь, национальный кризис все же не стоит считать главным стимулом создания журнала, однако именно он определял его направленность [Ли Чжэньцзюнь, 2020]:

«Мы уже несколько десятков лет подвергаемся сильному гнету империалистов, что привело к подъему национального самосознания. Это самосознание породило общую надежду на появление «Сводной истории Китая» — чтобы разобраться в том, как же произошла наша нация, какие же всё-таки земли должны нам принадлежать. Нация и география неразделимы, а наша географическая наука развита слабо, так на что же опираться в исследованиях по национальной истории?» [Тань Цисян].

Низкий уровень научных знаний и интереса профессионального сообщества к историко-географической тематике, по мнению авторов, тормозил развитие всего комплекса исторических наук:

«Исследования по эволюции географической среды были популярными в ранний период правления династии Цин. Однако в последние десятилетия эта сфера пришла в совершенный упадок. В научных журналах,

⁴ История появления и вхождения в китайский общепринятый научный лексикон образа географической среды как сцены для спектакля-истории подробно изложена здесь: [Дин Чао, 2017]. В дальнейшем образ эволюционировал, так, уже в 1936 г. Гу Цзеган писал: «Отношения географии и истории не исчерпываются отношениями между сценой и спектаклем, так как сцена всегда статична, а географическая среда непрерывно изменяется» [Дин Чао, 2017: 63].

посвященных литературе и истории, статей на эти темы не найдешь, не найдешь и соответствующих учебных программ на исторических факультетах университетов, а обычные люди, изучающие историю, часто не знают, что такое «девять областей», [упомянутые в] «Юй гуне», «13 бу» ханьского периода, танские «10 дао», сунские «15 лу»⁵... О каких истории культуры, истории религии, экономической истории, социальной истории можно говорить в таких условиях, тем более — о каком историческом идеализме и историческом материализме!

...Мы должны заставить тех, кто занимается историей, перевести часть своего внимания на проблемы географической эволюции, постепенно подвести прочный фундамент под нашу историческую науку» [Тань Цисян, 1934].

Одним из важных фронтов историко-географической битвы стала борьба с выделением в составе территории Китая «Собственно Китая» (или «Внутреннего Китая», *Чжунго бэньбу*). В «Слове к читателям журнала “Юй гун”» подчеркивается некитайское происхождение и злонамеренный характер создания этого термина:

«Восточный сосед замышляет посягнуть на нашу территорию, сфабриковал термин «Собственно Китай» для обозначения наших 18 провинций, намекая на то, что окраинные земли не являются исконно китайскими» [Тань Цисян, 1934].

Существуют различные взгляды на происхождение данного термина, достаточно подробный обзор этой проблемы предлагается в статьях китайского ученого Чэнь Бо [Чэнь Бо, 2016, 2017]. Ряд китайских исследователей вслед за американскими учеными возводит этот термин к английскому священнослужителю Уильяму Уинтерботэму (William Winterbotham, 176–1829), который использовал его в 1795 г. в своей работе «An Historical, Geographical and Philosophical View of the Chinese Empire». Ряд американских ученых (в частности, Г. Хардинг) полагают, что западные ученые-географы выдвинули этот термин под впечатлением очевидного для наблюдателей различия между «основной частью» и зависимыми территориями, т.е. просто приняли традиционное для Китая различие между «Собственно Китаем», управлявшимся непосредственно центральной администрацией, и «территориями, находившимися в вассальной зависимости» (*фаньшу*). «Собственно Китай» при династии Цин состоял из 18 провинций, в основном населенных ханьцами. «Внешний Китай» был населен в основном национальными меньшинствами, приведенными (и приводимыми) к подчинению силой. При Цин это были Маньчжурия, Внешняя и Внутренняя Монголия, территория Синьцзяна и Цинхая, Тибет. Совокупность Китая «внутреннего» и «внешнего» и называлась «Китайской империей». Комбинация этих двух регионов в 1930-е гг. иногда именовалась «Большим Китаем» [Harding 1993: 662].

⁵ *Бу, дао, лу* — звенья территориально-административного деления государства в разные периоды, территориально-административные единицы высшего уровня.

Чэнь Бо отмечает первое упоминание термина «China proper» у Хуана Гонсалеса де Мендоса в 1785 г., и использован он был именно для того, чтобы подчеркнуть отличие Макао от непосредственно управлявшегося Китаем Гуанчжоу. Таким образом, данный термин позволял провести различие между «Собственно Китаем», как местом проживания ханьцев, и «Китайской империей», как государственным образованием, состоявшим из территорий проживания разных этносов. По мнению Чэнь Бо, под термином «Собственно Китай» следует понимать именно «территорию проживания ханьцев», в то время как термин «Чжунго» не указывает напрямую на кровное родство или этническое единство.

Так или иначе, в первые десятилетия XX вв. концепция «Собственно Китая» была распространена достаточно широко. В Японии периода Мэйдзи для обозначения Китая использовался в основном термин «Сина» (Чжина), в те времена не несший еще, по-видимому, уничижительного смысла. Лян Цичао трансформировал японский термин «Сина хомбу» (китайское чтение — Чжина бэньбу) в китайский «Чжунго бэньбу» [Чэнь Бо, 2017: 162]. В частности, Лян Цичао писал в 1903 г.:

«Что такое малый национализм? — это национализм ханьцев в отношении прочих национальностей страны. Что такое большой национализм? — Это национализм всех национальностей Собственно Китая и зависимых территорий (шу бу) в отношении национальностей за пределами страны» [Цит. по Москалев: 29].

В 1910–1930-е гг. этот термин достаточно часто встречался в китайских газетах, научных работах. Однако в 30-е гг. стало складываться мнение, что данное понятие обеспечивает обоснование для раздела Китая державами, в авангарде которых выступает Япония. В 1939 г. Гу Цзеган подверг это словосочетание резкой критике в опубликованных в Куньмине статьях «Термин “Собственно Китай” должен быть немедленно отброшен» и «Китайская нация — одна»:

«Собственно Китай» — термин, который враги используют, чтобы нас разделить [Гу Цзеган, 1939б].

Никакие правители Китая никогда не определяли какую-либо часть государства в качестве «бэньбу», никакому китайскому географу не приходило в голову называть какую-либо часть территории «бэньбу», в работах по географии, вышедших не позднее 40 лет назад, наименования «бэньбу» не встретишь, так откуда же взялся этот термин? Нечего и говорить, что это — злонамеренная пропаганда сопредельных стран, направленная на то, чтобы нас обмануть. Когда их пропаганда проникла в Китай, мы попались на удочку. Все решили, что «бэньбу» — это собственно китайские территории, с которыми мы кровно связаны; те же, что добавлены сверх «бэньбу», — есть — хорошо, нет их — тоже ничего страшного, «захотят — пусть уходят!» Таким образом они постепенно поглощают [территории], а наша воля к сопротивлению в значительной степени снижается» [Гу Цзеган, 1939а].

Гу Цзеган резко выступил и против понятия «пять больших наций» (ханьцы, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы)⁶: «Термин «пять больших наций» хотя и не придуман врагами, но сами же китайцы связывают себя им по рукам и ногам» [Гу Цзеган, 1939б]. Все жители Китая, будь то ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, мяо или мусульмане-хуэй, принадлежат к единой «*чжунхуа миньцзу*». Понятие «единой китайской нации» к тому времени уже имело длительную историю, подробное изложение взглядов предшественников и современников Гу Цзегана приведено в монографии А. А. Москалева [Москалев, 2005].

По мнению многих китайских исследователей как первой половины XX в., так и современных, специфику свойственных Западу этногеографических представлений, возникших на почве национальных государств, нельзя накладывать на реалии Китая, где вхождение в государство происходило вне прямой связи с единством происхождения. «Ханьцы», а особенно — «*чжунхуа миньцзу*» — культурный концепт, который включает разные этнические группы, что существенно отличает их от европейских наций. Косвенным подтверждением данной особенности Чэнь Бо считает выделение в современной КНР районов проживания неханьских народностей в том числе и внутри провинций, которые следовало бы отнести к «Собственно Китаю» [Чэнь Бо, 2017: 165]. Об этой специфической особенности китайской нации в 1930-е гг. писал и Гу Цзеган:

«Испокон веков у китайцев было понятие культуры, но не было понятия этноса (чжунцзу)... У нас никогда не было этнических предубеждений, подчинение в пределах одного государства одной власти влекло за собой взаимное признание равноправия [в рамках] единого народа. Китайская нация сформировалась не на основе происхождения, ... она также создана и не на основе общей культуры... Мы — просто люди, вместе живущие под властью одного правительства, и для нас не должно быть иного наименования, кроме “чжунхуа миньцзу”» [Гу Цзеган, 1939б].

Политическая нестабильность на окраинах Китая подстегнула исследования по истории политических границ. Одним из наиболее значительных результатов этой исследовательской деятельности стала вышедшая в 1938 г. книга Гу Цзегана и одного из активнейших авторов журнала «Юй гун» Ши Няньхая (1912–2001) «История эволюции территории Китая» (*Чжунго цзяньюй яньгэ ши*), которая была призвана не только опровергнуть вражеские измышления, но и возбудить патриотические чувства китайцев, показав, как нелегко досталась их предкам каждая пядь земли. В настоящее время связь китайской нации с принадлежащей ей территорией формулируется обычно в таком ключе:

«Территории, где в исторический период жили и трудились, создавали свои государственные образования все члены великой семьи — китайской нации — являются неотъемлемой частью исторической территории»

⁶ Подробнее об этом понятии и его месте в идейной жизни 20–30-х гг. XX в. см., например, [Москалев, 2005: 73–82].

Китай. Нынешняя территория Китая сформировалась постепенно в ходе слияния (жунхэ) народности хуая в качестве основы политических образований и окружающих племен, народностей и политических образований, происходившего на протяжении длительного времени — более 4 тыс. лет» [Очерк исторической географии Китая, 2005: 91].

Авторы «Слова к читателям журнала “Юй гун”» не только обосновали актуальность данной науки в период острого национального кризиса, но также сформулировали основные задачи и определили план историко-географических исследований на десятилетия. Они отмечали, что в Китае практически отсутствует современная историко-географическая база для исторических исследований, нет фундаментальных работ, в которых бы рассматривалась эволюция географической среды, политических границ, административно-территориального устройства Китая, историки вынуждены опираться лишь на классические, но уже не способные удовлетворить потребности современной науки труды Ван Инлиня, Гу Цзуюя.

1. В качестве первого направления работы Гу Цзеган и Тань Цисян называли прояснение основных вопросов исторической географии, сбор, систематизацию, приведение в порядок разрозненных географических сведений, составление единой истории географической эволюции Китая. В настоящее время базовые систематические знания по исторической географии Китая можно получить уже в процессе обучения, — существуют, в частности, объемные учебники для ВУЗов КНР «Основы исторической географии Китая» Ши Няньхая⁷ (1991 г.), «Очерк исторической географии Китая» под ред. Цзоу Илина (первое издание вышло в 1993 г.).

2. Наука нуждалась также в историко-географических картах территории Китая, и составление полных и точных, удобных в использовании карт было названо среди первоочередных задач. Эту задачу удалось решить лишь через несколько десятилетий. В середине 50-х гг. Тань Цисян, собрав более сотни специалистов из более чем десятка китайских учреждений, возглавил составление «Атласа историко-географических карт Китая»; весь комплект из 8 томов, содержащих более 300 карт территории Китая с древности до современности, был издан в 1980-е гг.

3. В качестве третьего из важнейших направлений работы отмечалось создание максимально полного словаря исторических географических названий Китая. Для этого нужно было собрать все топонимы из письменных источников по истории Китая, при помощи источниковедческих, историко-филологических методов исследовать их, соотнести с современной географической средой и свести в единый словарь-справочник. Том «Историческая география» вышел в составе «Большого словаря по истории Китая» в 1997 г.

4. В период правления династии Цин были тщательно исследованы, проверены и дополнены географические разделы династийных историй. Эта масштабная и сложная работа стала важнейшим вкладом цинской науки в историческую географию. Гу Цзеган и Тань Цисян предлагали продолжить и завершить эти

⁷ Перевод на русский язык опубликован в 2020 г.

исследования. Кроме того, они указывали на необходимость тщательно проработать официальные исторические документы (прежде всего — династийные истории) и извлечь из них сведения по определенным темам, составить подборки по истории административно-территориального деления, населения, миграций, сельского хозяйства и т.д. Такие подборки материалов по отдельным темам начали публиковать уже в 1950-е гг. Они дают возможность осуществить первоначальное знакомство с той или иной темой, предоставляют необходимый справочный материал как историкам, так и географам. В качестве примера можно привести изданные в 1980–1990-х гг. объемные сборники архивных материалов о наводнениях в бассейнах основных рек Китая.

Таким образом, в «Слове к читателям журнала «Юй гун»» была кратко сформулирована программа исследований, осуществлявшихся затем на протяжении нескольких десятков лет большим количеством историков из ряда университетов и НИИ. В результате был заложен прочный историко-географический фундамент для общеисторических и тематических исследований. На этой базе уже в XXI в. была разработана геоинформационная система по истории Китая (CHGIS), охватывающая всю современную территорию Китая и период с 222 г. до н.э. до 1911 г. Неудивительно, что именно создание общества «Юй гун» и журнала «Юй гун» неизменно упоминается в качестве важнейшей вехи в развитии китайской исторической географии. Китайская историческая география в первые десятилетия XX в. из вспомогательной дисциплины превратилась в науку, обладающую огромным политическим значением. Специфическая ситуация «Нанкинского десятилетия» — сочетание относительной стабильности внутри страны и постоянного возрастания угроз на окраинах, вблизи границ, — способствовала сосредоточению части историков на историко-географических исследованиях, которые были призваны сыграть важнейшую роль в обосновании государственного суверенитета, территориального и национального единства Китая, в воспитании патриотизма китайцев. Китайский историко-географический нарратив должен был и доводиться до китайцев, и служить оружием в борьбе с враждебными измышлениями вовне Китая.

Отметим, что в последние десятилетия китайское общество — на новом витке развития, с новыми целями и мотивами — в определенном смысле вновь обращается к дискурсу 1930-х гг. Кампании по патриотическому воспитанию и соответствующие изменения в учебных программах и содержании учебных пособий вновь акцентируют внимание на национальном единстве и территориальной целостности, на китайской традиционной культуре [Rysakova 2017: 459]. В истории XX в. на первый план выходит противостояние Китая внешним врагам, заслоняя собой классовую борьбу, на протяжении предшествующего периода бывшую главным скрепляющим элементом исторического повествования. Трагический накал борьбы КПК с Гоминьданом уходит все глубже в прошлое, победа в гражданской войне, по-видимому, все менее привлекается для легитимизации власти компартии. Как отмечает А.В. Гордон, «в культурном аспекте источником легитимности партийного государства представляется вся тысячелетняя цивилизация Поднебесной»

[Гордон, 2018: 101]. Тем больший научный интерес вызывают столь востребованные в современном Китае достижения китайских ученых первых десятилетий XX в. в сфере исторической географии.

Источники

1. *Гу Цзеган* (顾颉刚). Термин «Собственно Китай» должен быть немедленно отброшен («*Чжунго бэньбу*» и *мин цзиин фанци* 《中国本部》一名亟应放弃 // И ши бао. — 01.01.1939. — № 1. — Режим доступа: http://www.shehui.pku.edu.cn/upload/editor/file/20180627/20180627102430_7376.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
2. *Гу Цзеган* (顾颉刚). Китайская нация — одна (*Чжунхуа миньцзу ши игэ* 中华民族是一个) // И ши бао. Бяньцзын чжоукань. — 13.02.1939. — № 9. — Режим доступа: https://www.sohu.com/a/223328537_692685 (дата обращения: 15.12.2020).
3. *Тань Цисян* (谭其骧), под ред. *Гу Цзегана* (顾颉刚). Слово к читателям журнала «Юй гун» (《禹贡》发刊词 *Юй гун фа кань цы*) // Юй гун. — 1934. — № 1. — Режим доступа: http://lishisuo.cass.cn/zsyj/zsyj_lsdlyjs/201812/t20181225_4800017.shtml (дата обращения: 15.12.2021).

Список литературы

- Гордон А. В.* История и политика в национальном сознании глобализующегося Китая (открытость и великодержавность) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. — 2018. — № 2. — С. 98–147.
1. *Денисов И. Е.* Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 42–52.
  2. *Москалев А. А.* Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. — М. — 2005.
  3. *Гэ Чжаогуан* (葛兆光). К обсуждению «Дневника Гу Цзегана». От колебаний к терзаниям — исторические воззрения Гу Цзегана на «Китай» и «китайскую нацию» (*Ду «Гу Цзеган жицзи» суйли. Пайхуай дао цзюцзе — Гу Цзеган гуаньюй «Чжунго» юй «чжунхуа миньцзу» дэ лиши цзяньцзе* 读《顾颉刚日记》随札. 徘徊到纠结 — 顾颉刚关于“中国”与“中华民族”的历史见解). — 2016. Режим доступа: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SHUC201505003.htm> (дата обращения: 15.12.2021).

4. *Дин Чао (丁超)*. Пьеса и сцена — концепция географической [среды, как] сцены, в истории развития китайской исторической географии (*Яньцзюй юй утай — Чжунго лиши дилисюэ фачжань ши шан дэ дили утай шо шулунь* 演剧与舞台—中国历史地理学发展史上的地理舞台说述论) // Вестник Юньнаньского университета (Социальные науки).— 2017.— № 3.— С. 59–72.
5. *Ли Чжэнцзюнь (李政君)*. Национальный кризис и эволюция научных воззрений Гу Цзегана: новые суждения (*Миньцзу вэйцзи юй Гу Цзеган сюэшу сысян яньбянь синь лунь* 民族危机与顾颉刚学术思想演变新论) // Бэйцзин дан ши.— 2020.— № 4.— С. 16–23.
6. *Мао Си, Дун Чжэньхуа (毛曦, 董振华)*. Название, содержание и значение: учебные программы по исторической географии в период Китайской республики (*Минчэн, нэйжун юй ши: Миньго шици дэ лиши дилисюэ кэчэн* 名称、内容与意义: 民国时期的历史地理学课程) // Вестник Тяньцзиньского педагогического университета (Социальные науки).— 2020.— № 5.— С. 19–26.
7. Очерк исторической географии Китая (*Чжунго лиши дили гайшу* 中国历史地理概述). Ред. Цзоу Илин (邹逸麟).— Шанхай.— 2005.
8. *Тан Ин (汤莹)*. Еще раз о концепции Гу Цзегана «Китайская нация — одна» (*Гу Цзеган «Чжунхуа миньцзу ши игэ» лилунь цзай тань* 顾颉刚“中华民族是一个”理论再探) // Сысян чжаньсянь.— 2018.— № 1.— С. 111–118.
9. *Цюй Вэньюн (曲文雍)*. Взгляды авторов журнала «Юй гун» на китайскую нацию («Юй гун» баньюэкань цзочжэ цюнь дэ чжунхуа миньцзу гуань 《禹贡》半月刊作者群的中华民族观) // Chinese Master's Theses Full-text Database. Дисс. на степень магистра. Центральный университет национальностей.— Пекин.— 2009.
10. *Чжу Шигуан (朱士光)*. Предварительное обсуждение национальных особенностей китайской исторической географии (*Чу лунь Чжунго лиши дилисюэ чжи миньцзу тэсэ* 初论中国历史地理学之民族特色) // Вестник Цзинаньского университета (Социальные науки).— Том 29.— № 5.— 2019.— С. 18–21.
11. *Чэнь Бо (陈波)*. Понятие «Собственно Китай» в Японии периода Мэйдзи (*Жибэнь минчжи шидай дэ Чжунго бэньбу гайнянь* 日本明治时代的中国本部概念) // Сюэшу юэкань.— 2016.— № 7.— С. 157–173.
12. *Чэнь Бо (陈波)*. Истоки и конструирование понятия «Собственно Китай» — от 1550-х гг. до 1795 г. (《中国本部》概念的起源与建构 — 1550年代至1795年) // Сюэшу юэкань.— Цз.49.— 2017.— № 4.— С. 145–166.
13. *Chen Bo*. The Making of “China” out of “Zhongguo”: 1585–1690 // Journal of Asian History.— Vol. 50.— No.1.— 2016.— P. 73–116.
14. *Harding, Harry*, The Concept of ‘Greater China’, Themes, Variations and Reservations // The China Quarterly. Special Issue, Greater China.— No. 136.— 1993.— P. 660–686.

15. *Rysakova P. I.* The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика.— 2017.— Т. 9.— Вып.4.— С. 457–468.
16. *Transforming History: The Making of a Modern Academic Discipline in Twentieth Century China.* edited by: Brian Moloughney, Peter Zarrow.— Hong Kong, Chinese University Press.— 2011.

References

1. *Gu Jiegang.* The term “China Proper” should be dropped immediately // Yi shi bao.— 01.01.1939.— No. 1.— [Electronic resource]: http://www.shehui.pku.edu.cn/upload/editor/file/20180627/20180627102430_7376.pdf (circulation date: 15.12.2021). (In Chinese).
2. *Gu Jiegang.* There’s Only One Chinese Nation // Yi shi bao. Bianjiang zhoukan.— 13.02.1939.— No. 9.— [Electronic resource]: https://www.sohu.com/a/223328537_692685 (circulation date: 15.12.2020). (In Chinese).
3. *Tan Qixiang, edited by Gu Jiegang.* To the Readers of Yu Gong Magazine // Yu Gong.— 1934.— No. 1.— [Electronic resource]: http://lishisuo.cass.cn/zsyj/zsyj_lsdlyjs/201812/t20181225_4800017.shtml (circulation date: 15.12.2021). (In Chinese).
4. *Gordon A. V.* History and politics in the national consciousness of a globalizing China (openness and greatpowerness) // Social and human sciences. Domestic and foreign literature. ser. 9, Oriental and African studies: Abstract journal.— 2018.— No. 2.— P. 98–147. (In Russian).
5. *Denisov I. E.* The concept of “discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping // Comparative policy.— 2020.— Vol.11.— No. 4.— P. 42–52. (In Russian).
6. *Moskalev A. A.* Nation and Nationalism in China: The Evolution of Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism.— Moscow.— 2005. (In Russian).
7. *Ge Zhaoguang.* To the discussion of the «Diary of Gu Jiegang». From Hesitation to Anguish — Gu Jiegang’s Historical Views on «China» and the «Chinese Nation».— 2016.— [Electronic resource]: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SHUC201505003.htm> (circulation date: 15.12.2021). (In Chinese).
8. *Ding Chao.* Drama and stage: A historical study of the geographical stage theory in the historical geography of China // Yunnan daxue xuebao (Shehui kexue ban).— 2017.— No. 3.— P. 59–72. (In Chinese).
9. *Li Zhengjun.* The National Crisis and the Evolution of Gu Jiegang’s Scientific Views: New Judgments // Beijing dang shi.— 2020.— No. 4.— P. 16–23. (In Chinese).

10. *Mao Xi, Dong Zhenhua*. Name, Content and Significance: The Course of Historical Geography in the Republic of China // Tianjin shifan daxue xuebao (Shehui kexue ban).— 2020.— No. 5.— P. 19–26. (In Chinese).
11. An essay on the historical geography of China. Edited by Zou Yilin.— Shanghai.— 2005. (In Chinese).
12. *Tang Ying*. A Further Study of Gu Jiegang’s Theory of “There’s Only One Chinese Nation” // Sixiang zhanxian.— 2018.— No. 1.— P. 111–118. (In Chinese).
13. *Qu Wenyong*. The views of the authors of the Yu Gong magazine on the Chinese nation // Chinese Master’s Theses Full-text Database. Zhongyang minzu daxue.— Beijing.— 2009. (In Chinese).
14. *Zhu Zhiguang*. Preliminary discussion of the national features of Chinese historical geography // Jinan daxue xuebao (Shehui kexue ban).— Vol. 29.— No. 5.— 2019.— P. 18–21. (In Chinese).
15. *Chen Bo*. The Concept of China Proper during Meiji Period in Japan // Xueshu yuekan.— 2016.— No. 7.— P. 157–173. (In Chinese).
16. *Chen Bo*. The Invention and Making of “China Proper” — In Europe: 1550–1795 // Xueshu yuekan.— Vol.49.— 2017.— No. 4.— P. 145–166. (In Chinese).
17. *Chen Bo*. The Making of “China” out of “Zhongguo”: 1585–1690 // Journal of Asian History.— Vol. 50.— No.1.— 2016.— P. 73–116.
18. *Harding, Harry*, The Concept of ‘Greater China’, Themes, Variations and Reservations // The China Quarterly. Special Issue, Greater China.— No. 136.— 1993.— P. 660–686.
19. *Rysakova P.I.* The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Vestnik SpbGU. Oriental and African studies.— 2017.— Vol.9.— No. 4.— P. 457–468.
20. *Transforming History: The Making of a Modern Academic Discipline in Twentieth Century China*. edited by: Brian Moloughney, Peter Zarrow.— Hong Kong, Chinese University Press.— 2011.

Информация об авторе:

Александра Евгеньевна Донская — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: a.donskaya@spbu.ru

Author's Information:

Aleksandra E. Donskaia — PhD, Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.

Email: a.donskaya@spbu.ru

О собирателях скульптурных изображений буддийских божеств, хранящихся в Дальневосточном фонде МАЭ РАН

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению процесса накопления собрания скульптурных изображений буддийских божеств, начавшегося с появления в Кунсткамере в конце XVIII в. первой буддийской коллекции П. С. Палласа. Статья основана на изучении музейной документации (описях коллекций) и исследовании самих буддийских коллекций, хранящихся в музее. Автор знакомит читателя с поступлением в музей коллекций со статуэтками буддийских божеств в период с XVIII в. до 30-х гг. XX в., подчеркивает персональные заслуги собирателей, благодаря которым достоянием музейных фондов стали около 200 бурханов из материковой Восточной Азии. Благодаря знаменитым ученым П. Л. Шиллингу, С. Ф. Ольденбургу, П. К. Козлову, А. А. Сталь-Гольштейну, А. И. Иванову, А. Д. Рудневу, дипломатам Н. Н. Кроткову и Я. П. Шишмареву, выдающемуся коллекционеру Э. Э. Ухтомскому и др. в первом российском музее сложилось собрание изображений буддийских божеств, в котором представлены почти все категории персонажей пантеона северного буддизма.

Ключевые слова: Кунсткамера, МАЭ РАН, пантеон северного буддизма, скульптурные изображения, буддийские божества, собиратели

Elena V. Ivanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

On the collectors of Kunstkamera's sculptural images of the Buddhist deities stored in the Far Eastern Fund of the Kunstkamera (MAE RAS)

Summary: Article “On the collectors of Kunstkamera’s sculptural images of the Buddhist deities” is devoted to the process of accumulation of collections of sculptural images of Buddhist deities kept in the Museum. The article is based upon the studying of the museum documentation and the exploring of the collections themselves. The author informs the reader how collections of Buddhist figurines arrived at the Museum from the eighteenth century to the 1930s with the special reference to the efforts of individual collectors. Thus circa 200 Buddhist figurines originating from mainland Asia formed the Museum collection. As a result of endeavours made by such outstanding scholars as P.L. Schilling von Canstadt, S.F. Oldenburg, P.K. Kozlov, A.A. Staël-Holstein, A.I. Ivanov, A.D. Rudnev, Russian diplomats N.N. Krotkov and Ya.P. Shishmarev, outstanding art collector E.E. Ukhtomsky and others, the first Russian museum possesses a collection of Buddhist images which represent the complete pantheon of Northern Buddhism.

Keywords: Kunstkamera, MAE RAS, pantheon of northern Buddhism, sculptural images, Buddhist deities, collectors

В 2014 г. МАЭ РАН издал каталог «108 образов Будды», посвященный скульптуре из одной буддийской коллекции, поступившей в музей в середине XX в. [108 образов, 2014]¹. Помимо этой коллекции в Дальневосточном фонде МАЭ насчитывается около 100 коллекций, содержащих скульптурные изображения божеств пантеона северного буддизма. Это — собранная отечественными коллекционерами на протяжении трех столетий (XVIII–XX вв.) преимущественно металлическая переносная круглая скульптура, литая и штампованная, а также сделанная из фарфора, высеченная из камня и вырезанная из дерева из Китая (более 50 коллекций); и Монголии (более 30) и Тибета — (6)².

Я хочу привлечь внимание читателя к происхождению той части этих коллекций, которые попали в Кунсткамеру в наиболее плодотворный период собирательства — с XVIII в. до 1930-х гг. XX в.³, к персональным заслугам людей, благодаря которым достоянием нашего музея стали около 200 бурханов — половина всего «комплекта» скульптурных изображений буддийских божеств из материковой Восточной Азии в фондах МАЭ⁴.

Собиратели выделенного нами периода — XVIII–нач. XX вв. — и прославленные, и те, чьи достижения на первый взгляд скромны, способствовали неуклонному разрастанию ценного собрания буддийских божеств в фондах МАЭ, тому, что в них оказались представленными почти все категории персонажей пантеона северного буддизма.

¹ Большая коллекция культовых буддийских предметов, задержанная Московской таможней в 1914 г. (имя владельца ее — иностранца? — неизвестно), была разделена между несколькими советскими музеями, в МАЭ РАН в 1950 г. поступил ее фрагмент с 600 предметами, две трети из них — буддийская скульптура.

² В настоящее время ведется исследование скульптуры из этих коллекций, необходимое для издания каталога.

³ С включением в рассмотрение тех собирателей, коллекции которых были собраны в этот период, но поступили в музей позднее. И с исключением тех масштабных поступлений (около 10 тыс. предметов) — трофеев туркестанских экспедиций, которые после 20–25 летнего пребывания в стенах МАЭ в 1930-е гг., были переданы в Эрмитаж.

⁴ Остающаяся в данной статье вне нашего поля зрения вторая половина буддийской скульптуры поступила в Кунсткамеру из других музеев (Императорского Эрмитажа в XIX в., из других музеев и учреждений после революции 1917 г.), а также из экспроприированных в советское время частных коллекций, владельцы которых неизвестны, и от частных лиц, сведения о которых ограничиваются их фамилией.

Более полные сведения об истории поступления в МАЭ буддийских коллекций (однако, без выделения среди них тех, в которых представлены именно скульптурные изображения буддийских божеств) содержатся в статье «Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН» [Иванова, 2009: 145–210].

Паллас Петер Симон (1741–1811)

Немецкий ученый-энциклопедист, П.С. Паллас был избран в 1766 г. действительным членом Петербургской Императорской Академии наук. Приглашенный на работу в России, он все последующие годы своей жизни посвятил исследованию природных богатств России и этнографии населяющих ее народов. Запечатленные в многочисленных публикациях результаты наблюдений, сделанных ученым во время нескольких масштабных научных экспедиций по различным провинциям Российской империи, являются источником уникальной информации о природе страны и культуре ее народов.

Наряду с ботаническими, зоологическими и этнографическими коллекциями благодаря Палласу в конце XVIII в. в Кунсткамере появилось большое буддийское собрание, дошедшее до нас в составе коллекции № 719, согласно музейной документации, имеющей отношение к Монголии и калмыкам.

В XVII в. в Россию пришел северный — тибетский буддизм вследствие включения в состав Российской империи ойратов (калмыков), прикочевавших в низовья Волги из Джунгарии, и бурят Забайкалья, исповедующих эту форму буддизма. Паллас оказался в местах обитания калмыков и встретился с местным казацким атаманом, оказавшимся владельцем нескольких десятков бронзовых бурханов.

Встреча эта состоялась в 1769 г. во время первой экспедиции ученого по Центральной России, Поволжью, Уралу и Сибири (1768–1774), в Яицком городке [Паллас, 1809]. Там жило 15 тысяч яицких казаков и находящиеся на службе калмыки, а в ближайших степях кочевали «вольные» калмыки. Паллас заинтересовался предложением казацкого атамана купить у него прекрасное собрание монгольских и калмыцких буддийских богов, оценил его значение для музея и направил в Императорскую Академию наук запрос о возможности его приобретения. Результат принятых Палласом мер оказался положительным. Шанс превращения собрания бурханов в достояние российского музея не был упущен.

Этот факт был зафиксирован историографом Кунсткамеры [Беляев, 1800: 151], сообщаящим о покупке музеем в 1770 г. за 1030 р. 82 мунгальских и калмыцких идолов.

Спустя 100 лет первый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов пишет о поступлении в музей в 1748 г. предметов тангутского, монгольского и калмыцкого культов от Г.Ф. Миллера и, позднее, ламаистской скульптуры от П.С. Палласа [Руссов, 1900: 16–17].

В 1902 г. при перерегистрации всех коллекций МАЭ при новом директоре — В.В. Радлове сотрудником музея Б. Адлером № 719 был присвоен «коллекции (преимущественно) буддийской скульптуры», временем поступления коллекции был назван 1837 г., а местом сбора — Монголия и калмыки. Эта дата не соответствует

истинному положению вещей, что объясняется неоднократными изменениями структуры Кунсткамеры.

В результате проведенного Д. В. Ивановым глубокого анализа состава и истории этой коллекции стало ясно, что в ней объединены результаты собирательской работы трех выдающихся ученых мужей — Г. С. Палласа, его помощника И. Иерига, одного из первых знатоков монгольского языка в России, а также Г. Ф. Миллера — автора фундаментальной «Истории Сибири» и одновременно — одного из первых в России собирателей предметов буддийского культа [Иванов, 2009].

Трем ученым — Г. Ф. Миллеру, П. С. Палласу и И. Иеригу, собрания которых, объединенные в одну коллекцию, заложили основу для дальнейшего наращивания сокровищ буддийской культуры в первом российском музее, принадлежит почетное место в истории Кунсткамеры, однако, в картине сложения фонда именно буддийской скульптуры в музее место первого собирателя, бесспорно, занимает Г. С. Паллас. Собрание изображений буддийских божеств Палласа — самое большое и разнообразное по составу среди всех коллекций со статуэтками буддийских божеств (за исключением коллекции № 5942, занимающей особое место в наших фондах как собранная не отечественным собирателем).

Коллекция Палласа включает изображения Цонкапы, лам, Шакьямуни, Будды Майтреи, Бхайшаджьягуру, Амитаюса, Ратнамамбхавы, Ваджрадхары, бодхисаттв Авалокитешвары, Манджушри, Ваджрапани, Белой и Зеленой Тары, Лхамо, дхармпалы — всего 60 скульптур.

Барон П. Л. Шиллинг фон Канштадт (1786–1837)

Человек необычайных дарований, участник войны 1812 г., друг А. С. Пушкина, барон Шиллинг блистал на разнообразных поприщах. Он был государственным служащим и талантливым ученым-изобретателем электромагнитного телеграфа, впервые в России применил литографию для издания китайских текстов. Как серьезный востоковед, состоял членом-корреспондентом Парижского Азиатского общества, в 1827 г. был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук по литературе и древностям Востока.

Будучи чиновником Азиатского Департамента МИД, в 1830 г. Шиллинг руководил научной экспедицией в Кяхту, задачей которой было обследование состояния населения и торговли у российско-китайской границы, а также положения ламаистского духовенства в Восточной Сибири. За 18 месяцев, проведенных в Забайкалье, посетил десятки дацанов. Возложив на членов экспедиции исполнение официальной части программы — составление «Устава» для бурятского духовенства — погрузился в увлекавшую его работу описания книгохранилищ в дацанах. В работе экспедиции

в качестве эксперта участвовал выдающийся синолог о. Иакинф (Н. Я. Бичурин), благодаря Шиллингу приписанный к Азиатскому департаменту.

Ламы были поражены глубокими познаниями Шиллинга в буддизме, той легкостью, с которой он читал священные тибетские тексты. Вспомнили пророчество одного старого ламы о появлении чужестранца, обращенного в буддийскую веру, которую он будет распространять на Западе. Сочли Шиллинга хубилганом, дарили ему массу книг. Особенно дорогим подарком для Шиллинга стал многотомный Ганджур — собрание слов Будды. Шиллинг привлек ученых лам для создания каталогов разных тибетских ксилографических изданий Ганджура. Редкие сочинения, с которыми ламы не могли расстаться, Шиллинг просил переписывать — этой работой занимались (за его счет) десятки искусных каллиграфов из бурятских храмов [Ярицкий, 1963: 218–251].

С именем Шиллинга связано хранящееся в МАЭ большое собрание предметов быта и культа китайцев, переданное в Кунсткамеру после его кончины. Оно зарегистрировано как коллекция № 8, поступившая в 1841 г., включающая 194 предмета, сопровождающиеся их подробным описанием на немецком языке, сделанным самим П. Л. Шиллингом. Из этой коллекции работниками музея были извлечены предметы буддийского культа (72 номера) и создана коллекция № 710. В ней содержатся гипсовые и бронзовые изображения буддийских божеств — Будды Шакьямуни, Шадакшари, Белой и Зеленой Тары, Ушнишавиджайи, Ваджрапани, Цонкапы др. (более 20).

Ладыженский Михаил Васильевич (1803–1875)

В том же 1841 г. в Кунсткамеру поступила приобретенная в Китае буддийская коллекция с несколькими скульптурными изображениями божеств. Это событие было связано с именем М. В. Ладыженского, пристава 11-й Русской духовной миссии.

Основанная в Пекине в 1715 г., Русская духовная миссия стала не только центром православия на китайской земле. До учреждения в 1861 г. в Китае Российской дипломатической миссии она неофициально выполняла дипломатические функции и находилась в ведении МИД, и только с 1864 г. перешла в духовное ведомство. Сотрудники миссии достигли больших успехов в исследовании языков (китайского, маньчжурского), истории и культуры Китая, их труды заложили основу отечественной синологии. 9-ю духовную миссию в 1807–1821 гг. возглавлял великий ученый о. Иакинф (Н. Я. Бичурин). О нем говорили, что, закончив служение в миссии, он увез из Китая 400 пудов книг. Начальником 13-й (1850–1858) и 15-й (1865–1878) миссий был выдающийся знаток китайского языка архимандрит Палладий (П. И. Кафаров), составивший (при участии П. С. Попова) громадный Китайско-русский словарь.

В 1830–1840 гг. начальником 11-й миссии в Пекине был Вениамин (Морачевич), приставом — полковник Михаил Васильевич Ладыженский (1803–1875). Ладыженский родился в дворянской семье в Смоленской губернии. Закончил в 1821 г. Московское училище конновожатых. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–29 гг. Разнообразные обязанности пристава исполнял отлично, судя по тому, что по завершении службы в духовной миссии ему был доверен пост гражданского губернатора Тобольска (за ним последовала служба в пограничной комиссии Оренбурга, произведение в генерал-лейтенанты. Скончался в Петербурге в 1875 г.).

По поручению П. Л. Шиллинга фон Канштадта Ладыженский покупал в Пекине буддийские сочинения на китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском языках.

Возможно, что по собственной инициативе он приобрел большое (около 300 вещей) собрание предметов, дающих представление о традиционной культуре и искусстве китайцев (коллекция № 667), а также коллекцию атрибутов буддийского и даосского культов, в т. ч. бронзовые изображения пяти буддийских божеств. (№ 683). Эти коллекции в 1833 г. Ладыженский преподнес императору Николаю I, подарившему их Азиатскому музею (из которого они вскоре перешли в распоряжение Этнографического музея (с 1879 г. соединившегося с Антропологическим музеем в МАЭ) [Кисляков, 2005]. Благодаря этим коллекциями М. В. Ладыженский вошел в историю Кунсткамеры.

Большую помощь российским путешественникам и ученым, исследовавшим природу Азии и культуру ее народов, оказывали просвещенные дипломаты, работавшие в российских представительствах в столицах (Китай, а затем и Монголии) и в провинциях. Одним из них был Кротков Николай Николаевич (1869–1919). Он закончил китайско-маньчжурский разряд Восточного факультета Петербургского университета. Многие годы был на дипломатической службе в разных районах Китайского Туркестана. Как российский Генеральный консул он тепло встречал в Урумчи в 1909 г. членов 1-й Российско-Туркестанской Экспедиции во главе с С. Ф. Ольденбургом. Значительны личные научные заслуги Н. Н. Кроткова перед отечественным востоковедением. Он составил русско-китайский словарь пекинского и ганьсуйского наречий (рукопись «Материалы для китайского словаря» хранится ныне в Архиве востоковедов в ИВР РАН). Был активен и успешен в коллекционировании письменных памятников — староуйгурских, согдийских, тохарских, китайских рукописей (хранятся в ИВР). Вел собственные раскопки в Турфане. Его собрание погребальных статуэток X–XI вв. из Туюк Мазара (в 1922 г. поступило в МАЭ, в 1930 г. передано в Гос. Эрмитаж), впервые опубликовано в 2008 г. (Пещеры тысячи Будд, 2008). Там же под № 145 опубликована статуэтка сидящего Будды (Турфан, V в.) из его собрания, первоначально также поступившая в МАЭ, и в те же 1930–31 гг. переданная в Эрмитаж.

В 1918 г в МАЭ поступило собрание бронзовой буддийской скульптуры (коллекция № 2694, 14 статуэток), привезенное Н. Н. Кротковым из Восточного Туркестана.

Это литые бронзовые статуэтки Будды, Амитаюса, Зеленой Тары, Майтрейи, Ачалы и др. Регистрировал новую коллекцию А.И. Иванов.

Шишмарев Яков Парфентьевич (1833–1915)

В конце 1890 г. в дар Кунсткамере поступила новая буддийская коллекция, ее сопровождало письмо от Я.П. Шишмарева: «В Музей Императорской Академии наук (и далее) «Привезенные мной из Монголии два ламайских бурхана, сделанные в Урге, имею честь покорнейше просить позволения принести Музею как местное произведение главного города Монголии». А.И. Иванов зарегистрировал пополнение музея двумя деревянными скульптурами, изображениями божеств пантеона тибетского буддизма — Лхамо и доброго духа верхом на коне. Даритель Шишмарев в то время был генеральным консулом в Урге.

Родившийся в Троицкославске, Яков Парфентьевич, с детства знавший монгольский язык, овладел маньчжурским и китайским языком под руководством ориенталиста К.Г. Крымского, заведовавшего русско-китайской школой в Кяхте. Был переводчиком при генерал-губернаторе Муравьеве-Амурском во время переговоров с китайцами о границе в 1858 г., а после заключения Айгунского договора о присоединении к России Уссурийского края, участвовал в экспедиции по проведению новой границы. С 1861 г. начал службу в русском консульстве в Урге, занимал разные должности, в течение 22 лет — с 1882 до 1904 гг. — был Генеральным консулом. По поручению Сибирского отделения РГО участвовал в составлении карт Восточной Монголии, был удостоен серебряной медали РГО. Способствовал успеху многих научных экспедиций российских ученых в Центральной и Восточной Азии, дружил с Пржевальским.

Шишмарев был блестящим дипломатом, дошел до чина тайного советника, знаком признания его заслуг монголами стало получение от ургинского богдо-гэгэна чаши из сандалового дерева. Козлов заметил в одной из своих книг: «Маститый консул Я.П. Шишмарев продолжает неустанно работать, стремясь к еще большему сближению и объединению русских с монголами».

Козлов Петр Кузьмич (1863–1935)

Бесценные памятники культуры народов Центральной и Восточной Азии, открытые П.К. Козловым во время его экспедиций — Монголо-Камской 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньской 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетской 1923–1926 гг., принесшие ему мировую славу, хранятся во многих музеях Петербурга, но главным их обладателем являются Гос. Эрмитаж, ИВР РАН и Музей-квартира П.К. Козлова.

В МАЭ имеется четыре коллекции (три из Китая и одна из Тибета), поступившие в музей при жизни Петра Кузьмича. Только в одной из них — № 2369, зарегистрированной А.И. Ивановым в 1914 г. как собранная в китайской провинции Ганьсу, имеется бронзовая буддийская скульптура (изображения Будды-целителя, Авалокитешвары, Гуаньинь с ребенком, Садапрудиты).

После кончины Петра Кузьмича его вдова Елизавета Владимировна передала нашему музею китайскую коллекцию (небуддийскую), а в 1970 г. — рассталась со статуэткой, именуемой в музейных документах «Будда на алмазном престоле», подаренной Козлову Далай-ламой XIII при встрече и обмене хадаками ученым в Урге в 1905 г. (включена в колл. № 6752 — под номером 45).

Еще одна яркая фигура, причастная к пополнению буддийского собрания МАЭ — Александр Николаевич Казнаков (1871–1933). Произведенный по окончании пажеского корпуса в корнеты Кавалергардского полка, он всю свою жизнь в дореволюционной России успешно сочетал военную и гражданскую службу. Ушел в отставку в начале 1918 г. «с производством в чин генерал-майора».

Страстный путешественник, около года провел в Китае и Японии, в 1897 г. был в экспедиции ИРГО в Бухаре и Памирских ханствах, в 1899–1901 участвовал в Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова (в роли его помощника), был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени и Золотой медали им. П.П. Семенова. В 1909 г. издал книгу «Мои путешествия по Монголии и Каму». Имел большие научные достижения как зоолог, ботаник, географ. В его честь названы некоторые виды земляных червей, кавказская гадюка, некоторые жуки.

Более 10 лет до начала 1-й мировой войны, когда вновь был призван на военную службу, Казнаков ревностно исполнял обязанности директора Кавказского музея и Тифлисской библиотеки. В 1919 г. уехал во Францию. В 1933 г. был найден мертвым в парижском метро. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Буддийская скульптура имеется в одной из трех коллекций от А.Н. Казнакова — № 889, поступившей в МАЭ в 1904 г. В ее китайском фрагменте присутствуют бронзовая статуэтка Будды, изнуренного голодом, и буддийского святого, а также Гуаньинь из камня.

Радлов Василий Васильевич (1837–1918)

Выдающийся исследователь языков, истории, культуры тюркских народов, В.В. Радлов с 1894 по 1918 гг. — директор МАЭ. Он был одним из инициаторов создания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, с 1903 по 1918 г. возглавлял этот комитет, по решению которого организовывались научные экспедиции в страны Востока. Буддийское собрание МАЭ пополнилось экспедиционными сборами Радлова — коллекциями № 451 (Монголия. Халха. 1898 г.,

«богослужebные принадлежности ламаитов из окрестностей монастыря Эрдени-цзу»: две цаца с изображениями бурханов, и № 1489 (Тибет, Китай, 1909) с бронзовым 4-руким Авалокитешварой.

В 1900–1901 гг. в Китае разразилось восстание ихэтуаней, сопровождавшееся гибелью людей и разрухой. Когда мирная жизнь в Пекине восстановилась, несколько ценителей памятников буддийского искусства нашли в развалинах буддийских храмов уцелевшие изображения буддийских божеств и отвезли их в Петербургскую Кунсткамеру. Так появились коллекции № 582, 826, 3202 и, возможно, № 890 и № 1269.

Келлер К., студент Института восточных языков во Владивостоке, оказавшийся в Пекине во время боксерского восстания, передал в МАЭ, как записано в описи, «коллекцию статуэток буддийских божеств, раскопанных собирателем после пожара во время осады Пекина в 1900 году». В этой коллекции (ей дан № 582) 15 бронзовых статуэток — 9 литых (изображения двух лам, Будды, Ваджрадхары, Амитаюса, двух Бхайшаджьягуру, Майтреи и Ваджрапани), 6 выколотенных (в т. ч. изображения Вайрочаны, Ратнасамбхавы, Акшобхьи и Амогхасиддхи) и барельеф с изображением Хаягривы.

Кержин М. в 1925 г. передал в музей вывезенную им во время восстания ихэтуаней из китайского храма в окрестностях Пекина бронзовую статуэтку подательницы детей Сун цзы Гуаньинь (коллекция № 3202).

Александр Васильевич Верещагин (1850–1909) — воин, писатель, страстный коллекционер, родной брат художника В. В. Верещагина, за проявленную в русско-турецкой кампании 1877–78 гг. храбрость был награжден золотым оружием и орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Владимира 4 ст. В 1899–1900 гг. отправился добровольцем в Китай для участия в подавлении восстания ихэтуаней. Воевал под началом Н. И. Гродекова. Свои впечатления об обстановке в Китае в это горячее время отразил в сочинениях «По Манчжурии (1900–1901 гг.). Воспоминания и рассказы» и «В Китае».

В 1909 г. генерал-майор А. В. Верещагин покончил жизнь самоубийством.

Из привезенных им из Китая и переданных в Кунсткамеру этнографических коллекций только в одной имеются изображения буддийских божеств — это коллекция № 826, подаренная МАЭ в 1904 г. полковником А. В. Верещагиным. В ней содержится бронзовое изображение бодхисаттвы Гуаньинь и глиняное покрытое лаком изображение Амитаюса (в полуразрушенном состоянии).

В 1908 г. в МАЭ поступило изображение бронзового бодхисаттвы Авалокитешвары (зарегистрировано под № 1269), привезенное из Маньчжурии «рядовым роты дворцовых гренадеров». По поводу данной скульптуры предлагаются две гипотезы: первая (автора статьи) — о том, что она оказалось во время восстания ихэтуаней вне стен китайского храма и была найдена собирателем. Второе предположение (оно высказано профессором В. Л. Успенским, за что я выражаю ему свою признательность) сводится к тому, что теоретически этим дворцовым гренадером

мог быть Гаврила Иванов, ставший полным георгиевским кавалером (не участвуя ни в одной военной кампании) за многолетнюю безупречную службу в экспедициях П. К. Козлова, а после этого зачисленный в состав роты Дворцовых гренадеров.)

Время восстания ихэтуаней (боксеров) — 1900–1901 гг. в Китае пришлось на последние из 16 лет пребывания в должности Генерального консула императорской дипломатии России в Пекине Павла Степановича Попова (1843–1913). Этому событию дипломат посвятил статью «Два месяца осады в Пекине». П. С. Попов, по окончании китайско-монгольско-маньчжурского отделения Санкт-Петербургского Университета принятый в Азиатский департамент МИД, был отправлен в 1870 г. в Китай драгоманом. В 1879 г. издал Русско-китайский словарь. В 1888 г. в Пекине доработал и издал начатый архимандритом Палладием Китайско-русский словарь, за что в 1890 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии Наук. Вернувшись в Петербург, в 1902 г. возглавил кафедру китайской словесности на факультете восточных языков СПУ. Переводил китайских философов. Опубликовал в Сборнике МАЭ большую статью — о китайском пантеоне и др.

П. С. Попов вошел в историю Кунсткамеры тем, что перевел следующую надпись на бронзовой статуэтке Авалокитешвары (см. опись кол. № 890), привезенной в МАЭ из Китая в 1904 г. Горбатовским Константином Захарьевичем:

«Во время Вэйской династии из дома Тоба (имярек) соорудил этот бурхан в знак почтения своих родителей» (и далее — комментарий Попова: Китайская копия индийского образца статуи Авалокитешвары (Арья-бало, Хоншим, Падмапани, бодисатва).

Эта надпись свидетельствует о создании данного скульптурного изображения в Китае в период IV–VI вв. н.э. Можно полагать, что это древнее произведение буддийского искусства оказалось в руках Горбатовского при тех же катастрофических обстоятельствах пожаров и разрушений храмов в китайской столице во время восстания ихэтуаней, хотя в документах при поступлении этой статуэтки сведений об этом не имеется.

Несколько изображений буддийских божеств, влившихся в начале прошлого века в собрание буддийской скульптуры МАЭ, своей численностью несопоставимы с уроном, нанесенным культовой скульптуре пекинских храмов пожарами и грабежами, гибелью коллекции из 600 бурханов, находившейся в сгоревших зданиях квартиры и Российской почты, начальником которой был видный российский чиновник и выдающийся коллекционер Н. Гомбоев.

После этой гуманитарной катастрофы, полагал С. Ф. Ольденбург, в течение долгих лет невозможно представить появление коллекции буддийской скульптуры, хотя бы сколько-нибудь подобной знаменитому собранию Э. Э. Ухтомского (составленному с помощью Н. Гомбоева).

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934)

Выдающийся ученый, академик, Непременный Секретарь Академии наук (1904–1929 гг.), Ольденбург был координатором деятельности большого коллектива российских востоковедов и этнографов, посвятивших себя изучению памятников буддийского искусства, способствовавших прирастанию буддийских коллекций в музеях России, поднявших отечественную буддологию на мировой уровень. Курировал буддийский отдел в Этнографическом музее (ныне РЭМ) и такой же (официально не выделенный) отдел в МАЭ. Многие годы возглавлял Азиатский музей. Начал издание *Bibliotheca Buddhica*, опубликовал в одном из его номеров свод из 300 бурханов [Ольденбург, 1903].

Вошел в качестве товарища председателя (председатель — В.В. Радлов) в созданный в 1903 г. при МИД Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. По инициативе этого комитета под руководством Ольденбурга состоялись масштабные экспедиции в Восточный Туркестан и Западный Китай (1-я РТЭ в 1909–1910 и 2-я в 1914–1915 гг.), открывшие ценнейшие памятники буддийской культуры и искусства IV–XVI вв. (см. их публикацию в каталогах двух выставок «Пещеры 1000 Будд» [Пещеры, 2008] и «Обитель милосердия» [Обитель, 2015]). В 1919 г. в стенах Русского музея по инициативе российских буддологов во главе с Ольденбургом в Петербурге состоялась Первая буддийская выставка, на которой предметы из коллекций, привезенных из Восточного Туркестана, фигурировали как поступившие из МАЭ (где они находились до передачи в Эрмитаж в 1930 г.) [Ольденбург, 1919].

В МАЭ хранится несколько коллекций, связанных с именем ученого, в т.ч. четыре — с буддийской скульптурой — тибетские — №№ 1425 и 1426, монгольская № 3005, и китайская № 5573. Первая коллекция — № 1425 — бронзовая статуэтка Майтреи — была подарена лично Ольденбургу Далай-ламой XIII [Решетов, 2004], вторая с фигурками двух бурханов — Ваджрапани и Ваджрасатвы (кол. № 1426) — также является даром Далай-ламы XIII Ольденбургу, но врученным Б. Барадийну. Ольденбург является собирателем третьей — монгольской коллекции № 3005 с двумя бронзовыми статуэтками — Белой Тары и Будды Ваджрасана. Коллекция № 5573 содержит изображение бодхисаттвы из глины, происходящее, возможно, из Турфанских собраний Ольденбурга (из развалин в Шикшине).

Клеменц Дмитрий Александрович (1847–1914)

Родом из Саратовской губернии, сын управляющего крупным имением и дворянки. Учился в Казанском и С.-Петербургском университете на физико-математическом

факультете. Революционер-народник, был организатором массового хождения в народ. В документах Третьего Отделения значился как «отчаянный социалист». За участие в революционной деятельности арестован, два года провел в Петропавловской крепости, сослан в Сибирь. Работал в Минусинском краеведческом музее, участвовал в антропологическом и этнографическом изучении народов Сибири и Монголии. По приглашению Радлова в 1891 г. участвовал в Орхонской экспедиции, в 1892 изучал памятники Внешней Монголии. В 1898 г. работал в Турфане, считается первооткрывателем древностей Севера восточного Туркестана.

С 1897 г. — в Петербурге, был «по вольному найму» старшим хранителем этнографом в МАЭ. В 1902 г. перешел на должность заведующего основанного им Этнографического отдела Русского музея (1901–1909). Вышел в отставку в чине действительного статского советника, уехал в Москву.

Из экспедиции по Монголии в 1894 г. Клеменц привез в МАЭ изображение бурхана, выбитое на каменной плите. Найдено в развалинах близ горы Хунделен, на левом берегу реки Толы, в 35 верстах ниже города Урги (Да-хурень). Это коллекция № 456. Регистр. Д. Клеменц 3 апреля 1899 г.

В 1901 г. Клеменц регистрировал буддийскую коллекцию № 582 (из Китая от К. Келлера, пост. в 1900 г.) и др.

Князь Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921)

До 1917 г. князь, общественный деятель, чиновник Министерства внутренних дел. Сопровождал Цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) в его путешествии вокруг Азии (1890–1891). Подготовил роскошно изданное описание этого путешествия в трех томах.

Прославился как крупнейший собиратель буддийской скульптуры в России и, возможно, в начале XX в. и мира. С.Ф. Ольденбург считал собрание Ухтомского уникальным и по количеству предметов, и по выдающемуся их значению в художественном отношении. В 1900 г. его коллекция на всемирной выставке в Париже получила золотую медаль. Она вдохновила А. Грюнведеля на написание его классического труда по буддийской мифологии. Д.А. Клеменц объяснял этот успех не только несомненным даром Э.Э. Ухтомского-собираателя по призванию, но и тем, что князь имел возможность покупать коллекции, составленные такими знатоками буддийского искусства, многие годы жившими в Китае, как Начальник Русской почты в Пекине Н. Гомбоев, как консул в Кульдже и Урумчи В.М. Успенский и др.

Коллекция Э.Э. Ухтомского была широко представлена на Первой буддийской выставке в Петербурге в 1919 г. в Русском музее и заняла центральное место на так называемой «Второй буддийской выставке», открытой в Эрмитаже 8 октября

2015 г. и ознаменованной изданием прекрасного каталога «Обитель милосердия» [Елихина, 2015: 12].

В МАЭ много коллекций Э.Э. Ухтомского, но буддийская скульптура присутствует в двух из них – бурятской (№ 187, пост. в 1889 г.) и в № 3561 (Китай, Япония), поступившей в музей в 1927 г. после кончины Ухтомского. В ней представлены принадлежности буддийского алтаря — бронзовые Гуаньинь, Манджушри, Амитаюс, лама и несколько каменных архатов.

Барон Сталь-фон-Гольштейн Александр Августович (1877–1937)

Российский индолог, ученик Ф.И. Щербатского. Преподавал санскрит на восточном факультете в С.-Петербургском ун-те. В 1916 г. отправился в Китай, изучал тибето-монгольскую литературу. В Россию после революции не вернулся. В 1918–1929 гг. преподавал в Пекинском университете санскрит и тибетский язык, историю индийской религии. В 1927 г. основал в Пекине Сино-Индийский Институт исследования буддийских текстов на санскрите [Решетов, 2004а].

В 1926 г. Сталь-Гольштейн, исследуя буддийскую скульптуру в ламаистских храмах в Запретном городе в Пекине, обнаружил, что представленные там бронзовые божества (787 фигур) соответствуют по составу целому ламаистскому пантеону. В 1937 г. В.Е. Кларк, санскритолог из Гарварда, опубликовал это собрание в труде под названием «Two Lamaistic Pantheons». Сравнение членов этих пантеонов с описаниями в «Нишпаннайогавали» позволило сделать заключение, что это сочинение на санскрите было справочным пособием, которым руководствовались создатели изображений бронзовых богов ламаистских храмов Пекина [Two Lamaistic Pantheons 1965].

Индийский ученый Б. Бхаттачарья отметил, что благодаря открытию, сделанному российским ученым Сталь-фон-Гольштейном, было осознано значение трактата «Нишпаннайогавали», написанного в период правления короля Пала Рамапала (1084–1130) мистиком Абхаякара Гупта из монастыря Викрамашила, для изучения истории буддийской иконографии [Bhattacharya 1965].

В МАЭ хранится несколько коллекций, привезенных Сталь-фон-Гольштейном из Китая и Монголии. Буддийская скульптура содержится в двух из них – № 2845, из Китая (поступила в МАЭ в 1922), в ней 14 изображений — Амитаюса, Белой и Зеленой Тары, Падмасамбхавы, Гуаньинь и др. И № 3948 из Монголии (поступила в МАЭ в 1919 г). В ней 4 скульптуры – Зеленой Тары, Намасарая и Куберы, Милофо.

Иванов Алексей Иванович (1878–1937)

Синолог, тангутовед, доктор наук по литературоведению (без защиты, 1935), А.И. Иванов в 1901 г. окончил китайско-монгольско-маньчжурский разряд факультета восточных языков Петербургского университета. В 1902–1904 гг. был на стажировке при Русской православной миссии в Китае. С 1905 г. приват-доцент, в 1913–22 гг. профессор СПбУ/Пг У. Преподавал во многих институтах и учреждениях Петербурга и Москвы. С 1914 г. был консультантом по Дальнему Востоку в МИД, в 1922–27 гг. — экспертом представительства СССР в Пекине. С 1929 г. заведовал Отделом Дальнего Востока Центрального Музея народоведения. Автор многочисленных работ по истории, философии, этнографии Китая.

В 1910 г. с В.Л. Котвичем (1872–1944) обрабатывал материалы, привезенные П.К. Козловым из Хара-Хото. Положил начало дешифровке тангутского языка. Составил «Словарь тангутского языка». Автор «Грамматики современного китайского языка» 1930 г. (совместно с Е.Д. Поливановым). В 1937 г. репрессирован, в 1958 г. реабилитирован.

Из командировок в Китай А.И. Иванов привез в МАЭ несколько этнографических коллекций, буддийская скульптура содержится в двух из них — в № 1785 — два изображения Гуаньинь — из бронзы и из фарфора, и в № 2722–1 — бронзовый Амитаюс.

Памятью об Алексее Ивановиче Иванове остаются многочисленные написанные его рукой описи поступивших в МАЭ коллекций.

Бурдуков Алексей Васильевич (1883–1943)

В молодые годы А.В. Бурдуков, уроженец Туринского уезда Тобольской губернии, нанявшись на службу к купцу, имевшему факторию в западной Монголии, должен был овладеть монгольским языком. Общаясь с монголами, почувствовал глубокий интерес к их культуре и языку, и это определило его дальнейшую судьбу востоковеда-монголиста.

Он обратил на себя внимание Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА), поощрившего денежной ссудой начатый им сбор произведений устного народного творчества монголов. Его учителем стал петербургский ученый В.Л. Котвич. Поддерживал связь с РГО. В 1925 г. был принят в действительные члены Иркутского филиала Всесоюзной научной ассоциации востоковедов. С 1927 по 1938 г. как монголист работает в Ленинградском Восточном институте, с 1938 г. — в ЛГУ на кафедре тюркской филологии.

Собирает лингвистический и фольклорный материал в экспедициях к сарт-калмыкам Киргизии, к калмыкам Северного Кавказа, к волжско-донским калмыкам. Составил Русско-монгольский словарь разговорного языка (1935 г.), Монгольско-русский словарь (1940 г.). Вместе с дочерью-монголистом Т.А. Бурдуковой-Калмыцко-русский словарь. Участвовал в составлении Большого академического монгольско-русского словаря. В 1941 г. был репрессирован. В ИВР РАН и ТВ Калмыцком Национальном Центре РАН (Элиста) хранятся уникальные лингвистические и фольклорные материалы отца и дочери Бурдуковых.

В МАЭ хранится коллекция из Монголии № 2268, поступившая в музей в 1914 г. Ее собиратель — А.В. Бурдуков. В ней имеется бронзовое изображение Амитаюса и 3 глиняных цаца с изображениями буддийских божеств.

Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958)

Выдающийся исследователь монгольских языков, А.Д. Руднев получил блестящее образование на китайско-маньчжурско-монгольском разряде факультета восточных языков СПУ. В студенческие годы совершил поездки в места расселения калмыков, монголов и бурят — в Малодербетовский улус Астраханской губернии, в Ургу, в Забайкальский край. В 1904 г. вместе с Г. Рамstedтом собирал материалы по калмыцкому языку в калмыцких степях.

В 1903 г. по поручению РКСВА изучал говоры обитателей Восточной Монголии и тунгусов на р. Иро. Материалы этой экспедиции легли в основу монографии «Материалы по говорам Восточной Монголии», за которую Руднев был удостоен степени магистра. В 1913 г. издал работу «Хори-бурятский говор». В 1917 г. избран экстраординарным профессором кафедры монгольской и калмыцкой словесности Петроградского университета. В 1918 г. получил звание ординарного профессора. Летом 1918 г., отправившись на отдых в Финляндию, Руднев не мог вернуться в Россию из-за отмены железнодорожного сообщения, а потом из-за отсутствия разрешения на въезд в Россию. В эмиграции ученый с мировым именем был вынужден расстаться с монголистикой. Его научное наследие осталось в Петербурге.

В Кунсткамере хранятся две буддийские коллекции, привезенные Рудневым из Монголии: № 782, пост. в музей в 1903 г., место сбора — Урга. В коллекции 8 бронзовых литых изображений буддийских божеств — Шакьямуни, Будды врачевания, Амитабхи, Падмасамбхавы, Нагешварараджи, 11-ликого Авалокитешвары, Намсарая и Куберы. № 841, пост. в МАЭ в 1904 г. — изображение Амитабхи из глины.

С благодарностью упомянем имена тех ученых — географов, натуралистов, которые из своих экспедиций привезли в Кунсткамеру из Азии статуэтки буддийских божеств.

Поляков Иван Степанович (1845–1886)

Зоолог, антрополог, этнограф, один из первооткрывателей палеолитических стоянок в Костенках. Был хранителем отдела позвоночных Зоологического Музея в Петербурге. В МАЭ хранится подаренная им в 1886 г. коллекция № 162 (Китай, Япония, 116 номеров), в которой имеется каменная статуэтка бодхисаттвы Гуаньинь (№ 162–100).

Алфераки Сергей Николаевич (1850–1918)

Ученый-энтомолог, эксперт в области лепидоптерологии. Собрал 12 тыс. экземпляров бабочек, открыл 20 новых видов, получивших его имя. Обработывал энтомологические коллекции Н.М. Пржевальского (из Тибета) и Г.Н. Потанина (из Китая и Монголии). В 1879 г. был в Восточном Туркестане. Награжден Серебряной медалью РГО. В МАЭ хранится единственная коллекция Алфераки — № 455, поступившая в музей в 1899 г. В ней одна статуэтка бодхисаттвы Манджушри, обнаруженная в 1879 г., по словам собирателя, в гроте вблизи тракта из Караше в Кульджу за р. Малый Юлдухз, на южном склоне Тянь-Шаня в Карашарском округе в Китайском Туркестане. Описал коллекцию Д. Клеменц.

Краснов Андрей Николаевич (1862–1914)

Выдающийся географ и ботаник, основатель Батумского ботанического сада. Брат генерала и писателя П.Н. Краснова. В МАЭ хранится коллекция № 1907, включающая (в ее китайском фрагменте) деревянные статуэтки Гуаньинь и Путай (Майтрей).

Заключение

В начале XX в. Д. А. Клеменц, подводя итоги двухсотлетнего существования Кунсткамеры, заметил в предисловии к статье Ф. Руссова (Руссов, 1900), что на протяжении всего этого периода музей пополнялся преимущественно путем частных пожертвований, и характер случайности и разрозненности преобладает в большинстве его собраний, несмотря на участвовавшие в последнее время случаи поступления систематических коллекций.

При всей справедливости мысли о несовершенстве имевших место способов формирования фондов музея в целом и буддийских фондов в частности, следует признать, что они не помешали во втором случае возникновению ценного собрания изображений божеств пантеона северного буддизма, созданных в период с V

по XX вв. н.э. в разных районах буддийского мира в разных стилях мастерами разной этнической принадлежности.

Список литературы

1. *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого» (Отделение второе). СПб., 1800.
2. *Елихина Ю.И.* История создания коллекции // Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма. Каталог выставки. СПб., Изд. Гос. Эрмитажа. 2015.
3. *Иванов Д.В.* Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII века // Сборник МАЭ. СПб., Наука. 2009 Т.LV. Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. С. 254–276.
4. *Иванова Е.В.* Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН // Сборник МАЭ. СПб., Наука. 2009. Т. LV. Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. С. 145–210.
5. *Кисляков В.Н.* Малоизвестная статья в петербургской прессе (1833 г.) о китайской коллекции М.В. Ладыженского, ныне хранящейся в МАЭ // Кюнеровские чтения, 2001–2004. СПб., 2005. С. 52–55.
6. *Клеменц Д.А.* Предисловие к статье Руссова Ф.К. — см. Руссов, 1900.
7. Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма. Сост. Ю.И. Елихина. Каталог выставки. СПб., Изд. Гос. Эрмитажа. 2015.
8. *Ольденбург С.Ф.* Сборник изображений 300 бурханов / по заказу Азиатского Музея с примечаниями издал С.Ф. Ольденбург. СПб., 1903. ч. 1. (Bibliotheca Buddhica. V)
9. *Ольденбург С.Ф.* Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919
10. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям российской империи. СПб., 1809.
11. Пещеры Тысячи Будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки / Научн. ред. О.П. Дешпанде, СПб., 2008.
12. *Решетов А.М.* Подарок Далай-ламы XIII. Об одной статуэтке Будды из коллекции МАЭ. КПК. 2004. Вып. 10–11. С. 130–135.
13. *Руссов Ф.К.* Материалы для истории этнографических и антропологических коллекций Императорской академии наук // Сб. МАЭ. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 1 С. 16–17.
14. 108 образов Будды. Исследование коллекции № 5942 из собрания Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН. Авт.-сост. Е.В. Иванова, А.Ф. Дубровин, отв. ред. И.А. Алимов. СПб., 2014.

15. Ярицкий А.В. О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. Изд. Вост. лит. М., 1963. С. 218–251.
16. Bhattacharyya B. The Indian Buddhist Iconography. Mukhopadhyay. Calcutta, 1958. P. 385.
17. Two Lamaistic Pantheons/ Ed. With Introduction and Indexes by W.E. Clark. From Materials collected by the late baron A. von Stael-Holstein. Two volumes bound in one. N.-Y., 1965

References

1. 108 obrazov Buddy. Issledovanie kollektsii № 5942 iz sobraniya Muzeya antropologii i etnografii (Kunstkamery) RAN [108 images of the Buddha. Study of collection No. 5942 from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. 338 p. (In Russian).
2. Beliaev O.P. Kabinet Petra Velikogo (Otdelenie vtoroe). [Peter the Great's Office] SPb., 1800. P. 151. (In Russian).
3. Bhattacharyya B. The Indian Buddhist Iconography. Mukhopadhyay. Calcutta, 1958. 478 p. (In English).
4. Elikhina Iu.I. Istoriia sozdaniia kollektsii // Obitel miloserdia. Iskusstvo tibetskogo buddizma. Katalog vystavki. [History of collection // Abode of mercy. The art of Tibetan Buddhism. Exhibition catalog] SPb., Izd. Gos. Ermitazha Publ. 2015. P. 12. (In Russian).
5. Iaritskii A.V. O deiatelnosti P.L. Shillinga kak vostokoveda [About P.L. Shilling's activity as orientalist] // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia. V. VI. Izd. Vost. lit. Publ. M., 1963. Pp. 218–251 (In Russian).
6. Ivanov D.V. Buddiiskie kollektsii Kunstkamery XVIII veka // Sbornik MAE. [XVIII century Buddhist collections of Kunstkamera] SPb., Nauka. 2009. T. LV. *Vostochnaia Azia: Veshchi, istoriia kollektsii, teksty*. Pp. 254–276. (In Russian).
7. Ivanova E. V. [Chronicle of the arrival of Buddhist collections at the MAE RAS]. *Sbornik MAE* [MAE Collection], 2009, vol. 55, pp. 145–210. (In Russian).
8. Kisliakov V. N. Maloizvestnaia statia v peterburgskoi presse (1833 g.) o kitaiskoii kollektsii M. V. Ladyzhenskogo, nynekhраниashcheisia v MAE // Kiunerovskie chteniia, 2001–2004. [Little-known article about Chinese collection of Ladyzhensky, now stored in MAE] SPb., 2005, P. 52–55. (In Russian).
9. Klements D.A. Predislovie k statie Russova F.K. [Introduction to Russov's article] In. Russov, F.K. *Materialy dlia istorii etnograficheskikh i antropologicheskikh*

- kollektzii Imperatorskoi akademii nauk // *Sbornik MAE*, 1900. T.1. V.1 1900, p.VII. (In Russian).
10. Obitelmiloserdiya. Iskusstvotibetskogobuddizma. Katalogvystavki [Abode of mercy. The art of Tibetan Buddhism. Exhibition catalog]. St. Petersburg: Izd-voGosudarstvennogoErmitazha Publ., 2015. 512 p. (In Russian).
  11. Oldenburg S.F. Pervaiabuddiiskaiavystavka v Peterburge.[First Buddhist exhibition in Petersburg] Pg., 1919 (In Russian).
  12. Oldenburg S.F. Sbornikizobrazhenii 300 burkhanov/po zakazuAziatskogoMuzeia s primechaniiamiizdal C.F. Oldenburg. [A collection of 300 Burhan images] SPb., 1903. V.1. (Bibliotheca Buddhica.) (In Russian).
  13. Pallas P.S. Puteshestvie po raznymprovintsiiamrossiiskoiimperii.[Traveling through different provinces of the Russian Empire] SPb., 1809. (In Russian).
  14. *PeshcheryTsyachi Budd*. RossijskieekspediciinaSHelkovomputi. Katalogvystavki [Caves of a Thousand Buddhas. Russian expeditions on the Silk Road. Exhibition catalog]. St. Petersburg: Izd-voGosudarstvennogoErmitazha Publ., 2008. 480 p. (In Russian).
  15. Reshetov A.M. Podarok Dalai-lamy XIII. Ob odnoistatuetke Buddy izkollektziiMAE. [Dalai Lama XIII's gift. About one Buddha statuette from MAE collection] KPK 2004. Iss. 10–11. Pp. 130–135. (In Russian).
  16. Russov F.K. Materialy dlia istorii etnograficheskikh i antropologicheskikh kollektzii Imperatorskoi akademii nauk // Sb. MAE. SPb., 1900. Vol.1. Iss.1 Pp. 16–17. (In Russian).
  17. *Two Lamaistic Pantheons*/ Ed. With Introduction and Indexes by W.E. Clark. From Materials collected by the late baron A. von Stael-Holstein. Two volumes bound in one. N.-Y., 1965. (In English).

Информация об авторе

Елена Владимировна Иванова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Email: elivan@kunstkamera.ru; roxyivanova@yandex.ru

Author's Information

Elena V. Ivanova — Dr. Sci. in History, leading research fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

Email: elivan@kunstkamera.ru; roxyivanova@yandex.ru

УДК: 94 (4/9)

Н. Н. Москалева

Санкт-Петербургский государственный университет

«Воображаемый» Тибет в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг.

Аннотация: В статье представлены избранные материалы ранней газеты на тибетском языке под названием «Зеркало Тибета» за 1950–1960-е гг. в призме формирования популярных среди тибетской диаспоры основополагающих тезисов тибетского национализма. В силу большой политизированности «тибетского вопроса» тема истории формирования и концептуального наполнения идеологии тибетского национализма остается сравнительно малоизученной. Обращаясь к теории «воображаемых сообществ» британского политолога Б. Андерсона, автор статьи приводит краткую справку о контексте издания «Зеркала Тибета» и ее главном редакторе Дордже Тарчин Бабу, после чего анализирует конкретные примеры газетных публикаций о Тибете, «тибетском вопросе» и тибетско-китайских отношениях в 1950–1960-е гг. В ходе исследования автор статьи приходит к выводу, что после провозглашения курса Китайской Народной Республики (КНР) на «освобождение» Тибета в 1949 г., практически за десятилетие до эмиграции Далай-ламы XIV в Индию в марте 1959 г. и учреждения там так называемого правительства Тибета в изгнании, «Зеркало Тибета» стало регулярно воспроизводить в своих публикациях пронационалистическую версию истории Тибета и распространять среди тибетоязычной читательской аудитории идею о существовании единой тибетской идентичности. Главный редактор «Зеркала Тибета» конструировал желаемый образ тибетской нации-государства, на которую противозаконно напал Китай, и тем самым способствовал нарастанию антагонизма в отношениях местного населения Тибета и представителей КНР. Пронационалистический дискурс в «Зеркале Тибета» подкреплялся использованием эмоционально-экспрессивного стиля изложения и средств выразительности речи, а также глобальной идеализацией Тибета как «рая» на Земле, населенного исключительно мирным и благородным народом. «Зеркало Тибета» служило, вероятно, первым медийным рупором тибетского национализма и после 1959 г. поддерживало политику Центральной тибетской администрации, нацеленную на сплочение разобщенных тибетоязычных эмигрантов из КНР.

(Библиогр. 28 назв.)

Ключевые слова: «Зеркало Тибета»; ранние газеты на тибетском языке; история Тибета; тибетский национализм; тибетская диаспора; дискурс-анализ; «воображаемые сообщества»

Natalia N. Moskaleva
Saint-Petersburg State University

“Imagined” Tibet in *the Tibet Mirror* newspaper in the 1950s and 1960s

Summary: The article discusses selected publications of the early Tibetan language newspaper *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s through the sieve of formation of pivotal ideas of Tibetan nationalism which are popular among the Tibetan diaspora. Owing to the high sensitivity of the Tibet question, the history of development of Tibetan nationalist ideology remains relatively unexplored. Drawing from B. Anderson’s theory of “imagined communities” the article provides some background information about *The Tibet Mirror* and its chief editor Dorje Tharchin Babu and examines specific examples of publications on Tibet, the Tibet question, and Tibetan-Chinese relations in the 1950s and 1960s. The article argues that after the People’s Republic of China (PRC) declared the goal to “liberate” Tibet in 1949, *The Tibet Mirror* started regularly reproducing the pro-nationalist version of Tibetan history and propagating the idea of a unified Tibetan nation. This editorial policy was adopted by Tharchin almost a decade before the flight of the 14th Dalai Lama to exile in India in March 1959 and the subsequent establishment of the so-called Tibetan government-in-exile there. *The Tibet Mirror* shaped a desired image of the Tibetan nation-state that was illegally attacked by the PRC and thus contributed to antagonizing of local population of Tibet and the PRC government officials there. In addition to extensive usage of emotional expressions and figures of speech, Tharchin reinforced his pro-nationalist discourse with a major idealization of Tibet as a “paradise” on earth which was exclusively inhabited by benevolent and peaceful Tibetan people. (Refs. 28)

Keywords: *The Tibet Mirror*; early Tibetan newspapers; history of Tibet; Tibetan nationalism; Tibetan diaspora in India; discourse analysis; imagined communities

Известно, что по силе воздействия прессу метафорически определяют как «четвертую власть» после законодательной, исполнительной и судебной. Исследователи считают, что средства массовой информации настолько существенно влияют на общественное сознание, что манипулятивное воздействие можно назвать одной из важнейших функций периодической печати [Данилова, 2014: 11]. Путем манипулирования в сознание читателя закладываются определенные идеи, образы, ассоциации и стереотипы, которые способны стимулировать читателя полностью переосмыслить свое отношение к конкретному предмету/явлению и даже изменить картину мира целой социальной группы [Данилова, 2014: 12]. Британский политолог Б. Андерсон (1936–2015) указывает на связь между развитием массового воспроизведения печатных материалов и формированием национального самосознания. В классическом труде «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон утверждает, что периодические издания обеспечивают «воображаемую связь»¹ для определенного социума, и, хотя в каждом обществе такая связь уже, как правило, имеется в наличии за счет общего языка и других существующих текстов, для газет характерны регулярность, с которой они обращаются к читателям с тем, что есть «здесь и сейчас», и осознанное единовременное потребление (то есть «представление» или «воображение») содержания газетных материалов читательской аудиторией, создающее ощущение воображаемой связи с остальными членами этого сообщества — читателями газеты [Anderson 2006: 33–36].

Проблема формирования «воображаемой связи» тибетоязычных читателей в прессе на тибетском языке и конструирования национальной идентичности в тибетской диаспоре на данный момент все еще остается малоизученной². Первые газеты на тибетском языке с большим трудом отвоевывали право воспроизведения «воображаемой реальности» для тибетоязычной читательской аудитории. В то время как современная пресса существовала в пограничных с Тибетом государствах уже практически более ста лет — с 1780 г. в Индии и с 1815 г. в Китае, — первые газеты на тибетском языке появились только в 1900-е гг. под началом западных миссионеров и китайских амбаней [Sawerthal 2011: 43; Erhard and Hou 2018: 8]. Однако ни амбаням, ни миссионерам так и не удалось запустить действительно популярное периодическое издание для тибетоязычной аудитории. Газеты миссионеров, обращаясь прежде всего к образованному меньшинству, а именно аристократии и монастырской элите, не могли заинтересовать все слои населения Тибета и достичь пантибетского масштаба распространения [Shakya 2004: 21]. Что касается газеты цинских императорских наместников, любые инициативы амбаней по расширению влияния в Тибете вызвали негатив и сопротивление со стороны консервативной местной аристократии и высшего духовенства [Sawerthal 2011: 55]. Первой удачной попыткой издания газеты на тибетском языке, которая изменила традиционные стандарты тибетской письменной словесности и обратилась ко всей

¹ Англ. *imagined linkage*.

² Общие сведения о политизации истории Тибета и становлении ранней идеологии тибетского национализма см. Москалева, 2020.

общности тибетоязычных читателей без каких-либо географических ограничений, а также функционировала дольше всех своих ранних современников, называют «Зеркало новостей из разных стран» (тиб. *yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*) [Shakya 2004: 17, 20–22].

«Зеркало новостей из разных стран», более широко известное под сокращенным названием «Зеркало Тибета», выходило с 1925 по 1963 гг. в г. Калимпонг, ныне штат Западная Бенгалия³. Несмотря на расположение на территории Индии, Калимпонг находился достаточно близко к границе с Тибетом, в связи с чем к середине XX в. приобрел славу главного центра индийско-тибетской торговли, излюбленной зимней «ривьеры» тибетцев и «фабрики сплетен» о Тибете [Brox and Koktvedgaard Zeitzen 2017: 254–256]. До 1959 г. Калимпонг был первым городом, куда после пересечения границы попадали путешественники из Тибета по пути в Индию [McGranahan 2001: 243]. Стратегически выгодное геополитическое положение Калимпонга представляло интерес не только для тибетцев и индийцев. Кого только не было в городе в середине XX в. — сотрудники британской и индийской службы разведки, агенты ЦРУ и Гоминьдана под прикрытием, русские старообрядцы, члены королевских семей в изгнании и аристократы со всей протяженности Гималаев, западные антропологи и миссионеры, тибетские паломники, торговцы, чиновники и диссиденты, индийские йоги, маги и заклинатели [Brox and Koktvedgaard Zeitzen 2017: 258; McGranahan 2001: 243–244]. После включения Тибета в состав Китайской Народной Республики (КНР) в 1951 г. Калимпонг стал штаб-квартирой тибетского движения сопротивления, где при посредничестве Гьело Дондуба (тиб. *rgyal lo don 'grub*, род. 1927), старшего брата Далай-ламы XIV, было налажено сотрудничество ЦРУ и представителей тибетской иммигрантской общины по организации партизанской борьбы в Тибете [Brox and Koktvedgaard Zeitzen 2017: 254–255].

«Зеркало Тибета» выпускал Дордже Тарчин Бабу (тиб. *rdo rje mthar spyin sba 'sbu*; 1890–1976), этнический тибетец-гражданин Индии. Биография главного редактора «Зеркала Тибета» является не менее любопытной, чем насыщенная политическими интригами жизнь Калимпонга в 1950-е гг. Тарчин — внебрачный ребенок из бедной семьи, социализированный в среде пресвитерианских миссионеров, — смог завести судьбоносные связи как с британскими колониальными чиновниками, так и с представителями тибетской элиты, и выстроил впечатляющую карьеру вокруг своей тибетской идентичности. Пройдя путь от простого разнорабочего до владельца типографии, он приобрел репутацию «первого человека» в Калимпонге и главного информационного брокера в тибетской общине в Индии [Sawerthal 2018: 105–106]. Важно подчеркнуть, что работу над изданием газеты Тарчин совмещал со службой на британскую и индийскую разведку, а в 1950-е гг., вероятно, с сотрудничеством с американскими спецслужбами⁴.

Позиционируя себя как преданный гражданин Индии, Тарчин в то же время клялся в верности своей этнической родине — Тибету [Moskaleva 2020: 412].

³ Подробный анализ «Зеркала Тибета» как исторического источника см. Москалева, 2017.

⁴ Подробнее см. Moskaleva, 2020: 411–414.

С 1949 г., когда Китайская Народная Республика провозгласила курс на «освобождение» Тибета, редактор регулярно размещал в «Зеркале Тибета» антикоммунистические материалы и неотступно выступал в поддержку независимости Тибета. Призывая тибетских «братьев» объединиться на основании общности исторического происхождения, языка, культуры и религии и совместно противостоять коммунистической власти, Тарчин формулировал и транслировал в массы основополагающие тезисы движения за независимость Тибета. В своих публикациях редактор «Зеркала Тибета» конструировал альтернативную пронационалистическую версию истории Тибета и утверждал матрицу негативного восприятия настоящего. Тарчин создавал иллюзию утраты Тибетом своего «золотого века», представляя при этом КНР в образе «агрессора», а Тибет в роли его «жертвы». После эмиграции Далай-ламы XIV в Индию в 1959 г. «воображаемый» Тибет Тарчина, изображенный в «Зеркале Тибета» как глубоко религиозное мирное государство, суверенитет которого нарушило незаконное вторжение КНР, занял ключевое место в нарративном пространстве тибетской диаспоры и лег в основу легитимирующей идеологии так называемого тибетского правительства в изгнании.

Данная статья предлагает краткий анализ попыток формирования тибетской национальной идентичности на примере подборки публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. и рассматривает четыре основных вопроса: каким Тарчин представлял Тибет до официального включения в состав КНР в 1951 г., на какую территорию претендовало тибетское государство в интерпретации редактора «Зеркала Тибета», как он определял тибетскую нацию и как его нарратив коррелирует с национальным нарративом тибетской диаспоры в Индии.

Первое, что следует отметить, — на протяжении всего указанного периода с 1949 по 1963 гг. редактор «Зеркала Тибета» регулярно воспроизводил в своих публикациях идею о том, что до 1951 г. Тибет был «независимым религиозным государством»⁵ и должен таковым оставаться и в будущем. Тарчин представлял в «Зеркале Тибета» многочисленные доказательства тибетской независимости, большинство которых, однако, не отличалось точностью фактов и объективностью их толкования [Moskaleva 2020: 415–423]. Обобщая впечатления от прочитанных публикаций, можно с уверенностью утверждать, что до прихода коммунистов к власти «воображаемый» Тибет в нарративе Тарчина проживал своего рода идеальный «золотой век»: до 1951 г. Тибет представлял собой «чистую и прекрасную землю»⁶, населенную «миролюбивым и добродетельным»⁷ тибетским народом, который жил «во всеобщем взаимном согласии»⁸ и «наслаждался миром и прекрасными тра-

⁵ Тиб. *bod rang dbang rang btsan chos ldan rgyal khab* [*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3].

⁶ Тиб. *gtsang zhing yid du 'ong ba'i bod sa* [*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2].

⁷ Тиб. *zhi dul dge sems can gyi* [*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2].

⁸ Тиб. *phan tshun tshang ma gcig mthun du bzhugs* [*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 6].

дициями»⁹. Вероятно, отчасти в силу того, что давным-давно тибетцев «укротило тибетское божество Страны снегов бодхисаттва Авалокитешвара»¹⁰, они стали «народом, который, опираясь на особое знание сочетания религиозного и светского, верит в разграничение добра и зла»¹¹. Кроме того, изображая коллективный образ жителей Тибетского плато еще более возвышенным, Тарчин убеждал читателей:

Тибетский народ с незапамятных времен был нацией, которая любит мир и благополучие. [По] принятому в нашем роду обычаю, даже в экстремальных [условиях] мы относимся с состраданием и любовью ко [всем] живым существам, включая насекомых. Поэтому мы никогда не осуществляли насильственные и жестокие деяния [*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2].

Тарчин конструировал тибетскую идентичность через редуцированные бинарные оппозиции «чужие» vs. «свой» и «агрессор» vs. «жертва». В нарративе «Зеркала Тибета» сделан особый акцент на том, что Тибет — это не Китай: «Мы, этнические группы Тибета, стоим особняком от китайского народа. [Наш] язык, общественный строй и религиозная система занимают обособленное положение [от Китая]» [*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950: 3]. Присваивая китайским коммунистам однозначные инвективные ярлыки «варваров»¹², «бандитов»¹³, «бессердечных вредителей для человеческой расы»¹⁴, «врагов буддийского учения»¹⁵ и «демонов»¹⁶, Тарчин обвинял КНР в уничтожении тибетского «рая» на Земле и тем самым накалял антагонизм в отношениях местного населения Тибета и представителей китайской коммунистической власти:

Благодаря жизни в духовном богатстве, мире и счастье, Тибет превосходил рай. Однако коммунистические враги Учения, словно большое насекомое сожрало маленькое, вторгшись в Тибет, захватили [его]. Внутри Тибета путем обманных уловок, направленных на бесконечное одурачивание и провоцирование волнений, разрушили единство [тибетского народа] [*The Tibet Mirror* Vol. XXV No.9–10, February–March 1959: 3–5].

⁹ Тиб. *zhi bde lugs bzang la dga' ba 'i bod mi mangs* [*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2].

¹⁰ Тиб. *bod gangs can ljongs kyi lha gcig phyag na pad mo 'i 'dul bya yin* [*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 6].

¹¹ Тиб. *chos srid gnyis ldan gyi dge mtshan la brten nas dge sdig gnyis kyi blang dor la yid ches kyi mi dmangs* [*The Tibet Mirror* Vol. XXV No.9–10, February–March 1959: 3–5].

¹² Тиб. *kla klo dmar po* [*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2].

¹³ Тиб. *jag pa* [*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2] или *gung bran jag dmag* [*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3].

¹⁴ Тиб. *mi 'i rigs rgyud dang bcas par ya nga bral ba 'i gnod 'tshes byed mkhan* [*The Tibet Mirror* Vol. XXVII No.1, August–September 1960: 2].

¹⁵ Тиб. *bstan dgra rnam*s [*The Tibet Mirror* Vol. XXV No.9–10, February–March 1959: 7].

¹⁶ Тиб. *srin po* [*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2].

Необходимо сказать несколько слов о том, какую территорию охватывало «тибетское религиозное государство» в нарративе Тарчина и объективно ли заявление Тарчина о «единстве» народа Тибета, которое специально расстроили китайские коммунисты. До эмиграции Далай-ламы XIV в Индию в 1959 г. и формирования там большой тибетоязычной иммигрантской общины и правительства Тибета в изгнании, Тарчин определял тибетскую нацию как «народ тринадцати тибетских *тикор*» (тиб. *bod khri skor bcu gsum gyi mi rigs*). Например, в выпуске «Зеркала Тибета» за октябрь 1952 г. Тарчин приводит следующее определение:

Мы — те, кто ест *цампу*, те, кто носит *чуну*, те, кто играет в кости, те, кто ест сырое и вяленое мясо, носители единого [тибетского] языка, последователи [буддизма] Махаяны, братья из То-Нгари Корсум, У-Цанг Руши, До-Кам Гангдуг, тринадцати *тикор* Тибета, — должны мысленно объединиться. [Мы] должны стремиться освободиться из-под гнета [коммунистического Китая]. Когда освободимся из-под гнета иностранного врага, [мы] уничтожим внутренних демонов, после чего народ тринадцати тибетских *тикор* будет пребывать в свободе и независимости и Учение Будды будет процветать. Ради этого все должны приложить большие усилия! [*The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8]

Термин *тикор* (тиб. *khri skor*) впервые ввели в Тибете монголы во времена династии Юань (1271–1368) для обозначения административных единиц, равных 10 тысячам семейных хозяйств [Yang 2016: 557]. В XIII в. Хубилай-хан (1215–1294) отдал тринадцать *тикор* под управление тибетскому лидеру буддийской школы Сакья Пагпа Лодо Гьелцэну (тиб. *'phags pa blo gros rgyal mtshan*, 1235–1280) в награду за его службу [Yang 2016: 561]. Считается, что те тринадцать *тикор* изначально ограничивались территорией центрального Тибета, то есть включали только области У и Цанг [Nor brang o rgyan 2008: 2798]. Однако в «Зеркале Тибета» термин «тринадцать тибетских *тикор*» несет иной смысл, обозначая три района Нгари на западе Тибета¹⁷, четыре района центральных провинций У-Цанг¹⁸ и шесть областей Амдо и Кама на востоке¹⁹. Таким образом «тринадцать тибетских *тикор*» в интерпретации Тарчина включают территорию так называемого этнографического Тибета и соотносятся с другой хорошо известной системой административного деления Тибета под названием «*чолка сум*» (тиб. *chol kha gsum*), которая ныне официально утверждена Центральной тибетской администрацией (ЦТА) в Индии. Согласно принятому в тибетской диаспоре современному толкованию «*чолка сум*», тибетская нация-государство происходит из трех крупных областей или «*чолка*» (тиб. *chol kha*) Тибета: У-Цанг, Амдо и Кама.

Термин «*чолка сум*» является транслитерацией монгольского термина «*чуулга*» (монг. *čiyūlyan*), который в свою очередь равнозначен китайскому термину для

¹⁷ Тиб. *stod mnga' ris skor gsum* [*The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8].

¹⁸ Тиб. *dbus gtsang rus bzhi* [*The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8].

¹⁹ Тиб. *mdo khams sgang drug* [*The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8].

административного деления «лу» (кит. 路) [Yang 2016: 553]. Точное время происхождения и первоначальное значение термина «чолкасум» неизвестны. Начиная с XV в. термин «чолкасум» использовали для обозначения еще одной части территории Тибета, которой Хубилай-хан дополнительно награждал лидера школы Сакья Пагпа Лодо Гьелцэна за религиозное посвящение [Yang 2016: 561]. Данные о географической протяженности территории «чолкасум» того периода расходятся в источниках, однако во времена Хубилай-хана данный термин все-таки, по всей видимости, не обозначал три региона У-Цанг, Кам и Амдо, как это принято сейчас [Yang 2016: 561–564]. Профессор Университета Колорадо К. Макгрэнэхан высказывает мнение, что в настоящее время идеология «чолкасум», объединив выходцев из областей У-Цанг, Кам и Амдо как «тибетскую нацию и государство», стала особенно успешной «культурной и политической организационной силой» для создания и поддержания образа тибетской диаспоры в Индии как «сильного единого фронта» [McGranahan 2010: 51]. Тем не менее необходимо отметить, что концепция «чолкасум» в то же время вызывает и споры, поскольку отдельные представители тибетской диаспоры заявляют, что данная модель предлагает «центрально-тибетскую» перспективу и отражает преимущественное влияние выходцев из У-Цанг в Центральной тибетской администрации. Некоторые мигранты из Кама и Амдо сообщают, что с ними никогда не обсуждали концепцию «чолкасум», в связи с чем многие из них отвергают ее [Powers and Templeman 2012: 147].

Если говорить о границах территории, подвластной тибетскому правительству на момент подписания китайско-тибетского Соглашения из 17 пунктов о включении Тибета в состав КНР в 1951 г., то они также не соответствуют представленной в «Зеркале Тибета» концепции «тибетского государства» как всей территории У-Цанг, Кама и Амдо. В восточных районах Тибета, в частности Каме, местное население могло признавать религиозную власть Далай-ламы, но при этом отрицало светскую власть Лхасы [McKay 2001: 96]. Фактически в годы, предшествующие включению Тибета в состав КНР, тибетское правительство обладало политической властью в У-Цанг, однако восточные районы Кама²⁰ с 1932 г. принадлежали Китайской Республике и в 1939 г. были преобразованы в китайскую провинцию Сикан [Goldstein 2014: 86; Kolås 1996: 53]. Что касается Амдо, преимущественно кочевое население там не управлялось Лхасой с XVIII в. и имело независимую организацию в рамках племенных союзов, которые номинально подчинялись Китаю, а те районы, где было развито оседлое земледелие, контролировали аристократические семьи Амдо и несколько крупных монастырей [Goldstein 2014: 83; Kolås 1996: 53; McKay 2001: 96]. В 1930-х гг. северо-восточную часть Амдо включили в состав китайской провинции Цинхай [Powers and Templeman 2012: 51]. Таким образом, еще до наступления войск Народно-освободительной армии Китая на Тибет Кам и Амдо уже были юридически подведомственными Китаю [Shakya 2000: 136]. По словам известного исследователя истории Тибета А. Маккея, даже на территории центрального Тибета в областях У и Цанг идея единой

²⁰ Территория восточнее верхнего течения р. Янцзы.

тибетской идентичности была далеко не повсеместно принятой [McKay 2001: 96]. Исторически У и Цанг находились в отношениях соперничества, которое неоднократно переходило в форму открытой конфронтации [Powers and Templeman 2012: 281]. Вторым по величине город на Тибетском плато Шигадзе относился к области Цанг и традиционно считался территорией Панчен-ламы, второго по рангу после Далай-ламы буддийского иерарха в Тибете. Панчен-лама не только имел свой двор, но и вел независимую от правительства Далай-ламы внешнюю политику [McKay 2001: 96]. Большая часть местного населения Цанга воспринимала Панчен-ламу как их верховного лидера и были враждебно настроены относительно политики централизации, проводимой Лхасой [McKay 2001: 96]. Вместе с тем тибетское правительство в Лхасе открыто не признавало утрату влияния в Каме и Амдо²¹, поэтому после эмиграции Далай-ламы XIV и тибетского правительства в Индию в 1959 г., их национальная политика получила воплощение в виде обновленной концепции «чолкасум» [Goldstein 2014: 80].

Представители тибетской диаспоры подтверждают, что в связи с ограниченностью контактов между жителями отдаленных районов Тибетского нагорья до эмиграции большинство из них осознавали себя скорее «жителями определенной области» в Тибете или «членами отдельного клана», но не «тибетцами» [Powers 2004: 156]. Идея пантибетской национальной идентичности получила импульс к развитию уже после 1959 г. и стала широко пропагандироваться среди тибетской диаспоры в Индии Центральной тибетской администрацией.

Возвращаясь к приведенному выше примеру из «Зеркала Тибета», стоит отметить, что, помимо концептуализации общей территории проживания тибетской нации как «тринадцати тибетских *тикор*», Тарчин призывал к консолидации населения Тибета в борьбе с «иностранным врагом» за «свободу и независимость» на основании общности таких культурных характеристик как национальная пища («цампа»²² и «сырое и вяленое мясо»²³), национальная одежда («чупа»²⁴), единый язык и единая религия. Тибетский историк Церинг Шакья считает, что в данной статье редактору «Зеркала Тибета» действительно удалось отметить «самый базовый элемент, который объединяет тибетоязычный мир», а именно пережаренную с маслом ячменную муку под названием «цампа» [Shakya 1993: 9]. Ячмень, будучи базовой сельскохозяйственной культурой, входил в традиционный рацион жителей Тибетского плато независимо от их языковых, конфессиональных и региональных различий [Shakya 1993: 9].

В то же время тезис Тарчина о едином языке и единой религии «тибетского народа» несколько упрощает существовавшее положение дел в Тибете. Известная

²¹ Например, в поисках перерождения Далай-ламы XIII представители тибетского правительства решили отправиться в 1936 г. именно в подчиненный Китаю Амдо (пров. Цинхай), на территории которого они и обнаружили Далай-ламу XIV [см. Goldstein 1992: 314–321].

²² Тиб. *tsam pa za mkhan* [The Tibet Mirror Vol. XX No. 7, October 1952: 8].

²³ Тиб. *sha dmar dang / sha skam za mkhan* [The Tibet Mirror Vol. XX No. 7, October 1952: 8].

²⁴ Тиб. *phyu pa gyon mkhan* [The Tibet Mirror Vol. XX No. 7, October 1952: 8].

тибетская поговорка гласит: «В каждой долине свой диалект, у каждого ламы своя религиозная школа»²⁵. Несмотря на то, что тибетская письменность единообразна во всех регионах Тибетского плато, существуют многочисленные региональные диалекты тибетского языка, некоторые из которых не являются взаимопонятными [Powers and Templeman 2012: 396]. Однако то, что в «Зеркале Тибета» Тарчин однозначно выделяет тибетский язык в качестве единого национального языка всех жителей Тибета, согласуется с политикой, которую проводит ЦТА среди тибетской диаспоры в Индии [Hess 2009: 22].

Что касается единой религии жителей Тибета, как справедливо подмечено в тибетской поговорке, для тибетского буддизма характерно разделение на школы. Помимо четырех наиболее крупных религиозных школ Гелуг, Сакья, Ньингма и Кагью, в тибетском буддизме имелись и другие более мелкие традиции преемственности учения. По мнению Церинг Шакьи, до 1959 г. в тибетоязычном обществе доминировало конфессиональное разделение по школам буддизма, поэтому верность своему «коренному учителю»²⁶ всегда превалировала над индивидуальным осознанием себя представителем единой тибетской нации [Shakya 1993: 10]. В отдельные периоды разногласия между школами тибетского буддизма были настолько существенными, что, например, в XVII в. 18-й держатель престола школы Дугпа (тиб. *'brug pa*) Нгагванг Намгьел (тиб. *ngag dbang rnam rgyal*, 1594–1651), будучи преследуем представителями школы Гелуг, бежал на территорию Бутана, где объединил отдельные регионы в единое королевство под своей властью и продолжил развивать направление школы Дугпа [Powers and Templeman 2012: 480–481; Shakya 1993: 10–11]. Борьба за власть Гелуг как главной школы тибетского буддизма привела к ее полному доминированию в центральном Тибете, однако Кам, например, став в XIX в. центром возникновения обновленческого движения «Риме»²⁷ против конфессионального разделения в тибетском буддизме, так и остался многоликим в плане религиозных традиций [McGranahan 2001: 22]. Более того, предлагаемая Тарчином форма концептуализации «тибетской нации» как исключительно буддийской также означает исключение из ее состава последователей ранней добуддийской религии Тибета бон²⁸, а также таких религиозных меньшинств как тибетские мусульмане и христиане [Brox 2012: 461; Singh 2015].

Интересно, что вскоре после учреждения тибетского правительства в изгнании в Индии вместо «тринадцати тибетских *тикор*» Тарчин стал использовать в «Зеркале Тибета» концепцию «*чолкасум*». Так, в выпуске «Зеркала Тибета» за июнь-июль 1960 г., то есть чуть больше года спустя после эмиграции Далай-ламы XIV

²⁵ Тиб. *lung pa re la skad lugs red/ /bla ma re la chos lugs red*.

²⁶ Тиб. *rtsa ba'i bla ma*.

²⁷ Тиб. *ris med*.

²⁸ Необходимо отметить, что в некоторых трактовках религию бон все-таки включают в тибетскую концепцию «Дхармы» или «религии» (тиб. *chos*) [Brox 2006: 97]. Представители бон также признаны Центральной тибетской администрацией и могут избираться в тибетский парламент-в-изгнании [Brox 2012: 459].

в Индию, в заметке об организации выборов представителей тибетского народа Тарчин изображает «тибетскую нацию» как «народ трех тибетских областей» (букв. «народ трех тибетских *чолка*», тиб. *bod chol kha gsum gyi mi dmangs*), которые включают: «У-Цанг *чолка*»²⁹, «Амдо *чолка*»³⁰ и «Кам *чолка*»³¹ [*The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.12, June–July 1960: 10].

С началом функционирования в Индии Центральной тибетской администрации идея «тибетской нации» как объединения всех народов Тибета популяризировалась в газете Тарчина и от имени Далай-ламы XIV, самой авторитетной на тот момент фигуры в глазах читательской аудитории «Зеркала Тибета». Например, в выпуске «Зеркала Тибета» за август-сентябрь 1960 г. Далай-лама XIV обращается к своим соотечественникам в рамках идеологии «*чолкасум*»:

Некоторые по всей видимости думают, что если говорят «*амдо[ва]*» и «*кампа*», то [эти люди] не являются тибетцами. Это ошибка. Чрезвычайно большая ошибка. В таком случае я, будучи уроженцем Амдо, являюсь тибетцем или не являюсь?

Хоть и является *амдова*, хоть и является *кампа*, хоть и является *цангна*, хоть и является *уйна*, хоть и является [уроженцем] из какой-либо другой тибетской местности, все [они] — тибетцы. Все [мы представители] тибетской нации.

Все [мы] не только [представители] действительно одной нации, но [мы] также [не похожи] ни на одну другую нацию, которая обладает смешанным составом. Всех [нас] вырастили в едином тибетском государстве.

Все [мы] являемся теми, кто совместно переносит радости и горести. У всех [нас] действительно есть единая цель. Путем единения всего народа [трех] тибетских [областей] *чолкасум* все [мы] прикладываем усилия, чтобы снова обрести свободу и независимость тибетского государства.

Несмотря на это, некоторые осуществляют жалкие попытки [провоцировать] междоусобное разобщение. Те, кто не думает о смысле [нашей] главной цели как всеобщем благе для тибетской нации, не понимают истинный смысл «нации». Относительно этого [вопроса] вам необходимо сформировать более ясное понимание [*The Tibet Mirror* Vol. XXVII No.1, August–September 1960: 2, 11, 12].

Таким образом, очевидно, что от собственной объединяющей концепции «тринадцати тибетских *тикор*» Тарчин достаточно быстро перешел к термину «*чолкасум*», который утвердила Центральная тибетская администрация в Индии. Редактор «Зеркала Тибета» предпринимал попытки разработать концептуальное наполнение понятия «тибетская нация» и способствовать развитию национального самосознания населения Тибета еще в начале 1950-х гг., то есть практически за десять лет до того, как в Индии появилось правительство Тибета в изгнании и началась

²⁹ Тиб. *mdo smad a mdo'i chol kha* [*The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.12, June–July 1960: 10].

³⁰ Тиб. *dbus gtsang chol kha* [*The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.12, June–July 1960: 10].

³¹ Тиб. *kham bod chol kha* [*The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.12, June–July 1960: 10].

планомерная программа по внедрению объединяющей идеологии «чолкасум» среди растущей тибетоязычной диаспоры.

В Индии Тарчина называют первым журналистом тибетского происхождения, а его жизненный путь, по мнению Далай-ламы XIV, служит вдохновляющим примером для многих представителей тибетской диаспоры [Norbu Dawa 2004: XI; Dalai Lama XIV 2002: IX–X]. В данной статье приведено лишь несколько отрывков публикаций Тарчина на тему «тибетского вопроса». Однако более тщательный анализ выпусков газеты за 1950–1960-е гг. позволяет говорить о том, что «Зеркало Тибета», как первый медийный рупор тибетского национализма, раньше всех стало воспроизводить на тибетском языке фрагменты популярной ныне в тибетской диаспоре протибетской репрезентации истории Тибета. Будучи одним из крайне немногочисленных в рассматриваемый период периодических изданий на тибетском языке, «Зеркало Тибета» внесло вклад в утверждение широко распространенного в настоящее время идеализированного образа мирного религиозного Тибета и имиджа тибетских эмигрантов как невинных жертв репрессий китайских коммунистов.

Источники иллюстративного материала

Собрание выпусков газеты *The Tibet Mirror*, опубликованное на сайте электронной библиотеки Колумбийского университета (COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES Digital Collections) в разделе «Зеркало новостей из разных стран» (тиб. *Yul phyogs so so 'i gсар 'gyur me loñ*) / URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html (дата обращения: 30.11.2021).

Список литературы

1. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 3-е изд. — Москва: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014.
2. Москалева Н. Н. Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник // Проблемы Дальнего Востока. — 2017. — Вып. 2. — С. 117–127.
3. Москалева Н. Н. Газета «Зеркало Тибета» и формирование идеологии тибетского национализма в 1950–1960-е гг. // Этно-социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности. Сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых ученых. — Москва: Пробел-2000, 2020. — С. 231–234.
4. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. — London–New York: Verso, 2006.
5. Brox T. *Tibetan Culture as Battlefield: How the Term ‘Tibetan Culture’ is Utilized as Political Strategy* // Schmithausen L., ed. *Buddhismus in Geschichte und Gegenwart: Gewalt und Gewaltlosigkeit im Buddhismus*. — Vol. X. — 2006. — P. 85–105.

6. *Brox T. Constructing a Tibetan Demos in Exile // Citizenship Studies.*— Vol.16.— Nos.3–4.— 2012.— P. 451–467.
7. *Brox T., Koktvedgaard Zeitzen M. Prince Peter's Seven Year in Kalimpong: Collecting in a Contact Zone // Viehbeck M., ed. Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands: Kalimpong as a Contact Zone.*— Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2017.— P. 245–272.
8. *Dalai Lama XIV. Foreword // Fader H.L. Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol.I.*— Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002.— P.IX–X.
9. *Erhard F.X., Hou H. The Melong in Context: A Survey of the Earliest Tibetan Language Newspapers 1904–1960 // Wang-Toutain F., Preziosi M., eds. Cahiers du Mirror.*— Paris: BET, Collège de France, 2018 — P. 1–41.
10. *Goldstein M.C. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State.* Berkeley: University of California Press, 1992.
11. *Goldstein M.C. A History of Modern Tibet. The Storm Clouds Descend: 1955–1957. Vol.3.*— Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2014.
12. *Hess J.M. Immigrant Ambassadors: Citizenship and Belonging in the Tibetan Diaspora.*— Stanford: Stanford University Press, 2009.
13. *Kolås Å. Tibetan Nationalism: The Politics of Religion // Journal of Peace Research.*— Vol.33.— No.1.—1996.— P. 51–66.
14. *McGranahan C. Arrested Histories: Between Empire and Exile in 20th Century Tibet.* PhD Thesis.— Ann Arbor: The University of Michigan, 2001.
15. *McGranahan C. Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War.* Durham–London: Duke University Press, 2010.
16. *McKay A. 'Kicking the Buddha's Head': India, Tibet and Footballing Colonialism // P. Dimeo and J. Mills, eds. Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora.*— London: Franc Cass, 2001.— P. 89–104.
17. *Moskaleva N. The Tibet Mirror and History Spinning in the 1950s and 1960s // Revue d'Etudes Tibétaines.*— 2020.— No.55.— P. 409–439.
18. *Nor brang o rgyan. Chos rnam kun btus, Bar cha [Dictionary of Buddhist Terminology Arranged in Numerical Enumeration, Vol. 2].*— Beijing: Khrung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2008.
19. *Norbu Dawa. Introduction // Fader H.L. Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II.* Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004.— P. XI–XII.
20. *Powers J. History as Propaganda: Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China.*— New York: Oxford University Press, 2004.

21. Powers J., Templeman D. *Historical Dictionary of Tibet*.— Lanham: The Scarecrow Press, Inc, 2012.
22. Sawerthal A. *The Melong: An Example of the Formation of a Tibetan Language* Press. M. Phil. Diss.— Vienna: University of Vienna, 2011.
23. Sawerthal A. *A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the 'Tibet Mirror' (Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long, 1925–1963) from Kalimpong*. PhD Thesis.— Heidelberg: Heidelberg University, 2018.
24. Shakya Ts. *Whither the Tsampa Eaters? // Himal.*— Vol.6.— No.5.— 1993.— P. 8–11.
25. Shakya Ts. *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*.— New York: Penguin Compass, 2000.
26. Shakya Ts. *The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom*. PhD Thesis.— London: School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London, 2004.
27. Singh R. *Reimagining Tibet through the Lens of Tibetan Muslim History and Identity*. Oxford Handbooks Online. 2015. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935420.013.7. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-7> (дата обращения: 30.11.2021)
28. Yang E. *Tracing the Chol kha gsum: Reexamining a Sa skya-Yuan Period Administrative Geography // Revue d'Etudes Tibétaines*.— 2016.— No.37.— P. 551–568.

References

1. Danilova A. A. *Language Manipulation in Mass Media*. 3rd edition.— Moscow: Dobrosvet, “KDU” Publ., 2014. (In Russian)
2. Moskaleva N. N. *The Tibet Mirror Newspaper as a Historical Source // Problemy Dal'nego Vostoka*.— 2017.— No. 2.— P. 117–127. (In Russian)
3. Moskaleva N. N. *The Tibet Mirror Newspaper and Formation of Tibetan Nationalist Ideology in the 1950s and 1960s // Ethnic, cultural, and social processes in Asian and African Countries: The Problem of Identity. Proceedings of the International Conference of Young Scholars*.— Moscow: Probel-2000, 2020.— P. 231–234. (In Russian)
4. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition.— London–New York: Verso, 2006.
5. Brox T. *Tibetan Culture as Battlefield: How the Term 'Tibetan Culture' is Utilized as Political Strategy // Schmithausen L., ed. Buddhismus in Geschichte und Gegenwart: Gewalt und Gewaltlosigkeit im Buddhismus*.— Vol.X.— 2006.— P. 85–105.

6. Brox T. Constructing a Tibetan Demos in Exile // *Citizenship Studies*.— Vol.16.— Nos.3–4.— 2012.— P. 451–467.
7. Brox T., Koktvedgaard Zeitzen M. Prince Peter's Seven Year in Kalimpong: Collecting in a Contact Zone // Viehbeck M., ed. *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands: Kalimpong as a Contact Zone*.— Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2017.— P. 245–272.
8. Dalai Lama XIV. Foreword // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.I.— Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002.— P.IX–X.
9. Erhard F.X., Hou H. The *Melong* in Context: A Survey of the Earliest Tibetan Language Newspapers 1904–1960 // Wang-Toutain F., Preziosi M., eds. *Cahiers du Mirror*.— Paris: BET, Collège de France, 2018 — P. 1–41.
10. Goldstein M.C. *A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State*. Berkeley: University of California Press, 1992.
11. Goldstein M.C. *A History of Modern Tibet. The Storm Clouds Descend: 1955–1957*. Vol.3.— Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2014.
12. Hess J.M. *Immigrant Ambassadors: Citizenship and Belonging in the Tibetan Diaspora*.— Stanford: Stanford University Press, 2009.
13. Kolås Å. Tibetan Nationalism: The Politics of Religion // *Journal of Peace Research*.— Vol.33.— No.1.—1996.— P. 51–66.
14. McGranahan C. *Arrested Histories: Between Empire and Exile in 20th Century Tibet*. PhD Thesis.— Ann Arbor: The University of Michigan, 2001.
15. McGranahan C. *Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War*. Durham–London: Duke University Press, 2010.
16. McKay A. 'Kicking the Buddha's Head': India, Tibet and Footballing Colonialism // P. Dimeo and J. Mills, eds. *Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora*.— London: Franc Cass, 2001.— P. 89–104.
17. Moskaleva N. *The Tibet Mirror* and History Spinning in the 1950s and 1960s // *Revue d'Etudes Tibétaines*.— 2020.— No.55.— P. 409–439.
18. Nor brang o rgyan. *Chos rnam kun btus, Bar cha* [Dictionary of Buddhist Terminology Arranged in Numerical Enumeration, Vol. 2].— Beijing: Khrung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2008. (In Tibetan)
19. Norbu Dawa. Introduction // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol. II. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004.— P. XI–XII.
20. Powers J. *History as Propaganda: Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China*.— New York: Oxford University Press, 2004.

21. Powers J., Templeman D. *Historical Dictionary of Tibet*.— Lanham: The Scarecrow Press, Inc, 2012.
22. Sawerthal A. *The Melong: An Example of the Formation of a Tibetan Language* Press. M. Phil. Diss.— Vienna: University of Vienna, 2011.
23. Sawerthal A. *A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the 'Tibet Mirror' (Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long, 1925–1963) from Kalimpong*. PhD Thesis.— Heidelberg: Heidelberg University, 2018.
24. Shakya Ts. Whither the Tsampa Eaters? // *Himal*.— Vol.6.— No.5.— 1993.— P. 8–11.
25. Shakya Ts. *The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom*. PhD Thesis.— London: School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London, 2004.
26. Shakya Ts. *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*.— New York: Penguin Compass, 2000.
27. Singh R. Reimagining Tibet through the Lens of Tibetan Muslim History and Identity // *Oxford Handbooks Online*. 2015. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935420.013.7. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-7> (дата обращения: 30.11.2021)
28. Yang E. Tracing the *Chol kha gsum*: Reexamining a Sa skya-Yuan Period Administrative Geography // *Revue d'Etudes Tibétaines*.— 2016.— No.37.— P. 551–568.

Информация об авторе

Наталья Николаевна Москалева — ассистент кафедры монголоведения и тибетологии, Восточный факультет СПбГУ.

Email: n.n.moskaleva@spbu.ru

Author's information

Natalia N. Moskaleva — Lecturer at the Department of Mongolian and Tibetan Studies, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University.

Email: n.n.moskaleva@spbu.ru

УДК 94(5)

В. А. Перминова

Институт востоковедения РАН

«Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае в 1980-е годы.

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли внешнеполитических, внутривнутриполитических и экономических факторов в формировании «обновленной» памяти о войне в КНР в 1980-е и самом начале 90-х гг. (до вступления Цзян Цзэминя в должность председателя КНР в 1993 г.). Автор сфокусировал внимание на инцидентах 1982 г. (внесение исправлений в японские учебники истории) и 1985 г. (паломничество премьер-министра Японии Я. Накасонэ в синтоистское святилище Ясукуни) как отправных точках дальнейшего осложнения отношений между Пекином и Токио, а именно, на восприятии этих инцидентов в КНР с учетом текущего социально-экономического развития страны и перспектив выстраивания внешнеполитических отношений с Японией и другими странами АТР.

В результате исследования автор приходит к выводу, что «обновление» памяти войне в Китае, начавшееся в 1980-е гг., преследовало цель сплочения нации в условиях кризиса социалистической идеологии в период реализации политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина. Воспитание молодёжи в духе патриотизма, открытие исторических музеев, возобновление научных исследований войны сопротивления и связанные с этим дискуссии в обществе по вопросам исторического прошлого неизбежно способствовали постепенному росту напряженности в отношениях между Пекином и Токио.

Ключевые слова: Китай, Япония, учебники истории, Ясукуни, проблемы исторического прошлого

Vera A. Perminova
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

“New remembering” of the War of Resistance in China in 1980-s.

Summary: The article deals with approaches to interpretation of Sino-Japanese war of resistance in Chinese society, role of economic factors and factors related to foreign and domestic policy in forming “new remembrance” of Sino-Japanese war in China in 1980-s and in the beginning of 1990-s (before Jiang Zemin took a position of President of the PRC). The author focuses on incidents that took place in 1982 (when amendments to the history textbooks in Japan were made) and in 1985 (visit of Prime Minister of Japan to Yasukuni shrine) as a beginning point of further deterioration of relations between Beijing and Tokyo — i. e. perception of these two incidents in China according to contemporary socio-economic development of the country and perspectives of international relations with Japan and other countries of Asian Pacific region.

The author concludes that “renewing” of war remembrance in China, that started in 1980-s, pursued the aim of nation building in the face of crisis of socialistic ideology in the era of Chinese economic reforms led by Deng Xiaoping. Patriotic education, opening of historical museums, new researches of the War of Resistance and caused by these factors discussions about problems of the historical past in Chinese society led to gradual escalation of tensions in Sino-Japanese relations.

Key words. China, Japan, history textbooks, Yasukuni, problems of the historical past

Введение

Проблемы исторического прошлого являются одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения в конце XX и начале XXI вв. Вопросы, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945 гг.), всё ещё остаются весьма болезненными для КНР. Коллективная память об антияпонской войне сформировалась в Китае в условиях сложившейся после окончания Второй мировой войны внешнеполитической ситуации и с учётом потребностей развивать экономическое и торговое сотрудничество с Японией¹. Полагая, что развитие экономических связей естественным образом приведет и к политическому диалогу между странами, руководство КНР не акцентировало внимание на тех сложных вопросах военного прошлого, которые могли бы осложнить двустороннее сотрудничество. Иными словами, проблемы прошлого не должны были стать помехой при нормализации отношений между Пекином и Токио в 1972 г. Однако из-за того, что многие вопросы послевоенного урегулирования так и не были решены, даже после восстановления дипломатических отношений между странами на фоне активной государственной пропаганды необходимости установления «дружбы с миролюбивым японским народом» и популяризации положительного образа Японии как страны, которая встала на путь мирного развития, в Китае в 1980–90-х гг. проявились не только националистические, но и антияпонские настроения, в основе которых лежали неурегулированные вопросы исторического прошлого.

Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий анти-японской войны, роли внешнеполитических, внутривластных и экономических факторов в формировании «обновленной» памяти о войне в КНР в 1980-е и самом начале 1990-х гг. (до вступления Цзян Цзэминя в должность председателя КНР в 1993 г.). Автор сфокусировал внимание на инцидентах 1982 г. (внесение исправлений в японские учебники истории) и 1985 г. (паломничество премьер-министра Японии Я. Накасонэ в синтоистское святилище Ясукуни) как отправных точках дальнейшего осложнения отношений между Пекином и Токио, а именно, на восприятии этих инцидентов в КНР с учетом текущего социально-экономического развития страны и перспектив выстраивания внешнеполитических отношений с Японией и другими странами АТР.

Факторы актуализации проблемных вопросов истории

Появление проблем исторического прошлого на внешнеполитической повестке дня в 80-е и начале 90-х гг. XX в. связано с рядом факторов, среди которых важное

¹ Подробнее о формировании коллективной памяти об антияпонской войне в КНР в 1950–70-е гг. см.: [Перминова, 2021].

место занимает внешнеполитический — это изменение баланса сил в период окончания «холодной войны» и связанная с этим неопределенность в дальнейшей системе безопасности региона АТР. Помимо этого, в отношении Японии этот период связан с укреплением военно-стратегического сотрудничества с США, со стремлением играть на международной арене более активную политическую роль, соответствующую её экономической мощи, и намерением избавиться от «синдрома проигравшей нации», построив более тесные отношения со своими соседями, не будучи обремененной виной за события прошлого. До 1980-х гг. вопрос примирения по проблемным вопросам истории с соседними странами, в прошлом подвергшимися агрессии со стороны Японии в годы войны, не стоял перед японскими властями столь остро. Необходимость в выработке политической основы для сближения с восточноазиатскими странами появилась лишь с началом поиска Токио своей новой глобальной роли и переориентацией своих экономических связей на более тесное сотрудничество со странами АТР. Иными словами, Япония должна была «вернуться» в Азию [Стрельцов, 2022: 210–214].

В Китае в это время продолжалась политика «реформ и открытости», в результате чего постепенный рост экономики стал в 1980-х гг. более заметным для остальных стран, а в 1990-е гг. темпы развития оказались настолько стремительными, что это дало возможность многим экспертам предполагать дальнейшее возвышение КНР как экономической державы. На фоне начинающегося спада в экономике Японии в начале 1990-х гг. значительный подъем Китая постепенно переключал на него внимание мирового сообщества, становясь поводом для амбициозных планов страны в XXI в. Некоторые исследователи видят в сложившейся тогда ситуации совпадение — одновременно и Китай, и Япония в конце XX-го столетия стали занимать сильные позиции в Азии, обе страны претендовали на роль ведущей экономики и обе чувствовали себя вполне уверенно, чтобы не идти на серьезный компромисс по отношению друг к другу [Moore 2010: 285; Rose 2005: 6].

На фоне общих политико-экономических факторов, возникших только в конце XX-го столетия и напрямую повлиявших на актуализацию вопросов исторического прошлого, оставались неурегулированными те вопросы, которые тянулись ещё с периода окончания Второй мировой войны — это разное отношение стран к состоявшемуся Токийскому процессу² и неопределенность во взаимоотношениях Японии со странами Азии по итогам мирной конференции в Сан-Франциско³. Хотя отношения между Японией и Китаем были полностью нормализованы ещё в 1972 г., оставались вопросы, которые никак и нигде не фигурировали в период

² Токийский процесс (Международный военный трибунал для Дальнего Востока), прошедший в 1946–1948 гг. вынес обвинительные приговоры в отношении 25 высокопоставленных чиновников и военных политиков. Император Японии был освобожден от какой-либо ответственности за события военного времени.

³ Страны Корейского полуострова на мирную конференцию в Сан-Франциско приглашены не были, китайскую сторону представляла Китайская Республика (Тайвань). В центре внимания оказались дискуссии о военных преступлениях Японии в отношении западных стран, среди которых главной «пострадавшей стороной» были США.

послевоенного урегулирования, однако получили широкую огласку в условиях изменившейся ситуации в Азии в конце XX в. — в их числе: утилизация оставленного японцами в Северо-Восточном Китае химического оружия, компенсации «женщинам для утешения»⁴. Некоторые эпизоды японского вторжения в Китай, отличавшиеся особой жестокостью, приобрели особую актуальность именно в конце XX в. (Нанкинская резня и проведение опытов с бактериологическим оружием над военнопленными — действия отряда 731).

«Обновление» памяти о войне в КНР в 1980-е гг.

1982 г. стал важной вехой в истории японо-китайских отношений, своеобразным водоразделом, когда проблемы исторического прошлого стали оказывать влияние на взаимодействие между Токио и Пекином. Обычно именно с этого момента учёные [He Yinan 2006; He Yinan 2007; Reilly 2004; Reilly 2011; Rose 1998; Батакова, 2017] начинают рассматривать расхождение в оценках китайской и японской сторонами событий военного времени как проблему. Поводом к охлаждению отношений и предъявлению претензий Токио со стороны Пекина стала публикация в Японии учебников истории, в которых содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японской власти в 1930–40-е гг. XX в., в частности, действия японской армии в период Тихоокеанской войны были названы не «агрессией» (侵略), а «продвижением» (進出), таким образом, в новой версии учебников Япония не «вторглась» в Китай, а «продвинулась» на его территорию. Одобрение министерством образования таких учебников привело к официальным протестам со стороны Пекина, что впоследствии вылилось в кампанию по восстановлению исторической справедливости в ответ на «забвение истории» японской стороной. Для снижения напряженности в отношениях между двумя странами, в нормативную базу по сертификации японских учебников истории было добавлено «положение о соседних странах», согласно которому авторам учебников следовало избегать утверждений, которые могли бы привести дополнительные сложности в отношения Японии со странами Азии по вопросам военного прошлого.

Ещё одно событие, которое вызвало непонимание со стороны Китая — это посещение в августе 1985 г. синтоистского храма Ясукуни, где, как считается, покоятся души японцев, отдавших свою жизнь за родину, премьер-министром Японии Накасонэ Ясучиро⁵. Китайская сторона считает посещение японскими официальными лицами этого храма проявлением безответственной позиции относительно событий

⁴ «Женщины для утешения» (*вэйаньфу* 慰安婦) — женщины, которые были принуждены обслуживать сексуальные потребности солдат японской армии в период Второй мировой войны.

⁵ Визит премьер-министра в Ясукуни был расценен китайской стороной как неуважение к чувствам народов Азии, подвергшихся японской агрессии, ещё и потому, что он состоялся 15 августа — в день, когда в Японии отмечается окончание Второй мировой войны.

своего военного прошлого, поскольку там почитаются, в том числе, и те люди, которые были признаны Международным военным трибуналом для Дальнего Востока военными преступниками (в том числе класса «А»).

«Обновление» в Китае памяти о войне, как называют период 1980–90-х гг. некоторые учёные (“new remembering” [Coble 2007: 402–403]), происходило в период либерализации политической и социо-экономической жизни на фоне реализации политики «реформ и открытости». С 1980-х гг. власти стали более лояльно относиться к тематике научных исследований — это проявилось в пересмотре роли Гоминьдана и армии Чан Кайши в антияпонской войне. Хотя до конца 1970-х гг. тема антияпонского сопротивления не была табуированной — были лишь расставлены акценты на ведущей роли КПК в этой борьбе и на подвиге китайского народа — более детальные исследования военного периода начались именно в 1980-е гг. Дополнительное изучение войны сопротивления и более внимательное отношение к преступлениям японской армии в публикациях 1980–90-х гг. шло параллельно с изменениями в образе Китая и китайского народа в борьбе против японских захватчиков. Если при Мао Цзэдуне центральное место в памяти о войне занимал героизм, проявленный китайским народом в борьбе против Гоминьдана и японских агрессоров, а китайская нация представлялась как сплотившаяся перед внешней угрозой нация-победитель, то в конце 1980-х и особенно в 1990-е гг. на передний план вышла «виктимизация» (от англ. victim — «жертва») Китая — образ страны, жители которой представлялись, в первую очередь, как жертвы агрессии. Ряд ученых [Coble 2011: 396–397; Denton 2007: 1–3; Gries 2004: 43–45; Mitter 2000: 281–282] видят в этом явлении прямую связь с идеологией, которая также претерпела изменения в период реализации политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина. С развитием экономики, где постепенно стали проявляться рыночные отношения, проблема классовой борьбы стала терять свою остроту, так что новой идеей для национального сплочения должна была стать иная, не менее значимая для всего народа проблема, которая объединяла бы всех жителей Китая. Этой идеей стала коллективная память о войне сопротивления. Общая травма — те тяжелые события, которые пришлось пережить китайскому народу в годы войны — стала мощным объединяющим фактором, который способствовал формированию новой национальной самоидентичности китайцев в 1980–90-е гг.⁶

Одним из наиболее тяжелых (и травматичных для сознания людей) эпизодов японо-китайской войны является Нанкинская резня, поэтому неслучайно, что именно эта тема вышла на передний план. Если в первые 30 лет после окончания войны в эпоху Мао Цзэдуна исследования преступлений японской армии не поощ-

⁶ О «виктимизации» памяти о войне в Китае и связанной с этим явлением поиском новой национальной самоидентичности см.: [Denton 2007: 1–2, 6–7; Gries 2005: 43–50; Gries 2005: 845–847; Mitter 2000: 280–281; Rui Gao 2015]. О национальной самоидентификации японцев в послевоенное время см.: [Стрельцов, 2022: 210–214; Молодяков, 2011а: 26–28; Молодяков, 2011b: 189–193].

рялись, а порой пресекались⁷, то в эпоху «реформ и открытости» эта тема перестала быть «неудобной». К числу прочих факторов, создавших благоприятную почву для усиления внимания к преступлениям японской армии, часто относят экономические успехи КНР в 1980–90-е гг. и связанную с этими успехами гордость китайцев за свою страну, так что теперь, с приобретением СМИ некоторой свободы, исследователи могли с большей уверенностью заявлять об исторической несправедливости в отношении Китая, апеллируя к событиям военного времени [Кульнева, 2022: 199]. «Виктимизация» памяти о войне позволяла КНР позиционировать себя как страну, имеющую моральное превосходство над Японией (в прошлом — агрессором) и обладающую моральным правом претендовать на экономическое лидерство в Азии. Страны, входящие в сферу экономического влияния КНР, в таком случае, объединялись бы посредством коллективной памяти о японской агрессии [Denton 2007: 2–3]. Международное «измерение», которое придавали китайские власти вопросам исторического прошлого, прослеживается и в оценке инцидента с учебниками 1982 г. Дэн Сяопин подчеркивал: «Искажение истории в японских учебниках происходит под предлогом того, что внесение таких поправок — дело внутренней политики государства, и поэтому другие страны [якобы] не должны вмешиваться в этот процесс. Именно на этом моменте [нам] нужно сфокусировать свое внимание»⁸.

Анализируя причины охлаждения японо-китайских отношений после инцидента с учебниками истории в 1982 г. и посещения Я. Накасонэ храма Ясукуни в 1985 г. следует обратить внимание на то, что коллективная память о войне к концу 1970-х гг. в Японии и Китае была принципиально разной. Именно это расхождение, по их мнению, привело к тому, что ответная реакция Китая на произошедшие инциденты оказалась несимметричной — неслучайно для японской стороны столь явный протест со стороны КНР оказался неожиданностью.

Если в Китае на протяжении всего послевоенного периода, независимо от внешнеполитической обстановки и динамики внутригосударственного развития, действия японской армии в период войны всегда воспринимались как агрессивные, а жертвой той агрессии считался, в первую очередь, китайский народ, то в Японии все эти вопросы, начиная с 1950-х гг. и до настоящего времени, сохраняют дискуссионный характер. Учебники истории всегда представляли собой поле для противостояния консервативно настроенных чиновников министерства образования (которые настаивали на «патриотическом» взгляде на историю) и прогрессивных

⁷ Известны случаи запрета на публикацию книг, в которых исследовалось вторжение японской армии в Нанкин. В частности, в 1962 году не смогла выйти в печать книга, подготовленная сотрудниками Нанкинского Университета «Японский империализм и резня в Нанкине» (日本帝国主义在南京的大屠杀). Та же участь постигла роман А Лун Аюэ (Чэнь Шоумэй 陈守梅) «Кровавое жертвоприношение Нанкина» (南京血祭) — книга была подготовлена к печати в 1939–1940 гг., однако вышла только в 1987 году.

⁸ Дэн Сяопин лунь чжун жи гуань си [邓小平论中日关系] Дэн Сяопин о японо-китайских отношениях / Chinanews.com.cn. 07.08.2004. URL: <https://www.chinanews.com.cn/news/2004year/2004-08-07/26/469123.shtml> (дата обращения: 01.12.2021).

историков (которые настаивали на признании ошибок военного прошлого) [Стрельцов, 2019: 127]. Порой эти споры доходили до судебных разбирательств⁹. Выход в 1982 г. новых учебников стал результатом усиления консервативных настроений в Японии и важным элементом патриотического воспитания, которое реализовывала укрепившая свои позиции Либерально-демократическая партия (ЛДП). Что касается Китая, то, как отмечают многие исследователи, пересмотр содержания учебников истории в Японии оказался удобным случаем для определения новых акцентов в интерпретации событий военного времени [Wang Zheng 2012: 88; Chan Yang 2018: 45–46; Rose 1998: 70]. В меняющейся обстановке власти решили сделать ставку на патриотическое воспитание, основой которого стала память о подвигах китайского народа в борьбе с японскими захватчиками. Антияпонский подтекст, который просматривался в такой политике, оказался самым удобным инструментом и подходящей основой для сплочения нации и укрепления авторитета властей. Такое сплочение нации рассматривалось руководством КНР ещё и как подготовка к «мирному объединению» материковой и островной частей Китая.

Первым шагом, который подтолкнул общество к более внимательному отношению к своему прошлому, стала публикация в СМИ тех изменений, которые были внесены в японские учебники по истории. С этого момента научное сообщество и средства массовой информации накрыла волна публикаций о преступлениях японской армии в период войны. Важно отметить, что новые исследования с привлечением внимания к самым неприглядным сторонам японского вторжения в Китай проводились в сотрудничестве с учёными из Южной Кореи и США [Reilly 2004: 281]. Специально для изучения периода антияпонского сопротивления в КНР были созданы новые серии журналов¹⁰, открыты новые научные подразделения. Помимо этого, особое внимание руководства было направлено на восстановление уже существующих исторических музеев и открытие новых. В 1985 г. в Нанкине был открыт Мемориальный комплекс в память о жертвах Нанкинской резни, в 1987 г. в Пекине начал работать Музей войны сопротивления китайского народа японским захватчикам, позднее, в 1992 г., в Шэньяне открылся Музей истории 18 сентября. В программу обучения школьников и студентов было добавлено обязательное посещение музеев истории войны. В этот же период в Китае вышел ряд публикаций с воспоминаниями ветеранов, появились новые фильмы о войне. Стоит отметить, что во всех материалах, посвященных войне сопротивления, ответственность за агрессию так же, как и в эпоху Мао Цзэдуна, возлагали на японскую армию и «клику милитаристов» (термины «Япония» и «японский народ» при описании военных преступлений отсутствовали) [Reilly 2011: 470–471]. Дэн Сяопин

⁹ Речь идёт о профессоре Токийского университета Сабуро Иэнага, который в период 1962–1993 гг. судился с министерством образования по поводу даваемых ему рекомендаций по содержанию учебников. [Стрельцов, 2019: 127].

¹⁰ Например, с 1991 г. в Пекине начал выходить журнал «抗日战争研究» («Исследования войны сопротивления японским агрессорам»), созданный в рамках изучения современной истории Академией общественных наук КНР.

неоднократно подчеркивал в своих заявлениях, что японский народ тоже стал жертвой милитаризма [Чжун жи гуань си... 2005: 335–334].

Многие учёные, как западные [Reilly 2011: 470; Chan Yang 2018: 132; Jian Zhang 2007: 24], так и китайские [Лю Яньцзюнь, 2009: 10–11; Сунь Пинхуа, 2009: 8–9], подчёркивают тот факт, что к 1980-м гг. рядовым китайцам было очень мало известно о преступлениях японцев в период войны — причиной этому был строгий контроль государства за распространением информации об этих чувствительных для народа событиях. При этом память о войне сохранялась на региональном уровне, в кругу семьи и в виде индивидуальных воспоминаний [Jian Zhang 2007: 24. Chan Yang 2018: 131–132]. Поэтому китайцам до определённого момента было практически ничего неизвестно об эпизодах антияпонской войны, кроме тех, что непосредственно затронули район их проживания, в СМИ не было информации о посещениях японскими чиновниками храма Ясукуни¹¹, равно как и об активных дискуссиях, которые велись в японском обществе по поводу содержания учебников истории. На фоне отсутствия полной информации о событиях прошлого, а также с учётом столь стремительного сближения с Японией и «потепления» японо-китайских отношений после их нормализации в 1972 г., инициированная государством волна новых публикаций, которая показывала в неприглядном свете действия японцев, привела к росту национализма в Китае, что впоследствии стихийно перерастало во всё более явные антияпонские настроения в обществе. Несомненно, такому явлению способствовала и обновленная система образования с уклоном в патриотическое воспитание молодёжи — примеры преступных действий японской армии на оккупированных территориях на фоне героизма китайского народа не были дополнены информацией о послевоенном мирном развитии Японии [Jian Zhang 2007: 24; Friedman 2000: 100–101, Gustafsson 2015: 127–128].

О довольно резком контрасте в освящении событий войны, которое пришлось воспринимать обществу, можно говорить и применительно к Японии. Большой объём новых публикаций за рубежом о «зверствах» японского милитаризма и внезапные требования китайской стороны признать Токио ответственность за агрессивные действия в Азии сильно контрастировали с восприятием этих событий внутри Японии — на фоне нового курса правительства на «патриотическое воспитание» дискуссии по поводу интерпретации военных событий, казалось, уже уходили в прошлое, всё больше прослеживалось намерение японского общества отойти от «мазохистского» понимания собственной истории¹².

Ещё одной причиной, по которой публикация новой версии японских учебников по истории стала отправной точкой для длительного осложнения отношений между Пекином и Токио, было нежелание руководства обеих стран пойти на встречу друг другу и начать совместное исследование спорных вопросов истории. Отвечающий

¹¹ Известно, что японские политики периодически наносили визиты в этот храм на протяжении всего послевоенного периода. Подробнее см.: [Молодякова, 2017].

¹² О восприятии военного прошлого в Японии и месте этих проблем во внутривосточном дискурсе подробнее см.: [Нелидов, 2020].

внутриполитическим запросам уклон в националистические настроения в 1980-х гг., как в одной, так и в другой стране, помешал начать кампанию по написанию единого учебника истории¹³. В этой связи посещение японским премьер-министром храма Ясукуни вскоре после публикации новых учебников дало очередной повод китайцам усомниться в том, что Япония помнит войну и подкрепило нарастающие антияпонские настроения. В результате, вместо совместных исследований обе страны ударились в крайние оценочные суждения по поводу событий прошлого. Если с японской стороны это выражалось в «приукрашивании» политики властей военного времени, то с китайской стороны это проявлялось в стремлении представить картину событий в максимально тёмных красках, впоследствии всё больше увеличивая оценки ущерба от военного вторжения. Впрочем, как замечают некоторые исследователи, государственная политика патриотического воспитания и рост национализма, как в КНР, так и в Японии, явились не первопричиной, а лишь катализатором осложнения отношений. Первопричина же заложена в специфике памяти о войне и восприятии самой сущности этой войны в обществах двух стран [Rose 2001: 169–181].

Хотя политика властей, направленная на воспитание у молодёжи чувств патриотизма и национального единения, по факту приводила к росту антияпонских настроений, целью этой просветительской политики была не антияпонская риторика сама по себе, а стремление китайского руководства сплотить нацию, укрепить престиж КПК и подтвердить авторитет власти в ходе модернизации страны. Эмоциональная составляющая идеи сплочения нации на основе антияпонских настроений дополнительно усиливала осознание китайским народом необходимости следования курсу КПК. Это было особенно важно для руководства после разгона демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда КНР была, казалось, на пороге новой международной изоляции.

Вместе с тем, в период 1980-х гг. власти КНР не стремились к эскалации напряжённости в двусторонних отношениях, и параллельно с выражением официальных протестов японской стороне в связи с инцидентами в 1982 г. и в 1985 г., акцентировали внимание на той части японского общества, которое не поддерживало внесение поправок в учебники истории и критиковало министерство образования за такой шаг. Дэн Сяопин во время встреч с японскими парламентариями (1987, 1988 гг.) хотя и отмечал, что больше всего страданий китайскому народу причинила именно Япония, и проявлял озабоченность в связи с тем, что именно японская сторона стала инициатором осложнения двусторонних отношений, тем не менее, подчеркивал, что тех, кто придерживается ревизионистских взглядов, в Японии крайне мало¹⁴. Премьер Госсовета Чжао Цзыян во время беседы с премьер-министром Я. Накасонэ

¹³ Такие попытки были сделаны гораздо позднее — начиная с 2006 г. и в течение последующих трёх лет работала совместная комиссия китайских и японских историков с целью выработки единого подхода к освещению событий Второй мировой войны.

¹⁴ Жи бэнь цянь чжун го цзуй до [日本欠中国最多] Япония более всех в долгу перед Китаем / Жэнь минь жи бао. 08.08.2004. URL: <http://japan.people.com.cn/2004/8/8/200488120916.html> (дата обращения: 01.12.2021).

в Пекине в 1984 г. отмечал: «Мы убеждены, что политика в области национальной безопасности, проводимая кабинетом Накасонэ, не является милитаристской. В Японии крайне мало тех, кому близки идеи милитаризма, и к политике официальных властей это не имеет никакого отношения»¹⁵. После посещения Я. Накасонэ храма Ясукуни в августе 1985 г. Дэн Сяопин во время беседы с министром иностранных дел Японии Абэ Синтаро, состоявшейся тремя месяцами позже, призвал японских лидеров отказаться от провокационных действий в отношении Китая: «Для Японии не составляет труда не совершать такие поступки, которые провоцируют осложнение двусторонних отношений [...] В случае, если Япония откажется от провокационных действий, двусторонние политические и экономические отношения могли бы развиваться стабильно. Истинное взаимопонимание состоит именно в этом»¹⁶. Важно отметить, что в сентябре следующего года Я. Накасонэ объявил о том, что впредь не будет совершать паломничество в храм Ясукуни, а в ноябре состоялся его следующий визит в Пекин, во время которого вопросы исторического прошлого не поднимались [Kraus 2014].

Противоречия, связанные с проблемами военного прошлого, в период 1980-х гг., очевидно, способствовали определенному охлаждению отношений между Пекином и Токио, однако к долгосрочным дипломатическим осложнениям инциденты 1982 и 1985 гг. не привели. В этот период КНР в меньшей степени беспокоилась о возможной милитаризации Японии и в условиях сохраняющегося советско-китайского противостояния была не против японо-американского сближения и не против создания Японией собственных вооруженных сил [Kraus 2014]. Таким образом, вопросы исторического прошлого оказались в тени более насущных проблем того времени, однако по мере того, как дискурс «холодной войны» терял свою актуальность, память о войне и связанные с ней противоречия в японо-китайских отношениях стали проявляться всё чётче.

Выводы

Подводя итог можно сказать, что «обновление» памяти об антияпонской войне в Китае, начавшееся в 1980-е гг., преследовало цель сплочения нации в условиях кризиса социалистической идеологии в период реализации политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина. Воспитание молодёжи в духе патриотизма, открытие исторических музеев, возобновление научных исследований войны сопротивления и связанные с этим дискуссии в обществе по вопросам исторического прошлого неизбежно способствовали постепенному росту напряженности

¹⁵ Prime Minister Visit to China (Summit Meeting — Bilateral Relations). March 24, 1984. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119547> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁶ Дэн Сяопин жу хэ на не, чу ли чжун жи гуань си чжун дж ли ши вэнь ти [邓小平如何拿捏、处理中日关系中的历史问题] Как Дэн Сяопин решает проблемы исторического прошлого в японо-китайских отношениях / News.sohu.com. 23.08.2004. URL: <http://news.sohu.com/20040823/n221691214.shtml> (дата обращения: 01.12.2021).

в отношениях между Пекином и Токио. Дополнительным стимулом к продолжению китайскими властями кампании по восстановлению исторической справедливости стали провокационные действия японской стороны — инцидент с внесением поправок в учебники истории в 1982 г. и визит премьер-министра Я. Накасонэ в храм Ясукуни в 1985 г. И хотя каждый из этих инцидентов можно считать исчерпанным (в отношении учебников было принято «положение о соседних странах», а паломничество в храм Ясукуни Я. Накасонэ обещал больше не совершать), однако сам факт того, что некоторой части японской общественности близки идеи ревизионизма, давал повод Пекину постоянно напоминать о том, какими бедами обернулась милитаризация Японии в прошлом. В целом, руководство КНР в 1980-е гг. достаточно сдержанно относилось в возникающим с Токио противоречиям (Дэн Сяопин в связи с инцидентами 1982 и 1985 гг. указывал, что каждая из этих проблем по отдельности вполне решаема, однако если они не разрешаются, а накапливаются, то они будут формировать общую тенденцию на пересмотр событий прошлого¹⁷), поэтому серьезного осложнения двусторонние политические и, тем более, экономические отношения не получили. Вместе с тем, общий эмоциональный фон в связи с обсуждением событий войны сопротивления, сформировавшийся в китайском обществе к концу 1980-х гг., был скорее антияпонским. Наиболее ярким и точным описанием восприятия китайской общественностью Японии и японцев в этот период могут служить выдержки из дневниковых записей известного китаевода Ю.В. Чудодеева, составленные им в период его стажировки в Фуданьском университете (г. Шанхай) в 1985–1986 гг.:

«Где-то в глубине китайской души запрятано чувство неприязни к японцам. Да, все признают необходимость развития экономических связей с Японией, на словах готовы в пропаганде кричать о дружбе на века, но в душе японцев не любят. На улице им не расточают улыбок, с ними не здороваются, их стараются не замечать. Да и те, судя по всему, не чувствуют себя уверенно и уютно в Китае. Парень из Нанкина прямо сказал мне, что китайский народ ненавидит японцев. И это он говорил, несмотря на пропагандистскую шумиху о японо-китайской дружбе!» [Чудодеев, 2014: 71].

Список литературы

1. *Батакова А. А.* Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX — начало XXI вв.) Дисс. на соискание уч.ст.к.и.н. Москва, 2017.
2. *Кульнева П. В.* Вопросы исторического прошлого на повестке дня современных японо-китайских отношений. Гл. 5. / Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. С. 161–206.

¹⁷ Жи бэнь цянь чжун го цзуй до...

3. *Лю Яньцзюнь*. Нань цзин да ту ша дэ ли ши цзи и. [刘燕军。南京大屠杀的历史记忆]. Историческая память о Нанкинской резне // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2009. Вып. 4. С. 5–22. (на кит.яз.)
4. *Молодяков В.Э.* Японская идея: от «национальной науки» к «рисовой цивилизации». Гл. 1. / Япония в меняющемся мире. М., 2011. С. 6–33.
5. *Молодяков В.Э.* Историческая память японцев. Гл. 7. / Япония в меняющемся мире. М., 2011. С. 189–208.
6. *Молодякова Э.В.* «Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует / В сб.: Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные труды 2000–2016 гг. Под ред. В.Э. Молодякова, Е.Л. Катасоновой. М.: ИВ РАН, 2017. С. 179–192.
7. *Нелидов В.В.* Проблемы исторического прошлого в японской общественно-политической жизни // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010390-8-1/> DOI: 10.18254/S207987840010390-8.
8. *Перминова В.А.* Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х — начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 4: Востоковедение. С. 80–90. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-4-80-90.
9. *Стрельцов Д.В.* Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея / Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 119–136.
10. *Стрельцов Д.В.* «Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии. Глава 6. / Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. С. 207–238.
11. *Сунь Пинхуа*. Чжун жи ю хао суй сян лу. [孙平化。中日友好随想录]. Размышления о японо-китайских дружественных отношениях. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2009. (на кит.яз.)
12. Чжун жи гуань си бао гао [中日关系报告] Японо-китайские отношения. / Ред. Фэн Чжаокуй [冯昭奎], Линь Чан [林昶]. Пекин: Миньчжу юй цзяньшэ чубаньшэ, 2005. (на кит.яз.)
13. *Чудодеев Ю.В.* Китай начала реформ. Дневниковые записи 1985–1986 гг. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. 2014. № 10. С. 65–71.
14. *Chan Yang*. World War Two legacies in East Asia. China remembers the war. London, New York: Routledge, 2018.
15. *Coble P.M.* China’s “new remembering” of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945 // The China Quarterly. 2007. No. 190. P. 394–410.

16. *Coble P.M.* Writing about atrocity: Wartime accounts and their contemporary uses // *Modern Asian Studies*. 2011. Vol. 45. No. 2. P. 379–398.
17. *Denton K.A.* Negotiating the memory of Japanese imperialism in Chinese museums // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. 2007. Vol. 5. Is. 10. P. 1–29.
18. *Friedman E.* Preventing War between China and Japan. Chapter 4 // *What if China doesn't democratize: implications for war and peace*. Ed. E. Friedman, B.L. McCormic. Armonk: ME Sharpe, 2000. P. 99–128.
19. *Gries P.* *China's New Nationalism: Pride, Politics, and Diplomacy*. Berkeley: University of California Press, 2004.
20. *Gries P.* China's 'New Thinking' on Japan // *The China Quarterly*. 2005. No. 184. P. 831–850.
21. *Gustafsson K.* Identity and recognition: remembering and forgetting the post-war in Sino-Japanese relations // *The Pacific Review*. 2015. Vol. 28. Is. 1. P. 117–138. DOI: 10.1080/09512748.2014.970053.
22. *He Yinan.* National mythmaking and the problems of history in Sino-Japanese relations / *Japan's Relations with China: Facing a Rising Power*. Ed. P.E. Lam. London: Routledge, 2006. P. 69–77.
23. *He Yinan.* Remembering and forgetting the war: elite mythmaking, mass reaction, and Sino-Japanese relations // *History and Memory*. 2007. Vol. 19. No. 2. P. 43–74.
24. *Jian Zhang.* The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations / *China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past?* Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. P. 15–34.
25. *Kraus C., Radchenko S., Kanda Yu.* More Friends than Foes: Sino-Japanese Relations in 1984 / *Cold War International History Project e-Dossier*, The Woodrow Wilson International Center for Scholars. 27.03.2014. URL: www.wilsoncenter.org/publication/more-friends-foes-sino-japanese-relations-1984
26. *Mitter R.* Behind the scenes at the museum: nationalism, history and memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997 // *The China Quarterly*. 2000. No. 161. P. 279–293.
27. *Moore G.J.* History, nationalism and face in Sino-Japanese relations // *Journal of Chinese Political Science*. 2010. No. 15. P. 283–306.
28. *Reilly J.* China's history activists and the war of resistance. History in the making // *Asian Survey*. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 276–294.
29. *Reilly J.* Remember history, not hatred: Collective Remembrance of China's War of Resistance to Japan // *Modern Asian Studies*. 2011. Vol. 45. No. 2. (China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy). P. 463–490.

30. *Rose C.* Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case-Study in political decision-making. London: Routledge, 1998.
31. *Rose C.* Patriotism is not taboo: nationalism in China and Japan and implications for China-Japan relations // *Japan forum*. 2001. Vol. 12. P. 169–181.
32. *Rose C.* Sino-Japanese Relations: Facing the Past, Looking to the Future? London, New York: RoutledgeCurzon, 2005.
33. *Rui Gao.* Cacophonous memories of the war: revision of the official narrative on the War of Resistance against Japan in post-Mao China and its limitations. Chapter 2. / Ed. By M. Kim. *Routledge Handbook of Memory and Reconciliation in East Asia*. L.: Routledge, 2015. P. 26–46.
34. *Wang Zheng.* Never forget national humiliation: historical memory in Chinese politics and foreign relations. N.Y.: Columbia University Press, 2012.

References

1. Batakova A. A. Problems of history past in Japan's relations with East Asia (the end of XXth — early XXIst century) PhD dissertation (History science). Moscow, 2017. (in Russ.)
2. Chan Yang. *World War Two legacies in East Asia. China remembers the war*. London, New York: Routledge, 2018.
3. Chudodeev Yu. V. China in the period of reforms. Diary 1985–1986. Part I. *Asia and Africa Today*. 2014, no. 10, pp. 65–71. (in Russian)
4. Coble P.M. China's "new remembering" of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945. *The China Quarterly*. 2007, no. 190, pp. 394–410.
5. Coble P.M. Writing about atrocity: Wartime accounts and their contemporary uses. *Modern Asian Studies*. 2011, vol. 45, no. 2, pp. 379–398.
6. Denton K. A. Negotiating the memory of Japanese imperialism in Chinese museums. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. 2007, vol. 5, is. 10, pp. 1–29.
7. Friedman E. Preventing War between China and Japan. Chapter 4. *What if China doesn't democratize: implications for war and peace*. Ed. E. Friedman, B.L. McCormic. Armonk: ME Sharpe, 2000, pp. 99–128.
8. Gries P. *China's New Nationalism: Pride, Politics, and Diplomacy*. Berkeley: University of California Press, 2004.
9. Gries P. China's 'New Thinking' on Japan. *The China Quarterly*. 2005, no. 184, pp. 831–850.
10. Gustafsson K. Identity and recognition: remembering and forgetting the post-war in Sino-Japanese relations. *The Pacific Review*. 2015, vol. 28, is. 1, pp. 117–138. DOI: 10.1080/09512748.2014.970053.

11. He Yinan. National mythmaking and the problems of history in Sino-Japanese relations / *Japan's Relations with China: Facing a Rising Power*. Ed. P.E. Lam. London: Routledge, 2006, pp. 69–77.
12. He Yinan. Remembering and forgetting the war: elite mythmaking, mass reaction, and Sino-Japanese relations. *History and Memory*. 2007, vol. 19, no. 2, pp. 43–74.
13. Jian Zhang. The influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations / *China-Japan relations in the twenty-first century: creating a future past?* Ed. Michael Heazle, Nick Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007, pp. 15–34.
14. Kraus C., Radchenko S., Kanda Yu. *More Friends than Foes: Sino-Japanese Relations in 1984*. Cold War International History Project e-Dossier, The Woodrow Wilson International Center for Scholars. 27.03.2014. URL: www.wilsoncenter.org/publication/more-friends-foes-sino-japanese-relations-1984
15. Kulneva P.V. Problems of the historical past on the agenda of contemporary Sino-Japanese relations. Chapter 5. *Problems of the historical past in relations between Japan and neighboring countries*. Ed. D.V. Strel'tsov. Moscow: Aspekt Press. 2022, pp. 161–206. (in Russian)
16. Liu Yanjun. Nan jing da tu sha de li shi ji yi [刘燕军。南京大屠杀的历史记忆]. The historical memory of the Nanjing Massacare. *Kangri zhanzheng yanjiu*, 2009, no. 4, p. 5–22. (in Chinese)
17. Mitter R. Behind the scenes at the museum: nationalism, history and memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997. *The China Quarterly*. 2000, no. 161, pp. 279–293.
18. Molodiakov V.E. Japanese idea: from “national science” to “rice civilization”. Chapter 1. *Japan in changeable world*. Moscow, 2011, pp. 6–33. (in Russian)
19. Molodiakov V.E. Historical memory of the Japanese. Chapter 7. *Japan in changeable world*. Moscow, 2011, pp. 189–208. (in Russian)
20. Molodiakova Eu.V. “Problem of Yasukuni shrine”: to be continued. *Japan: Conservators' Total Victory. Selected Writings 2000–2016*. Ed. by V.E. Molodiakov, E.L. Katasonova. Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, pp. 179–192. (in Russian)
21. Moore G.J. History, nationalism and face in Sino-Japanese relations. *Journal of Chinese Political Science*. 2010, no. 15, pp. 283–306.
22. Nelidov V.V. Problems of Historical Past in Japanese Social and Political Life. *ISTORIYA*. 2020, v. 11, is. 12 (98), part I. [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010390-8-1/> (circulation date: 21.12.2020). DOI: 10.18254/S207987840010390-8 (in Russian)
23. Perminova V.A. War Remembrance in China and Its Influence on Sino-Japanese Relations in the 1950s — Early 1980s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*,

- 2021, vol. 20, no. 4: *Oriental Studies*, pp. 80–90. DOI 10.25205/1818–7919–2021–20–4–80–90 (in Russian)
24. Reilly J. China’s history activists and the war of resistance. *History in the making. Asian Survey*. 2004, vol. 44, no. 2, pp. 276–294.
  25. Reilly J. Remember history, not hatred: Collective Remembrance of China’s War of Resistance to Japan. *Modern Asian Studies*. 2011, vol. 45, no. 2. (*China in World War II, 1937–1945: Experience, Memory, and Legacy*), pp. 463–490.
  26. Rose C. *Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case-Study in political decision-making*. London: Routledge, 1998.
  27. Rose C. Patriotism is not taboo: nationalism in China and Japan and implications for China-Japan relations. *Japan forum*. 2001, vol. 12, pp. 169–181.
  28. Rose C. *Sino-Japanese Relations: Facing the Past, Looking to the Future?* London, New York: RoutledgeCurzon, 2005.
  29. Rui Gao. Cacophonous memories of the war: revision of the official narrative on the War of Resistance against Japan in post-Mao China and its limitations. Chapter 2. / Ed. By M. Kim. *Routledge Handbook of Memory and Reconciliation in East Asia*. L.: Routledge, 2015, pp. 26–46.
  30. Streltsov D.V. Problems of history past in Japan’s relations with China and Republic of Korea. *Transformation of foreign relations South-East Asia and national interests of Russia*. Ed. A.V. Torkunov, D.V. Strel’tsov. Moscow: Aspekt Press, 2019, p. 119–136. (in Russian)
  31. Streltsov D.V. “The Diplomacy of apologies” in relations between Japan and East Asian countries. Chapter 6. *Problems of the historical past in relations between Japan and neighboring countries*. Ed. D.V. Strel’tsov. Moscow: Aspekt Press. 2022, pp. 207–238.
  32. Sun Pinghua. *Zhong ri you hao sui xiang lu*. [孙平化。中日友好随想录]. *Thinking about Sino-Japanese relations*. Shenyang, Liaoning renmin publishing, 2009, 449 p. (in Chinese)
  33. Wang Zheng. *Never forget national humiliation: historical memory in Chinese politics and foreign relations*. New York: Columbia University Press, 2012.
  34. Zhong ri guan xi bao gao. [中日关系报告] Sino-Japanese relations. / Ed. By Feng Zhaokui [冯昭奎], Lin Chang [林昶]. Beijing: Minzhu yu jianshe chubanshe, 2005. (In Chinese).

Информация об авторе:

Вера Александровна Перминова — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

Email: verger177@yandex.ru

Author's Information

Vera A. Perminova — researcher, PhD (History). Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Email: verger177@yandex.ru

**ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

Том 2
часть 1

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA**

Vol 2
part 1

Публикация в авторской редакции
Корректор Добрева О.С.
Верстка Чижов Д.Н.
Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала д. 199-201
Формат 60×90 /8
Печ. л. 18,5. Тираж 100 экз. Заказ № 465

ISBN 978-5-6048982-2-2
ISBN 978-5-6048982-3-9 – (часть 1)

Заказ № 466